

14 ДЖОН ГОЛСУОРСИ

ДЖОН
ГОЛСУОРСИ

ДЖОН
ГОЛСВОРСИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 14

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • МОСКВА • 1962

**Перевод с английского
под редакцией
И. Бернштейн,**

ДРАМАТУРГИЯ

СЕРЕБРЯНАЯ КОРОБКА

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Бартвик, член парламента, богатый либерал.

Миссис Бартвик, его жена.

Джек Бартвик, их сын.

Роупер, поверенный.

Миссис Джонс, поденщица в доме Бартвика.

Марлоу, дворецкий.

Уилер, горничная.

Джонс, муж миссис Джонс, незваный гость в доме Барт-
виков.

Миссис Седон, квартирная хозяйка Джонсов.

Сноу, агент сыскной полиции.

Судья.

Незнакомка.

Две маленькие бездомные девочки.

Ливенз, их отец.

Инспектор попечительства о бедных.

Секретарь суда.

Судебный пристав.

Полисмены, клерки и проч.

Время действия — начало XX века. Первое и второе действия про-
исходят во вторник на пасхальной неделе. Третье действие —
в следующую среду.

Действие первое. Сцена 1 — Столовая в доме Бартвика.

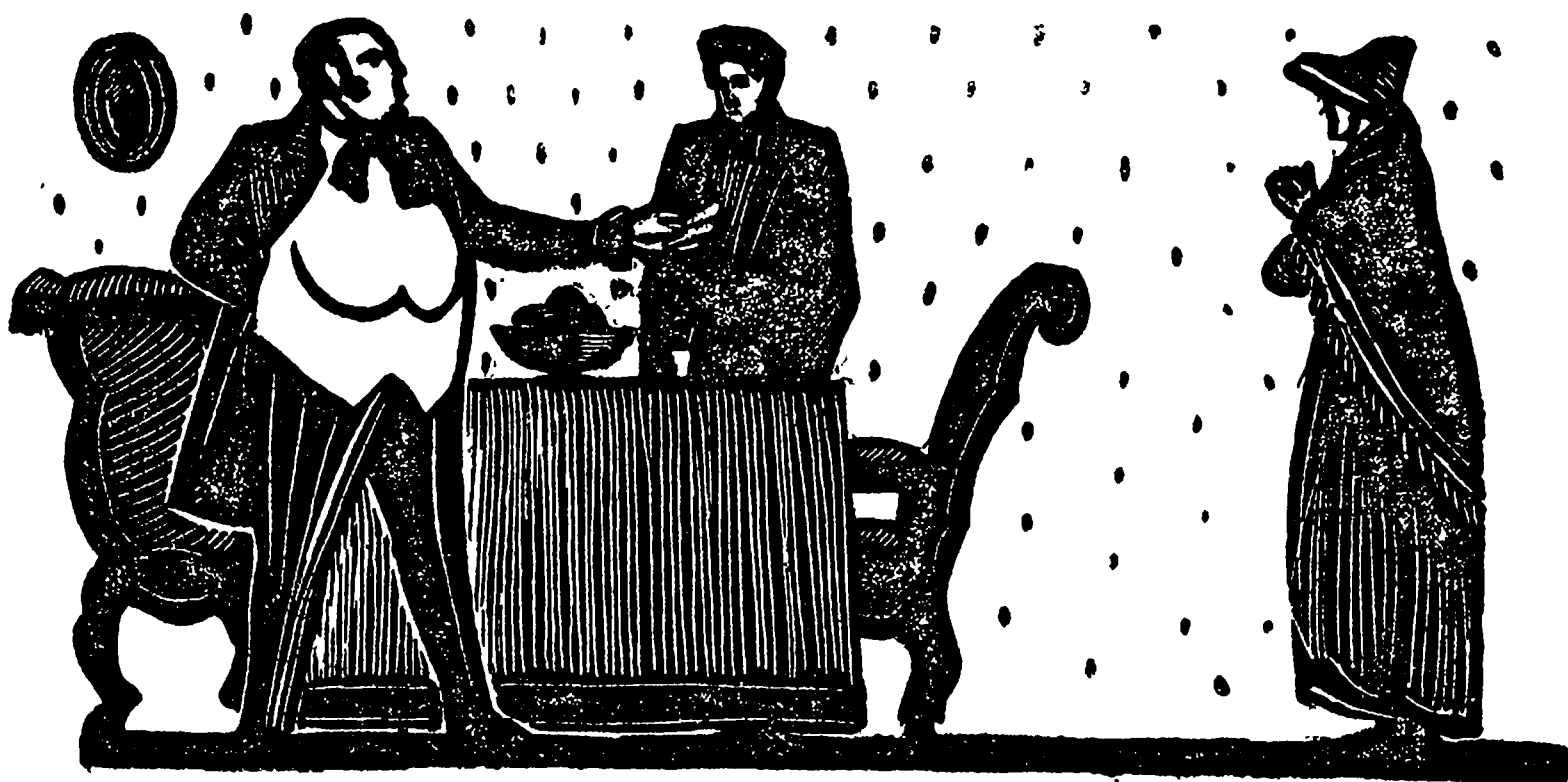
Сцена 2 — там же.

Сцена 3 — там же.

Действие второе. Сцена 1 — Комната Джонсов.

Сцена 2 — Столовая в доме Бартвика.

Действие третье. — Лондонский полицейский суд.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Столовая в доме Джона Бартвика. Большая, хорошо обставленная комната в современном стиле. Шторы задернуты. Горит электричество. На большом круглом обеденном столе — поднос, на нем виски, сифон и серебряная коробка для папирос. Первый час ночи. За дверью слышна какая-то возня, затем дверь стремительно распахивается, и в комнату вваливается Д ж е к Б а р т в и к. Чтобы не упасть, он хватается за ручку двери и стоит, глядя в пространство, с блаженной улыбкой на лице. Он во фраке и цилиндре, в руке у него голубая бархатная дамская сумочка. Его чисто выбритое мальчишеское лицо покрыто румянцем. Через руку перекинута пальто.

Д ж е к. Привет! В-вот я и д-дома! (С вызовом.) Кто говорит, что мне самому было не открыть! (Шатаясь, делает несколько шагов, вертя в руках сумочку. Оттуда вываливается дамский носовой платок и кошелек из красного шелка.) Так ей, черт побери, и надо... в-валится все. У, подлая кош-шка! Я ее проучил — забрал ее сумку. (Размахивает сумочкой.) Так ей и надо, черт по-побери. (Берет из коробки папиросу и сует в рот.) Фу ты, я же ничего не дал этому парню. (Роется по очереди во всех карманах и вытаскивает шиллинг. Монета падает и закатывается куда-то. Ищет ее.) Проклятый шиллинг! (Снова шарит у себя в карманах.) Черная неб-небла-неблаго-

дарность! Ровным счетом ничего... (Смеется.) Нужно сказать ему, что у меня аб-абсолютно ничего нет...

Шатаясь, выходит из комнаты, исчезает в коридоре и возвращается в сопровождении Д ж о н с а, который тоже нетверд на ногах. Джонсу лет тридцать, у него впалые щеки, темные круги под глазами, поношенная одежда. Видимо, он безработный. Он входит озираясь.

Шшш... Только не шуметь... Что угодно — т-только не шуметь!.. Закройте дверь и про-пус-стите глоточек, (С пьяной серьезностью.) Вы помогли мне открыть дверь, а у меня для вас н-ни-чего нет. Это мой дом. Моего отца зовут Бартвик, он член парламента, либерал, я вам уже гов-ворил. Выпейте глоточек. (Наливает виски и залпом выпивает сам.) Я не ппъ-ян. (Опускаясь на диван.) Все нор-нормально. Как вас зовут? Меня зовут Ба-абартвик, и моего отца — тоже. Я тоже либ-либерал, а в-вы?

Д ж о н с (хриплым голосом, иронически). Я, будь оно все неладно, консерватор. Звать Джонс. Моя жена работает у вас. Она поденщица, она здесь работает.

Д ж е к. Джонс? (Смеется.) У нас в колледже тоже есть Джонс... Я-то не социалист, я либерал, да это одно... почти одно и то же, потому что принципы либ-либералов... Все равны перед законом! Че-чепуха, глупости. (Смеется.) Что я хотел с-сказать? Передайте мне виски.

Джонс наливает ему виски и добавляет воды из сифона.

Да, я хотел вам с-сказать — мы с ней поцапались. (Размахивает сумочкой.) Выпейте глот-точек, Джонс. Мне не попасть бы в дом, ес-если бы не вы, потому-то я вас и у-угощ-щаю. Наплевать, пускай все знают, что я ее проучил. Кошка! (Укладывается с ногами на диван.) Делайте что хотите, только вы того... тих-хо!.. Нал-лейте себе еще стаканчик, налейте хор-роший, бо-большой, преее-большой ста-кан, берите папиросу.. бери-ите все, что хотите. Я не попал бы в дом, если бы не вы. (Закрывая глаза.) Вы т-тори... вы консерватор-социалист... А я либ-берал... Выпейте глоточек... Я слав-вный малый... (Голова у него откидывается, и, улыбаясь, он засыпает.)

Джонс стоит некоторое время, глядя на него, затем хватает стакан Джека и допивает виски. Берет лежащую на груди у Джека сумочку, подносит ее к свету, нюхает.

Джонс. Шатался по крышам и выдрал у своей кошечки шерстки клоч. (Запихивает сумочку Джеку во внутренний карман фрака.)

Джек (бормочет). Я тебя проучил! Ты... к-кошка!

Джонс (настороженно озирается, наливает виски и пьет. Берет из серебряной коробки папиросу, затягивается, снова отпивает несколько глотков виски. Теперь он уже совершенно пьян). Жирно живут! (Видит на полу кошелек.) Еще клочок шерстки. Кис, кис! (Поднимает его, кидает на поднос и смотрит на Джека.) Теленок! Откормленный телец! (Видит свое отражение в зеркале. Подняв руку и растопылив пальцы, пристально вглядывается в него, затем снова смотрит на Джека, сжав кулак, как будто готов обрушить его на улыбающееся во сне лицо. Резким движением опрокидывает остатки виски в стакан и выпивает. Хитро посмеиваясь, берет серебряную коробку и кошелек и засовывает себе в карман.) Проучил! А я тебя проучу, вот что. (Из его груди вырывается глуховатый смех, и он, шатаясь, идет к выходу. Плечом задевает выключатель, свет гаснет.)

Слышен звук захлопнувшейся наружной двери.

Занавес падает и немедленно поднимается снова.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Декорации те же. Джек все еще спит. Сквозь шторы в комнату проникает дневной свет. Половина девятого утра. В комнату быстрым шагом входит Уилер с совком для мусора; за ней — миссис Джонс. Она идет медленно, в руке у нее ведро с углем.

Уилер (отдергивая шторы). Ваш драгоценный муженек, миссис Джонс, заходил вчера за вами после того, как вы ушли. Верно, хотел отобрать у вас деньги себе на выпивку. Он целыми днями болтается здесь за углом. Вчера вечером я ходила на почту и видела его возле «Козы с бубенчиками». На вашем месте я бы не стала с ним жить. Я бы не стала жить с человеком, который поднял на меня руку. Я бы ему этого не спустила. Почему вы не заберете детей и не уйдете от него? Будете потакать ему, он еще хуже станет. По-моему, если человек на тебе

женился, это еще не значит, что он может тебя колотить.

Миссис Джонс (стройная, темноглазая и темноволосая женщина, с тонким овалом лица. У нее мягкий, спокойный, ровный голос, сдержанные манеры. О чем бы она ни говорила, кажется, что к ней лично это не имеет никакого отношения. На ней синее платье из бумажной ткани и дырявые башмаки). Он вчера вернулся чуть не в два часа ночи и совсем не в себе... Прогнал меня с постели и поколотил; он вроде бы не понимал, что говорит и делает. Само собой, я бы от него, конечно, ушла, да боюсь, как бы он надо мной чего не сотворил. Он ведь вовсе шалый, когда он... вот так, не в себе.

Уилер. Почему вы не упрячете его за решетку? У вас не будет и минуты покою, пока вы от него не избавитесь. На вашем месте я бы завтра же пошла в полицейский суд. Вот как бы я поступила.

Миссис Джонс. Само собой, мне бы и надо пойти, потому как он очень уж плохо со мной обращается, когда он не в себе. Но вы знаете, Беттина, больно тяжело ему приходится: он уже два месяца без работы и совсем извелся за это время. Когда у него есть работа, он не в пример лучше. А вот когда нет, от него всего жди.

Уилер. Ну, если вы будете сидеть сложа руки, вы никогда от него не избавитесь.

Миссис Джонс. Само собой, мне нелегко. Я почти не сплю по ночам. И помощи от него я тоже никакой не вижу: ведь зарабатывать на детей и на всех нас должна я. А он еще говорит на меня всякие страсти, говорит, будто за мной вечно таскаются мужчины и будто я сама приманиваю. А этого никогда не бывало, со мной еще ни один мужчина не заговаривал. И, само собой, все наоборот. Как раз он-то и таскается бог знает где, вот в чем мое горе. А он еще грозит перерезать мне горло, если я от него уйду. Это все потому, что он пьет, изводит себя всякими мыслями, а так он неплохой человек. Иногда он совсем по-хорошему со мной разговаривает, да я такого от него натерпелась, что нет у меня охоты отвечать ему. Так что я молчу. И с детьми он ласков, — конечно, когда он в себе...

Уилер. Когда он не пьян, красавчик, вы хотите сказать.

Миссис Джонс. Да. (Тем же тоном.) На диване спит молодой хозяин.

Обе в молчании смотрят на Джека.

(После паузы, своим обычным мягким голосом.) Похоже, что они немного не в себе.

Уилер. Шалопай, вот что он такое. Я уверена, что он хватил вчера вечером почище вашего муженька. Этот тоже пьет потому, что он без работы. Ну, не работают они по разным причинам. Пойду скажу Марлоу. Это его дело. (Уходит.)

Миссис Джонс становится на колени и начинает тихонько сметать мусор.

Джек (просыпаясь). Кто здесь? Что такое?

Миссис Джонс. Это я, сэр, миссис Джонс.

Джек (садится и озирается вокруг). Где я?.. Который... который час?

Миссис Джонс. Скоро девять, сэр.

Джек. Девять? Как!.. Не может быть! (Поднимается, ворочает во рту пересохшим языком, прикладывает руку к голове и пристально смотрит на миссис Джонс.) Послушайте-ка, миссис... миссис Джонс... вы, знаете, никому не говорите, что застали меня здесь.

Миссис Джонс. Нет, сэр, само собой, не скажу, сэр.

Джек. Это совершенно случайно. Сам не пойму, как это вышло. Должно быть, я забыл лечь в постель. Странно. У меня дьявольски болит голова. Так вы ничего не говорите, миссис Джонс.

Выходит, сталкиваясь в дверях с Марлоу. Марлоу молод, держится спокойно; он чисто выбрит, волосы зачесаны кверху, образуя кок. Он прежде всего человек, хотя случай и сделал его дворецким. Он смотрит на миссис Джонс и выразительно улыбается.

Марлоу. Не в первый, да и не в последний раз. Маленько подвыпил, а, миссис Джонс?

Миссис Джонс. Да, похоже, что они немножко не в себе... Я, само собой, не приглядывалась особенно.

Марлоу. Вы к этому привыкли. Как ваш?

Миссис Джонс (мягко, как и прежде). Нынче ночью он был совсем никуда, вроде и не соображал, что делает. Пришел поздно и выражался дурными словами. Сейчас-то он, само собой, спит.

Марлоу. Это он так ищет работу, а?

Миссис Джонс. Вообще-то он уходит рано утром и, когда приходит, прямо с ног валится от усталости. Само собой, я не могу сказать, что он не старается найти работу, это было бы неправдой. Да с работой очень плохо. (Стоит совершенно неподвижно, с ведерком и щеткой в руках, как бы окидывая беспристрастным взором весь свой тяжелый жизненный путь.) Но мне он плохой муж, нынче ночью он ударил меня и так ужасно выражался.

Марлоу. По случаю пасхи? Очень уж он любит «Козу с бубенчиками», в этом все дело. Каждый вечер я вижу, как он допоздна околачивается там на углу.

Миссис Джонс. Он совсем духом падает,— день-деньской на ногах в поисках работы, и слышит одни отказы, и когда потом выпьет капельку, вино бросается ему в голову. Но все равно ему бы не надо обращаться со своей женой так, как он со мной обращается. Иногда мне приходится мыкаться целую ночь по улицам, потому что он выгоняет меня из дому. Но потом он жалеет об этом. И он вечно слоняется где-нибудь поблизости, поджидает меня за углом, а я думаю, ему бы не след это делать, ведь я всегда была ему хорошей женой. Я говорю ему: миссис Бартвик будет недовольна тем, что он сюда приходит. Но он только сердится и ужас как выражается о господах. Само собой, в первый раз он потерял работу из-за меня, из-за того, что нехорошо со мной обошелся; с тех пор он и злобится на господ. У него было хорошее место — конюхом у одного сквайра,— но тут поднялся такой шум, само собой, потому, что он нехорошо со мной обошелся.

Марлоу. Выгнали?

Миссис Джонс. Да, его хозяин сказал, что не может держать его, потому как о нас слишком много говорят, и мы, дескать, служим дурным примером... Но для меня очень важно не потерять мою работу здесь: ведь у меня трое детей, и я не хочу, чтоб он ходил за мной по улицам, а иной раз еще и скандалы устраивал.

Марлоу (поднимая пустой графин). Вылакал до капли! В следующий раз, когда он вас ударит, найдите свидетеля и обратитесь в суд...

Миссис Джонс. Да, я, кажется, решилась. Наверно, я так и сделаю.

Марлоу. Правильно... (Протягивает руку к подносу и...) Где короб... (Обрывает на полуслове, бросив испытующий взгляд на миссис Джонс, которая на четвереньках протирает пол. Берет с подноса два окурка, читает на мундштуках.) «Нестор»... Где, черт побери... (Снова пристально смотрит на миссис Джонс и, взяв пальто Джека, шарит во всех карманах.)

В комнату входит Уилер, неся поднос с завтраком.

(К Уилер, тихо.) Вы не видели серебряной коробки?

Уилер. Нет.

Марлоу. Она исчезла. Вчера вечером я положил ее на поднос. И он тут курил. (Показывает окурки.) В карманах нет. Не мог же он взять ее наверх сегодня утром! Когда он спустится завтракать, поищите хорошенько в его комнате. Кто здесь был?

Уилер. Только я да миссис Джонс.

Миссис Джонс. Я кончила. Теперь убирать в гостиной?

Уилер (колеблется). Вы не видели... Нет, лучше сначала в будуаре.

Миссис Джонс, взяв ведро и щетку, выходит. Марлоу и Уилер глядят друг на друга.

Марлоу. Найдется.

Уилер (нерешительно). Вы не думаете, что это она?.. (Кивая на дверь.)

Марлоу (твердо). Нет, не думаю... Я никогда ничему такому не верю.

Уилер. Придется сказать хозяину.

Марлоу. Подождем немного, может, коробка найдется. Не наше дело обвинять человека. И думать об этом противно.

Занавес

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Та же комната. Б а р т в и к и м и с с и с Б а р т в и к за завтраком. Ему сильно за пятьдесят. Держится с величавым спокойствием. У него лоб с залысинами; на носу пенсне. В руках номер «Таймса». Ей еще нет пятидесяти, она хорошо одета, волосы с проседью, правильные черты лица и решительные манеры. Они сидят друг против друга.

Б а р т в и к (*из-за газеты*). На дополнительных выборах от Барнсайда прошел лейборист, моя дорогая.

М и с с и с Б а р т в и к. Опять лейборист? Положительно не могу понять, что творится с Англией.

Б а р т в и к. Я это предсказывал, но не следует придавать таким вещам особого значения.

М и с с и с Б а р т в и к. Не следует? Я просто удивляюсь твоему спокойствию, Джон. По-моему, это не укладывается ни в какие рамки. А вы, вы, либералы, сидите сложа руки и чуть ли не поощряете этих людей!

Б а р т в и к (*нахмурившись*). Для проведения любой реформы, в истинном понимании этого слова, для осуществления любых социальных преобразований необходимым условием является представительство всех партий.

М и с с и с Б а р т в и к. Ах, не выводи меня из терпения своими разговорами о реформах, всей этой пустой болтовней о социальных преобразованиях. Нам прекрасно известно, что им нужно,— им нужно все забрать себе. Эти социалисты и лейбористы только о себе и думают. У них нет ни малейшего чувства патриотизма, не то что у нас, у высших классов. Они просто хотят забрать себе все, что принадлежит нам!

Б а р т в и к. Забрать все, что принадлежит нам! (*Уставившись в пространство.*) Дорогая моя, о чем ты говоришь? (*С кривой улыбкой.*) Я не склонен впадать в панику.

М и с с и с Б а р т в и к. Сливки хочешь?.. Абсолютно невоспитанные люди. То ли еще будет, когда они начнут облагать нас налогами. Я уверена, дай им только волю, они все на свете обложат налогами,— у них нет ни капли любви к родине. Вы, либералы и консерваторы, вы стоите друг друга, вы не видите дальше своего носа. Ни на грош воображения ни у тех, ни у других. Вы долж-

ны действовать рука об руку и уничтожить все это в зародыше.

Бартвик. Ты говоришь глупости! Как могут либералы действовать рука, как ты выражаешься, об руку с консерваторами! Твои слова служат ясным доказательством того, что женщинам... Как ты не понимаешь, что основа основ либерализма — это вера в народ!

Миссис Бартвик. Полно, Джон, ешь свой завтрак. Как будто между вами и консерваторами и в самом деле есть какая-нибудь разница. Все, кто принадлежит к высшим классам, должны защищать одни и те же интересы, одни и те же принципы. *(Спокойно.)* Джон, вы сидите на вулкане.

Бартвик. Что?

Миссис Бартвик. Вчера я читала в газете одно письмо. Я забыла, кто его написал, но там все это прекрасно объясняется. Вы боитесь посмотреть правде в глаза.

Бартвик. Вот как! *(Подавляя вспышку гнева.)* Прошу запомнить, что я либерал. И вообще хватит говорить на эту тему.

Миссис Бартвик. Не хочешь ли сухариков?.. Я совершенно согласна с автором этого письма. Образование пагубно для низших классов. Они забывают свое место, а что может быть хуже? Слуги стали вести себя возмутительно.

Бартвик *(с малоубедительным пафосом)*. Я готов приветствовать любую перемену к лучшему. *(Распечатывает лежащее на столе письмо.)* Гм, это все та история с нашим сыночком. «Хайстрит, Оксфорд. Сэр, мы получили чек на сорок фунтов за подписью мистера Джона Бартвика-старшего...» А! Это к нему: «...и возвращаем вам ваш прежний чек, который, как мы уже сообщали в нашем предыдущем письме, не был оплачен по предъявлении вашим банком. Остаемся с глубоким уважением, портные Мосс и сыновья». Гм. *(Глядя на чек.)* Хорошенькое дельце. Мальчишку могли бы притянуть к судебной ответственности.

Миссис Бартвик. Полно, Джон, ты же знаешь, что Джек не имел в виду ничего дурного, он просто думал, что немного превысил свой кредит в банке. Я считала и считаю, что банк обязан был оплатить его чек.

Должны же они знать, какое положение ты занимаешь.

Б а р т в и к (вкладывает письмо и чек обратно в конверт). Очень бы оно помогло ему, если бы пришлось предстать перед судом!

Он замолкает, когда в комнату входит Д ж е к, на ходу застегивая жилет и прикладывая платок к порезанному во время бритья подбородку.

Д ж е к (сидясь между ними, с деланным оживлением). Простите, опоздал. (Кисло смотрит на завтрак.) Чаю можно, мама? Писем мне нет?

Бартвик протягивает ему письмо.

Послушайте-ка, да оно вскрыто! Я бы попросил, чтобы вы не...

Б а р т в и к (указывая на конверт). Полагаю, я имею право на это имя.

Д ж е к (угрюмо). Ну, я-то не виноват, отец, что у меня твое имя. (Читает письмо и бормочет.) Скоты!

Б а р т в и к (пристально глядя на него.) Ты слишком легко выпутался из этой истории.

Д ж е к. Может быть, уже хватит пилить меня, па?

М и с с и с Б а р т в и к. Правда, Джон, дай Джеку позавтракать.

Б а р т в и к. Что бы с тобой было, если бы не я? А ведь это чистая случайность. Ты мог быть, скажем, сыном какого-нибудь бедняка или простого клерка. Взять деньги под чек, который заведомо не будет оплачен банком! Это могло погубить всю твою жизнь. Не представляю, что из тебя выйдет с такими принципами. Я никогда ничего подобного не совершал.

Д ж е к. Да, потому что у тебя, наверно, всегда водилась монета. Когда денег куча, тогда, конечно...

Б а р т в и к. Ничего подобного. Я не имел и того, что получаешь ты. Мой отец не давал мне больших денег.

Д ж е к. А сколько, па?

Б а р т в и к. Это несущественно. Дело не в этом, а в том, чувствуешь ли ты серьезность своего проступка.

Д ж е к. Насчет серьезности не знаю. Я, конечно, очень сожалею, раз ты считаешь, что это плохо. Ведь я

уже говорил. Я бы никогда этого не сделал, не будь у меня так чертовски туго с деньгами.

Бартвик. Сколько у тебя осталось, Джек, из этих сорока фунтов?

Джек (*неуверенно*). Я не знаю... немного.

Бартвик. Сколько?

Джек (*с отчаянием*). Ничего.

Бартвик. Что?

Джек. У меня дьявольски трещит башка, это все, что я знаю. (*Склоняет голову на руку.*)

Миссис Бартвик. Голова болит? Мой бедный мальчик! Может, ты все-таки съешь чего-нибудь?

Джек (*громко вздыхая*). Мерзкое состояние!

Миссис Бартвик. Ах, бедняжка! Пойдем со мной, милый. Я дам тебе порошок, и все как рукой снимет.

Они выходят из комнаты. Бартвик рвет письмо и бросает клочки в камин. В это время входит Марлоу. Увидев, что никого, кроме Бартвика, в комнате нет, хочет незаметно уйти.

Бартвик. В чем дело? Что вам нужно?

Марлоу. Я искал мистера Джона, сэр.

Бартвик. А зачем вам понадобился мистер Джон?

Марлоу (*нерешительно*). Я думал, что найду его здесь, сэр.

Бартвик (*подозрительно*). Понятно. Но для чего он вам нужен?

Марлоу (*не успев ничего придумать*). Там его спрашивает какая-то дама, сэр, хочет с ним поговорить.

Бартвик. Дама? В такой ранний час? Что за дама?

Марлоу (*без всякого выражения в голосе*). Не могу сказать, сэр. Самая обыкновенная. Может быть, по благотворительным делам. А может быть, сестра милосердия, сэр.

Бартвик. Она что, в форме сестры милосердия?

Марлоу. Нет, сэр, в обыкновенном платье.

Бартвик. Она сказала, что ей нужно?

Марлоу. Нет, сэр.

Бартвик. Где вы ее оставили?

Марлоу. В холле, сэр.

Бартвик. В холле? Откуда вы знаете, что она не воровка и не замышляет дурное?

Марлоу. Нет, сэр. Я этого не думаю, сэр.

Бартвик. Хорошо, проведите ее сюда, я сам с ней поговорю.

Марлоу уходит, стараясь не обнаружить своей тревоги. Вскоре он возвращается и вводит бледную, темноглазую молодую женщину, с изящной фигурой. На ней черное платье, модное, но довольно потрепанное, и черная с белой отделкой шляпа, на которой нелепо торчит пучок пармских фиалок. На лицо спущена вуалетка в мушку. При виде мистера Бартвика она проявляет крайнее замешательство. Марлоу выходит.

Незнакомка. О! Но... я прошу прощения... тут какая-то ошибка... я... *(Поворачивается, собираясь убежать.)*

Бартвик. Кого вы хотели видеть, мадам?

Незнакомка *(останавливаясь и оборачиваясь к нему)*. Мистера Джона Бартвика, вот кого.

Бартвик. Я Джон Бартвик, мадам. Чем могу быть полезен?

Незнакомка. О! Я... я не... *(Опускает глаза.)*

Бартвик осматривает ее с ног до головы и поджимает губы.

Бартвик. Возможно, вы хотели видеть моего сына?

Незнакомка *(быстро)*. Да, конечно, именно его.

Бартвик. Могу я узнать, с кем имею удовольствие говорить?

Незнакомка *(на лице ее и робость и решимость)*. Меня зовут... О, это не имеет никакого значения... Я не хочу поднимать шума. Мне только на минутку надо вашего сына. *(Расхрабрившись.)* Мне просто необходимо его увидеть.

Бартвик *(сдерживая все растущее беспокойство)*. Мой сын не совсем здоров. Если это необходимо, я, без сомнения, могу заменить его. Будьте так добры сообщить мне...

Незнакомка. Ой, нет! Мне нужно видеть только его, я нарочно за этим пришла. *(Говорит быстро и взволнованно.)* Я не хочу устраивать шума, но дело в том, что вчера... вечером ваш сын унес... Он унес.. *(Замолкает.)*

Б а р т в и к (грозно). Что, мадам, что?

Н е з н а к о м к а. Он унес мою... мою сумочку.

Б а р т в и к. Вашу су...

Н е з н а к о м к а. Мне не жалко сумочки, не в ней дело, и я, конечно, не стала бы поднимать шума. (Ее лицо подергивается.) Но... но... там были все мои деньги.

Б а р т в и к. Где там?

Н е з н а к о м к а. В кошельке, в сумочке, в красном шелковом кошельке. Право, я бы не пришла... я не хочу поднимать шума... но должна же я получить обратно свои деньги... верно?

Б а р т в и к. Вы утверждаете, что мой сын...

Н е з н а к о м к а. О, видите ли, он был не совсем... (С блуждающей улыбкой.) Я хочу сказать, он был...

Б а р т в и к. Простите?

Н е з н а к о м к а (топая ногой). О, неужели вы не понимаете... Он был навеселе. Мы поссорились.

Б а р т в и к (шокированный). Как? Где?

Н е з н а к о м к а (с вызовом). У меня. Мы ужинали в... и ваш сын...

Б а р т в и к (нажимая кнопку звонка). Могу я узнать, откуда вам известен этот дом? Он сам сообщил вам свое имя и адрес?

Н е з н а к о м к а (глядя в сторону). Я нашла письмо с адресом у него в пальто.

Б а р т в и к (иронически). О, вы нашли письмо с адресом у него в пальто! А могу я спросить, узнает вас мой сын при дневном свете?

Н е з н а к о м к а. Узнает ли меня? Я б ему показала, как... Я хочу сказать, конечно, узнает.

Входит М а р л о у.

Б а р т в и к. Попросите сюда мистера Джона.

М а р л о у выходит. Бартвик в волнении рассказывает взад-вперед.

И давно вы имеете удовольствие быть знакомы с моим сыном?

Н е з н а к о м к а. Только... только со страстной пятницы.

Бартвик. Я не знаю, что и думать, вот уж действительно не знаю, что и думать. (*Бросает взгляд на незнакомку, которая стоит, опустив глаза, сплетая и расплетая пальцы.*)

В это время появляется Джек. Увидев в комнате незнакомку, он останавливается. Незнакомка истерически хихикает. Молчание.

(*Грозно.*) Эта молодая... э... особа говорит, что вчера вечером... я не ошибаюсь, мадам, вы сказали, вчера вечером?.. ты унес...

Незнакомка (*порывисто*). ...мою сумочку, а все мои деньги были в красном шелковом кошельке.

Джек. Сумочку? (*Стараясь найти какую-нибудь возможность вывернуться.*) Я ничего об этом не знаю.

Бартвик (*резко*). Постой, ты отрицаешь, что видел вчера вечером эту молодую особу?

Джек. Отрицаю? Вовсе нет. (*Шепотом.*) Чего ты меня подводишь? Какого черта ты сюда явилась?

Незнакомка (*со слезами в голосе*). Право же, я не хотела. Зачем это мне... верно? Вы выхватили ее у меня из рук... вы же знаете, что это правда... а в кошельке были все мои деньги. Я не пошла за вами вчера, потому что не хотела поднимать шума, и было поздно, и вы были так...

Бартвик. Что же вы, сэр? Не отворачивайтесь! Извольте объясниться!

Джек (*с отчаянием*). Ничего не помню! (*Понизив голос, своей приятельнице.*) Почему ты, черт возьми, не могла написать?

Незнакомка (*угрюмо*). Она мне нужна сейчас, я должна ее получить... Мне нужно сегодня платить за квартиру. (*Смотрит на Бартвика.*) Они только и ждут, как бы наброситься на человека, если он не... не очень богат.

Джек. Ничего я этого не помню, правда же, я вообще ничего не помню, что было вчера вечером. (*Прикладывает руку ко лбу.*) Все как в тумане, и у меня дьявольски болит голова.

Незнакомка. Но вы взяли ее, вы знаете, что взяли. Вы еще сказали, что хотите меня проучить.

Джек. Значит, она где-нибудь здесь. Теперь я что-

то припоминаю, да, да... припоминаю. На кой черт мне сдалась эта сумочка?

Б а р т в и к. Вот именно: на кой черт тебе... (*Резко отворачивается к окну.*)

Н е з н а к о м к а (*с блуждающей улыбкой*). Вы были порядком... не правда ли?

Д ж е к (*беспомощно улыбаясь*). Мне очень, очень жаль. Могу я чем-нибудь помочь?

Б а р т в и к. Помочь? Я полагаю, ты можешь вернуть владелице ее имущество.

Д ж е к. Пойду, посмотрю, но, право же, я не думаю, чтобы она была у меня. (*Поспешно уходит.*)

Бартвик, придвинув кресло, жестом предлагает посетительнице сесть; сам он остается стоять и, поджав губы, пристально на нее смотрит. Она садится, робко бросает на него взгляд, затем отворачивается и, подняв вуалетку, украдкой вытирает глаза. Возвращается Д ж е к.

(*С унылым видом протягивает пустую сумочку.*) Это она? Я все обыскал, но кошелька нигде нет. Вы уверены, что он там был?

Н е з н а к о м к а (*со слезами в голосе*). Как же не уверена? Конечно, уверена: красный шелковый кошелек. И в нем все мои деньги.

Д ж е к. Право же, мне очень, очень жаль... И так чертовски болит голова. Я спросил дворецкого, но и он не видел.

Н е з н а к о м к а. Мне нужны мои деньги.

Д ж е к. О, конечно, все будет в порядке, я позабочусь, чтобы все было в порядке. Сколько?

Н е з н а к о м к а (*угрюмо*). Семь фунтов двенадцать шиллингов... И это все, что у меня есть, до последнего пенни.

Д ж е к. Все будет в порядке, я... пришлю вам... чек.

Н е з н а к о м к а (*с настойчивой просьбой*). Нет, сейчас, пожалуйста. Отдайте мне то, что было у меня в кошельке. Я должна сегодня платить за квартиру. Они не будут ждать и дня. Я и так за две недели задолжала.

Д ж е к (*безнадежно*). Мне ужасно неприятно, но у меня действительно нет ни пенни в кармане. (*Украдкой бросает взгляд на Бартвика.*)

Н е з н а к о м к а (*возбужденно*). Послушай, ты дол-

жен... это мои деньги, и ты взял их. Я без денег не уйду. Они меня выбросят на улицу.

Джек (схватившись за голову). Не могу же я дать вам то, чего у меня нет. Я же тебе говорю: у меня нет ни гроша... черт возьми!

Незнакомка (комкая в руках платок). Отдайте мне мои деньги. (С мольбой складывает руки, затем с внезапной злостью.) Если вы не отдадите, я на вас в суд подам. Это кража, вот что это такое!

Бартвик (с беспокойством). Минуточку, пожалуйста... Это — дело принципа... э... поэтому я удовлетворю вашу претензию. (Достает деньги.) Вот восемь фунтов, остаток покроет стоимость кошелька и плату за кэб. Незачем говорить, что благодарности излишни. (Нажав звонок, молча открывает дверь настежь.)

Незнакомка кладет деньги в сумочку. Она переводит взгляд с Джека на Бартвика, и по лицу у нее пробегает легкая усмешка. Прикрыв рот рукой, тихо выходит из комнаты. Бартвик закрывает за ней дверь.

(Возмущенно.) Хорошенькая история!

Джек (как будто это его не касается). Чертовски некстати.

Бартвик. Значит, вот куда ушли эти сорок фунтов. Час от часу не легче! Да, интересно, что бы с тобой было, если бы не я. У тебя, как видно, нет никаких устоев. Ты... ты один из тех, кто является угрозой для общества... Ты... ты опасен!! Что бы сказала твоя мать?! Я не вижу абсолютно никаких оправданий твоему поведению. Оно... оно... преступно! Да если бедный человек вел бы себя так, как ты... думаешь, к нему было бы проявлено снисхождение? Хороший урок — вот что тебе нужно. Ты и тебе подобные... (горячо) угроза для общества. И не проси помочь тебе в следующий раз. Ты недостоин помощи.

Джек (отвечает отцу с неожиданной запальчивостью). Хорошо! Не стану. Посмотрим, как это тебе понравится. Я знаю, ты и на этот раз не помог бы мне, если бы не боялся, что вся эта история попадет в газеты. Где папиросы?

Бартвик (с беспокойством глядя на сына). Ну ладно, оставим этот разговор. (Звонит.) На этот раз я

тебя прощу, но... Можно убрать со стола. (*Скрывается за газетой*).

Входит М а р л о у.

Д ж е к (*повеселев*). Послушайте, Марлоу, где папиросы?

М а р л о у. Вчера вечером я поставил серебряную коробку на стол вместе с виски, сэр, а сегодня нигде не могу ее найти.

Д ж е к. В моей комнате не смотрели?

М а р л о у. Смотрел, сэр; я обыскал весь дом. На подносе было два окурка, вы, должно быть, курили вчера вечером, сэр. (*Нерешительно.*) Боюсь, что ее похитили.

Д ж е к (*с беспокойством*). Украли?

Б а р т в и к. Что такое? Серебряная коробка? А больше ничего не пропало?

М а р л о у. Нет, сэр. Серебро я пересчитал.

Б а р т в и к. Утром все было в порядке в доме? Окна были закрыты?

М а р л о у. Да, сэр. (*Тихо Джеку.*) Вы оставили вчера ваш ключ в дверях, сэр. (*Незаметно для Бартвика протягивает его Джеку.*)

Д ж е к. Тсс!

Б а р т в и к. Кто был в комнате сегодня утром?

М а р л о у. Только я, Уилер и миссис Джонс, насколько мне известно, сэр.

Б а р т в и к. Вы спрашивали у миссис Бартвик? (*Джеку.*) Пойди спроси у матери, не у нее ли коробка, и попроси ее проверить, не пропало ли еще что-нибудь.

Д ж е к уходит выполнять поручение.

Самое неприятное, когда вещи исчезают таким образом.

М а р л о у. Да, сэр.

Б а р т в и к. У вас есть на кого-нибудь подозрение?

М а р л о у. Нет, сэр.

Б а р т в и к. Эта миссис Джонс, она давно у вас работает?

М а р л о у. Только один месяц, сэр.

Б а р т в и к. Что она собой представляет?

М а р л о у. Я ее мало знаю, сэр. На вид очень спокойная и порядочная женщина.

Бартвик. Кто убирал сегодня утром в этой комнате?

Марлоу. Уилер и миссис Джонс, сэр.

Бартвик (*подняв палец*). Так, а оставалась эта миссис Джонс в комнате одна?

Марлоу (*без выражения*). Да, сэр.

Бартвик. Откуда вы это знаете?

Марлоу (*неохотно*). Я застал ее здесь, сэр.

Бартвик. А Уилер оставалась здесь одна?

Марлоу. Нет, сэр, она, нет сэр. Осмелюсь сказать, сэр, что миссис Джонс кажется очень честной...

Бартвик (*подняв руку*). Я хочу знать следующее: эта миссис Джонс была здесь все утро?

Марлоу. Да, сэр... Нет, сэр... кухарка посылала ее к зеленщику.

Бартвик. Гм! Сейчас она в доме?

Марлоу. Да, сэр.

Бартвик. Прекрасно. Я выясню это во что бы то ни стало. Тут дело принципа, я не успокоюсь, пока не найду виновного. Это затрагивает важнейшие устои нашей жизни. В ваших интересах...

Марлоу. Да, сэр.

Бартвик. Каковы домашние обстоятельства миссис Джонс? Муж ее работает?

Марлоу. Кажется, нет, сэр.

Бартвик. Прекрасно. Никому пока ничего не говорите. Скажите Уилер, чтобы и она молчала, и попросите сюда миссис Джонс.

Марлоу. Хорошо, сэр.

Марлоу, озабоченный, уходит. Бартвик ждет. Лицо его принимает выражение судейской бесстрастности, но не без оттенка удовольствия, как и подобает человеку, ведущему следствие. Входят миссис Бартвик с сыном.

Бартвик. Ну что, моя дорогая? Ты, конечно, не видела сегодня серебряной коробки?

Миссис Бартвик. Нет, но что за удивительное происшествие, Джон! Марлоу, конечно, вне подозрений, в горничных я уверена, что же касается кухарки...

Бартвик. А, кухарка!..

Миссис Бартвик. Конечно... У меня всегда возникает чувство омерзения, когда приходится подозревать кого-нибудь.

Б а р т в и к. Это вопрос не чувства, а справедливости. Дело принципа.

М и с с и с Б а р т в и к. Я нисколько не удивлюсь, если этой женщине, которая у нас убирает, кое-что известно. Ее рекомендовала нам Лора.

Б а р т в и к (беспристрастно). Я собираюсь сейчас поговорить с миссис Джонс. Предоставьте это мне и... э... помните, что пока вина не доказана, человек не виновен. Я буду осторожен. Я не собираюсь ее пугать. Я дам ей возможность себя реабилитировать. Я слышал, она в стесненных обстоятельствах. Если мы не можем многого сделать для бедных, мы должны, во всяком случае, относиться к ним с величайшим сочувствием.

Входит миссис Джонс.

(Приветливо.) А, миссис Джонс, доброе утро.

М и с с и с Д ж о н с (мягко, ровно, без выражения). Доброе утро, сэр. Доброе утро, мэм.

Б а р т в и к. Ваш муж, он, я слышал, без работы?

М и с с и с Д ж о н с. Да, сэр, само собой, сейчас он как раз без работы.

Б а р т в и к. И он ничего не зарабатывает, так ведь?

М и с с и с Д ж о н с. Да, сэр, сейчас-то он ничего не зарабатывает, сэр.

Б а р т в и к. А детей у вас сколько?

М и с с и с Д ж о н с. Трое, но, само собой, они не так уж много едят, сэр.

Небольшая пауза.

Б а р т в и к. Сколько старшему?

М и с с и с Д ж о н с. Девять лет, сэр.

Б а р т в и к. В школу они ходят?

М и с с и с Д ж о н с. Да, сэр, все трое каждый день ходят в школу.

Б а р т в и к (строго). А кто же их кормит, когда вы на работе?

М и с с и с Д ж о н с. Что поделаешь, сэр, приходится давать им еду с собой. Оно верно, не всегда у меня есть, что дать им; бывает, приходится отправлять их в школу без обеда. Но когда муж работает, он хорошо относится к детям. Само собой, когда он без работы, с ним нелегко.

Б а р т в и к. Он, наверное, пьет?

Миссис Джонс. Да, сэр. Я не могу, само собой, сказать нет, раз он взаправду пьет.

Бартвик. И, наверно, забирает у вас все деньги?

Миссис Джонс. Нет, сэр, тут я не могу на него пожаловаться. Вот когда он немножко не в себе, тогда, само собой, он очень плохо со мной обращается.

Бартвик. Скажите, он кто по профессии, ваш муж?

Миссис Джонс. По профессии он, само собой, конюх.

Бартвик. Конюх? Как это вышло, что он потерял работу?

Миссис Джонс. Это было очень давно, сэр, и с тех пор он никогда долго не работал на одном месте, а сейчас, само собой, автомобили против него.

Бартвик. Когда вы вышли за него, миссис Джонс?

Миссис Джонс. Восемь лет назад, сэр... Это было в...

Миссис Бартвик (резко). Восемь? А вы сказали, что вашему старшему девять.

Миссис Джонс. Да, мэм, само собой. Вот почему он и потерял свое место. Он нехорошо со мной поступил, и, само собой, его хозяин сказал, что не может держать его, что он дурной пример.

Бартвик. Вы хотите сказать, что он... гм...

Миссис Джонс. Да, сэр, и после этого, само собой, как он потерял работу, он женился на мне.

Миссис Бартвик. Вы действительно хотите сказать, что вы... вы были...

Бартвик. Моя дорогая...

Миссис Бартвик (возмущенно). Какой позор!

Бартвик (поспешно). А где вы сейчас проживаете, миссис Джонс?

Миссис Джонс. У нас нет своего угла, сэр, и, само собой, нам пришлось отнести почти все вещи.

Бартвик. Отнести вещи! Вы имеете в виду... э... отнести их в заклад?

Миссис Джонс. Да, сэр, отнести их. Мы живем на Мерсир-стрит... недалеко отсюда... дом тридцать четыре. У нас только одна комната.

Бартвик. И сколько вы платите в неделю?

Миссис Джонс. Шесть шиллингов, сэр, за комнату с мебелью.

Бартвик. И, вы, наверно, задержались с уплатой?

Миссис Джонс. Да, сэр, мы малость задолжали хозяйке.

Бартвик. Но у вас-то хорошая работа, не так ли?

Миссис Джонс. Ничего, сэр. По четвергам я работаю на Стамфорд-Плейс, а по понедельникам, средам и пятницам прихожу сюда. Но сегодня, само собой, я работаю только полдня, ведь вчера был праздник.

Бартвик. Ясно. Четыре дня в неделю. И вы получаете полкроны в день, так?

Миссис Джонс. Да, сэр, и обед. Но бывает, что я работаю только полдня, и тогда выходит восемнадцать пенсов.

Бартвик. А когда ваш муж что-нибудь зарабатывает, он, должно быть, все тратит на вино?

Миссис Джонс. Как когда, сэр, иногда он дает деньги на детей. Само собой, сэр, он бы работал, если бы мог устроиться, но сейчас вроде очень много людей без работы.

Бартвик. А, да, мы... э... не будем этого касаться (Сочувственно.) А как насчет вашей работы здесь, вам не тяжело?

Миссис Джонс. О нет, сэр, не очень, сэр, если, само собой, я сплю ночью.

Бартвик. А! И вы помогаете убирать все комнаты? А иногда, вероятно, выходите за покупками для кухарки?

Миссис Джонс. Да, сэр.

Бартвик. И сегодня утром вы тоже выходили?

Миссис Джонс. Да, сэр, само собой, мне надо было сходить к зеленщику.

Бартвик. Именно. Так что ваш муж ничего не зарабатывает? Пропащий человек?

Миссис Джонс. Нет, сэр, я этого не скажу, сэр. Я думаю, в нем есть много хорошего, хоть он подчас и очень дурно со мной обращается. И, само собой, мне не хочется его бросать, но, я думаю, придется пойти на это... Я уж и сама не знаю, как же с ним дальше жить-то. Он теперь нет-нет да и поднимет на меня руку. Недавно он так меня стукнул (дотрагивается до груди), что и сейчас больно. Вот я и думаю, мне надо от него уйти. Как по-вашему, сэр?

Бартвик. Э... Здесь я вам не могу помочь советом. Уйти от мужа — это очень серьезный шаг, очень серьезный.

Миссис Джонс. Да, сэр, само собой, я боюсь, он мне что-нибудь сделает, если я от него уйду; он иной раз на все способен.

Бартвик. Гм... Ну об этом я судить не берусь. Речь идет о принципе...

Миссис Джонс. Да, сэр, я знаю, тут мне никто не поможет... Я знаю, что это мне решать, и, само собой, жизнь у него очень трудная. И он любит детей, и ему тяжело видеть, что они ходят голодные.

Бартвик (поспешно). Ну... э... благодарю вас, я просто хотел узнать вас поближе. Я думаю, мне незачем вас больше задерживать, миссис... Джонс.

Миссис Джонс. Да, сэр, благодарю вас, сэр.

Бартвик. До свидания.

Миссис Джонс. До свидания, сэр, до свидания, мэм.

Бартвик (обменявшись взглядом с женой). Между прочим, миссис Джонс... Я думаю, мне следует сообщить вам... У нас пропала... э... серебряная коробка для папирос.

Миссис Джонс (глядя на всех по очереди). Вот неприятность, сэр!

Миссис Бартвик. Да, еще бы! Вы ее, конечно, не видели?

Миссис Джонс (поняв, что ее подозревают; с неловким жестом). Простите, сэр, где она была, сэр?

Бартвик (уклончиво). Как Марлоу сказал, где она была? Э... в этой комнате, да, в этой комнате.

Миссис Джонс. Нет, сэр. Я не видела ее... Само собой, если бы я ее видела, я бы запомнила.

Бартвик (бросив на нее быстрый взгляд). Вы... вы уверены в этом?

Миссис Джонс (без выражения). Да, сэр. (Медленно покачивая головой.) Я не видела ее, и, само собой, я не знаю, где она. (Поворачивается и спокойно уходит.)

Бартвик. Гм!

Все трое Бартвиков отводят друг от друга глаза.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Жилище Джонсов на Мерсир-стрит. Пустая комната с рваным линолеумом на полу и сырыми стенами, крашенными клеевой краской, производит впечатление опрятной нищеты. Третий час дня. На кровати лежит Джонс. Он полураздет, пальто наброшено на ноги, измазанные грязью ботинки валяются рядом. Он спит. Открывается дверь и в комнату входит миссис Джонс. На ней узкий черный жакет и старая черная соломенная шляпка. В руке у нее газетный сверток. Она кладет его на стол, разворачивает и вынимает передник, полхлебца, две луковицы, три картофелины и крошечный кусочек бекона. Взяв с буфета чайник, она споласкивает его, насыпает из бумажного фунтика немного мелкого дешевого чаю, ставит чайник на огонь и, сев в деревянное кресло, начинает тихо плакать.

Джонс (*потягиваясь и зевая*). Ты? Который час?

Миссис Джонс (*вытерев глаза, своим обычным голосом*). Полтретьего.

Джонс. Чего так рано явилась?

Миссис Джонс. У меня сегодня только полдня, Джемс.

Джонс (*не поворачиваясь, сонным голосом*). Пожрать есть чего?

Миссис Джонс. Кухарка Бартвиков дала кусочек бекона. Стушу на нем картошку. (*Принимается за стряпню.*) Джемс, мы задолжали четырнадцать шиллингов за комнату, а у меня, само собой, только два шиллинга и четыре пенса. Сегодня придут за деньгами.

Джонс (*приподнявшись на локте и обернувшись к ней*). Пусть приходят, я им тут припас сюрпризец. Хватит с меня гоняться за работой. Какого черта буду я за

ней бегать, кружить как белка в колесе! «Не найдется ли у вас работы, сэр?», «Возьмите меня, сэр», «Жена и трое детей, сэр». В печенках это у меня сидит. Лучше сгнию, здесь лежавши. «Джонс, приходи на демонстрацию». Приходи, и держи флаг, и слушай толстомордых болтунов, и уходи с таким же пустым брюхом, с каким пришел. Да, кое-кому это, видно, нравится, бараны! Когда я обиваю пороги и вижу, как эти скоты смотрят на меня сверху вниз, в меня будто тысяча чертей вселяется. Я не милостыни прошу. Тут человек готов работать до одури... а ему не дают. Как вам это понравится? Камни готов ворочать, до кровавого пота, только б не отдать богу душу... а ему не дают. И это справедливость, и это свобода и все прочее! (Отворачивается к стене.) Ты, размазня несчастная, ты и представить не можешь, что у меня на душе. Я покончил с этой дурацкой игрой. Нужен я им — пусть сами приходят.

Миссис Джонс бросает тряпню и стоит неподвижно у стола.

Я все перепробовал и больше не хочу, слышишь? За себя-то я никогда не боялся. Ты думаешь, они меня сломили? Как бы не так, заруби себе на носу! Сгнию, здесь лежавши, а кланяться больше не пойду. Ну, чего ты стоишь, как идол! Ты кислятина многострадальная, оттого-то у меня всегда руки и чешутся тебя стукнуть. Так что теперь ты знаешь. Работать! Ну вот ты и работай. У божьей коровки, и у той характера больше, чем у тебя.

Миссис Джонс. Ты трезвым иногда такое скажешь, Джемс, хуже, чем выпивши. А как же нам жить, если ты не станешь работать? Отсюда нас выгонят. Вот посмотришь, уже сегодня их жди за деньгами.

Джонс. Каждый день вижу этого твоего Бартвика, — катит на мягких рессорах в парламент молоть там всякий вздор, — и теленка этого, его сыночка, как он разгуливает франтом и кутит напропалую. За какие такие заслуги? Чем они лучше меня? Да они за всю свою жизнь и часа не проработали. Я вижу их каждый день...

Миссис Джонс. Бросил бы ты лучше таскаться за мной по пятам и не болтался бы возле их дома. Тебя словно тянет туда что. И зачем ты это делаешь,

ума не приложу, потому как они, само собой, это замечают.

Джонс. А кто мне запретит ходить, где вздумается? Куда же мне прикажешь ходить? Третьего дня пошел я в одно место на Эдвард-роуд. «Хозяин,— говорю,— возьмите меня на работу,— говорю,— я за эти два месяца работы и не нюхал, от этого у человека прямо руки опускаются,— говорю,— я на работу спорый, мне что угодно дай, не испугаюсь». «Почтеннейший,— говорит он,— у меня за это утро уже тридцать таких, как ты, перебывало. Я взял первых двух, и,— говорит,— больше мне не надо». «Благодарю вас, и пропади оно все пропадом»,— говорю. «Бранью,— говорит он,— работы не добьешься. Проваливай-ка поскорей отсюда, приятель». *(Злобно смеется.)* Не пикни, хотя бы ты с голоду подыхал, и думать об этом не смей; принимай все со смирением, будь разумным,— разве трудно? А когда я шел обратно, какая-то леди говорит мне *(пискливым голосом)*: «Хотите заработать несколько пенсов, голубчик?» — и дает мне подержать своего пса, а сама, значит, идет в магазин. Жирный, как боров, этот пес, не одну тонну мяса, поди, скормили... Она очень была довольна собой, очень... Думала, я ей по гроб благодарен буду, да я-то видел, как она взглянула на фараона, что стоял рядом, боялась, как бы я не смылся с ее проклятым жирным псом. *(Садится на кровати и начинает надевать ботинки. Затем, подняв на жену глаза.)* Ну, что ты там думаешь? *(Почти жалобно.)* Хоть раз ты можешь сказать, что у тебя в башке?

Раздается стук в дверь, и появляется миссис Седон, квартирная хозяйка Джонса. У нее усталое, озабоченное лицо; одета в потрепанное домашнее платье.

Миссис Седон. Простите, я услышала, вы пришли, миссис Джонс. Я спрашивала мужа, но он говорит, что он и дня больше ждать не может.

Джонс *(с мрачным юмором)*. Плюньте вы на то, что он говорит, стойте на своем, как положено независимой женщине. На, Дженни, сунь-ка ей это. *(Достав из кармана брюк соверен, бросает его жене, которая ловит монету в передник, ахнув от изумления. Джонс снова принимается шнуровать ботинки.)*

Миссис Джонс (украдкой потеряв монету). Извините, что мы так задержались с этим, и, само собой, мы должны четырнадцать шиллингов, так если у вас найдется шесть сдачи, все будет в порядке.

Миссис Седон берет кошелечек и роется в карманах в поисках сдачи.

Джонс (не отрывая глаз от ботинок). Не ожидали, небось?

Миссис Седон. Ах, благодарю вас! (Она действительно выглядит весьма удивленной.) Пойду принесу сдачу.

Джонс (с насмешкой). Стоит ли беспокоиться..

Миссис Седон. Благодарю вас. (Выскальзывает из комнаты.)

Миссис Джонс пристально смотрит на Джонса, который продолжает шнуровать ботинки.

Джонс. Мне маленько подвезло. (Вытаскивает из кармана красный кошелечек и несколько отдельных монет.) Подобрал кошелечек — семь фунтов с лишком.

Миссис Джонс. О Джемс!

Джонс. «О Джемс!» При чем тут «О Джемс!»? Говорю тебе, я подобрал его. Это утерянное имущество — вот что это.

Миссис Джонс. Неужто там нигде нет фамилии или чего-нибудь такого?

Джонс. Какая там фамилия! Это кошелечек шикарной дамочки, а такие визитных карточек не носят. На, понюхай. (Кидает ей кошелечек.)

Она осторожно подносит кошелечек к носу.

Ну, что я должен был сделать? Скажи. Ты ведь всегда знаешь, что я должен делать.

Миссис Джонс (положив кошелечек). Я не могу сказать, что ты должен был сделать, Джемс. Только эти деньги, само собой, не твои, ты взял чужие деньги.

Джонс. Что нашел — твое. Это мне будет в уплату за время, когда я ходил, выпрашивая то, что мое по праву. Я беру, что мне давно причитается, слышишь? (Со странным торжеством.) У меня в кармане монета, старушка.

Миссис Джонс снова берется за приготовление обеда. Джонс украдкой на нее поглядывает.

Деньги в кармане! И я не собираюсь бросать их на ветер. На эти денежки я поеду в Канаду. Один фунт я оставляю тебе.

Молчание.

Ты тут часто болтала, что уйдешь от меня, говорила, я плохо с тобой обращаюсь, что ж, ты, думаю будешь рада, когда я уеду.

Миссис Джонс (безучастно). Ты и взаправду плохо со мной обращаешься, Джемс, а помешать тебе уехать я, само собой, не могу. Но вот что буду рада — не знаю.

Джонс. Это принесет мне удачу. Все время не везет и не везет, как связался с тобой. (Мягче.) Да и для тебя эта распроклятая жизнь была не малина.

Миссис Джонс. Да, нам бы, само собой, лучше никогда не встречаться. Не судьба нам вместе... Но ты на меня зло держишь, да и давно уже. И так плохо ко мне относишься, бегаешь за этой Розой и вообще... Ты, видно, совсем не думаешь о детях, которых мы с тобой нажили, о том, как я бьюсь, чтоб их прокормить, и что с ними станет, когда ты уедешь.

Джонс (пересекая комнату, хмуро). Если ты воображаешь, что мне хочется бросать эту мелкоту, ты здорово, черт подери, ошибаешься.

Миссис Джонс. Не спорю, ты их, само собой, любишь.

Джонс (теребя пальцами кошелек, полусердито). Ну, и оставь это, старуха. Ребятишкам без меня будет только лучше. Знай я раньше, что теперь знаю, я не завел бы и одного. Заводить детей на такую жизнь — преступление, истинно преступление. Но когда начинаешь понимать это, уже поздно, вот в чем дело-то. (Кладет кошелек обратно в карман.)

Миссис Джонс. Само собой, для них, бедняжек, лучше бы совсем на свет не родиться, но это же твои дети! Диву даюсь, как только у тебя язык поворачивается!.. Да я бы с тоски извелась, когда б мне довелось их потерять.

Джонс (*угрюмо*). Думаешь, только ты? Если я там подзаработаю... (*Поднимает голову и видит, что она вытряхивает его пальто. Изменившимся голосом.*) Оставь пальто в покое!

Из кармана падает серебряная коробка, папиросы рассыпаются по кровати. Подняв коробку, она смотрит на нее широко открытыми глазами. Он кидается к жене и выхватывает коробку.

Миссис Джонс (*съежившись, опускается на кровать*). О Джемс, о Джемс!

Джонс (*уронив коробку на стол*). Думай, что говоришь. Я вот сейчас выйду и швырну ее в реку вместе с этим, с кошельком. Я взял ее, когда был под мухой, а за то, что делаешь, когда пьян, ты не ответчик. Разрази меня гром, коли не так; да ты и сама это знаешь. Не нужна мне эта штуковина. Я ее держать не собираюсь. И взял-то ее со зла. Я не вор, слышишь, и не вздумай так меня называть, а то тебе не поздоровится.

Миссис Джонс (*теребя завязки фартука*). Ведь она из дома мистера Бартвика. Ты загубил мое доброе имя. О Джемс, как ты мог?

Джонс. Не возьму в толк, о чем ты.

Миссис Джонс. Ее хватились, и они подумали на меня. О, как ты мог это сделать, Джемс!

Джонс. Говорю тебе, я был под мухой. Не нужна она мне, какая мне с нее корысть? Если б я вздумал ее заложить, они бы меня зацапали. Я не вор. Я не хуже, чем этот щенок Бартвик. Он унес домой кошелек, тот, что я подобрал,— кошелек одной леди... полаялся с нею и вырвал. Все хвастался, что проучил ее. Ну, а я его проучил. И пьян же он был — в дым. А ты думаешь, ему что-нибудь за это будет?

Миссис Джонс (*как бы про себя*). О Джемс, ты отнял у нас последний кусок хлеба.

Джонс. Да? Я их еще заставляю потрыгать. А кошелек-то? А молодой Бартвик?

Миссис Джонс идет к столу и хочет взять коробку. Джонс не дает.

Это еще зачем? Не тронь, говорю!

Миссис Джонс. Отнесу ее обратно и объясню им все. (*Пытается вырвать у него коробку.*)

Джонс. А, ты так?!

Он бросает коробку и с рычанием кидается на миссис Джонс. Она увертывается, проскальзывает мимо кровати. Он за ней; опрокидывают стул. Открывается дверь, и входит Сноу, агент сыскной полиции. Он в штатском платье и котелке. Маленькие, подстриженные усики. У Джонса падают сжатые в кулак руки, миссис Джонс останавливается у окна и стоит, стараясь перевести дыхание. Сноу, быстро подойдя к столу, кладет руку на коробку.

Сноу. Маленькое семейное развлечение... Сдается, это как раз то, за чем я пришел. «Д. Б.» — эта самая. (Снова идет к двери, внимательно разглядывая монограмму на крышке коробки. К миссис Джонс.) Я из полиции. Вы — миссис Джонс?

Миссис Джонс. Да, сэр.

Сноу. Я должен задержать вас по обвинению в краже этой коробки у Джона Бартвика, эсквайра, члена парламента, проживающего по Рокинггейм-Гейт, номер шесть. Все, что вы скажете, может быть обращено против вас. Ну, миссис?

Миссис Джонс (своим тихим голосом, все еще не отдышавшись; одна рука прижата к груди). Само собой, я не брала ее, сэр, я в жизни не взяла ничего чужого, и я, само собой, ничего об этом не знаю.

Сноу. Вы были в доме сегодня утром, вы убрали комнату, в которой находилась коробка, вы оставались там одна, и вот я нахожу эту коробку здесь. Вы говорите, что не брали ее?

Миссис Джонс. Да, сэр, само собой, говорю, что не брала, раз я и вправду не брала.

Сноу. Как же тогда коробка очутилась здесь?

Миссис Джонс. Мне бы не хотелось об этом говорить.

Сноу. Это ваш муж?

Миссис Джонс. Да, сэр, это мой муж, сэр.

Сноу. Желаете вы сказать что-нибудь, прежде чем я уведу ее?

Джонс продолжает молчать, опустив голову.

Ну, что же, миссис. Прошу вас спокойненько отправиться со мной.

Миссис Джонс (ломая руки). Ведь я же, само собой, не стала бы говорить, что не брала ее, если бы я взяла... И я не брала, правда, не брала. Само собой, я вижу, что все как будто против меня, но я не могу рассказать, как было на самом деле. А дети в школе и скоро придут домой, и что только они без меня тут будут делать?!

Сноу. Не волнуйтесь, ваш муж за ними присмотрит. (Мягко берет ее за руку.)

Джонс. Не тронь ее, она тут ни при чем. (Угрюмо.) Эту штуку взял я.

Сноу (пристально посмотрев на него). Ладно, ладно. Это делает вам честь. Пошли, миссис.

Джонс (вне себя). Не цапай, говорю, ты, чертов щипик! Она порядочная женщина, моя жена. Попробуй только тронь!

Сноу. Ну-ну, потише! Это ничему не поможет. Придержи язык, так-то будет лучше для всех. (Подносит ко рту свисток и тащит женщину к дверям.)

Джонс (кидаясь на него). Убери лапы, не то худо будет. Оставь ее в покое, ясно? Говорю тебе, я сам взял эту штуку.

Сноу (свистит). Не давай воли рукам, а то и тебя заберу.

Джонс, подойдя вплотную, наносит ему удар.

А, ты так?!

Входит полн с мен в форме. Короткая борьба, из которой победителями выходят Сноу и полн с мен. Миссис Джонс заламывает руки и в отчаянии закрывает ими лицо.

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Столовая в доме Бартвика. Вечер того же дня. Семейство Бартвиков сидит за десертом.

Миссис Бартвик. Джон!

Молчание нарушает только треск раскалываемых орехов.

Джон!

Б а р т в и к. Тебе бы следовало поговорить с кухаркой насчет орехов. Они несъедобны. (*Кладет орех в рот.*)

М и с с и с Б а р т в и к. Сейчас для них не сезон. Я заезжала с визитом к Холирудам.

Бартвик наливает в бокал портвейну.

Д ж е к. Па, щипцы, пожалуйста.

Бартвик с задумчивым видом передает щипцы.

М и с с и с Б а р т в и к. Леди Холируд очень располнела. Я уже давно замечала, что к этому идет.

Б а р т в и к (*уныло*). Располнела? (*Берет щипцы. С напускной беззаботностью.*) У Холирудов как будто были неприятности с прислугой?

Д ж е к. Па, щипцы, пожалуйста.

Б а р т в и к (*передавая щипцы*). Это попало в газеты. С кухаркой, кажется?

М и с с и с Б а р т в и к. Нет, с горничной. Мы говорили об этом с леди Холируд. Девушка завела обыкновение принимать в доме своего кавалера.

Б а р т в и к (*беспокойно*). Я не думаю, что с их стороны было так уж умно...

М и с с и с Б а р т в и к. Дорогой Джон, о чем ты говоришь? Что еще они могли сделать? Представь, какой пример для других слуг.

Б а р т в и к. Конечно, в принципе... Я об этом не подумал.

Д ж е к (*раздраженно*). Па, щипцы, пожалуйста.

Бартвик вынужден отдать щипцы.

М и с с и с Б а р т в и к. Леди Холируд рассказывает мне: «Я вызвала ее к себе и сказала: «Немедленно покиньте мой дом, я считаю ваше поведение неприличным. Я не хочу об этом говорить, я не знаю и не желаю знать, что вы делали. Я увольняю вас из принципа, и можете не обращаться ко мне за рекомендацией!» А горничная заявляет: «Раз вы не предупредили меня заранее, миледи, выдайте мне мое месячное жалованье. Я порядочная девушка. Я ничего дурного не сделала». Ничего не сделала!»

Бартвик. Гм!

Миссис Бартвик. Слуги сейчас взяли слишком много воли. Они во всем стоят друг за друга. Это ужасно, никогда нельзя знать, что у них в действительности на уме. Кажется, что они сговорились все от тебя скрывать. Даже Марлоу: чувствуешь, что он старается утаить свои настоящие мысли. Не терплю этой скрытности. Она подрывает всякое доверие. Иногда у меня появляется желание подойти и потряхнуть его как следует.

Джек. Марлоу очень порядочный парень. Дьявольски неприятно, когда все суют нос в твои дела.

Бартвик. Чем меньше ты будешь высказываться на эту тему, тем лучше.

Миссис Бартвик. И это так распространено в низших классах. Никогда нельзя знать, правду они говорят или нет. Сегодня, когда я заехала за покупками после визита к Холирудам, ко мне подошел один из этих безработных. До коляски было не более двадцати шагов, но он как из-под земли вырос.

Бартвик. А! В наши дни нужно быть очень осторожным и не разговаривать с кем попало.

Миссис Бартвик. Конечно, я ему не ответила. Но я сразу же увидела, что он говорит неправду.

Бартвик (*раскалывая орех*). Есть одно очень хорошее правило — посмотреть им в глаза.

Джек. Па, щипцы, пожалуйста.

Бартвик (*передавая щипцы*). Если у них открытый взгляд, я иногда даю им несколько пенсов. Это против моих принципов, но отказывать так трудно. Если же глаза у них озлобленные, тупые или бегающие, как нередко бывает, это уж наверняка пьяница, или преступник, или еще что-нибудь в этом роде.

Миссис Бартвик. У этого человека были ужасные глаза. Он выглядел так, будто он готов совершить убийство. «Я ничего сегодня не ел», — сказал он. Так и сказал.

Бартвик. И о чем только думал Вильям. Он должен был тебя ожидать.

Джек (*поднося к носу бокал с вином*). Урожай шестьдесят третьего года, па?

Бартвик любуется вином на свет, затем вдыхает его аромат.

Миссис Бартвик. Терпеть не могу людей, которые говорят неправду.

Отец с сыном, держа бокалы с вином, обмениваются взглядом.

Говорить правду ничуть не труднее, чем лгать. Мне, во всяком случае, это всегда было очень легко. А иначе не разберешь, чему же верить; возникает такое чувство, будто тебя постоянно обманывают.

Бартвик (*нравоучительно*). Низшие классы — сами себе враги. Если бы они нам доверяли, то преуспевали бы куда больше.

Миссис Бартвик. Как бы там ни было, они всегда сами во всем виноваты. Взять, к примеру, эту миссис Джонс.

Бартвик. Я хочу, чтобы в этом деле была соблюдена полная справедливость. Сегодня я виделся с Роупером и рассказал ему об этом. Он зайдет вечером. Все зависит от того, что скажет агент сыскной полиции. У меня есть некоторые сомнения. Я думал об этом деле.

Миссис Бартвик. Женщина произвела на меня самое невыгодное впечатление. Она, по-видимому, потеряла всякий стыд. История, которую она рассказала о себе и об этом своем муже, — это же безнравственно! Да еще при тебе и Джеке! Мне хотелось выставить ее из комнаты.

Бартвик. О, я не хочу их оправдывать, но в таких делах нужно учитывать...

Миссис Бартвик. Может быть, ты еще скажешь, что хозяин этого человека был неправ, когда уволил его?

Бартвик. Конечно, я этого не скажу. Не это вызывает мои сомнения. Я спрашиваю себя вот о чем...

Джек. Па, портвейн, пожалуйста.

Бартвик (*графин в его торжественно вытянутой руке описывает над столом широкую дугу, словно солнце на небосводе*). ...я спрашиваю себя, достаточно ли мы тщательно наводим справки о людях, которых собираемся нанять, особенно в отношении их нравственности.

Джек. Мама, передай, пожалуйста, портвейн.

Миссис Бартвик (*передавая*). Мой милый мальчик, не слишком ли ты много пьешь?

Джек наполняет бокал.

Марлоу (*входя*). Сэр, вас хочет видеть Сноу, агент сыскной полиции.

Бартвик (*после паузы*). А! Скажите, что я сейчас к нему выйду.

Миссис Бартвик (*не оборачиваясь*). Проведите его сюда, Марлоу.

Входит Сноу. Он в пальто. Котелок держит в руке.

Бартвик. А! (*Слегка приподнимаясь.*) Добрый вечер!

Сноу. Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мэм. Я зашел отчитаться. Боюсь, что сейчас немного поздно, но меня задержали в связи с другим случаем. (*Вынимает из кармана серебряную коробку, вызвав этим сенсацию.*) Тот самый предмет, если не ошибаюсь.

Бартвик. Именно, именно.

Сноу. Я в этом не сомневался, сэр, так как на крышке ваша монограмма, точно, как вы мне описывали.

Бартвик. Превосходно. Не выпьете ли стаканчик... (*бросает взгляд на убывающий в графине портвейн*) э... хересу? (*Наливает ему из бутылки.*) Джек, передай это мистеру Сноу.

Джек поднимается и передает бокал, затем, снова развалясь в кресле, рассматривает Сноу со скучающим видом.

Сноу (*выпив вино и поставив бокал*). Повидав вас, сэр, я отправился к месту жительства Джонсов. Это подозрительный район, я и подумал, что неплохо будет оставить внизу констебля... и не напрасно, оказалось.

Бартвик. Неужели?!

Сноу. Да, сэр. Были небольшие осложнения. Я попросил ее объяснить, откуда у нее этот предмет. Она ничего не могла мне ответить, только отрицала кражу, поэтому я арестовал ее. Тогда ее муж накинулся на меня, и я был вынужден забрать также и его, за оскорбление действием. По пути в полицию он всю дорогу буйство-

вал, угрожал вам и вашему сыну, и вообще, должен вам сказать, с ним пришлось изрядно повозиться.

Миссис Бартвик. Вот, должно быть, негодяй!

Сноу. Да, мэм, отпетый тип.

Джек (*потягивая вино и уже немного захмелев*). Стукнули бы его раза два по башке.

Сноу. Подвержен пьянству, насколько я понял, сэр.

Миссис Бартвик. Нужно надеяться, он будет как следует наказан.

Сноу. Одно странно, сэр: он упорно повторяет, что коробку взял он.

Бартвик. Коробку взял он?! (*Улыбается.*) Что он думает этим выиграть?

Сноу. Он говорит, что молодой джентльмен был в нетрезвом состоянии вчера ночью...

Джек перестает колоть орехи и смотрит на Сноу. Улыбка сползает с лица Бартвика. Он ставит бокал с вином на стол. Молчание. Сноу, переводя взгляд с одного лица на другое, продолжает.

...что он впустил его в дом и угостил виски, и под влиянием вина, выпитого на пустой желудок, он и взял коробку. Так он, во всяком случае, говорит.

Миссис Бартвик. Каково бесстыдство!

Бартвик. Вы хотите сказать, что он... э... намеревается выдвинуть эту версию завтра...

Сноу. Такова будет его линия, сэр, а уж дело судьи решить, покрывает ли он жену или (*глядит на Джека*) тут действительно что-нибудь есть.

Миссис Бартвик (*высокомерно*). Что-нибудь есть... где? Я вас не понимаю. Как будто мой сын способен привести подобного человека в дом!

Бартвик (*у камина, пытаюсь сохранить спокойствие*). Я думаю, мой сын сам может сказать за себя... Джек... что ты скажешь?

Миссис Бартвик (*раздраженно*). Что он скажет? Ну, конечно же, он скажет, что вся эта история — ерунда!

Джек (*в замешательстве*). Да, конечно, я... конечно, я ничего об этом не знаю.

Миссис Бартвик. Разумеется, ничего, еще бы! (*К Сноу.*) Этот человек — наглый негодяй!

Бартвик (*стараясь подавить нервную дрожь*). Но ввиду того, что мой сын утверждает, что эта... эта басня... совершенно безосновательна... может быть, при сложившихся обстоятельствах нет особой необходимости продолжать дело против этого человека?

Сноу. Нам все равно придется выдвинуть против него обвинение в оскорблении действием, сэр. Было бы неплохо, если бы ваш сын явился в суд. Дело, без сомнения, будет назначено к повторному слушанию. Странно то, что при нем была обнаружена довольно большая сумма денег и красный шелковый кошелек.

Бартвик вздрагивает; Джек поднимается и снова садится.

У леди не пропал кошелек?

Бартвик (*поспешно*). О нет, нет!

Джек. Нет!

Миссис Бартвик (*рассеянно*). Нет. (*К Сноу.*) Я спрашивала слуг. Этот человек вечно слоняется возле нашего дома. Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока его основательно не засадят за решетку. Я считаю, нас должны охранять от подобных негодяев.

Бартвик. Да, да, конечно, в принципе... но в данном случае надо учесть ряд обстоятельств... (*К Сноу.*) Если я не ошибаюсь, вы сказали, что он так или иначе должен будет предстать перед судом?

Сноу. Это не подлежит сомнению, сэр.

Бартвик (*хмуро глядя на Джека*). Мне это дело очень не по нутру. К бедным я испытываю величайшее сочувствие. Как член парламента, я не должен забывать о горестях этих людей. Положение народа оставляет желать лучшего. Вы меня понимаете? Я хотел бы найти способ прекратить это дело.

Миссис Бартвик (*резко*). Джон! Это же несправедливо по отношению к другим людям. Это значит просто отдавать собственность на разграбление всем встречным.

Бартвик (*пытаясь незаметно подать ей знак*). Я не защищаю его, вовсе нет. Я стараюсь быть гуманным в рассмотрении этого вопроса.

Миссис Бартвик. Глупости, Джон. Всему свое время.

Сноу (несколько иронически). Простите, сэр, но я должен заметить, что отказ от обвинения в краже ничего не изменит, так как факты выйдут наружу (многозначительно смотрит на Джека) при разбирательстве второго обвинения — в оскорблении действием, а оно-то будет рассматриваться, как я уже говорил.

Бартвик (поспешно). Да, да, конечно! Я только хотел пощадить чувства этой женщины... Мои личные симпатии...

Сноу. На вашем месте, сэр, я предоставил бы события их естественному ходу. Я не думаю, чтобы возникли какие-либо затруднения. Такие дела решаются быстро.

Бартвик (с сомнением). Вы так полагаете... вы так полагаете?

Джек (выходя из оцепенения). Послушайте, в чем я должен буду присягнуть?

Сноу. Это вам самому лучше знать, сэр. (Направляясь к двери.) Я бы посоветовал вам нанять адвоката, сэр, на случай, если что-нибудь возникнет. Нам придется вызвать дворецкого для дачи показаний об обстоятельствах пропажи. Извините, что я ухожу, но мне сегодня очень некогда. Дело может быть назначено к слушанию в любой час после одиннадцати. До свидания, сэр, до свидания, мэм. Коробку я должен буду предъявить завтра на суде, так что, если вы не возражаете, сэр, я лучше захвачу ее с собой. (Берет серебряную коробку и выходит с небольшим поклоном.)

Бартвик делает движение, как бы собираясь пойти за ним, затем, стремительным жестом сунув руки под фалды, говорит с отчаянием в голосе.

Бартвик. Я бы хотел, чтобы ты предоставила мне самому справляться с делами. Тебе обязательно надо совать нос туда, где ты ничего не смыслишь. Хорошенькую ты заварила кашу!

Миссис Бартвик (холодно). Я не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь. Если ты не можешь встать на защиту своих прав, так это делаю я. И не выводи меня из терпения своими дурацкими принципами, они мне уже надоели!

Б а р т в и к. Принципы! Боже мой! При чем тут принципы, скажи мне, ради бога? Ты что, не знаешь, что вчера ночью Джек был пьян?

Д ж е к. Па!

М и с с и с Б а р т в и к (*поднимаясь, в ужасе*). Джек!

Д ж е к. Ну, послушай, мама... я ужинал в ресторане... Все так делают. Я хочу сказать... вы знаете, что я хочу сказать... смешно говорить, что я был пьян. У нас в Оксфорде все не дураки приложиться при случае.

М и с с и с Б а р т в и к. О, по-моему, это совершенно ужасно! Если таковы ваши занятия в Оксфорде...

Д ж е к (*сердито*). Зачем же меня туда послали? Приходится не отставать от других. Это, конечно, глупость, то есть, я хочу сказать, глупо говорить, что я был пьян. Конечно, я и сам не рад: у меня после этого целый день зверски болит голова.

Б а р т в и к. Шш! Если бы у тебя хоть хватило порядочности не напиваться до потери сознания, мы бы знали, что произошло, когда ты пришел домой, что правда в рассказе этого субъекта, а что — ложь. А так все покрыто полным мраком.

Д ж е к (*как бы вглядываясь в смутные видения*). Мне кажется, я что-то... а затем все исчезает.

М и с с и с Б а р т в и к. О Джек! Неужели ты хочешь сказать, ты был так пьян, что даже не помнишь ничего?..

Д ж е к. Да нет, мама! Конечно, я помню, что я пришел... то есть, я, должно быть, пришел...

Б а р т в и к (*расхаживая взад и вперед по комнате, неосмотрительно*). А!.. И этот проклятый кошелек! Боже мой! Еще попадет в газеты. Ну кто мог предвидеть что-либо подобное? Я бы предпочел потерять дюжину серебряных коробок, чем поднимать эту историю. (*Жене.*) Это все твоих рук дело. Я тебе с самого начала говорил. О господи, хоть бы Роупер пришел!

М и с с и с Б а р т в и к (*раздраженно*). Не понимаю, о чем идет речь, Джон.

Б а р т в и к (*резко повернувшись к ней*). Да ты... ты ничего не понимаешь! (*Раздраженно.*) Где, черт подери, Роупер? Если он сможет найти выход из этого положения, значит, он умнее, чем я думал. Да здесь никто выхода не найдет. Я лично не нахожу.

Джек. Послушай, па, не волнуйся... я могу просто сказать, что я дьявольски устал и не помню ничего, кроме того, что я пришел домой и (гораздо тише, чем предыдущее), как обычно, улегся в постель.

Бартвик. Улегся в постель? Кто знает, где ты улегся... Я потерял к тебе всякое доверие. Судя по всему, ты мог улечься и на полу.

Джек (возмущенно). Нет, не на полу, я спал на...

Бартвик (сидя на диван). Кому интересно, где ты спал, какое это будет иметь значение, если он упомянет о... о... совершеннейший позор!

Миссис Бартвик. О чем упомянет?

Молчание.

Я настаиваю, чтобы мне сказали.

Джек. О, ничего особенного.

Миссис Бартвик. Ничего особенного? Что ты понимаешь под этим «ничего особенного», Джек? Твой отец в таком состоянии из-за этого...

Джек. Пустяки! Речь идет всего-навсего о моем кошельке.

Миссис Бартвик. О твоём кошельке! Ты прекрасно знаешь, что не носишь кошелька.

Джек. Ну, не о моем, а о чужом... все это только шутка... Мне вовсе не нужна эта чертова штуковина...

Миссис Бартвик. Ты хочешь сказать, что у тебя был чужой кошелек и этот человек взял его вместе с коробкой?

Бартвик. Конечно, он взял и кошелек тоже. А такой человек, как Джонс, не остановится ни перед чем: это попадет в газеты.

Миссис Бартвик. Решительно не понимаю. Из-за чего, скажи мне, ради бога, вы подняли такой шум? (Наклоняясь к Джеку, мягко.) Джек, милый, ну скажи мне. Не бойся... В чем дело? Ну же!

Джек. Не надо, мама.

Миссис Бартвик. Чего «не надо», милый?

Джек. Я просто пошутил. Я не знаю, как эта штука оказалась у меня. Конечно, мы немножко поцапались... Я не соображал, что делаю... я был... я был... ну, ты понимаешь... видимо, я вырвал сумочку у нее из рук.

Миссис Бартвик. У нее из рук? У кого из рук? Какую сумочку?.. Чью сумочку?

Джек. О, я не знаю... ее сумочку.. Ну, то есть *(в отчаянии чуть не кричит)* одной женщины!

Миссис Бартвик. Одной женщины? О! Джек! Нет!

Джек *(вскакивая)*. Ты же сама старалась все испытать. Я не хотел тебе рассказывать. Сама виновата.

Отворяется дверь, и Марлоу пропускает немолодого грузного человека в смокинге. У него редкие рыжеватые усники, темные бегающие глазки и раскосые брови.

Марлоу. Мистер Роупер, сэр. *(Выходит.)*

Роупер *(окидывая всех быстрым взглядом)*. Здравствуйте.

Ни Джек, ни миссис Бартвик не отвечают.

Бартвик *(поспешно)*. Слава богу, вы пришли, Роупер. Вы помните, о чем я вам говорил сегодня днем? Только что здесь был агент.

Роупер. Нашел коробку?

Бартвик. Да, да, но послушайте... это вовсе не женщина, вещи взял этот пьяница и бездельник, ее муж... Он говорит, что вот этот молодчик *(делает жест рукой в сторону Джека, который втянул голову в плечи, как бы защищаясь от удара)* впустил его вчера ночью в дом. Можете вы себе представить что-нибудь подобное?

Роупер смеется.

(Возбужденно.) Тут не до смеха, Роупер... Я ведь вам рассказывал об этой истории с Джеком... Так понимаете... негодяй забрал и то и другое... Он взял этот проклятый кошелек. Дело попадет в газеты!

Роупер *(поднимает брови)*. Гм! Кошелек! Моральное разложение в высшем обществе! Что говорит ваш сын?

Бартвик. Он ничего не помнит. Проклятие! Случалось вам когда-нибудь влипнуть в такую историю? Это попадет в газеты!

Миссис Бартвик (*прикрывая глаза рукой*). Ах, не в том дело!

Бартвик и Роупер оборачиваются и смотрят на нее.

Бартвик. Ее мучает мысль об этой женщине... Она только сейчас узнала...

Роупер кивает. Миссис Бартвик, стиснув губы, бросает долгий взгляд на Джека и садится к столу.

Что тут можно сделать, Роупер? Такой негодяй, как Джонс, не упустит случая извлечь из этой истории с кошельком все, что только возможно.

Миссис Бартвик. Я не верю, что Джек взял кошелек.

Бартвик. Что?.. Когда эта женщина приходила за ним сегодня утром!

Миссис Бартвик. Сюда? У нее хватило наглости? Почему мне не сказали? (*Переводит взгляд с одного лица на другое, никто ей не отвечает.*)

Пауза.

Бартвик (*внезапно*). Что делать, Роупер?

Роупер (*спокойно Джеку*). Надеюсь, вы не забыли свой ключ в дверях?

Джек (*угрюмо*). Забыл.

Бартвик. О господи! Чего еще ждать?

Миссис Бартвик. Ты, конечно, не пускал этого человека в дом, Джек, это дикая выдумка. Я уверена, что здесь нет ни слова правды, мистер Роупер.

Роупер (*неожиданно*). Где вы спали прошлую ночь?

Джек (*сразу*). Здесь на диване (*заколебавшись*), то есть я...

Бартвик. На диване? Ты хочешь сказать, что не ложился в постель?

Джек (*угрюмо*). Да.

Бартвик. Если ты ничего не помнишь, как ты можешь это знать?

Джек. Да потому, что утром я проснулся здесь.

Миссис Бартвик. О Джек!

Бартвик. Боже мой!

Джек. И миссис Джонс меня видела. Хотя бы вы перестали меня мучить.

Роупер. Вы не помните, чтобы вы угощали кого-нибудь?

Джек. Клянусь дьяволом, я и правда, кажется, припоминаю... парня... какого-то парня... (*Глядит на Роупера.*) Послушайте, вы хотите, чтобы я...

Роупер (*с быстротой молнии*). Подозрительного вида?

Джек (*озаренный внезапным воспоминанием*). Верно, я ясно помню...

Бартвик делает резкое движение, миссис Бартвик сердито смотрит на Роупера и трогает сына за руку.

Миссис Бартвик. Ничего ты не помнишь. Это смехотворно! Я не верю, чтобы этот человек вообще здесь был.

Бартвик. Ты должен говорить правду, если это действительно правда. Но предупреждаю: если вскроется подобная мерзость, я полностью умываю руки.

Джек (*свирепо глядя на него*). Какого же дьявола...

Миссис Бартвик. Джек!

Джек. Но я... я не понимаю, мама, чего же вы на самом деле хотите.

Миссис Бартвик. Мы хотим, чтобы ты говорил правду и сказал, что никогда не впускал в дом этого низкого человека.

Бартвик. Конечно, если ты думаешь, что на самом деле угощал Джонса виски при столь позорных обстоятельствах и дал ему понять, чем ты в тот вечер занимался, и если к тому же сам ты был в таком безобразном состоянии, что ни слова из всего этого не помнишь...

Роупер (*быстро*). У меня у самого отвратительная память. С детства, знаете ли.

Бартвик (*с отчаянием*). ...то я совершенно не представляю, что ты там сможешь сказать.

Роупер (*Джеку*). Не говорите вообще ничего. Не ставьте себя в ложное положение. Муж ли украл эти

вещи или жена, вы к этому абсолютно непричастны. Вы спали на диване.

Миссис Бартвик. Достаточно плохо то, что ты забыл ключ в дверях, к чему упоминать еще о чем-нибудь. (*Дотрагиваясь до его лба, мягко.*) Мой милый, какая у тебя горячая голова!

Джек. Но я хочу знать, что мне делать. (*Со злостью.*) Хватит уже надо мной издеваться!

Миссис Бартвик отшатывается от него.

Роупер (*очень быстро*). Вы ничего не помните. Вы спали.

Джек. Должен я завтра идти в суд?

Роупер (*делая отрицательное движение головой*). Нет.

Бартвик (*с облегчением*). Это верно?

Роупер. Да.

Бартвик. Но вы-то пойдете, Роупер?

Роупер. Да.

Джек (*с жалкой улыбкой, но несколько приободрившись*). Страшно вам благодарен! Если только мне не нужно идти... (*Прикладывая руку ко лбу.*) Вы извините меня... у меня был такой ужасный день, и я думаю... (*Переводит взгляд с отца на мать.*)

Миссис Бартвик (*быстро поворачиваясь к нему*). Спокойной ночи, мой мальчик.

Джек. Доброй ночи, мамочка. (*Выходит.*)

Миссис Бартвик тяжело вздыхает. Молчание.

Бартвик. Слишком легко ему все сходит с рук. Если бы я не дал ей денег, эта женщина подала бы на него в суд.

Роупер. Да, деньги — вещь полезная.

Бартвик. Я не уверен, что мы должны скрывать правду...

Роупер. Дело будет слушаться повторно.

Бартвик. Что? Вы хотите сказать, что ему все же придется предстать перед судом?

Роупер. Да.

Бартвик. Гм, я думал вы сможете... Послушайте, Роупер, вы должны сделать так, чтобы этот кошелек не попал в газеты.

Роупер останавливает на нем взгляд своих маленьких глазок и кивает.

Миссис Бартвик. Мистер Роупер, не думаете ли вы, что судье следует сказать, какого сорта люди эти Джонсы. Я имею в виду их безнравственное поведение еще до женитьбы. Я не знаю, рассказывал ли вам Джон.

Роупер. Боюсь, что это не существенно.

Миссис Бартвик. Не существенно?

Роупер. Это вопрос личной жизни. То же могло произойти и с самим судьей.

Бартвик (*передернув плечами, будто сбрасывая с них тяжелую ношу*). Значит, вы берете дело в свои руки?

Роупер. Если боги будут милостивы. (*Протягивает руку.*)

Бартвик (*пожимает ее. С сомнением*). Милостивы... э? Что? Вы уходите?

Роупер. Да, у меня есть еще одно дело, вроде вашего, совершенно неожиданное. (*Кланяется миссис Бартвик и выходит в сопровождении Бартвика, разговаривая с ним по пути.*)

Миссис Бартвик, сидящая у стола, раздражается глухими рыданиями. Возвращается Бартвик.

Бартвик (*про себя*). Не избежать скандала.

Миссис Бартвик (*пытаясь скрыть, насколько она расстроена*). Просто представить себе не могу, что думает Роупер! Как можно превращать такие вещи в шутку.

Бартвик (*глядя на нее с необычным для него выражением*). Ты! Ты ничего не можешь себе представить! У тебя воображения не больше, чем у мухи!

Миссис Бартвик (*сердито*). Ты осмеливаешься говорить мне, что...

Бартвик (*возбужденно*). Я... я расстроен. С начала до конца вся эта история абсолютно противоречит моим принципам.

Миссис Бартвик. Чепуха! Нет у тебя никаких принципов. Твои принципы не что иное, как обыкновеннейший страх.

Б а р т в и к (*идя к окну*). Я никогда в жизни ничего не боялся. Ты слышала, что сказал Роупер. Такая вещь кого угодно выведет из равновесия. Все, что говоришь и делаешь, вдруг обращается против тебя... Это... это жутко. Я не привык к таким вещам. (*Широко распахивает окно, как будто ему не хватает воздуха.*)

Доносится детский плач.

Что это?

Они прислушиваются.

М и с с и с Б а р т в и к (*резко*). Я не могу выносить этого плача. Сейчас же пошлю Марлоу, чтобы он это прекратил. У меня и так страшно натянуты нервы. (*Звонит.*)

Б а р т в и к. Я закрою окно, ты ничего не будешь слышать. (*Закрывает окно.*)

Тишина.

М и с с и с Б а р т в и к (*резко*). Бесполезно. Это все равно звучит у меня в ушах. Ничто так не расстраивает меня, как слезы ребенка.

Входит М а р л о у.

Кто это плачет, Марлоу? Похоже, что ребенок.

Б а р т в и к. И в самом деле ребенок. Я вижу его у ограды.

М а р л о у (*открывая окно и выглядывая наружу, спокойно*). Это сынишка миссис Джонс, мэм. Он пришел сюда за матерью.

М и с с и с Б а р т в и к (*быстро подходя к окну*). Бедный малыш! Джон, нам не следовало бы продолжать это дело!

Б а р т в и к (*тяжело опускаясь в кресло*). Да, но теперь оно уже не в наших руках.

Миссис Бартвик поворачивается спиной к окну. На ее лице страдание. Она стоит неподвижно, плотно сжав губы. Плач начинается снова. Бартвик закрывает уши руками. Марлоу захлопывает окно. Плач замирает.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Восемь дней спустя. Лондонский полицейский суд. Час дня. Балдахин над креслом судьи увенчан изображением льва и единорога. Судья, усталый, немолодой человек, греет перед камином свои фалды и рассматривает двух маленьких девочек, в выцветшем синем и оранжевом тряпье, стоящих перед скамьей подсудимых. Возле ложи, куда вызывают свидетелей для дачи показаний,— инспектор попечительства о бедных. Он в пальто. У него короткая каштановая бородка. Рядом с девочками лысый констебль. На первой скамье сидят Бартвик и Роупер, за ними — Джек. За перегородкой — мужчины и женщины в бедной одежде. В разных местах зала сидят и стоят несколько гладких, румяных констеблей.

Судья (*грозным и одновременно отеческим голосом, со свистом выговаривая букву «с»*). Ну-с, разберемся с этими молодыми леди.

Судебный пристав (*объявляет*). Тереза Ливенз, Мод Ливенз.

Лысый констебль указывает поочередно на маленьких девочек, которые продолжают стоять молча, храня хмурый, безучастный вид.

Инспектор попечительства о бедных!

Инспектор поднимается в свидетельскую ложу.

Показания, которые вы даете суду, должны быть правдой, только правдой и ничем, кроме правды; да поможет вам бог! Поцелуйте библию.

Инспектор целует книгу.

Инспектор (*монотонно, с небольшими паузами после каждого предложения, чтобы его показания можно было записать*). Сегодня утром около десяти часов, ваша милость, я нашел этих двух маленьких девочек на

Блю-стрит, Пулэм, плачущими возле трактира. Будучи спрошены, где их дом, они сказали, что у них нет дома. Мать ушла. Спросили об отце. Отец без работы. Спросил, где они спали прошлую ночь. У тетки. Я навел справки, ваша милость. Жена бросила семью и пошла на улицу. Муж — безработный, ночует в ночлежном доме. У сестры мужа своих восемь детей, и она говорит, что не может больше держать у себя этих девочек.

Судья (вернувшись на свое место под балдахином). Что ж, давайте разберемся. Вы говорите, мать пошла на улицу. Какие вы имеете доказательства?

Инспектор. Я привел сюда ее мужа, ваша милость.

Судья. Прекрасно, вызовите его.

Слышно, как за стеной кричат: «Ливенз!» Судья наклоняется вперед, сурово и вместе сострадательно смотрит на девочек. Входит Ливенз. У него спокойные манеры, волосы с проседью. Вместо воротничка — шарф. Он останавливается возле свидетельской
ложи.

Вы их отец? Почему вы не держите своих девочек дома? Как это вышло, что они бродят по улицам?

Ливенз. У меня нет дома, ваша милость. И сам я не живу, а с хлеба на воду перебиваюсь. У меня нет работы, и мне не на что их прокормить.

Судья. Как это так нет дома?

Ливенз (сконфуженно). Жена-то моя ушла из дому и заложила все вещи.

Судья. Но как же вы это допустили?

Ливенз. Ваша милость, как я мог ей помешать? Она это сделала, когда я ушел искать работу.

Судья. Вы плохо с ней обращались?

Ливенз (выразительно). Ни разу за всю жизнь и пальцем ее не тронул, ваша милость.

Судья. Так в чем же дело? Она пила?

Ливенз. Да, ваша милость.

Судья. И была распутного поведения?

Ливенз (тихо). Да, ваша милость.

Судья. А где она сейчас?

Ливенз. Я не знаю, ваша милость. Она ушла с мужчиной, и после этого я...

Судья. Да, да. Кто знает о ней что-нибудь? (К лысому констеблю.) Здесь она известна?

Инспектор. В этом участке нет, ваша милость, но я установил, что она хорошо известна...

Судья. Да, да, этого достаточно. *(К отцу.)* Так вы говорите, что она ушла из дому и бросила этих девочек. Можете вы их обеспечить? На вид вы человек крепкий.

Ливенз. Так оно и есть, ваша милость. Я бы и рад работать, да хоть умри, ничего не могу найти.

Судья. А вы пытались?

Ливенз. Я все перепробовал, ваша милость, все, что было в моих силах.

Судья. Ну, ну.

Молчание.

Инспектор. Если ваша милость думает, что к этому есть соответствующие основания, мы охотно возьмем девочек.

Судья. Да, да, я знаю, но у меня нет доказательств того, что этому человеку не может быть доверено воспитание собственных детей. *(Поднимается и снова идет к камину.)*

Инспектор. Ваша милость, но если они останутся у отца, мать может получить к ним доступ.

Судья. Да, да, их мать, конечно, лицо неподходящее для общения с детьми. *(К отцу.)* Ну, что вы скажете?

Ливенз. Ваша милость, я могу сказать только одно: если б мне достать работу, я бы с радостью их кормил. Но что я могу сделать, ваша милость? Я сам перебиваюсь с хлеба на воду, живу в ночлежке. Сил у меня хватает, я хочу работать... не так уж я слабее других... Но, видите, ваша милость, после лихорадки волосы у меня поседели *(дотрагивается до волос)*, это тоже не в мою пользу. И вот мне все как-то не везет...

Судья. Да, да. *(Медленно.)* Что ж, я думаю, все основания налицо. *(Не спуская пристального взгляда с маленьких девочек.)* Хотите вы, чтобы этих девочек поместили в приют?

Ливенз. Да, ваша милость, конечно, хочу.

Судья. Ну, я откладываю рассмотрение этого дела на неделю. Через неделю приведете их снова. Если к тому времени обстоятельства не изменятся, я отдам распоряжение.

Инспектор. Ровно через неделю, ваша милость.

Лысый констебль, взяв девочек за плечи, выводит их. Отец идет следом. Судья, вернувшись на место, наклоняется к секретарю и что-то тихо ему говорит.

Бартвик (*прикрывая рот рукой*). Печальный случай, Роупер, очень тяжелое положение вещей.

Роупер. В полицейских судах слушаются сотни подобных дел.

Бартвик. Весьма печально! Чем больше мне приходится с этим сталкиваться, тем более важным кажется мне вопрос о положении народа. Я твердо решил встать на защиту их прав в парламенте. Я внесу предложение...

Судья прекращает разговор с секретарем.

Секретарь. Переходим к делам, назначенным к повторному слушанию!

Бартвик замолкает на полуслове. Движение в зале, и из двери для публики появляется миссис Джонс. Джонс в сопровождении полисменов входит из двери для заключенных и вслед за миссис Джонс поднимается на скамью подсудимых.

(Джемс Джонс, Джейн Джонс.)

Судебный пристав. Джейн Джонс.

Бартвик (*шепотом*). Кошелек... в деле ни в коем случае не должен фигурировать кошелек, Роупер. Как бы все это ни обернулось, вы не должны допустить, чтобы история с этим кошельком попала в газеты.

Роупер кивает.

Лысый констебль. Тише!

Миссис Джонс, одетая в черное поношенное платье из жиденькой ткани и черную соломенную шляпку, стоит неподвижно, положив руки на перила загородки, идущей вокруг скамьи подсудимых. Джонс прислонился к задней стенке загородки и вполоборота с вызовом посматривает на окружающих. Он осунулся, давно не брит.

Секретарь (*справившись в бумагах*). Дело, отложенное с прошлой среды, сэр. Кража серебряной коробки для папирос и оскорбление словом, а также оскорбление действием полиции. Оба обвинения рассматривались вместе. Джейн Джонс, Джемс Джонс!

Судья (*глядя на него*). Да, да, помню.

Секретарь. Джейн Джонс.

Миссис Джонс. Да, сэр.

Секретарь. Признаете ли вы, что совершили кражу серебряной коробки для папирос ценой в пять фунтов десять шиллингов в доме Джона Бартвика, члена парламента, между одиннадцатью вечера в понедельник и восемью сорока пятью утра во вторник на пасхальной неделе? Да или нет?

Миссис Джонс (тихо). Нет, сэр, не признаю.

Секретарь. Джемс Джонс! Признаете ли вы, что совершили кражу серебряной коробки для папирос ценой в пять фунтов десять шиллингов в доме Джона Бартвика, члена парламента, между одиннадцатью вечера в понедельник и восемью сорока пятью утра во вторник на пасхальной неделе и что затем в три часа пополудни во вторник на пасхальной неделе совершили оскорбление словом, а также оскорбление действием по отношению к полицейским чинам при исполнении ими служебных обязанностей? Да или нет?

Джонс (угрюмо). Да. Но у меня найдется много чего сказать по этому поводу.

Судья (секретарю). Да, да. Но как вышло, что этим двум людям предъявляют одно и то же обвинение? Они муж и жена?

Секретарь. Да, сэр. Помните, вы решили отложить разбор дела для выяснения некоторых обстоятельств, связанных с показаниями подсудимого.

Судья. Они были в заключении это время?

Секретарь. Женщину вы освободили под обязательство предстать в срок перед судом.

Судья. Да, да, дело о серебряной коробке, теперь я вспомнил. Ну?

Секретарь. Томас Марлоу.

За сценой несколько раз раздается: «Томас Марлоу!» Входит Марлоу, направляется к свидетельской ложе.

Судебный пристав. Показания, которые вы даете суду, должны быть правдой, только правдой и ничем, кроме правды; да поможет вам бог! Поцелуйте библию.

Марлоу целует книгу. Один из констеблей снизу подает серебряную коробку, и пристав ставит ее на перила.

Секретарь. Марлоу, вы служите дворецким в доме Джона Бартвика, члена парламента, проживающего на Рокингейм-Гейт, номер шесть?

Марлоу. Да, сэр.

Секретарь. Положили ли вы в понедельник на пасхальной неделе между 10.45 и 11 часами вечера на поднос в столовой вышеупомянутого дома серебряную коробку для папирос? Вы опознаете эту коробку?

Марлоу. Да, сэр.

Секретарь. И вы обнаружили пропажу этой коробки в восемь сорок пять утра, когда собирались унести поднос?

Марлоу. Да, сэр.

Секретарь. Вам известна подсудимая?

Марлоу кивает.

Она работает поденщицей в доме номер шесть по Рокингейм-Гейт?

Марлоу снова кивает головой.

И в то время, когда вы обнаружили пропажу коробки, вы застали ее одну в той комнате?

Марлоу. Да, сэр.

Секретарь. И затем вы сообщили о пропаже своему хозяину, и он послал вас заявить об этом в полицию?

Марлоу. Да, сэр.

Секретарь (к миссис Джонс). Есть у вас вопросы к свидетелю?

Миссис Джонс. Нет, сэр, благодарю вас, сэр.

Секретарь (к Джонсу). Джемс Джонс, есть ли у вас вопросы к свидетелю?

Джонс. Я его не знаю.

Судья. Уверены вы, что положили коробку в названное вами место и в указанное вами время?

Марлоу. Да, ваша милость.

Судья. Хорошо, тогда заслушаем агента сыскной полиции.

Марлоу выходит из свидетельской ложи, и туда поднимается Сноу.

Судебный пристав. Показания, которые вы даете суду, должны быть правдой, только правдой и

ничем, кроме правды; да поможет вам бог! Поцелуйте библию.

Сноу целует книгу.

Секретарь (*заглядывая в свои бумаги*). Ваше имя Роберт Сноу? Вы агент сыскной полиции десятого округа? Согласно полученным указаниям, вы в последний вторник на пасхальной неделе отправились на место жительства подсудимых на Мерсир-стрит, тридцать четыре, в Сент-Сомсе? И по прибытии туда вы увидели предъявленную здесь серебряную коробку лежащей на столе?

Сноу. Да, сэр.

Секретарь. И вы, соответственно, изъяли у них эту коробку и предъявили подсудимой обвинение в краже оной на Рокингейм-Гейт, номер шесть. И она отрицала вышесказанное?

Сноу. Да, сэр.

Секретарь. После чего вы взяли ее под стражу?

Сноу. Да, сэр.

Судья. Каково было ее поведение?

Сноу. Она вела себя спокойно, ваша милость, однако настойчиво отрицала свою вину.

Судья. Она вам известна?

Сноу. Нет, ваша милость.

Судья. В нашем участке на нее нет никаких материалов?

Лысый констебль. Нет, ваша милость, ни на нее, ни на второго подсудимого у нас нет никаких материалов.

Секретарь (*к миссис Джонс.*) Есть у вас вопросы к свидетелю?

Миссис Джонс. Нет, сэр, благодарю вас, мне не о чем его спрашивать.

Судья. Отлично, продолжайте.

Секретарь (*читая*). И в то время, как вы хотели увести подсудимую, подсудимый вмешался и совершил попытку воспрепятствовать исполнению вами ваших обязанностей, причем нанес вам удар?

Сноу. Да, сэр.

Секретарь. И он сказал: «Пустите ее, это я взял коробку»?

Сноу. Так точно.

Секретарь. После чего вы дали свисток и при помощи второго констебля взяли подсудимого под стражу?

Сноу. Так точно.

Секретарь. И по пути в полицию он вел себя неподобающим образом, употреблял бранные слова и несколько раз повторял, что это он взял коробку?

Сноу кивает.

После чего вы спросили его, каким образом он украл коробку? И из его слов вы поняли, что он попал в дом по приглашению молодого мистера Бартвика...

Бартвик поворачивается, нахмурясь, смотрит на Роупера.

...после полуночи в пасхальный понедельник и его угостили там виски и что под влиянием выпитого виски он взял коробку?

Сноу. Так, сэр.

Секретарь. И все время его поведение было абсолютно неподобающим?

Сноу. Именно так.

Джонс (*вмешиваясь*). Неподобающим!.. А вы как думаете? Хватает мою жену своими лапами, когда я сто раз повторил, что это я взял коробку.

Судья (*вытянув шею и со свистом произнося букву «с»*). Успокойтесь... вам скоро будет дана возможность сказать все, что вы хотите. Есть у вас вопросы к свидетелю?

Джонс (*угрюмо*). Нет.

Судья. Прекрасно. Ну, давайте послушаем сначала, что нам скажет подсудимая.

Миссис Джонс. Само собой, ваша милость, я могу сказать только, что и раньше,— не брала я коробки.

Судья. Да, но вы знали, что кто-то ее взял?

Миссис Джонс. Нет, ваша милость. И, само собой, про то, что говорит мой муж, ваша милость, мне лично ничего не известно. Само собой, я знаю, что он вернулся очень поздно в ночь на вторник,— уж второй час пошел, и он был сильно не в себе.

Судья. То есть в нетрезвом состоянии?

Миссис Джонс. Да, ваша милость.

Судья. Совсем пьян?

Миссис Джонс. Да, ваша милость, он был почти совсем пьян.

Судья. Он вам что-нибудь сказал?

Миссис Джонс. Нет, ваша милость, только вы-
ражался. И, само собой, когда я утром встала и пошла
на работу, он спал. Вот я ничего и не знала, пока не вер-
нулась домой. Правда, мистер Бартвик — я у них рабо-
таю, ваша милость, — сказал мне, что пропала коробка.

Судья. Да, да.

Миссис Джонс. Но, само собой, когда я вытря-
хивала пальто мужа, коробка выпала и все папиросы
рассыпались по кровати.

Судья. Вы говорите, папиросы рассыпались по
кроватьи. (К Сноу.) Вы видели на кровати рассыпан-
ные папиросы?

Сноу. Нет, ваша милость, не видел.

Судья. Как же это? Он говорит, что не видел.

Миссис Джонс. Но они там были, что он ни
говори.

Сноу. Я не могу утверждать, ваша милость, что я
осмотрел всю комнату. У меня не было возможности:
пришлось заняться подсудимым.

Судья (к миссис Джонс). Ну, что вы еще можете
сказать?

Миссис Джонс. Само собой, когда я увидела ко-
робку, ваша милость, я ужас как расстроилась, я даже
и придумать не могла, зачем он это сделал. Когда при-
шли из полиции, мы как раз из-за этого бранились, пото-
му что для меня, ваша милость, при моей работе это про-
сто гибель, а у меня на руках трое маленьких детей.

Судья (вытянув шею). Да, да... Так что же он вам
сказал?

Миссис Джонс. Я спросила его, что это на него
нашло, как это он мог сделать такое... И он сказал: это
все виски. Он сказал, что слишком много выпил, и на
него, мол, в самом деле как что-то нашло. И, само собой,
ваша милость, он почти не ел ничего весь день, а вино,
правда, очень сильно ударяет в голову, если мало поешь.
Ваша милость может этого не знать, но оно так и есть.
И я хотела бы сказать, что, сколько мы живем вместе,
он ни разу не сделал ничего такого, а нам приходилось
очень туго, и (с мягкой выразительностью), я уверена,
будь он трезвый, он никогда бы этого не сделал.

Судья. Да, да. Но вы разве не знаете, что это не
является оправданием?

Миссис Джонс. Да, ваша милость, я знаю, что это не оправдание.

Судья наклоняется к секретарю и совещается с ним о чем-то.

Джек (наклонившись к отцу). Послушай, па...

Бартвик. Тсс! (Прикрыв рот, обращается к Роуперу.) Роупер, не лучше ли вам сейчас встать и сказать, что, учитывая все обстоятельства и бедность подсудимых, мы выражаем желание прекратить это дело, и если судья согласен, рассматривать его только как дело о нарушении общественного порядка со стороны...

Лысый констебль. Тише!

Роупер отрицательно качает головой.

Судья. Ну, предположим даже, то, что говорите вы и ваш муж, правда. Все же невыясненным остается следующее обстоятельство: каким образом он получил доступ в дом и принимали ли вы в этом какое-либо участие? Вы работаете поженно в этом доме?

Миссис Джонс. Да, ваша милость, и, само собой, если бы я впустила его в дом, это было б очень плохо с моей стороны, и я никогда таких вещей не делала ни в одном доме, где работала.

Судья. Гм... Так вы говорите... Теперь послушаем, как нам все это разрисует подсудимый.

Джонс (привалившись спиной к загородке и положив на нее локти, говорит тихо, угрюмым тоном). Я скажу, что и жена моя говорит. Меня еще сроду в полицию не таскали, и я могу доказать, что взял ее, когда был выпивши. Я и жене сказал— можете ее спросить,— что выброшу эту штуковину в реку, чтобы и не думать о ней.

Судья. Но как вы попали в дом?

Джонс. Я шел мимо. Шел домой из «Козы с бубенчиками».

Судья. «Коза с бубенчиками»? Это что? Трактир?

Джонс. Да, у нас там, на углу. Были праздники, и я немного выпил. Вижу, молодой мистер Бартвик сует ключ в замочную скважину там, где ее нет.

Судья. Ну?

Джонс (медленно, часто, останавливаясь). Ну, я помог ему ее разыскать... Пьян он был! В стельку... Он идет в дом, и снова выходит, и говорит: «У меня для вас

ничего нет,— говорит,— зайдите и пропустите глоточек». Ну я и вошел, как и вы, может, сделали бы на моем месте. Мы выпили по стаканчику, как и вы бы, может, выпили, и молодой мистер Бартвик говорит мне: «Угощайтесь, закуривайте, берите все, что вам нравится»,— говорит. А потом он улегся на диван и заснул. Я выпил еще виски... покурил... еще выпил и, что было после, не знаю.

Судья. Вы хотите сказать, что были так пьяны, что ничего не помните?

Джек (тихо отцу). Послушай, это в точности то же, что...

Бартвик. Тсс!

Джонс. Вот-вот! Это я и хочу сказать.

Судья. И при этом вы говорите, что украли коробку?

Джонс. Не крал я коробки. Я взял ее.

Судья (вытянув шею, с шипением). Вы не украли ее... вы ее взяли. Она что — ваша собственность? Как вы это назовете, если не кражей?

Джонс. Я ее взял.

Судья. Вы ее взяли... взяли ее у них в доме и унесли в свой дом.

Джонс (прерывая его, угрюмо). Нет у меня дома.

Судья. Ладно, послушаем, что сам молодой человек, мистер... мистер Бартвик имеет сказать по поводу вашей истории.

Сноу покидает свидетельскую ложу. Лысый констебль кивает Джеку, который, крепко зажав в руке шляпу, идет на его место.

Роупер садится за стол для адвокатов.

Судебный пристав. Показания, которые вы даете суду, должны быть правдой, только правдой и ничем, кроме правды; да поможет вам бог! Поцелуйте Библию.

Джек целует книгу.

Роупер. Ваше имя?

Джек (тихо). Джон Бартвик-младший.

Роупер. Где проживаете?

Джек. Рокинггейм-Гейт, шесть.

Все ответы записываются клерком.

Роупер. Вы сын владельца дома?

Джек (очень тихо). Да.

Роупер. Погромче, пожалуйста. Вам знакомы подсудимые?

Джек (*глядя на Джонсов, тихо*). Миссис Джонс я видел... Его... (*громко*), мужчину, я не знаю.

Джонс. Что ж, зато я вас знаю!

Лысый констебль. Тише!

Роупер. Скажите, вы поздно пришли домой в ночь на вторник в пасхальную неделю?

Джек. Да.

Роупер. И вы нечаянно оставили ключ в дверях?

Джек. Да.

Судья. О, вы забыли ключ в дверях?

Роупер. И это все, что вы помните о своем возвращении домой?

Джек (*громко*). Да.

Судья. Вот, вы слышали, что рассказывал подсудимый? Что вы можете сказать по этому поводу?

Джек (*обернувшись к судье, внезапно меняет тон и говорит доверчиво и открыто*). Дело в том, что в тот вечер я был в театре, ужинал не дома и вернулся поздно, и...

Судья. Вы помните, что этот человек был на улице, когда вы входили?

Джек. Нет, сэр. (*Колеблется.*) Пожалуй, нет.

Судья (*в некотором замешательстве*). Ну, а дверь он вам помогал открывать, как он говорит? Кто-нибудь помогал вам открывать дверь?

Джек. Нет, сэр... Не думаю, сэр... Не знаю.

Судья. Вы не знаете? Но вы должны знать! Это ведь не так часто случается, чтоб вы не могли открыть дверь без посторонней помощи, а?

Джек (*смущенно улыбаясь*). Да.

Судья. Прекрасно, следовательно...

Джек (*в отчаянии*). Дело в том, сэр... я боюсь, что выпил в тот вечер слишком много шампанского.

Судья (*улыбаясь*). О, вы выпили слишком много шампанского?

Джонс. Могу я задать мистеру один вопрос?

Судья. Да... да... можете задать ему любой вопрос, какой пожелаете.

Джонс. Разве вы не помните, вы сказали еще, что вы либерал. как и ваш отец, и спросили меня, кто я?

Джек (*приложив руку ко лбу*). Я, кажется, припоминаю...

Джонс. И я сказал вам: «Я, будь оно все неладно, консерватор». Вот что я сказал, а вы сказали мне: «Вы больше похожи на одного из этих вот самых социалистов. Берите все, что хотите», — сказали вы.

Джек (*с внезапной решимостью*). Нет, не помню. Ничего я такого не помню.

Джонс. Что ж, зато я помню, и мое слово не хуже вашего. Меня еще сроду в суд не таскали. Послушайте, еще у вас в руке была голубая сумочка...

Бартвик вскакивает.

Роупер. Я почтительно обращаю ваше внимание, ваша милость, что эти вопросы едва ли относятся к делу, ведь сам подсудимый признал, что ничего не помнит.

На лице вершителя правосудия появляется улыбка.

Слепой ведет слепого, сэр.

Джонс (*возбужденно*). Он сделал то же, что я. Я бедный человек, у меня нет денег и друзей... а он, этот фронт!.. Мне нельзя, а ему пожалуйста!..

Судья. Тише, тише. Это вам не поможет. Ведите себя спокойно. Вы говорите, что взяли коробку? Что вас заставило это сделать? У вас было туго с деньгами?

Джонс. У меня всегда туго с деньгами.

Судья. И по этой причине вы взяли коробку?

Джонс. Нет.

Судья (*к Сноу*). Что-нибудь было найдено при нем?

Сноу. Да, ваша милость. При нем были найдены шесть фунтов двенадцать шиллингов и этот кошелек. (*Протягивает судье красный шелковый кошелек.*)

Бартвик приподнимается со своего места и снова поспешно садится.

Судья (*недоуменно глядя на кошелек*). Да... да... постойте... (*Молчание*). Нет, нет, мне ничего не известно относительно кошелька. Как у вас оказались эти деньги?

Джонс (*после долгой паузы, быстро*). Я отказываюсь про это отвечать.

Судья. Но если у вас было столько денег, что побудило вас взять коробку?

Джонс. Я взял ее со зла.

Судья (*шипит, вытянув шею*). Ах, вот как! Вы

взяли со зла? Ну, знаете!.. И вы воображаете, что можете разгуливать по городу и присваивать вещи со зла?

Джонс. Побыли бы вы в моей шкуре, посидели бы без работы...

Судья. Ну, конечно... Вы думаете, что если у вас нет работы, это служит оправданием любого поступка.

Джонс (указывая на Джека). Вы лучше его спросите, почему он взял...

Роупер (перебивая, спокойно). Вашей милости еще нужен этот свидетель?

Судья (с иронией). Нет, от него едва ли будет много толку.

Джек оставляет свидетельскую ложу и, повесив голову, снова садится позади отца.

Джонс. Вы спросите его, он-то почему взял у леди...

Лысый констебль дергает его за рукав.

Лысый констебль. Шшш!

Судья (выразительно). Теперь слушайте, что я вам скажу! Меня не интересует, что он там взял или не взял... Почему вы оказали сопротивление полицейским чинам при исполнении ими служебных обязанностей?

Джонс. Никакие это не обязанности, хватать мою жену, порядочную женщину, которая ничего не сделала.

Судья. Ну, нам лучше знать. Почему вы ударили полисмена?

Джонс. Всякий ударил бы его. Я и снова бы ему дал, разрази меня гром.

Судья. Вашим поведением вы только себе вредите. До чего бы мы дошли, как вы думаете, если бы все вели себя подобным образом?

Джонс (наклонившись вперед, серьезно). Ну, а она как же, кто ей поможет, кто ей вернет ее доброе имя?

Миссис Джонс. Ваша милость, дети — вот что его мучит, потому что, само собой, работу-то я потеряла. И мне из-за этого скандала пришлось искать другую комнату.

Судья. Да, да, я знаю... Но если бы он не совершил этого поступка, никто бы не пострадал.

Джонс (свирепо смотрит на Джека). Он похуже моего совершил. И я хочу знать, что ему за это будет.

Лысый констебль снова шикает на него.

Роупер. Мистер Бартвик просит вам сообщить, ваша милость, что, принимая во внимание бедность подсудимых, он не настаивает на обвинении в отношении коробки. Может быть, вы, ваша милость, будете рассматривать это дело лишь как дело о нарушении общественного порядка?

Джонс. Я не хочу, чтобы это замяли, я хочу, чтобы все было справедливо разобрано... У меня тоже есть права...

Судья (*постучав по столу*). Вы уже сказали все, что могли сказать, извольте сидеть спокойно.

Наступает молчание. Судья, наклонившись, совещается с секретарем.

Да, думаю, женщину можно освободить. (*Обращается более мягко к миссис Джонс, которая стоит неподвижно, вцепившись руками в перила.*) Очень для вас печально, что этот человек вел себя таким образом. Последствия-то придется нести вам, а не ему. Вас два раза вызывали сюда... вы потеряли работу... (*Возмущенно глядя на Джонса.*) Так оно всегда и бывает. Вы свободны, и я сожалею, что вообще пришлось вас сюда вызывать.

Миссис Джонс (*мягко*). Благодарю вас, ваша милость. (*Покидает скамью подсудимых; ломая пальцы, смотрит на Джонса и останавливается.*)

Судья. Да, да, но я не могу оставить это без последствий. Уходите, будьте благоразумны, голубушка.

Миссис Джонс отходит. Судья подпирает голову рукой, затем, подняв ее, обращается к Джонсу.

Ну вот что я вам скажу. Хотите вы, чтобы дело это было покончено здесь или чтобы оно было вынесено на суд присяжных?

Джонс (*угрюмо*). Не надо мне никаких присяжных.

Судья. Хорошо, тогда решим его здесь. (*Помолчав.*) Вы признали себя виновным в краже этой коробки...

Джонс. Не в краже.

Лысый констебль. Шшш!

Судья. ...В оскорблении словом и действием полиции...

Джонс. Каждый мужчина, если он мужчина...

Судья. Вы и здесь вели себя самым неподобающим образом. Вы оправдываетесь тем, что вы украли коробку в пьяном виде. Да будет вам известно, что это не оправдание. Если вам вздумалось напиться и нарушить закон, вы несете ответственность за последствия. И разрешите вам сказать, что такие люди, как вы, которые напиваются и дают выход своей злобе или что там еще в вас сидит, такие люди — угроза для общества.

Джек (наклонившись к отцу). Па! Это точь-в-точь то же, что ты говорил мне!

Бартвик. Тсс!

Пауза. Судья совещается с секретарем. Джонс в ожидании наклоняется вперед.

Судья. Это ваш первый проступок, поэтому я выношу мягкий приговор. (Говорит резко, но без выражения.) Один месяц исправительных работ. (Наклоняет голову и совещается с секретарем.)

Лысый констебль вместе с другим констеблем выводит Джонса.

Джонс (останавливается, выдернув руку, резко оборачивается назад). И это — правосудие?! А с ним как же? Он напился! Он взял кошелек... он взял кошелек, но... (Полисмены пытаются ему помешать, дальнейшие слова доносятся приглушенным криком.)... он вышел сухим из воды — денежки выручили... Правосудие!

Дверь, в которую вводят заключенных, захлопывается за Джонсом. Среди плохо одетых людей слышны шепот и вздохи.

Судья. Объявляется перерыв на завтрак. (Поднимается со своего места.)

Все в зале суда приходит в движение. Роупер встает и говорит что-то репортеру. Джек, задрав голову, с важным видом идет к выходу. За ним следует Бартвик.

Миссис Джонс (поворачиваясь к нему, с робким жестом). О сэр!..

Бартвик колеблется, затем, преодолев минутную слабость, стыдливым жестом выражает отказ и спешит выйти из зала суда. Миссис Джонс стоит и смотрит ему вслед.

Конец.

1906 г.

ДЖОЙ.

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Томас Хоуп, полковник в отставке.

Миссис Хоуп, его жена.

Мисс Бук, старая гувернантка.

Летти Блант, дочь Хоупов.

Эрнест Блант, ее муж.

Миссис Гвин, племянница Хоупов.

Джой, ее дочь.

Дик Мертон, молодой человек, знакомый Хоупов.

Морис Левер, директор правления акционерного общества,
их гость.

Роза, горничная.

Действие происходит в начале XX века в течение одного летнего дня. Место действия — лужайка перед домом полковника Хоупа, близ Темзы, несколько выше Оксфорда.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Сцена изображает подстриженную лужайку. На заднем плане видна река, текущая среди полей. Огромный старый бук осеняет своей листвой всю сцену; в глубине зияющего в нем дупла таится многое, что остается невидимым для зрителей. Бук окружен широкой садовой скамейкой. Низкая каменная стена, увитая плющом, отделяет лужайку от разбитого перед домом цветника, виднеющегося сквозь два проема в стене. Неподалеку от стены стоят качели. Небо безоблачно. Яркое солнце. Полковник Хоуп, расположившись в плетеном кресле, читает газету, придерживая рукой пенсне. Ему пятьдесят пять лет, о чем свидетельствуют его лысина, серые длинные усы и смуглое, обветренное непогодой лицо. На нем фланелевый костюм и панамы, к его креслу прислонена теннисная ракетка. От дома быстрыми шагами идет миссис Хоуп; в руках у нее срезанные розы. Это сидящая дама в коричневых садовых перчатках, без шляпы. Держится она весьма уверенно, по ее манере говорить сразу становится ясно, что ей чужды всякие благоглупости. На скамье, скрытая от зрителей дуплистым буком, сидит мисс Бук, а на одном из нижних суков пристроилась Джой; ее почти не видно в густой листве.

Миссис Хоуп. Я написала Молли письмо, Том, и сообщила, что ей придется идти со станции пешком.

Хоуп. Пешком? В такую погоду? Неужели ты не могла попросить Бенсона, чтобы он встретил ее на двуколке?

Миссис Хоуп. Лишняя трата. А вещи ее привезет Боб на ручной тележке. И я запретила Джой встре-

чать поезд. Она и без того так возбуждена приездом матери, что я прямо не знаю, что с ней делать.

Хоуп. Не удивительно. Она же не видела ее целых два месяца.

Миссис Хоуп. Завтра она так или иначе уезжает домой, а сегодня ей необходимо приберечь силы для танцев. Какой смысл приглашать гостей, если она устанет еще до танцев?

Хоуп (*опуская газету*). Нехорошо, что Молли пойдет пешком.

Миссис Хоуп. Молли Гвин?! Такая крупная, крепкая женщина! Да тут пройти-то меньше полумили.

Хоуп. Все равно плохо! Это негостеприимно, Нелли.

Миссис Хоуп. Чепуха! Если тебе так нравится бросаться деньгами, то найди лучший способ увеличить свои капиталы, чем помещать их в жалкие трехпроцентные бумаги. Нет, ты погляди: в моих розах уже завелась тля! Что за мерзость!

Оба нагибаются над выращенными ими розами и на время забывают обо всем окружающем.

Где опрыскиватель, Том? Я видела, как ты вчера вечером слонялся с ним по саду.

Хоуп (*неловко*). Слонялся! (*Снова прячется за газетой.*)

Миссис Хоуп скрывается внутри дуплистого ствола бука.

В газете напечатан подробный отчет об этой западно-австралийской афере. Свора мошенников! Послушай-ка, что здесь пишут, Нелл! «Сообщают, что среди держателей акций было много женщин, священников и офицеров». Сколько еще на свете дураков! (*Заметив, что его тирада не нашла отклика, выпускает из рук пенсне и, повернув кресло, садится лицом к дереву.*)

Миссис Хоуп (*выходит из дупла с опрыскивателем в руках*). Я не допущу, чтобы Дик держал свои рыболовные принадлежности в нашем дупле, он там оставил целую банку мерзких червяков. Я прикасаться к ним не намерена. Придется тебе убрать их оттуда, Том.

Полковник, в свою очередь, исчезает внутри бука.

(Разговаривая сама с собой.) Не понимаю, что за удовольствие в рыбной ловле? И хоть бы он раз поймал что-нибудь съедобное.

Полковник появляется, держа в руке наполненную червями банку из-под краски; он рассеянно протягивает ее жене.

(Вскакивает с места.) Убери их от меня!

Мисс Бук (из-за дерева). Не обижайте бедняжек!

Хоуп (обернувшись в сторону голоса). Это вы, Букки? Что вы там делаете? (Ставит банку на скамью.)

Миссис Хоуп. Том, немедленно убери червяков со скамьи.

Хоуп (в сердцах). Вот как! Что же ты мне прикажешь делать с этими проклятыми червями?

Миссис Хоуп. Это меня не касается. Я с его червяками не собираюсь возиться. И не ставь их на землю. Не хватает только, чтобы они расползлись по всему дому. (Смахивает тлю с роз.)

Хоуп (заглядывая в банку, как будто ждет от червей совета). Проклятье!

Мисс Бук. Дайте их сюда.

Миссис Хоуп (облегченно). Да, да, отдай их мисс Бук.

Из-за дерева выходит мисс Бук. Это старомодная особа, похожая в своих вздутых юбках на бочонок. Она забирает у Хоупа банку, ставит ее на скамью и садится рядом.

Мисс Бук. Бедняжки!

Миссис Хоуп. Не могу понять, как можно жалеть этих извивающихся, мерзких, ползучих тварей!

Со стороны дома на лужайку выходит горничная Роза — хорошенькая девушка в неярком ситцевом платье. Она подает миссис Хоуп письма на серебряном подносе.

(Беря письма.) Роза, как продвигается дело с бальным платьем мисс Джой?

Роза. Простите, мэм, но без мисс Джой у меня не получается спина.

Миссис Хоуп. Так найди ее. Я, например, не знаю, где ее искать.

Роза (медленно, с запинкой). Простите, мэм, мне кажется, что мисс Джой сейчас на...

Останавливается, увидев, что мисс Бук обеими руками делает предостерегающие знаки.

Миссис Хоуп (*резко*). Что случилось, Буки?
Мисс Бук (*выставив палец*). Укололась!
Миссис Хоуп. Ну-ка, дайте взглянуть.

Она наклоняется в сторону мисс Бук, но та быстрым движением засовывает палец в рот.

Роза (*взглянув искоса на полковника*). Простите, мэм, но, может быть, я справлюсь с помощью манекена, там всего-то осталось немного, пониже талии.

Миссис Хоуп. Ну что же, попытайся.

Роза уходит. Миссис Хоуп начинает просматривать почту.

Вот и письмо от Молли. Сейчас мы узнаем, каким поездом она приезжает.

Мисс Бук. А мне письма нет?

Миссис Хоуп. Нет, Буки.

Мисс Бук. Мне никогда не бывает писем.

Хоуп. Что, что? Утренней почтой вы получили целых четыре письма.

Мисс Бук. Это исключения.

Хоуп (*глядя на нее поверх пенсне*). Ну, знаете... Вы же получаете письма чуть ли не каждый день.

Миссис Хоуп. Молли пишет, что приедет в одиннадцать тридцать. (*Обиженным тоном.*) Она уже через полчаса будет здесь. (*Продолжая читать письмо, с явным неодобрением.*) «Этим же поездом для встречи с мистером Хенти по поводу золотого рудника в Топокале приедет Морис Левер. Можно ему будет остановиться у вас до завтра?»

Непродолжительная, но зловещая пауза.

Хоуп (*призывая на помощь священный долг гостеприимства*). Конечно же, мы должны предоставить ему комнату.

Миссис Хоуп. Все мужчины одинаковы! Которую же, хотелось бы мне знать?

Хоуп. Розовую.

Миссис Хоуп. Как будто Молли сама не захочет занять розовую.

Хоуп (*растерянно*). Я полагал, что она займет голубую.

Миссис Хоуп. Ты прекрасно знаешь, что в голу-

бой мокрицы. Вчера утром я раздавила их там штук десять.

Мисс Бук. Бедняжки.

Миссис Хоуп. К тому же мне отнюдь не нравится, что вокруг Молли постоянно вертится этот мистер Левер. Ведь ей всего тридцать шесть лет.

Хоуп (*повысив голос*). Но не можешь же ты отказать ему в ночлеге. Это неслыханно!

Миссис Хоуп (*читает письмо*). «Мне кажется, что в связи с этим рудником открываются блестящие возможности...» (*Бросает взгляд на полковника.*) «Я поместила в него все свои свободные деньги. Сейчас компания собирается выпустить в свет некоторое количество привилегированных акций. Я пишу об этом на случай, если дядя Том ищет, куда поместить свой капитал». (*Пауза, после которой она произносит решительно и совершенно иным тоном.*) Что ж, придется мне его втиснуть куда-нибудь.

Хоуп. Опять золотые рудники?! Чушь! Азартная игра! Пора бы Молли знать мои взгляды на подобные вещи.

Миссис Хоуп (*машинально складывая и пряча письмо*). Ох уж мне эти твои взгляды! А вдруг тут действительно представляются особые возможности?

Мисс Бук. Как же! Особый случай! Исключение!

Миссис Хоуп (*не обращая внимания на ее реплику*). Меня уже тошнит от твоих трехпроцентных дивидендов. Когда у тебя такой мизерный капитал, глупо помещать его целиком в индийские акции. Он мог бы с таким же успехом приносить верных шесть процентов. Мне постоянно не хватает денег то на одно, то на другое.

Хоуп. Ну вот...

Миссис Хоуп. А что до Молли, то, если тебе угодно знать мое мнение, я считаю, что ее мужу нечего торчать там в этом пекле, а давно пора вернуться домой, чтобы самому присмотреть за ней. Откровенно говоря...

Мисс Бук смотрит вверх, в гущу листвы, проявляя все признаки душевной тревоги.

...я не понимаю, о чем думает Джеф. Почему он не

подыщет себе что-нибудь в Англии, чтобы они могли жить вместе.

Хоуп. Прошу тебя, Нелл, не говори ничего дурного о Молли.

Миссис Хоуп. Не знаю, по-моему, муж и жена не могут жить врозь. У меня другие взгляды на семью и брак.

Полковник Хоуп насмешливо свистит.

Ну, конечно! Ведь она твоя племянница, а не моя. Молли — очень...

Мисс Бук. Ой! (Сосет палец.)

Миссис Хоуп. Должна сказать вам, Буки, что в вашем возрасте я умела шить, не протыкая себе иголкой пальцы! Том, если уж я согласилась принять мистера Левра, то ты послушайся меня, познакомься поближе с этим рудником!

Хоуп. Еще не хватало. Я не зря изучал геологию. На каждую унцию золота, которую удастся выколотить из такого рудника, приходится всаживать полторы. Это каждому дураку известно. Верно, Буки?

Мисс Бук. Ненавижу все ваши ужасные рудники. Сколько бедняжек мучается в них под землей!

Миссис Хоуп. Чепуха, Буки! Как будто они полезли бы под землю, если бы сами того не хотели.

Хоуп. Напрасно ты не читаешь газету, а то бы ты знала, сколько всяких грязных дел связано с этими аферами.

Миссис Хоуп (думая о своем). Эрнеста с Летти я не могу поместить в голубой. Там только односпальная кровать... Что, если я помещу туда мистера Левра, а про мокриц ничего не скажу? Уверена, что сам он ничего не заметит.

Хоуп. Хорошенькое отношение к гостю, нечего сказать!

Миссис Хоуп. Так где же, во имя всех святых, мне поместить его?

Хоуп. Пусть он займет мою комнату, а я на время переберусь куда-нибудь.

Миссис Хоуп. Чепуха. Том, я не допущу, чтобы тебя притесняли, и все тут! Он может занять комнату Джой. А она пусть поспит с мокрицами.

Джой (из своего укрытия на одном из нижних суков дуплистого бука). Не буду.

Миссис Хоуп и полковник вскакивают

Хоуп. Господи!

Миссис Хоуп. Это ты, негодная девчонка? Сколько раз я говорила, чтобы ты не смела залезать на дерево! А вы знали, что она там, Буки?

Мисс Бук молча улыбается.

Она постоянно лазит на старый бук, все платья перепортила. Слезай же, Джой, будь хорошей девочкой.

Джой. Я не желаю спать с мокрицами, тетя Нелли.

Мисс Бук. Я могу спать с бедняжками.

Миссис Хоуп (после некоторого молчания). Ну что же, это нас очень выручит, если вы согласитесь поспать там одну ночь.

Хоуп. Глупости. Я не позволю, чтобы Буки...

Миссис Хоуп. Ну, хорошо. Кто же, по-твоему, должен спать в голубой комнате?

Джой (задабривающим тоном). Тетя Нелли, разрешите мне спать вместе с моей мамой, ну, пожалуйста.

Миссис Хоуп. С какой стати обременять ее? Удовольствие — спать с такой большой девочкой, как ты. Слава богу, у нас не одна комната для гостей! Том, проследи, чтобы она слезла с дерева. Мне некогда, я должна заняться делами. (Уходит в сторону дома.)

Хоуп (подойдя ближе к дереву и глядя вверх, в листву). Ты слышала, что сказала твоя тетка?

Джой (вкрадчиво). О дядюшка Том...

Хоуп. Не то мне придется лезть за тобой.

Джой. Как хорошо! Полезайте, дядя Том, и пусть Букаха ползет тоже!

Хоуп (пытается сдержать улыбку). Вот поговорите-ка с ней, Буки. (Не дожидаясь ответа от мисс Бук, продолжает.) А что скажет мне твоя тетка, если я не заставляю тебя слезть?

Мисс Бук. Бедняжка!

Джой. А я не желаю, чтобы ко мне приставали с бальным платьем.

Хоуп (почесывает лысину). Попадет мне.

Джой. Ой, дядя Том, какая у вас красивая голо-

ва, когда смотришь сверху! (Свесившись с сука, обмахивает лысину полковника веткой.)

Мисс Бук. Нахальный лягушонок.

Хоуп (быстро надевает шляпу). Ты свалишься, и во что тогда превратится... (с беспокойством переводит глаза вниз) моя лужайка?

Из-за сцены доносится голос Дика Мертона: «Полковник, полковник!»

Джой. Вас зовет Дик, дядюшка. (Исчезает в листе.)

Дик (появляется в проеме стены). Вас ждет Эрни, полковник. Вы сговорились сыграть с ним. (Исчезает.)

Джой. Скорее, дядя Том! Уходите отсюда, пока Дик не узнал, где я прячусь!

Мисс Бук. Все-то у нее тайны.

Полковник поднимает с земли теннисную ракетку, грозит кулаком в сторону Джой и уходит.

Джой (невозмутимо). А теперь я слезаю, Буки. (Спускает ноги с сука.) Берегитесь! Прыгаю вам прямо на голову.

Мисс Бук (столь же невозмутимо). Не ушибись!

Джой спрыгивает на скамью и потирает лодыжку.

Что я тебе говорила! (Ищет пластырь в сумочке.) Ну-ка, покажи.

Джой (заметив банку с червями). Фу!

Мисс Бук. Ну чем тебе не угодили эти бедняжки?

Джой. Они такие скользкие!

Джой пятится и усаживается на качелях. Ей только недавно исполнилось семнадцать, у нее изящная, легкая фигурка, каштановые волосы, свежий румянец и большие серые глаза. Белое платье доходит до щиколоток. На голове летняя шляпка, прикрывающая лицо от солнца.

Буки, сколько лет вы были гувернанткой моей мамы?

Мисс Бук. Пять.

Джой. Она училась так же плохо, как я?

Мисс Бук. Еще хуже.

Джой хлопает в ладоши,

Хуже всех моих учениц.

Джой. Значит, вы ее не любили?

Мисс Бук. Что ты! Наоборот.

Джой. Больше, чем меня?

Мисс Бук. Не задавай глупых вопросов.

Джой. Букашенька-милашенька, а какой у мамы был самый большой недостаток?

Мисс Бук. Она знала, как не следует поступать, а сама именно так и поступала.

Джой. И потом сама жалела об этом?

Мисс Бук. Да, но продолжала свое.

Джой. А я думаю, что глупо жалеть о том, что сделано.

Мисс Бук. Вот как?

Джой. Все равно от этого никакой пользы. А мама была такая же злопамятная, как я?

Мисс Бук. Да еще какая!

Джой. И ревнивая?

Мисс Бук. В жизни не видывала более ревливой девочки.

Джой (кивая). Мне нравится, что я на нее похожа.

Мисс Бук (внимательно разглядывая ее). Да уж. Ты еще хлебнешь горя. Вся жизнь впереди.

Джой. Скольких лет мама вышла замуж, Буки, восемнадцати, да? А она очень любила папу, когда выходила за него?

Мисс Бук (потянув носом). Как обычно в таких случаях. (Берет в руки банку, встает со скамьи и, расхаживая по лужайке, начинает по одному выпускать червей в траву.)

Джой (подчеркнуто безразличным тоном). Сейчас-то они между собой не ладят...

Мисс Бук. Какое ты имеешь право судить своих родителей и что ты хочешь этим сказать?

Джой (ожесточенно). Сколько лет я их помню, столько лет они между собой не ладят.

Мисс Бук (внимательно смотрит на Джой и снова отворачивается). Не советую тебе обсуждать такие дела.

Джой. Вы, наверное, знаете мистера Левера? (С горечью.) Такая хладнокровная бестия. Никогда не выходит из себя.

Мисс Бук. И поэтому он тебе не нравится?

Джой (нахмутив брови). Нет... да... Не знаю.

Мисс Бук. А может быть, он все-таки тебе нравится?

Джой. Нет. Я... я... ненавижу его!

Мисс Бук (*выпрямляется*). Фи! Разве можно быть такой злючкой?

Джой. Вы бы тоже его возненавидели. Из-за него я совершенно не вижу маму.

Мисс Бук (*с особенной интонацией*). Уж будто бы?!

Джой. Когда он к нам приходит, тут уж не до меня, можно спокойно отправляться спать. (*С негодованием.*) И как нарочно, решил приехать сюда именно сегодня, когда я не видела маму целых два месяца. Почему он не мог выбрать другой день, когда нас с мамой уже не будет здесь? Это просто подло!

Мисс Бук. Но твоей маме он нравится?

Джой (*угрюмо*). Я не хочу, чтобы он ей нравился.

Мисс Бук (*пристально посмотрев на Джой*). Понятно.

Джой. Чем это вы заняты, Букашенька?

Мисс Бук (*вытаскивая очередного червяка из банки*). Выпускаю бедняжек на свободу.

Джой. Если я скажу Дику, он вам этого никогда не простит.

Мисс Бук (*незаметно проскальзывает за качели и сдергивает с Джой шляпку. Коварно*). Ах-ха! Ты сделала прическу. Вот почему ты не хотела слезать с дерева.

Джой (*спрыгнув на землю и надув губы*). Я хотела, чтобы мама первая увидела мою прическу. Бука, это свинство!

Мисс Бук. Я так и знала, что это неспроста...

Джой (*крутится на месте*). Ну как? Хорошо?

Мисс Бук. Бывает лучше.

Джой. Вот только попробуйте сказать кому-нибудь до приезда мамы, увидите, что будет!

Мисс Бук. А ты не ябедничай Дику про червяков!

Джой. Отдайте мою шляпку! (*Поспешно пятак к дереву и прижимает палец к губам.*) Осторожней! Дик идет.

Мисс Бук. Ой, боже мой! (*Садится на качели, ставит банку под ноги и укрывает ее подолом.*)

Джой (*сидя на скамье, громким шепотом*). Вот хорошо-то будет, если червяки ползут вам на ноги!

Появляется Дик, на нем фланелевый костюм и канотье. Это спокойный, жизнерадостный молодой человек, лет двадцати. Его взгляд не отрывается от Джой.

Дик (делая смешную гримасу). И достается же полковнику! Э, а это что? Мисс Бук — и вдруг на качелях?

Джой (сдерживая смех). Покачай ее, Дик.

Мисс Бук (в смятении). Негодница!

Джой. Качай, раскачивай!

Дик берется за качели.

Мисс Бук (вполголоса). Молодой человек, мне делается дурно.

Дик (легонько похлопывая ее по спине). Ладно, Буки, не буду.

Мисс Бук (злокозненно). Окажите любезность, передайте мне мое рукоделие. Оно на скамье, как раз за спиной у Джой.

Джой (прижавшись затылком к дереву). Если ты это сделаешь, я танцевать с тобой вечером не буду.

Дик останавливается в нерешительности. Мисс Бук слезает с качелей, берет банку и стоит, пряча ее за спиной.

Ты лучше посмотри, что за спиной у этой старой лисы!

Мисс Бук. Ой, боже мой!

Джой. Потанцуй с ней, Дик.

Мисс Бук. Он не посмеет.

Джой. Танцуй, или я не буду танцевать с тобой вечером. (Насвистывает вальс.)

Дик (покорно). Давайте танцевать, мисс Бук. Ничего не поделаешь!

Джой. Танцуйте, танцуйте!

Дик обнимает мисс Бук за талию. Банка выпадает у нее из рук. Они кружатся в вальсе.

(Корчась от смеха.) Ой, Бука-Букашенька, ой!

Подлетев с мисс Бук к дереву, Дик выпускает ее, и она падает на скамью. Дик ловит Джой за руки и тянет ее к себе.

Нет, нет! Я не буду!

Мисс Бук (запыхавшись). Танцуй же с молодым человеком, танцуй с бедняжкой! (Делает плавные движения руками и поет.) Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля!

Дик и Джой танцуют,

Дик. Вот это здорово, Джой! Ты зачесала волосы наверх! Как хорошо получилось! Ты теперь выглядишь, как...

Джой (закрывая руками прическу). Я делала прическу совсем не для тебя! Ты не должен был ее видеть.

Дик (обиженно). Не для меня? Тогда прошу прощения.

Джой (стремительно повернувшись). Ух вы, негодная, старая Бука! (Бросает взгляд на банку, валяющуюся на земле, и затем переводит глаза на Дика.)

Мисс Бук (бочком пробираясь за дерево). Ой, боже мой!

Джой (шепчет). Она выпустила в траву твоих червяков.

Мисс Бук исчезает за деревом.

Вот посмотри.

Дик (торопливо). Черт с ними! Джой, обещай записать за мной второй, и четвертый, и шестой, и восьмой, и десятый танец и место рядом с тобой за ужином. Обещаешь? Ну, пожалуйста!

Джой качает головой.

Разве я слишком много прошу?

Джой. Я ничего не могу обещать.

Дик. Почему?

Джой. Потому что приезжает мама. И я ничего заранее решать не буду.

Дик (трагическим тоном). Но ведь это же наш последний вечер вместе!

Джой (презрительно). Ты ничего не понимаешь. (Танцует, сцепив руки.) Мама едет, мама едет!

Дик (в волнении). Как жаль, что... Обещай же, Джой!

Джой (бросив украдкой взгляд через плечо). Старая лиса! Если ты расквитаешься с Букой, обещаю записать за тобой ужин.

Мисс Бук (из-за дерева). Я все слышу.

Джой (шепчет). Расквитайся с ней, расквитайся. Она же выпустила всех твоих червей.

Дик (задумчиво глядя на банку). Слушай-ка, правда, что Морис Левер приезжает с твоей мамой? Я его

знаю, мы с ним встречались, играли в крикет. Он как будто неплохой малый.

Д ж о й (вспыхнув). Я его не-на-вижу!

Д и к (встревоженно). Разве? А почему? Я думал... А я не знал... Конечно, если б я знал, я бы тоже...

Он собирался сказать: «...тоже возненавидел его», но в это время доносятся приближающиеся голоса Эрнеста Бланта и полковника; они о чем-то спорят.

Д ж о й. Ой, Дик, спрячь меня. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел мою прическу до приезда мамы. (Прыгает в дупло.)

В проеме садовой стены появляются полковник и его зять.

Эрнест. Мяч был в ауте, полковник.

Хоуп. Ничего подобного.

Эрнест. На целый фут, не меньше.

Хоуп. Нет, сэр, нет. Я своими глазами видел, как взлетел мел на черте.

Эрнесту двадцать восемь лет. У него небольшие усики, а его самоуверенная, безапелляционная манера говорить выдает человека, считающего, что он знает решительно все. Он и сейчас абсолютно невозмутим.

Эрнест. Но ведь я был ближе к мячу, чем вы.

Хоуп (повышенным, возбужденным тоном). Мне плевать, где вы там были, но я терпеть не могу людей, которые не умеют разговаривать спокойно.

Мисс Бук (из-за дерева). Фи, как не стыдно!

Эрнест. Нас двое против одного. Летти тоже подтвердит, что мяч был в ауте.

Хоуп. Летти — ваша жена, она подтвердит все, что вам угодно.

Эрнест. Послушайте, полковник. Хотите, я покажу вам место, где мяч ударился?

Хоуп. Проклятье! Вы слишком возбуждены и сами не знаете, что говорите.

Эрнест (хладнокровно). Полагаю, что вы согласны со спортивным правилом: каждый судья на своей половине поля.

Хоуп (в сердцах). Вообще да, а в этом случае нет!

Мисс Бук (из-за дерева). Особый случай! Исключение!

Эрнест (поводя подбородком по крахмальному

воротничку). Конечно, если вы не хотите играть по правилам...

Хоуп (*в полном неистовстве*). А если вы не научитесь разговаривать спокойно, то я вообще не буду с вами играть.

Обращается к Летти, хорошенькой молодой женщине в полотняном костюме, только что показавшейся на лужайке.

Ты тоже намерена утверждать, что мяч был в ауте, Летти?

Летти. Конечно, был, папа.

Хоуп. Ты это говоришь только потому, что он твой муж. (*Усаживается на скамью.*) Если б там присутствовала твоя мать, она встала бы на мою сторону.

Летти. Дик, маме нужна Джой, ей надо примерить платье.

Дик. Я... я не знаю, где она.

Из-за дерева раздается громкое покашливание.

Летти. Что случилось, Буки?

Мисс Бук. Проглотила муху. Бедняжка!..

Эрнест (*возобновляя свои рассуждения*). Я могу точно сказать, почему я знаю, что мяч был в ауте, полковник. Я видел, что он упал на одной линии с этим... как его... земляничным деревом.

Хоуп (*вставая со скамьи*). Земляничное дерево! (*Обращается к дочери.*) Где твоя мать?

Летти. В голубой комнате, папа.

Эрнест. Мяч был на добрый фут в ауте. При той высоте, на которой он пролетел мимо меня...

Хоуп (*сердито уставившись на него*). Вы... вы... теоретик! Да с того места, где вы стояли, вообще нельзя было увидеть мяча. (*К Летти.*) Где твоя мать?

Летти (*подчеркнуто*). В голубой комнате, папа.

Полковник растерянно смотрит на нее и уходит по направлению к дому.

Эрнест (*на качелях, улыбаясь*). Твой старик никогда не станет настоящим спортсменом.

Летти (*негодующе*). Я очень прошу тебя не называть папу стариком. Булочка, когда приезжает Молли?

Со стороны дома на лужайку вышла Р о з а. Она стоит и ждет, когда ей представится возможность заговорить.

Э р н е с т (перебивая Летти). У твоего старика один недостаток: он не умеет судить о вещах беспристрастно.

М и с с Б у к. А есть такие, кто умеет?

Э р н е с т (улыбаясь). Уж если на то пошло, мисс Бук...

М и с с Б у к (иронически). ...то можно указать на вас. Конечно!

Э р н е с т. Не обязательно на меня, но...

Р о з а (обращаясь к Летти). Простите, мисс, хозяйка велела передать, что, мол, простите, но не перенесете ли вы свои вещи в комнату мисс Бук?

Э р н е с т (раздосадованно). Извольте-ка теперь возиться, перетаскивать, и все из-за этого Левера! Вот уж некстати Молли вздумала притащить его с собой!

М и с с Б у к. Это, конечно, беспристрастное суждение?

Р о з а (обращаясь к мисс Бук). Хозяйка велела вам передать, что, мол, простите, но не перенесете ли вы свои вещи в голубую комнату?

Л е т т и. Ага, Буки, вот тебе! Пойдем, Эрни! (Идет к дому.)

Э р н е с т, встав с качелей, поворачивается к мисс Бук, которая следует за ними.

Э р н е с т (улыбаясь, с чувством собственного превосходства). Разумеется, беспристрастное. Просто мне кажется, что пока Молли находится, так сказать, на положении соломенной вдовы, ей не следовало бы...

М и с с Б у к. Пусть вам лучше ничего не кажется! Она торопливо уводит его через проем стены, и издали доносится его голос: «Все это шито белыми нитками».

Р о з а (Дик). Простите, сэр, хозяйка велела вам сказать, чтобы вы забрали своих червяков и спрятали их куда-нибудь с глаз долой.

Д и к (коротко). У меня их уже нет.

Р о з а. Хозяйка говорит, что она очень рассердится, если вы не уберете червяков, и еще она говорит, не придете ли вы помочь изничтожить мокриц в голубой...

Д и к. Черт! (Уходит.)

Роза остается одна.

Роза (глядя прямо перед собой). Простите, мисс Джой, хозяйка велела вам прийти к ней насчет платья.

Через несколько секунд из дупла слышится голос Джой.

Джой. Не хочу-у.

Роза. А если вы, мол, не захотите, то мне велено сказать, что она вас переведет в голубую.

Джой выглядывает из дупла.

(Не двигаясь с места, но улыбаясь.) Ах, мисс Джой, вы сделали себе прическу!

Джой снова прячется.

Простите, мисс, но что мне сказать хозяйке?

Джой (из глубины дупла). Что хочешь, то и говори.

Роза (повернувшись, чтобы идти). Но ведь мне придется наврать что-нибудь, мисс.

Джой. Ну и хорошо. Ври сколько угодно.

Роза уходит, и Джой вылезает из дупла. Она усаживается на скамью и ждет. Со стороны дома неслышно подходит Дик. Приблизившись к Джой, он напряженно вглядывается в ее лицо.

Дик. Джой! Я хотел тебе что-то сказать.

Джой не смотрит на него и только крутит пальцами.

Завтра ты уедешь, и я тебя не увижу, пока не приеду в город на университетский матч.

Джой (улыбаясь). Но ведь матч состоится на будущей неделе.

Дик. А тебе обязательно ехать домой завтра?

Джой кивает три раза подряд.

(Подойдя ближе.) Мне будет так скучно без тебя. Ты даже не понимаешь, как я...

Джой мотает головой.

Да взгляни же на меня.

Джой на секунду поднимает глаза на него.

О, Джой!

Джой снова мотает головой.

Д ж о й (неожиданно). Не надо, Дик!

Д и к (берет ее руку). Джой, неужели ты не можешь...

Д ж о й (отводя руку назад). Не надо, не надо.

Д и к (низко опустив голову). Это... это... так...

Д ж о й (вполголоса). Не надо, Дик.

Д и к. Но я не могу иначе. Это сильнее меня, Джой. Я должен сказать тебе, что...

Показывается миссис Гвин, она идет с поля по направлению к дому.

Д ж о й (взвивается, как волчок). Это же мама! О мама!.. (Мчится к матери.)

Миссис Гвин — красивая тридцатилетняя дама в муслиновом платье. Она хватает дочь в объятия, крутит ее и целует.

Миссис Гвин. Какая ты хорошенькая с этой прической. Это кто? (Глядит, улыбаясь, на Дика.)

Д ж о й. Это Дик Мертон. Ну, ты же знаешь... я тебе писала. (Глядит на Дика с таким видом, будто желает избавиться от его присутствия.)

Миссис Гвин. Здравствуйте, Дик.

Д и к (пожимая ей руку). Здравствуйте. Вы меня извините, но... мне нужно... меня звали... (Нерешительно удаляется.)

Миссис Гвин. Что с ним?

Д ж о й. Ничего особенного. (Обнимая и тормоша ее.) Мамочка, какая ты хорошенькая! А почему ты пошла по дорожке вдоль реки? Там же совсем нет тени. Ты, наверное, испеклась живьем?

Миссис Гвин (избегая смотреть ей в глаза). Мистер Левелл хотел по пути зайти к мистеру Хенки. (В ее спокойствии чувствуется некоторая искусственность.)

Д ж о й (потускневшим голосом). О! А он в самом деле остановится здесь, мама?

Миссис Гвин (голосом, в котором начинают звучать более холодные нотки). Если у тети Нелли найдется для него комната, то, конечно... А почему бы нет?

Д ж о й (уткнувшись подбородком ей в плечо). Разве он не мог приехать в другой день, когда нас здесь уже не будет? Я так хотела, чтоб ты была только со мной.

Миссис Гвин. Какая ты забавная... девочка!.. В твоём возрасте я...

Джой (неожиданно подняв голову и заглядывая ей в лицо). О мама!.. Ты, наверно, была настоящая красавица!

Миссис Гвин. Одно могу сказать наверняка: в твои годы я была по крайней мере в два раза взрослее тебя.

Джой. Mamочка, а тебе... Тебе делали предложения до того, как ты вышла замуж?

Миссис Гвин (улыбаясь). Много раз.

Джой (задумчиво). О-о!

Миссис Гвин. А почему ты спрашиваешь? Тебе кто-нибудь сделал предложение?

Джой (подняв глаза на миссис Гвин и тут же опустив их). Н-нет. Н-никто не делал.

Миссис Гвин. Куда все пропали? Где наша Буки?

Джой. Бегает где-нибудь по своим делам. Ну, не надо торопиться, мамочка. Какая ты чудненькая!.. А от папы писем не было?

Миссис Гвин (более холодным тоном). Было. Одно или два.

Джой (после некоторого колебания). А мне можно почитать?

Миссис Гвин. Я не захватила их с собой. (Явно стремясь перевести разговор на другую тему.) Ну-ка, помоги мне привести себя в порядок. Я прямо не знаю, куда деваться от жары. (Вынимает и раскрывает пудреницу, берет пуховку, разглядывает себя в зеркальце.)

Джой. Как чудесно, что завтра мы едем домой!

Миссис Гвин (бросив на нее беспокойный взгляд). В Лондоне страшная духота, Джой. Ты опять будешь чувствовать себя хуже.

Джой (почти в отчаянии). Но, мама же! Мне обязательно нужно быть дома.

Миссис Гвин (с принужденной улыбкой). Раз нужно, так нужно.

Джой снова бросается ее обнимать.

Осторожней, Джой, опять меня всю растреплешь. Вот идет дядя Том.

Джой (торопливо). Mamочка, сегодня будут танцы,

так что обещаю тебе танцевать со мной, у нас все равно будет не хватать по крайней мере трех кавалеров, и не танцуй слишком часто с... с... ну, знаешь, с кем... потому что я (снизив голос до полупшепота и замерев в неподвижности)... ревную тебя.

Миссис Гвин (делая попытку рассмеяться). Какая ты смешная!

Джой (еще торопливее). Зная, что ты приедешь, я никому не обещала ни одного танца.

В проеме стены показывается полковник.

Миссис Гвин. Здравствуй, дядя Том!

Хоуп (с искренней радостью). Молли, наконец-то! (Целует ее.) С чего это ты решила идти береговой дорогой?

Джой. Потому что там прохладнее, ясное дело!

Хоуп. Вот так номер! А ты что с собой сделала? Фью! Прическа! Ну, вот что, отправляйся к тетке и передай ей, что твоя мать здесь, под букром. Живо.

Джой убегает, на ходу посылая матери воздушный поцелуй.

Дочка-то прямо с ума по тебе сходит, Молли, а? Мы будем очень скучать по ней, когда ты ее увезешь. (Подставляет ей плетеное кресло.) Садись, садись. Ты же, наверно, устала от прогулки по такой жаре. Я послал Боба с тележкой за твоими вещами. Что у тебя там — только саквояж, надо полагать?

Миссис Гвин (усевшись в кресло, с улыбкой). Только и всего, дядя Том, не считая чемодана и картонки.

Хоуп. Фью? А этот, как его зовут, тоже, надо полагать, захватил с собой чемодан?

Миссис Гвин. Наши вещи сложены вместе, дядя Том. Там не так уж много.

Хоуп (с некоторым сомнением). Ничего, Боб справится. Ты, надо полагать, часто встречаешься с... как его... с Левером? Это у него брат в гвардии?

Миссис Гвин. Да.

Хоуп. А сам он чем занимается?

Миссис Гвин. А чем он должен заниматься, дядя Том? Он же директор.

Хоуп. Подумаешь, персона! (С некоторым сомне-

нием в голосе.) Это ты неплохо придумала захватить его с собой.

Миссис Гвин искоса смотрит на него, покусывая губы.

Что ж, посмотрим, что он за человек. Но вот что я тебе скажу, Молли. Рудник? Рудник — это такое дело, что... На свете много молодцов, которые только и ищут, чем бы поживиться. Твоя тетка считает...

Миссис Гвин. О, дядя Том! Бога ради избавьте меня от мнений тети Нелли.

Хоуп. Как хочешь, как хочешь. Но послушай, Молли, мой опыт учит меня никогда — ты пойми, что я хочу сказать, — никогда не доверяться дельцам, связанным со всякими рудниками. Я лично никогда не соглашался связываться с рудниками. Конечно, будь твой муж в Англии, я не сказал бы ни слова.

Миссис Гвин (застыв в кресле). Не лучше ли не упоминать о моем муже? Он тут ни при чем.

Хоуп. Конечно, если ты так хочешь, дорогая моя...

Миссис Гвин. К несчастью, да.

Хоуп (нервно). Да, да, я понимаю. Но послушай, Молли, твоя тетка считает, что ты ставишь себя в щекотливое положение. То есть она полагает, что ты проводишь слишком много времени с Левером...

Миссис Гвин (потягиваясь, как рассерженная кошка). Это она так думает? А вы?

Хоуп. Я? Я взял себе за правило никогда ни о чем не думать. Для меня достаточно того, что он здесь, и я не хочу, чтобы ты впуталась в какую-нибудь неприятную историю.

На губах миссис Гвин играет язвительная усмешка.

Золотой рудник — это не какой-нибудь рудник. Я не хочу сказать, что он сознательно... Но они вовлекают в свои аферы женщин, провинциальных священников и... и вообще всяких дураков. (Продолжает, потупившись.) И, кроме того, ты понимаешь, я не знаю, каковы твои чувства, да и знать этого не хочу, но пойми, таким молодчикам стоит только взглянуть на женщину, и она уже скомпрометирована. (Мягко покачивая головой.) Не нравится мне это, Молли. Это тебе не к лицу.

Миссис Гвин невозмутимо продолжает сидеть с прежней улыбкой на губах. Полковник бросает на нее тревожный взгляд.

Будь на твоём месте... другая женщина, мне было бы безразлично, и... если уж на то пошло, будь ты какой-нибудь дурнушкой, ты могла бы делать, что хочешь. Я же знаю, что вы с Джефом не ладите. Только у тебя есть ребенок, дочка, которая так привязана к тебе, ну и... ну и неужели ты сама не понимаешь, Молли, а?

Миссис Гвин (с горьким смешком). Благодарю. Превосходно понимаю!.. Но раз уж вы никогда ни о чем не думаете, дядя Том, то, вероятно, вам никогда не приходило в голову, как мне тоскливо одной...

Хоуп (начиная испытывать угрызения совести). О, дорогая моя, конечно, конечно, я понимаю, что это должно быть чертовски тяжело...

Миссис Гвин (ледяным тоном). Можете в этом не сомневаться.

Хоуп. Да, да! (Удивленно.) Сам не понимаю, для чего я все это говорю! Я и не стал бы, но ты ведь знаешь твою тетку! Она так донимает меня, что в конце концов и мои нервы не выдерживают. Знаешь, чего она добивается от меня на этот раз? Чтобы я поместил свои деньги в золотой рудник. Ты когда-нибудь слышала о подобной глупости?

Миссис Гвин (рассмеявшись). О дядюшка Том!

Хоуп. Тебе хорошо смеяться, Молли!

Миссис Гвин (спокойно). И сколько вы собираетесь вложить?

Хоуп. Ни гроша! Ведь у меня же ничего нет, кроме пенсии и трех тысяч фунтов в индийских акциях!

Миссис Гвин. То есть всего-навсего девяносто фунтов в год, не считая пенсии? Неужели это все, дядя Том? Я и представления не имела. Какой позор!

Хоуп (проникновенно). Вот именно — позор! После того, как я столько лет прослужил в армии! Навряд ли еще с кем-нибудь обошлись так по-свински!

Миссис Гвин. Но как вы здесь управляетесь на такую ничтожную сумму?

Хоуп (невесело). Управляемся... благодаря твоей тетке. Есть у нее свои странности, но она прирожденная... управительница! Она просто чудеса творит. Но если мне понадобятся пять шиллингов на какие-нибудь... филантропические цели, то хоть плачь — взять просто неоткуда. А то вдруг, Молли, ей взбредет на ум потра-

тить бог знает сколько денег на какую-нибудь ерунду. И к кому она идет за деньгами? Ко мне. А если у меня их нет, она начинает бесконечные разговоры о трехпроцентных бумагах и морочит мне голову какой-нибудь дикой аферой, вроде этого рудника... Путыкало... Тупикало, или как его там называют... А впрочем, я не обращаю на нее ни малейшего внимания.

Миссис Хоуп (ее голос доносится со стороны дома). Том!

Хоуп (поднимаясь). Я здесь, дорогая! (Вполголоса.) Послушай, Молли, ты, знаешь ли, забудь все, что я говорил насчет этого парня — Левера. Пусть тебе не кажется, что я всегда вижу в людях только одно плохое. Ты же знаешь, что это не так. Но столько женщин попадает в неприятные истории и (возбужденно)... терпеть не могу этих молодчиков! Конечно, он не такой уж...

Миссис Хоуп (нетерпеливо). Том!

Хоуп (торопливо, в порыве откровенности). И лучше всего не перечить твоей тетке. А если она и скажет что-нибудь о...

Миссис Хоуп. То-ом!

Хоуп. Иду, иду, дорогая. (Поспешно уходит.)

Миссис Гвин сидит и чертит на земле узоры своим нарядным зонтиком. Вдруг она вскакивает и настороженно замирает. Появляются полковник и миссис Хоуп, разговаривая между собой.

Миссис Хоуп. Откуда же мне было знать?

Хоуп. Разве Джой тебе не передала?

Миссис Хоуп. С девочкой творится что-то неладное. А, Молли, вот и ты! Ты приехала раньше, чем мы ожидали. Обычно этот поезд опаздывает.

Миссис Гвин (с легкой иронией). Извините, тетушка.

Они обе делают движение, как будто хотят обняться, потом, точно испугавшись чего-то, ограничиваются скромным поцелуем в щеку.

Миссис Хоуп. Куда ты дела мистера Левера? Мне придется поместить его в комнату мисс Бук. У Тома нет шампанского.

Хоуп. В гостинице есть очень неплохая марка, Молли. Я пошлю Боба и...

Миссис Хоуп. Чепуха, Том! Мистеру Леверу придется довольствоваться тем, что у нас есть.

Миссис Гвин. Ну, конечно! Не думайте, что он какой-нибудь сноб. И ради бога, тетя Нелли, не доставляйте себе лишних хлопот. Я и так уже жалею, что пригласила его сюда.

Хоуп. Дорогая моя, все равно шампанское всегда нужно иметь в доме — на всякий случай.

Миссис Гвин (*осторожно дергая его за рукав*). Да не надо, дядя Том, прошу вас!

Миссис Хоуп (*ни с того ни с сего*). Так вот что я сказала твоему дяде, Молли: он ни в коем случае не должен впутываться в дело с золотым рудником, пока не убедится, что это дело надежное. Кстати, я считаю, что ты сама поступила очень неосмотрительно. Я с тобой еще на эту тему поговорю, да и не только на эту. Тебе не следует появляться повсюду в сопровождении молодого человека. Ведь он довольно недурен собой. Я прекрасно помню его: он был на балу у Флемингов.

На губах миссис Гвин появляется чуть заметная насмешливая улыбка.

Хоуп (*дергая жену за рукав*). Нелл!

Миссис Хоуп. Нет, Том. Я намерена поговорить с Молли. Она достаточно взрослый человек, чтобы понимать, что как вести себя нельзя.

Миссис Гвин. Неужели?

Миссис Хоуп. Да, нельзя. Ты впутаешься в неприятную историю, и я этого никак не могу одобрить. А когда что-нибудь вызывает мое неодобрение, я...

Хоуп (*расхаживая взад и вперед и дергая себя за ус*). Нелл, я возражаю, я решительно возражаю.

Миссис Хоуп. Какие проценты будут платить по привилегированным акциям?

Миссис Гвин (*по-прежнему улыбаясь*). Десять процентов.

Миссис Хоуп. Что я тебе говорила, Том? И это вполне надежные акции?

Миссис Гвин. Лучше всего спросите Мориса.

Миссис Хоуп. Вот видишь, ты уже называешь его по имени. А предположим, что твой дядя захочет приобрести некоторое количество?

Хоуп (*срывая с головы шляпу; раздраженно*). Я ничего не собираюсь приобретать.

Миссис Хоуп. Не размахивай шляпой: ты испортишь поля. Пойди посмотри, не идет ли мистер Левер.

Полковник уходит.

(Понизив голос.) Твой дядя становится совсем лысым. У меня на завтрак только немного молодой баранины и салат. К счастью, так жарко, что никому не хочется есть.

Пока она говорит, появляется мисс Бук.

Она здесь, Буки!

Мисс Бук. Я вижу. (Целует миссис Гвин и пристально разглядывает ее.)

Миссис Гвин (пожимая плечами). Ну, Буки, какое у вас от меня впечатление?

Хоуп (возвращаясь с разведки). Там какой-то человек в белой шляпе идет через поле. Это не твой приятель, Молли?

Миссис Гвин кивает.

Миссис Хоуп. Да, пока я не забыла, Буки: Летти и Эрнест могут перенести свои вещи обратно. Мистер Левер займет вашу комнату. (Заметив валяющуюся на земле банку.) Опять тут эта мерзкая банка. Том, сейчас же убери ее отсюда и спрячь в дупло.

Полковник поднимает с земли банку и несет ее к буку. Миссис Хоуп идет за ним следом. Он скрывается в дупле.

(Заглядывая в дупло.) Не туда!

Хоуп (изнутри). Куда же, куда?

Миссис Хоуп. Да выше же, ах ты боже мой, выше!

Миссис Гвин, стоя одна поодаль, молча улыбается. Со стороны реки приближается Морис Левер. Он весь как запястье фехтовальщика — тонкий и упругий, словно сталь. По его красивому, выразительному лицу трудно определить его возраст, но между бровями у него залегла глубокая складка, а темные волосы уже серебрятся на висках. Его жизнь, по-видимому, всегда идет в таком стремительном темпе, что зевать ему не приходится.

(Входя в дупло.) Да нет же! Какой ты бестолковый!

Хоуп (из глубины дупла, в крайнем раздражении). Проклятье! Чего ты от меня хочешь?

Миссис Гвин. Буки, позвольте представить вам

мистера Левера. Это · мисс Бук, моя старая воспитательница.

Мисс Бук и Левер пожимают друг другу руки.

Левер. Как поживаете? *(Держится свободно и говорит приятным голосом.)*

Мисс Бук. Очень рада познакомиться с вами. *(Тон у нее не очень любезный. Она вся настороже.)*

Миссис Гвин *(показывая на дерево, с тонкой издевкой)*. А это ... мои дядя и тетя. Сейчас они, как видно, занимаются гимнастикой.

Мешая друг другу, полковник и его жена с трудом протискиваются из дупла наружу. Оба весьма возбуждены. Левер и миссис Гвин, наоборот, сохраняют полное спокойствие.

Миссис Хоуп *(пожимая руку Леверу)*. Наконец-то вы добрались. Вам не жарко? Том!

Хоуп. Вы привезли нам замечательную погоду. Просто великолепную!

Пока он говорит, вбегает Джой с букетом роз в руках. Увидев Левера, она замирает на месте.

Мисс Бук *(сидя на качелях)*. Гроза!

Хоуп. Какая там гроза, Буки? Вечно вам что-нибудь мерещится. Посмотрите на небо.

Мисс Бук. Гроза.

Улыбка миссис Гвин тускнеет.

Миссис Гвин *(оборачиваясь к дочери)*. Джой, вот мистер Левер. Разве ты не видишь?

Джой, обернувшись к матери, подает ей розы. Натянута улыбаясь, Левер подходит к Джой и подает ей руку.

Левер. Как живешь, Джой? Я не видел тебя целую вечность.

Джой *(без всякого выражения)*. Благодарю вас, очень хорошо. *(Едва притрагивается к руке Левера.)*

Миссис Гвин не сводит глаз с дочери. Мисс Бук внимательно следит за обеими. Миссис Хоуп застегивает на полковнике пиджак.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Около пяти часов пополудни. Под дуплистым буком поставлен легкий стол, за которым сидит полковник, погруженный в изучение планов геологической съемки. Сидя верхом на плетеном стуле, Л е в е р курит папиросу. Д и к развешивает китайские фонарики на ветзях бука.

Л е в е р. Конечно, если эта жила (*показывает папиросой к западу*) иссякает, то у нас положение может оказаться аховым. Вы сами понимаете, полковник, что такое золотой рудник в первой стадии эксплуатации.

Х о у п (*рассеянно*). Да, да. (*Водя пальцем по плану.*) А что может помешать ей идти вот сюда, на восток?

Л е в е р. Ничего, кроме того незначительного обстоятельства, что на востоке отсюда жилы нет.

Х о у п (*слегка возбужденно*). Знаете, я попросту очень рад, что вы мне показали чертежи. Да, да, очень рад. Лично я буду весьма удивлен, если жила на этом иссякнет.

На лице Лёвера появляется легкая усмешка.

Я не специалист, но поверьте, вам бы не мешало провести тщательную разведку вот тут, к востоку.

Л е в е р (*двусмысленно*). Если вы так полагаете, сэр, мы, несомненно...

Х о у п. Будь это мой рудник, я ни за что не примирился бы с мыслью, что залегание руды кончается здесь. Нет... В таких делах есть своя гармония.

Л е в е р. Я передаю вам только то, что утверждают наши специалисты.

Хоуп. Что? Специалисты? Разве им можно верить? Ни в коем случае. Все эти горные инженеры, адвокаты, геологи — все они боятся малейшего риска. На этом зиждется их благополучие. Они либо пекутся о собственном кармане, либо строят всякие теории. Теория — вещь опасная. (*Снова погружается в изучение планов.*) Если хотите знать мою теорию, она заключается в том, что здесь проходит слой породы, относящийся к триасовому периоду.

Левер (*еле заметно улыбнувшись*). А-а!

Хоуп. Тут попросту сдвиг пластов, если хотите знать. А в каких-нибудь тридцати — сорока шагах руда снова встретится, можете в этом не сомневаться.

Левер. И вы подтвердите свое мнение, сэр?

Хоуп (*с достоинством*). Я никогда не высказываю мнения, если у меня нет средств подтвердить его. И мне хотелось бы разобраться в этом как следует. А что если жила тянется в глубину до бесконечности?

Левер. Весьма вероятно, что вы правы, сэр.

Хоуп (*подозрительно*). Прав? Гм!

Левер. Пока я могу сказать вам только одно: мы добрались до определенной глубины, и теперь нам нужны деньги, иначе мы не сможем двигаться дальше.

Хоуп (*рассеянно*). Да, да. Обычная история!

Левер. Если же вас интересует мое личное мнение, то я очень сомневаюсь, что жила тянется в глубину.

Хоуп (*улыбаясь*). О! В таких вопросах личное мнение немногого стоит.

Левер (*делая вид, что хочет собрать развернутые на столе бумаги*). Не пора ли нам закрыть наше маленькое совещание, сэр? Боюсь, что я и так уже изрядно надоел вам.

Хоуп. Погодите, погодите, нельзя быть таким обидчивым. Уж если я собираюсь вложить деньги в это предприятие, то должен же я разобраться в нем досконально.

Левер (*приподняв брови*). Не думайте, пожалуйста, что я добиваюсь этого!

Хоуп. Проклятье, сэр! Неужели вы полагаете, что я принимаю вас за какого-нибудь маклера?

Левер. Премного благодарен.

Хоуп (*глядя на Левера, с затаенным сомнением*).

У вас в жилах наверняка есть ирландская кровь: слишком уж вы норовисты.

Лев е р. Если вы в самом деле собираетесь приобретать наши акции, то послушайте моего совета: не стоит, сэр.

Хоуп (с явным сожалением). Если бы речь шла об обычном золотом руднике, мне бы и в голову не пришло ничего подобного, прошу вас это понять. Вряд ли кто-нибудь относится к золотым рудникам с большим предубеждением, чем я.

Лев е р (разглядывая Хоупа из-под полуопущенных век). Но ведь это именно золотой рудник, полковник.

Хоуп. Знаю, знаю. Но в данном случае я сам изучил все обстоятельства; у меня сложилось мое собственное, личное мнение. Почему вы не хотите, чтобы я покупал акции? Я хочу знать истинную причину.

Лев е р. Допустим, что все обернется не так, как вы ожидали. Кого вы будете винить, сэр? Только меня. Я хорошо знаю, что такое акционеры...

Хоуп (колеблясь). Если бы это была какая-нибудь обычная западноавстралийская или южноафриканская авантюра, я бы держался от нее на расстоянии пушечного выстрела. И не думайте, что я собираюсь вкладывать большие деньги. (Неожиданно снова наклоняется над планами, как будто они обладают какой-то магнетической силой.) Мне оч-чень нравятся эти триасовые образования!

Дик, подвесивший последний фонарик, угрюмо удаляется.

Лев е р (глядя ему вслед). Молодой человек явно не в духе.

Хоуп (видимо, снова вспоминает о своих принципах). Гнусное дело рудники, гнусное!.. (Неожиданно и увлеченно.) Знаете, что я вам скажу, Лев е р: здесь скрываются блестящие возможности. Вы, надо полагать, не особенно в это верите. А если не верить в рудник, то лучше с ним и не связываться. Но пока я не удостоверюсь во всем окончательно, я не рискну больше чем на тысячу.

Лев е р. Вы это серьезно говорите, сэр?

Хоуп. А как же! Когда вы мне сказали, что Хен-ти струсил в самый последний момент, я сразу задумал-

ся. Не особенно-то я высокого мнения о Хенти. Он из тех, кто говорит одно, а делает другое. Приспособленец!

Лев е р (медленно). Боюсь, что все мы таковы, одни в большей мере, другие в меньшей. (Усаживается на скамье около дупла.)

Хоуп. Никто себя как следует не знает. Возьмите мою жену. Она полагает, что она... Кстати, вы ей, пожалуйста, ничего пока не говорите. И послушайте, Лев е р (волнуясь), я не думаю, чтобы вся эта затея была подходящим делом для моей племянницы.

Лев е р (спокойно). Согласен. Я намерен добиться, чтобы она вышла из нее.

Хоуп (слегка обескураженный). Так-так-так... Вы понимаете, что, живя одна в Лондоне, она находится в довольно... э-э... щекотливом положении.

Лев е р бросает на него иронический взгляд.

Вы... (волнуясь еще больше) часто встречаетесь с нею? Если б Джой не росла так быстро, мы, конечно, не держали бы ее здесь. Девочке надо жить с матерью. Э-э... Как вы полагаете?

Лев е р (принужденно улыбаясь). Мне всегда казалось, что миссис Гвин успешно решает свои дела сама...

Хоуп (словно делая открытие). Видите ли, я обнаружил, что когда женщина живет одна, без должной защиты, то достаточно малейшего пустяка, чтобы ее имя начали трепать всякие кумушки и проходимцы. (Горячо.) Чем беспомощнее и беззащитнее женщина, тем больше они упиваются возможностью позлословить на ее счет. Если я что-нибудь и ненавижу всем сердцем, так это тех гнусных личностей, которые любят трепать имя своих соседей.

Лев е р. Вполне согласен с вами.

Хоуп. И нужно быть очень осторожным, чтобы не дать им... то есть (сконфуженно останавливается и тут же неспешно продолжает)... Надо полагать, вы с Джой неплохо ладите?

Лев е р (сдержанно). Как будто, благодарю вас. Я не совсем в ее стиле. В сущности говоря, я довольно редко вижу ее.

Со стороны дома приближаются мисс Бук и Джой. Заметив Левера, Джой резко поворачивается, с минуту колеблется, а потом, раздосадованно махнув рукой, уходит.

Хоуп (ничего не замечая). Такое любящее, нежное существо! Да вот завтра она уезжает. К себе домой.

Мисс Бук (проводив взглядом Джой). Бедняжки! Опять в делах.

Левер. Что вы, какие там дела! Впрочем, с вашего разрешения, я хотел бы вымыть руки, а то скоро чай... (Бросает взгляд на полковника, по-прежнему погруженного в изучение планов, и, пожал плечами, уходит небрежной походкой.)

Мисс Бук (усевшись на качели). А я все вижу, все ваши противные бумажонки.

Хоуп. Потише, Буки.

Мисс Бук. И это в такой чудный летний день.

Хоуп. Хватит уже, довольно!

Мисс Бук (невозмутимо). «На каждую унцию золота, которую удастся выколотить из рудника, приходится вложить две».

Хоуп. Кто вам сказал такую глупость?

Мисс Бук (с издевкой). Не кто иной, как вы сами!

Хоуп. Но это же не обычный золотой рудник.

Мисс Бук. О да! Совершенно особый случай! Исключение!

Полковник сердито смотрит на нее, но, не найдя, чем ответить на ее невозмутимое спокойствие, снова погружается в бумаги.

Подходит Роза со скатертью в руках.

Роза. Простите, сэр, хозяйка велела мне накрывать к чаю.

Хоуп. Уходи. Десятью пять — пятьдесят, плюс десять раз по пять шестнадцатых. Сколько это будет, Буки?

Мисс Бук. Терпеть не могу всякие расчеты!..

Роза уходит. Полковник что-то пишет. Слышится голос мисс Хоуп: «А вы захватите эти два стула. Нет, Эрнест, не этот, а тот». В проеме стены появляются Летти и Эрнест со стульями в руках.

Хоуп (в тупом отчаянии). Ну, а тебе чего надобно?

Летти. Чаю, папочка. (Ставит стул и уходит.)

Эрнест. Этот молодчик Левер не особенно мне по вкусу, полковник. Слишком уж он самоуверен. Все эти

южноамериканские штучки — пустой номер. Уж я-то о них знаю решительно все от младшего Скроттона. Он мне рассказывал... Они и ломаного гроша не стоят. Если вы хотите сделать верную ставку...

Хоуп (взрываясь). Ставку! Я не игрок, сэр!

Эрнест (с улыбкой). Что вы, полковник! Мне просто не хотелось бы, чтобы вы бросали деньги на битую карту. Если вы ищете настоящее дельце, вам следует отправиться в Мексику.

Хоуп (вскакивает и сует под нос Эрнесту карту). Отправляйтесь-ка вы сами к... (Вовремя спохватывается.) А это что, по-вашему? Читайте: М-ек-с-и...

Эрнест (которого не так легко смутить). Важно, какая это часть Мексики.

Хоуп. Ну, конечно! Вы ведь всегда все знаете, и всякая идея — чушь, если она не ваша! Так вот: оставьте свои идеи при себе!

Эрнест (переходит на другое место со стулом в руках и останавливается, улыбаясь). Если б вы пожелали узнать мое мнение насчет того, что Молли втравили в это дело, то я вам скажу прямо: нечистая игра, сэр!

Хоуп. Не говорите загадками, сэр.

Эрнест. Да всякому видно, что она неравно дышит к нашему... приятелю!

Хоуп (ледяным тоном). В самом деле?

Эрнест. Мне лично подобные типы не особенно нравятся.

Хоуп. Вот как!

Эрнест (невозмутимо). Будь я на вашем месте, полковник, я бы, знаете, намекнул ей этак осторожненько... На бегах в Аскоте он все время увивался около нее. Это, знаете, уж слишком того!

Со стороны дома появляется миссис Хоуп; за нею следом идет Роза.

Хоуп (заикаясь от негодования). Наглые болтуны!

Миссис Хоуп. Ну, что ты тут топчешься, Том! Убери эти бумаги и дай Розе накрыть на стол. Эрнест, иди и принеси еще один стул.

Полковник взволнованно озирается и садится на скамью под буком, держась руками за голову. Роза расстилает скатерть.

Мисс Бук (сидясь рядом с полковником). Бедняжка!

Эрнест (продолжая расхаживать со стулом в руках). Спросите любого парня из Сити, он вам скажет, что такое Мексика. Коварная страна! А народ там — одни бездельники...

Миссис Хоуп. Эрнест, поставь стул на место.

Эрнест смотрит на стул, ставит его к столу, раскрывает рот, чтобы заговорить, но, передумав, уходит. Роза идет следом.

О чем это вы тут говорили? Тебе нельзя так волноваться, Том. Опять голова разболелась, мой друг? На-ка, возьми эти бумаги. (Сует полковнику собранные со стола планы.) Буки, душа моя, пойдите скажите им, что чай уже почти готов. Да, кстати, у меня на туалетном столике есть одеколон, захватите его, пожалуйста...

Мисс Бук. Это уже третий раз за сегодняшний день. Нельзя его выводить из себя. (Уходит.)

Хоуп. В жизни не встречал таких самоуверенных и таких ограниченных людей. Все-то он, видите ли, знает, все понимает! И что в нем Летти нашла хорошего? Несчастный буквоед!

Миссис Хоуп. Чем ты тут занимался, Том, что довел себя до такого состояния?

Хоуп (избегая смотреть ей в глаза). Когда-нибудь он действительно выведет меня из себя. Что за привычка считать, что все неправы и только он один прав? Проклятье!

Миссис Хоуп. Сейчас же перестань. Мне нужно серьезно поговорить с тобой. Дик влюбился, я в этом совершенно уверена.

Хоуп. Влюбился? В кого же? Не в нашу ли Буку?

Миссис Хоуп. У него это на лице написано. Если бы только заметила, что Джой хоть в какой-то степени отвечает ему взаимностью, я моментально отправила бы обоих отсюда. Я не допущу этого.

Хоуп. Но ведь она совсем ребенок!

Миссис Хоуп (следуя ходу своих мыслей). К счастью, нет. Пока нет. Я следила за ней самым внимательным образом. Если она в кого-нибудь и влюблена, так это в свою мать: бегаёт за ней повсюду, как собачонка. А с мистером Лавером она вела себя прямо-таки грубо.

Хоуп (следуя ходу своих мыслей). Ни за что этому не поверю. (Поднимается и начинает расхаживать по лужайке.)

Миссис Хоуп. Чему не поверишь?

Полковник молчит.

(Отвечая мыслям мужа.) Неужели ты думаешь, что я позволила бы мистеру Леверу остановиться у нас вместе с Молли, если бы считала, что между ними что-то есть?

Полковник, крикнув, останавливается.

Он очень, очень славный, знаешь ли. И я хотела бы, чтобы ты выудил у него кое-какие сведения, Том. Надо лучше разнюхать все, что касается этого рудника.

Хоуп (неловко). Разнюхать!

Миссис Хоуп (глядя на него с любопытством). Да ведь ты уже тут что-то затеял? Что именно? Говори.

Хоуп. Выуживать сведения у собственного гостя? Неслыханно!

Миссис Хоуп. Ну опять ты со своими высокими принципами. Хоть бы ты занял у кого-нибудь немного здравого смысла!

Хоуп. Ты еще предложи мне подслушивать у чужих дверей! Выудить! Разнюхать! Гм!

Миссис Хоуп. А чего ради ты изучал эти бумаги? Прямо с ума можно сойти, ты всегда упускаешь возможности заработать хоть немного денег. Вот и сейчас благодаря мне тебе представился отличный случай, а ты только беснуешься и несешь всякую чушь!

Хоуп (повышенным тоном). Много ты понимаешь! Я уже взял тысячу акций!

Мгновенно наступает тишина.

Миссис Хоуп (после паузы). Что? Что ты сделал? Не посоветовавшись со мной? Прекрасно; ты немедленно пойдешь к Леверу и скажешь, что передумал.

Хоуп. Ты хочешь, чтобы я...

Миссис Хоуп. Подумать только! Как будто в подобных вещах ты можешь полагаться на собственное суждение! Иди немедленно и скажи, что произошла ошибка. А потом мы спокойно все обсудим.

Хоуп (сбрав силы). Отказаться от собственных

слов? Ни за что, даже если я потеряю все до последнего пенни! Сперва ты пристаешь ко мне, чтобы я взял акции, потом пристаешь, чтобы я их отдал. Это невозможно, Нелл, это невозможно!

Миссис Хоуп. Если б я могла допустить, что ты вдруг забудешь все, что сам же говорил утром, и выкинешь такой номер, то я бы тебе вообще не стала говорить о руднике. Неужели ты думаешь, что стала бы? Нет, ты ответь!

Хоуп. Ерунда! Как будто ты сама не понимаешь, что это совершенно особый случай! *(Уходит, преследуемый по пятам женой, которая пытается убедить его в своей правоте.)*

Эрнест и Летти возвращаются со стороны дома.

Летти. Что это со всеми стряслось? От жары, что ли?

Эрнест *(усевшись на качели и не обращая внимания на реплику жены)*. Этого молодчика Левра следовало бы отшить.

Подходит Роза с чайным подносом.

Летти *(делает Эрнесту знак, чтобы он молчал)*. Где мисс Джой, Роза?

Роза. Не знаю, мисс. *(Поставив поднос на стол, удаляется.)*

Летти. Эрнест, ты очень неосторожен. А вдруг Джой где-нибудь здесь? Никогда не знаешь, где она...

Эрнест *(всецело занятый своими мыслями)*. Твой папаша рвет и мечет по моему адресу.

Летти. Почему?

Эрнест. Я ничего особенного не сказал. Просто обмолвился, что Молли надо смотреть в оба, пока она еще не влипла. Ну он и налетел на меня, как ураган, и давай разносить.

Летти. Папочка очень ее любит.

Эрнест. Но послушай-ка, неужели ты считаешь, что они с Левром не...

Летти. Тише! Допустим, что да. Гораздо хуже будет, если Джой об этом услышит. Лично мне Молли очень нравится, и пусть о ней говорят что угодно, я не собираюсь верить ни одному слову. Это бессмысленно. Если что-нибудь есть, так есть, а нет, так нет, вот и все.

Эрнест. А я знаю только одно. Я ей сказал, что этот рудник — мякина для воробьев, а она давай шипеть на меня, как хороший паровоз!

Летти. Я бы поступила в точности так же. Иначе она была бы плохим другом Леверу.

Эрнест. А ты спроси-ка нашу птаху-Букаху. Она старый воробей и знает, что мякина и что нет. Послушай-ка, все мужчины любят поразвлечься, и я ничего против этого не имею, но что она привезла его сюда, — это, знаешь ли, уже ни в какие рамки не лезет. Ну, твой старик, как обычно, вбил себе в голову, что этот пупсик — его гость и что его надо носить на руках и покупать у него акции и все прочее.

Летти. Какие все люди ужасные!.. Вечно что-нибудь выдумывают про других... Я понимаю, если б Молли мне была чужая. Но ведь она моя сестра, двоюродная, но сестра. И я не намерена верить всяким сплетням о моей сестре. Да, не намерена.

Эрнест *(неохотно принуждая себя согласиться)*. Да, видимо, так. Раз она твоя двоюродная сестра — дело другое...

Летти. А ты как думал! Я только об одном молю бога: чтобы кто-нибудь не вызвал у Джой подозрение, что...

Она останавливается и подносит палец к губам: Джой появляется на лужайке. Колокольчик сзывает всех к чаю. Следом за Джой показываются Дик и мисс Бук с флаконом одеколона в руках. Полковник с женой тоже возвращаются, по-прежнему отстаивая каждый свою точку зрения.

Джой. Где мама? Разве ее здесь нет?

Миссис Хоуп. Довольно бегать, Джой. Садись и пей чай. Твоей матери уже сказано, что чай готов, и если он остынет, то пусть она пеняет на себя.

Дик *(извлекая из дупла коврик и расстилая его под деревом)*. Смотри, сколько места, Джой.

Джой. А я уверена, что маме никто ничего не говорил, тетя Нелли.

В проеме стены показывается миссис Гвин и Левер.

Летти *(трогая Эрнеста за рукав)*. Обрати внимание, Эрни: четыре парочки и Букаха...

Эрнест *(занятый собой)*. Какие там еще парочки?

Джой. Ой, мамочка! Наконец-то! (*Охватив руками мать, поворачивается спиной к Леверу.*)

Все рассаживаются, где кому удобнее. Миссис Хоуп разливает чай.

Миссис Хоуп. Буки, передай сандвичи мистеру Леверу. Мистер Левер, это — джем нашего домашнего изготовления.

Левер. Спасибо. (*Откусывает.*) Великолепно!

Миссис Гвин (*с наигранной веселостью*). Впервые вижу, чтобы вы ели джем.

Левер (*принужденно улыбаясь*). Да? А между тем, он мне очень нравится.

Миссис Гвин (*с легким поклоном*). Мой джем вы, однако, есть отказывались.

Джой (*в упор смотревшая на своего недруга; внезапно*). Мне ужасно жарко! Как ты переносишь такую жару, мама? (*Притрагивается ладонью ко лбу матери.*)

Миссис Гвин. Б-рр. Ты же вся мокрая, Джой!

Джой. Взмокнешь тут. (*Снова переводит глаза на Левера, как будто желая пронзить его взглядом.*)

Эрнест (*сидя на качелях*). А знаете, барометр-то падает...

Левер (*подчеркнуто вежливо*). Барометр в холле, как мне кажется, еще не меняет показаний.

Эрнест. Ну, на него полагаться нельзя. Это же старая развалина.

Хоуп. Вот как!

Эрнест (*словно не слышит*). Вот у меня есть штучка новейшей модели: никогда не подведет! Держу пари на что угодно, завтра у нас тут разразится гроза.

Мисс Бук (*переводя взгляд с Джой на Левера*). А вы не думаете, что гроза разразится еще сегодня?

Левер (*подчеркнуто вежливо*). Простите, вы ко мне обратились?

Мисс Бук. Я спросила, не думаете ли вы, что гроза разразится еще сегодня?

Левер (*учтиво*). Пока не вижу никаких признаков. Джой, отойдя от стола, с размаху бросается на коврик. Дик сидит на коврике, скрестив ноги, и не сводит глаз с Джой.

Мисс Бук (*попивая чай*). Люди часто не видят того, чего не хотят видеть, не правда ли?

Левер в ответ только приподнимает брови.

Миссис Гвин (*поспешно вмешиваясь в разговор*). Ну, что вы такое говорите! Погода превосходная.

Мисс Бук. Не правда ли?

Миссис Хоуп. Закусывайте поплотнее, Буки. До восьми больше никто ничего не получит. Да и тогда будет только холодная баранина. Придется вам примириться с отсутствием настоящего обеда, мистер Левер.

Левер (*с поклоном*). Все, что хорошо для мисс Бук, хорошо и для меня.

Мисс Бук (*берет еще один бутерброд; язвительно*). Вы так думаете?

Миссис Гвин (*с наигранной веселостью*). Ну, перестань же чудить, Бука.

Мисс Бук хмыкает

Хоуп (*снова углубившись в изучение бумаг*). Как я вижу, фамилия вашего инженера — Родригес. Он что, итальянец?

Левер. Португалец.

Хоуп. Не нравится мне это.

Левер. Но родился он, кажется, в Англии.

Хоуп (*обрадованно*). Да? Это другое дело.

Эрнест. Жуткие проходимцы все эти португальцы.

Хоуп. Начинается.

Летти. Но, папа, Эрнест только повторил твои слова.

Миссис Хоуп. Мистер Левер, я хотела бы задать вам один вопрос: считаете ли вы ваш рудник надежным предприятием? Если нет, то я попросту не могу позволить Тому приобретать акции. Это ему не по средствам.

Левер. Все зависит от того, что вы называете надежным предприятием, миссис Хоуп.

Миссис Хоуп. Я не требую, конечно, чего-нибудь необыкновенного, но если по ним будут регулярно платить десять процентов и если Том в любой момент может получить свой вклад обратно...

С качелей раздается легкий свист.

То есть я хочу знать, нет ли здесь какого-нибудь подвоха, только и всего.

Миссис Гвин (возмущенно). Разве Морис стал бы директором, если б тут был какой-нибудь подвох?

Миссис Хоуп. Но, Молли, я же просто задаю вопрос...

Миссис Гвин. Вот именно!

Хоуп (поднимаясь). Я беру две тысячи акций, мистер Левер. Мне просто стыдно слушать, что тут говорит моя жена.

Левер. Ну что вы, сэр. Миссис Хоуп не имела в виду ничего плохого.

Миссис Гвин встревоженно смотрит на Левера.

Дик (вполголоса). Пойдем к реке, Джой.

Джой встает и идет к стулу матери.

Миссис Хоуп. Конечно, ничего плохого, Том. А ты опять говоришь чепуху. Никто никогда не приобретает акции, не получив предварительных гарантий.

Левер (иронически). В данном случае трудно что-либо гарантировать. Собственно, полковнику Хоупу нет ни малейшей необходимости покупать акции рудника Топокала, и мне кажется, что лучше всего ему от этого воздержаться. (Закуривает папиросу.)

Миссис Хоуп. Вы не должны обижаться, мистер Левер. Мне бы очень хотелось, чтобы Том купил акции, если вы считаете, что это надежное дело.

Левер. Боюсь, что я не имею права высказывать своего мнения.

Джой (шепчет). Mamочка, если ты кончила, то пойдем. Я хочу показать тебе свою комнату.

Миссис Хоуп. Я бы и слова не сказала, но Том так легко попадает на удочку.

Миссис Гвин (свирепо). Тетя Нелл, как можно говорить такие вещи?!

У Джой вырывается злорадный смешок.

Летти (поспешно). Эрни, хочешь сыграть против Дика и меня? Пошли, Дик!

Все трое уходят в направлении теннисного корта.

Миссис Хоуп. Тебе пора бы знать своего дядю, Молли. Он сущее дитя. Он давно бы стал нищим, не приглядывая я за делами.

Хоуп. Прошу считать вопрос решенным. Я беру две тысячи акций Топокалы. Я... мне... мое достоинство глубоко оскорблено. (*Поворачивается и уходит к дому.*)

Миссис Хоуп. Не понимаю, что я сказала особенного. (*Спешит вслед за мужем.*)

Миссис Гвин (*вполголоса миссис Хоуп, когда та проходит мимо нее*). Вы не должны были оскорблять моих друзей.

Левер, пожав плечами, отходит в сторону. Джой, махнув в сердцах рукой, что замечает одна лишь мисс Бук, уходит по направлению к дому. У чайного стола остаются только мисс Бук и миссис Гвин.

Мисс Бук. Молли!

Миссис Гвин вздрагивает и смотрит на нее.

Поберегись, Молли, поберегись! Твоя дочка... Разве ты не видишь? (*С кивком головы в сторону Левера.*) Поберегись, Молли, поберегись!

Левер (*возвращаясь к столу*). Чудовищно жарко!..

Мисс Бук. И станет еще жарче, если не принять мер.

Левер (*подчеркнуто вежливо*). Но, простите, разве от нас что-нибудь зависит?

Мисс Бук, переводя взгляд с одного лица на другое, несколько раз подряд утвердительно кивает, затем, подобрав юбки, идет к дому. Миссис Гвин сидит неподвижно, глядя перед собой.

Забавная старушенция! (*Бросает папиросу.*) Что это с ней, Молли?

Миссис Гвин (*с усилием*). О! Наша Буки — это личность!

Левер (*нахмурившись*). Не могу не согласиться!

Длительная пауза.

Миссис Гвин. Морис!

Левер. Да!

Миссис Гвин. Тетю Нелл не переделаешь. Ты не должен обижаться на нее.

Левер (*немного иронически*). Дорогая моя, у меня слишком много серьезных неприятностей, чтобы обижаться из-за всяких пустяков.

Миссис Гвин (неожиданно подходя к нему). Скажи мне, какие у тебя неприятности?

Левер пожимает плечами.

Месяц назад ты бы сам поспешил со мной поделиться.

Левер. Право же, Молли...

Миссис Гвин. Ах!.. (С горькой усмешкой.) Весна так быстро проходит!

Левер. Наша с тобой весна не пройдет никогда.

Миссис Гвин. О, если бы это было так!

Левер. Ты ведь мне тоже не сказала, о чем ты только что думала, сидя там, как каменное изваяние.

Миссис Гвин. Женщине не положено много говорить.

Левер. Разве я тебя чем-нибудь обидел, Молли?

Миссис Гвин (с нежностью сжимает его руку). Нет, любимый. Не в том дело. Но я так... (Замолкает.)

Левер (нежно). Так?..

Миссис Гвин (как бы про себя). Мне так тяжело здесь.

Левер. Я ведь не хотел сюда ехать. И не понимаю, для чего ты предложила эту поездку.

Миссис Гвин молчит.

Это была ошибка.

Миссис Гвин (установившись в землю). Завтра Джой будет дома. Я думала, что, если ты приедешь сюда, мне удастся выяснить...

Левер (раздосадованно). Что выяснить?

Миссис Гвин (теряя над собой власть). Ну, как ты не понимаешь! Меня все время преследует одна и та же мысль: как нам быть дальше? Должна же я знать... должна знать?..

Левер. Не вижу, каким образом мой приезд...

Миссис Гвин. Я думала, что, если мы, не таясь, приедем сюда вместе, мне будет проще потом, в Лондоне; я буду чувствовать себя увереннее... А теперь... теперь у меня такое чувство, будто я не имею права ни разговаривать с тобой, ни даже смотреть на тебя.

Левер. Неужели ты думаешь, что твоя тетушка...

Миссис Гвин (презрительно). Тетушка! Да разве в ней дело? Меня беспокоит только Джой!

Лев е р (нахмурившись). Нам просто нужно вести себя немного поосмотрительнее и не выдавать себя, как сейчас, вот и все.

Миссис Гвин. Но не могу же я спокойно слушать, когда тебе говорят гадости. (*Гладит ладонью по отвороту его пиджака.*)

Лев е р. Осторожней, девочка!

Рука миссис Гвин падает. Она откидывает голову назад, судорожно глотает, словно приняла горькую пилюлю, и отходит в сторону.

(*Спеша за ней.*) Не надо, ну не надо, дорогая! Я хотел только сказать, что... Ну послушай, Молли. Надо же соблюдать приличия. Я хочу рассказать тебе кое-что о руднике.

Миссис Гвин (*с дрожащей улыбкой*). Да, да... будем гулять и разговаривать, соблюдая все приличия, как подобает в этом сугубо приличном месте.

Они идут рядом. Видно, как Лев е р пытается утешать ее, в то же время соблюдая видимость спокойной прогулки. Появляется Дж о й, подобно отверженной тени, стремящейся воссоединиться со своим телом. Она успевает заметить мать и Лев е р а, прежде чем они исчезают из виду, и обескураженно останавливается, теребя стебелек гвоздики, которую держит в руках. Затем бросается на стул и, облокотившись о стол, роняет голову на руки.

Дж о й. Свинья! Свинья! Как я его ненавижу!..

Роза (*пришедшая убрать со стола*). Вы звали, мисс?

Дж о й. Не тебя.

Роза (*не двигаясь с места*). Понимаю, мисс.

Дж о й (*откинувшись назад, теребит цветок и бросает на землю лепестки*). Прошу тебя, Роза, кончай скорей!

Роза (*собирая чайные принадлежности*). Сюда идет мистер Дик. Вон по той тропинке. А как быть с вашим платьем, мисс? Можно мне примерить его на вас?

Дж о й. Нет.

Роза. А что скажет хозяйка?

Дж о й. Ну, Розочка, пожалуйста, не приставай...

Роза уходит, на смену ей появляется Дик.

Дик. Пойдем на реку, Джой, ну, пойдем, всего на полчаса!

Джой отрицательно качает головой.

Только до куста, где гнездо зимородков. Знаешь, как там сейчас хорошо и прохладно... Ты извини меня, что я тебе утром испортил настроение. Ей-богу, я не хотел. И больше никогда не буду.

Джой искоса взглядывает на него, и это придает ему больше смелости.

Так сходим? В последний раз, Джой! Пойми: в последний раз! Мне так тяжело!

Джой. А тебе-то отчего тяжело?

Дик (*угрюмо*). Как отчего, когда ты вон какая!..

Джой (*резко*). Если тебе не нравится, что я такая, то чего ради ты всюду ходишь за мной по пятам?

Дик. Но в чем дело, почему ты так переменилась?

Джой (*поднимая голову, как будто ей не хватает воздуха*). Не надо, не надо об этом.

Дик. Может быть, все дело в жаре?

Джой (*коротко рассмеявшись*). Может быть.

Дик. Тогда тебе поможет одеколон. погоди, я сделаю тебе повязку. (*Достает носовой платок и, свернув его в виде повязки, смачивает одеколоном.*) Он совершенно чистый.

Джой. О Дик, какой ты смешной!

Дик (*повязывая ей голову*). Когда тебе плохо, то я делаюсь какой-то... сам не свой. Я хочу сказать, что вообще-то я не особенно расстраиваюсь из-за других людей, но когда это не другие, а ты...

Джой (*неожиданно*). Мне вовсе не плохо.

Дик. Хорошо так?

Джой (*закинув голову и закрыв глаза*). Очень.

Дик. Ты не беспокойся, я сейчас уйду и не стану мешать тебе. Тебе нужно отдохнуть. Только послушай, Джой. Если хоть когда-нибудь я могу что-нибудь сделать для тебя, что угодно...

Джой (*приоткрыв глаза*). Только одно: уйди отсюда.

Дик, прикусив губу, поворачивается и идет.

Дик! (*Мягко.*) Дик!

Дик останавливается.

Я пошутила. Ты мне достанешь водяных лилий к сегодняшнему вечеру?

Дик. Ну еще бы! *(Подходит к дуплу и из глубины его извлекает ведро и багор.)* Я знаю, где растут такие лилии — прямо красота!

Джой сидит неподвижно; глаза ее полузакрыты.

Тебе в самом деле удобно так, Джой? Ты посиди здесь в тени, отдохни, пока я вернусь: увидишь, тебе станет лучше. Я всего минут на двадцать. *(Уходит, но не в силах побороть себя тихонечко возвращается, чтобы убедиться, что все в порядке.)* А ты уверена, что тебе в самом деле удобно так?

Джой кивает. Дик уходит к реке. Но Джой нет покоя. Вскоре доносятся голоса миссис Гвин и Левера, возвращающихся к буку.

Джой *(гневно махнув рукой)*. Как противно! Как противно! *(Убегает.)*

Показываются миссис Гвин и Левер; разговаривая, они проходят мимо дерева.

Миссис Гвин. Но почему, Морис? Я не понимаю.

Левер. Мы собираемся продать рудник. Но предварительно там надо произвести кое-какие работы, а для этого нужны деньги.

Миссис Гвин. Если сумма небольшая, то, мне кажется, вы в любой момент можете получить ее в Сити.

Левер *(покачивая головой)*. Нет, нет. Мы должны достать ее частным образом.

Миссис Гвин *(смущенно)*. О! *(С расстановкой.)* Значит, это не такое уж надежное дело? *(Не решается взглянуть на него.)*

Левер. Видишь ли, мы собираемся продать его.

Миссис Гвин. А как же те, кто купит?

Левер *(подозрительно глядя на нее)*. Дорогая моя, их шансы будут равны нашим. Какое мне до них дело? Вот твои тысяча фунтов...

Миссис Гвин *(тихо)*. О моих деньгах не беспокойся, Морис. Я не хочу, чтобы ты делал что-нибудь не вполне...

Левер *(уклончиво)*. Кроме того, там деньги моей сестры и моего брата. Я не допущу, чтобы кто-нибудь из

вас подвергался риску. Когда мы все вошли в дело, перспективы были самые блестящие. Сомнения возникли только в последний месяц. А теперь меня очень беспокоит твой дядя. Мне бы не хотелось, чтобы он покупал акции. Может показаться, будто я специально для этого приехал.

Миссис Гвин. Он не должен покупать их, ни в коем случае!

Леве́р. Легко сказать!

Миссис Гвин (робко). Но, Морис, разве ты не говорил ему о намеченной продаже?

Леве́р (остановившись у дупла, угрюмо). Это тайна правления. Я не имел права говорить даже тебе.

Миссис Гвин. Но ведь он думает, что приобретает акции в надежном предприятии.

Леве́р. Горные разработки всегда связаны с некоторым риском.

Миссис Гвин. О да, я знаю, но... дядя Том такой милый!

Леве́р (упрямо). А я чем виноват, что у него такой... характер! Я не хотел, чтобы он покупал акции, и сказал ему об этом прямо. Поставь себя на мое место, Молли. Разве я могу пойти и сказать ему: «Рудник может прогореть», — когда он знает, что из-за меня ты вложила в дело свои деньги?

Джой, по-прежнему блуждающая, подобно отверженной теии, вернулась к буку. Она решительно шагает вперед. Дуплистое дерево отделяет ее от говорящих, и они не видят ее. Она останавливается.

Миссис Гвин. Я думаю, ему все-таки нужно сказать о продаже. Этого требует простая справедливость.

Леве́р. Но ведь никто не заставлял его набрасываться на акции. Я вообще не понимаю таких людей.

Миссис Гвин (порывисто). Я должна сказать ему, Морис. Я не могу позволить ему покупать акции, не предупредив, что... (Кладет ладонь на рукав Левера.)

Джой поворачивается, как бы собираясь убежать туда, откуда пришла, но снова останавливается.

Леве́р (медленно и очень тихо). Я не думал, что ты меня выдашь, Молли.

Миссис Гвин. Прости, но я не совсем понимаю...

Лев е р. Если ты скажешь полковнику о продаже, старик будет считать, что с таким, как я, тебе не следует иметь ничего общего. Неужели ты хочешь этого?

Миссис Гвин заглядывает в глаза своему возлюбленному и при-
трагивается к его рукаву. Д ж о й исчезает в дуплистом буке

В данном случае приходится принимать во внимание не только свои принципы. Тут действуют особые обстоя-
тельства.

Миссис Гвин (с еле заметной улыбкой). Но ведь ты будешь доволен, если получишь деньги, да?

Лев е р. Ну, знаешь ли, если ты хочешь изобразить дело так, Молли...

Миссис Гвин. Не надо, успокойся.

Лев е р. В конце концов мы, может быть, и не ста-
нем сбывать его с рук. Вдруг игра окажется стоящей.

Миссис Гвин (с дрожью). Не хочу больше слы-
шать об этом руднике. Все равно мы, женщины, ничего
не понимаем. (Порывисто.) Но я не могу допустить, что-
бы кто-нибудь подумал плохо о тебе.

Лев е р (глубоко обеспокоенный). Ради бога, Мол-
ли! Не смотри на меня так! Конечно же, я поговорю с
твоим дядей. Я сделаю так, что он откажется, пусть я
буду выглядеть при этом последним дураком. Я сделаю
все, что ты хочешь.

Миссис Гвин. У меня здесь все время такое ощу-
щение, будто меня кто-то душит.

Лев е р. Потерпи один день.

Миссис Гвин (с внезапной нежностью в голосе).
Ты тут ни в чем не виноват, любимый. Я должна была
знать, что так получится... Ну что ж, пойдем в гости-
ную. (Решительно сжимает губы и идет к дому.)

Лев е р следует за ней. Как только они исчезают, из-за дерева
выбегает Д ж о й. Она резко останавливается в позе человека,
бросающего вызов. Щеки и уши у нее горят.

Д ж о й. Мама!

Миссис Гвин снова показывается в проеме стены.

Миссис Гвин. Ах, ты вот где!

Д ж о й (задыхаясь). Да.

Миссис Гвин (неуверенно). А где... где ты была?
Ты вся пылаешь. Ты что, бежала?

Д ж о й. Да... нет.

Миссис Гвин (*пристально глядя на нее*). Что с тобой? Ты дрожишь! (*С нежностью.*) Уж не заболела ли ты?

Д ж о й. Нет... Не знаю.

Миссис Гвин. Что с тобой, деточка?

Д ж о й (*прильнув к ней в неожиданном порыве*). О мама!..

Миссис Гвин. Ничего не понимаю.

Д ж о й (*задыхаясь*). Мама, давай уедем с тобой домой сейчас же, сию минуту...

Миссис Гвин (*лицо ее делается жестче*). Почему? Что случилось?

Д ж о й. Я не могу оставаться здесь.

Миссис Гвин. Но почему же?

Д ж о й. Я хочу быть с тобой. О мама! Неужели ты меня не любишь?

Миссис Гвин (*со слабой улыбкой*). Конечно, люблю, Джой.

Д ж о й. Но его ты любишь больше.

Миссис Гвин. Его? Кого — его?

Д ж о й. О мама! Я не хотела... (*Пытается поймать руку матери.*) О, не надо!..

Миссис Гвин. Я думаю, лучше, если ты все объяснишь.

Д ж о й. Я хочу, чтобы ты... он... он... он не...

Миссис Гвин (*холодно*). Ну, что это такое, Джой!

Д ж о й (*страстно*). Я все равно буду бороться против него. Я знаю, что тут дело нечисто... (*Умолкает.*)

Миссис Гвин. О чем ты говоришь?

Д ж о й. Мама, скажем все дяде Тому и уедем.

Миссис Гвин. Дяде Тому? О чем?

Д ж о й (*глядя в землю, почти шепотом*). О... о руднике.

Миссис Гвин. Что именно о руднике? Что это значит? (*Ожесточенно.*) Ты что, подслушивала?

Д ж о й (*вся съежившись*). Нет, о нет!

Миссис Гвин. Где ты была?

Д ж о й (*чуть слышно*). Я... я случайно услышала.

Миссис Гвин (*ядовито*). Не подслушивая?

Д ж о й. Нет! Нет, мама! Я не хотела слушать. Я слышала совсем немного. Я не нарочно.

М и с с и с Г в и н (коротко рассмеявшись). Не нарочно подслушивала?

Д ж о й (сквозь зубы). Я ненавижу его. Я не хотела подслушивать. Но все равно я ненавижу его.

М и с с и с Г в и н. Понятно. (Пауза.) За что же ты его ненавидишь?

Д ж о й. Он... он... (Замолкает.)

М и с с и с Г в и н. Продолжай.

Д ж о й (почти в отчаянии). Я не знаю. Ну, понимаешь, не знаю, почему, но я чувствую...

М и с с и с Г в и н. В таком случае тебя ни в чем не убедишь. Ну, а что ты там слышала, это просто нелепо.

Д ж о й. Да не в том дело. Дело... дело в тебе!

М и с с и с Г в и н (ледяным тоном). Я не понимаю тебя.

Д ж о й (страстно). Как бы я хотела, чтобы папа приехал!

М и с с и с Г в и н. Ты любишь своего отца так же, как меня?

Д ж о й. Что ты, мама! Ты же знаешь, что тебя я люблю гораздо больше.

М и с с и с Г в и н (с упрёком). Почему же ты хочешь, чтобы он приехал?

Д ж о й (сдавленно). Из-за него, из-за этого человека.

М и с с и с Г в и н. Ну, знаешь ли!..

Д ж о й. Я никогда... я никогда не подружусь с ним.

М и с с и с Г в и н (колко). Я тебя и не просила об этом.

Д ж о й (протягивая руку). Мама!..

Миссис Гвин слегка отворачивается.

Мама, ну, поедem, скажем дяде Тому, а потом уедem от... него.

М и с с и с Г в и н. Если б ты не была ребенком, ты бы не говорила таких вещей, Джой.

Д ж о й (взволнованно). Я не ребенок. Я взрослая женщина. Да, да, взрослая!

Миссис Гвин. Нет, ты еще далеко не женщина, Джой.

Джой вскидывает руки, как бы заслоняясь от удара. Миссис Гвин оборачивается и видит, что у стены стоит Л е в е р.

Л е в е р (переводя взгляд с одной на другую). Что случилось?

Никто не отвечает.

В чем дело, Джой?

Д ж о й (страстно). Я слышала, что вы тут говорили. И пусть все думают, что хотят,—мне все равно. Я и в другой раз не стану затыкать себе уши.

Л е в е р (бесстрастно). Ага! И что же я сказал ужасного?

Д ж о й. Вы... вы... трус! Вот вы кто!

Миссис Гвин (со стоном). Джой!

Л е в е р (встает перед Джой, заложив руки за спину, и говорит очень тихо). Ну что ж, ударь меня по лицу, ударь. Ударь со всей силой, Джой. Тебе станет легче.

Джой поднимает сжатую в кулак руку, но роняет ее и закрывает лицо ладонями.

Что же ты? Я ведь не шутил.

Джой не отвечает.

Ну, хватит, Джой. Ты доведешь себя до припадка, а это уж совсем ни к чему. Верно я говорю?

Джой по-прежнему никак не реагирует.

(Решительно). В чем дело, Джой? Объясни!

Д ж о й (сдавленным голосом). Когда вы оставите мою маму в покое?

Миссис Гвин. О Джой, дорогая моя, не говори глупостей!

Д ж о й (ее лицо искажается гримасой; с внезапной вспышкой страсти). Я презираю вас, презираю! (Стремительно убегает.)

Миссис Гвин (с жестом отчаяния). Боже мой!

Л е в е р (оборачиваясь к миссис Гвин, успокаивающе). Не обращай внимания, дорогая. Все наладится... все будет хорошо! (Но выражение его лица явно противоречит его словам.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер. Сквозь листву старого бука светит полная желтая луна. Горят китайские фонарики. В доме танцуют; звуки музыки доносятся, то усиливаясь, то ослабевая. Мисс Бук сидит на скамье под деревом в старомодном бальном платье черного цвета, с буфами и скромным вырезом, закрытым белыми кружевами. Она медленно обмахивается веером. Дик, во фраке, выходит на лужайку со стороны дома. Он не замечает мисс Бук.

Дик. Черт! (Пауза). Черт!

Мисс Бук. Бедняжка!

Дик (вздвигнув). Мисс Бук! Простите, Буки, это у меня вырвалось. (Стаскивает перчатки.) Я просто не мог удержаться.

Мисс Бук. Никто не может.

Дик (взволнованно). Подумать только, как Джой не везет сегодня! У меня из головы нейдет, что она лежит там со своей проклятой мигренью, а в это время мы все весело отплясываем.

Мисс Бук. О себе вы, конечно, не думаете, о благородный юноша?

Дик. Я был бы последней скотиной, если б не думал о ней больше, чем о себе.

Мисс Бук. Значит, вы считаете, что это мигрень?

Дик. Вы же сами слышали, что миссис Гвин сказала за обедом. Солнце всегда так действует на Джой. (В порыве вдохновения.) Послушайте, Буки, не могли бы вы... не могли бы вы подняться к ней и спросить от моего имени, не нужно ли ей чего-нибудь, и передать, что все мы ужасно жалеем, что она нездорова. Это было бы чертовски мило с вашей стороны. И скажите, что

танцы без нее не танцы. Ну, пожалуйста, мисс Букашенька! Да! Подождите минутку! (*Ныряет в дупло и выносит оттуда ведро с водой, из которого торчат две бутылки шампанского и несколько водяных лилий. Вынимает лилии.*) Заодно передайте вот это. Я нарочно для нее доставал, да вот не было случая передать.

Мисс Бук (*приподнимая бутылку*). А это что?

Дик. Шипучка! Полковник притащил из гостиницы. К ужину. И спрятал здесь... (*с легкой улыбкой*) боялся миссис Хоуп, надо полагать! Мисс Бук, пожалуйста, передайте ей эти лилии.

Мисс Бук. Вы думаете, они ей помогут?

Дик (*упавшим голосом*). Я думал, ей понравится... Мне не хочется зря беспокоить ее... Но попробуйте все-таки!

Мисс Бук качает головой.

Нет? А почему?

Мисс Бук. Все равно бедняжка не откроет мне дверь.

Дик. Значит, вы уже поднимались к ней?

Мисс Бук (*возмущенно*). Конечно, поднималась! У меня, молодой человек, сердце не каменное!..

Дик. Ничего не поделаешь! Придется как-нибудь обойтись.

Мисс Бук (*ядовито*). Всем нам приходится обходиться как-нибудь и чем-нибудь.

Дик (*уныло*). Ну, это уж не «что-нибудь», а хуже, чем что бы то ни было!

Мисс Бук. И уж, конечно, никогда никому на свете не было так плохо.

Дик. Клянусь, я думаю не о себе!

Мисс Бук. А вы когда-нибудь видели человека, который поклялся бы, что он думает о себе?

Дик. Да перестаньте же, ради бога!

Мисс Бук. Лучше б вы отправились поискать себе партнершу для танцев.

Дик (*в меланхолическом отчаянии*). Послушайте, Буки! Поймите, все эти девицы мне просто противны.

Мисс Бук. А-а! (*Иронически.*) Незадачливые бедняжки! Ничего стоящего, да?

Дик. Ладно, смейтесь; вам, наверное, это доставляет огромное удовольствие. А меня вот мутит от тан-

цев, когда я знаю, что Джой лежит там больная. И, главное, в свой последний вечер!

Мисс Бук (*бочком подвигаясь к нему*). Вы добрый. Да, да, у вас чуткое сердце. (*Берет его руку и прикладывает к своей щеке.*)

Дик. Буки... послушайте, как вы думаете, есть у меня... Нет, как вы думаете, будет у меня когда-нибудь право надеяться...

Мисс Бук. Я ждала этого вопроса... В ваши годы рано думать о любви. Да, да, я не одобряю этого. И не рассчитывайте, что я буду помогать вам советами.

Дик. Но мне уже через год исполнится двадцать один, и я смогу располагать своими деньгами: никому не надо давать отчета. То есть, вы понимаете: уж я-то знаю, чего хочу.

Мисс Бук. Уж, конечно, вы знаете. Кто-нибудь другой в ваши годы не знал бы, а вы знаете,— да, да!

Дик. Я ведь не стану требовать, чтобы она связывала себя обещаниями: она слишком молода, и это было бы просто нечестно; но я хочу, чтобы она знала, что я буду любить ее всегда!

Мисс Бук. А предположим... понимаете, просто предположим — она тоже любит вас и скажет, что тоже навсегда?

Дик. Буки! Нет, в самом деле, вы думаете, я могу надеяться?

Мисс Бук. Ах-х-х!

Дик. Я совсем не хочу связывать ее обещаниями, клянусь вам. (*Торжественно.*) Что бы вы ни думали, я не какой-нибудь гнусный эгоист!

Мисс Бук (*подвигаясь еще ближе; громким шепотом*). Ну что ж, действуйте!

Дик. Нет, в самом деле? Буки, вы настоящая молодчина! (*Целует ее.*)

Мисс Бук (*заражается его восторгом, но тут же вспоминает о своих принципах*). Не вздумайте говорить, что я вам что-нибудь советовала! Вы оба еще слишком молоды.

Дик. Но ведь тут совсем особые обстоятельства. Я хочу сказать, что наш случай совсем особый.

Появляются полковник и миссис Гвин.

Мисс Бук. О да, исключение! (Сидит под деревом и обмахивается веером.)

Хоуп. Девушки сидят без дела, Дик. Даже мне пришлось танцевать! Ф-фу! (Утирает лоб платком.)

Повернувшись на одном каблуке, Дик чуть не бегом пускается к дому.

(Глядя ему вслед.) Эге! Что это с ним такое? А вы тут прохлаждаетесь понемножку, Буки? Ну и жара, проклятье! Представляю бедных лондонцев в такой вечер: как черти в пекле, а? (Замечает луну.) Полнолуние! Видишь, Молли, как удачно, что ты сейчас здесь, а не в городе.

Миссис Гвин (приглушенно). Очень удачно.

Мисс Бук. Значит, вы думаете, что ей повезло?

Хоуп (раздув ноздри). Какой восхитительный аромат: розы и сено. Чудесно! (Усаживается между двумя женщинами.) Безобразие, что девчушка расклеилась. Я лично считаю, что солнце тут ни при чем. Больше похоже на нервы. Молли, ты знаешь, что у Джой бывают приступы невралгии?

Миссис Гвин (безразлично). Знаю.

Хоуп. Это твой приезд ее взбудоражил... Я говорил Нелл, чтобы она не приставала к Джой с этим вечерним платьем, и вот вам результат! Но ведь ты знаешь свою тетку: уж если она затеяла что-нибудь...

Мисс Бук. Нервные приступы тут тоже ни при чем!

Миссис Гвин бросает на нее быстрый взгляд и отводит глаза в сторону.

Хоуп. Очень впечатлительная девушка. Вы ее недостаточно знаете, Буки.

Мисс Бук. Вы думаете?

Хоуп. И очень привязчива. Как ты считаешь, Молли? Я помню себя в ее возрасте: глупый щенок, сердце нараспашку. А посмотрите на меня теперь!..

Мисс Бук. Смотрю (Обмахивается веером.)

Хоуп (с легкой грустью). Мы всегда забываем, какими мы сами были в молодости. С тех пор, как ты написала, что приедешь, она только и думала, что о сегодняшнем бале. И вдруг взять да заболеть и остаться без танцев. Представляю, как ей тяжело!

Миссис Гвин. Не надо, дядя Том!

Хоуп (*похлопывая ее по руке*). Ничего, ничего, Молли. Не расстраивайся. Утром она встанет как ни в чем не бывало.

Мисс Бук. Будь я ее матерью, она у меня встала бы куда раньше!

Хоуп. Заставлять девочку вставать с постели, когда у нее так болит голова! Странные вещи вы говорите, Буки!

Мисс Бук. Я знаю прекрасное средство.

Хоуп. Что же вы молчите?

Мисс Бук. Молли тоже знает.

Миссис Гвин (*уставившись в землю*). Советовать легко!

Хоуп (*ерзая на месте*). Ну, если вы думаете о морфии, то лучше выкиньте его из головы. Я всегда был против морфия. Единственный раз в жизни я принял морфий в... в Бирме, да. У меня два дня так адски болел зуб, что я пошел к доктору и попросил его дать мне порошок. «Послушайте, доктор,—говорю я ему,—морфий—это последнее дело. Никогда его не принимал и никогда не буду».

Мисс Бук (*глядя на миссис Гвин*). Когда болит зуб, лучше его сразу выдернуть, откладывать ни к чему, только хуже будет.

Хоуп. Вы это говорите, потому что зуб-то не ваш.

Мисс Бук. Но ведь зуб был гнилой, испорченный. Снаружи одно, а внутри... И вы все равно нарушили свои принципы.

Хоуп. Сами-то вы испорченная, Буки! Не думайте, вы ничуть не лучше прочих.

Мисс Бук (*ядовито*). А я и не думаю. (*Оборачиваясь к миссис Гвин.*) Нужно было сразу его выдернуть. Правильно я говорю, Молли?

Миссис Гвин. Я... я никогда не сужу других... (*Неожиданно встает с места, как будто ей не хватает воздуха.*)

Хоуп (*встревоженно*). Что с тобой, Молли? Тебе что, не совсем хорошо, да?

Мисс Бук. Пусть подышит свежим воздухом. Бедняжка!

Х о у п (озабоченно следуя за миссис Гвин). У твоей тетки есть прекрасная нюхательная соль.

Миссис Гвин. Спасибо, не надо, дядя Том. У меня немного закружилась голова, но сейчас все прошло.

Х о у п. Это от танцев. (Стучит пальцем по лбу.) Уж я-то знаю, что бывает с непривычки.

Миссис Гвин (с неожиданно прорвавшейся горечью). Вы, наверно, думаете, что вот, мол, какая она плохая мать: сама развлекается, а Джой лежит больная.

Х о у п. Родная моя! Что за странные мысли! Мы все прекрасно знаем, что если бы ты хоть чем-нибудь могла ей помочь, ты тут же сделала бы это! Верно, Буки?

Мисс Бук медленно оборачивается к миссис Гвин и пристально смотрит на нее.

Миссис Гвин. Ах, вот видите! Буки знает меня лучше, чем вы.

Х о у п (как бы размышляя вслух). Женщины, по моему, поразительные существа. Возьмем, к примеру, твою тетку. У нее есть свои странности, но стоит мне немного прихворнуть, она целую ночь не будет спать; а если она заболит и я пытаюсь чем-нибудь помочь ей, она сейчас же начинает кипятиться.

Миссис Гвин (вполголоса). У каждой женщины всегда бывает только один человек, для которого она готова сделать все на свете.

Х о у п. Вот именно. То же самое и я говорю! У твоей тетки это я, и, ей-богу, Молли, иногда я об этом жалею.

Мисс Бук (многозначительно). И это всегда он, мужчина, но не женщина.

Х о у п. Экий вы циник в юбке! Что же, по-вашему, Джой не готова сделать все для своей матери или Молли для Джой? Плохо вы знаете человеческую природу. А ночь, ночь-то какая чудесная! Такой луны я уже много лет не видел. Она сейчас похожа на преогромный светильник!

Миссис Гвин, прячась от глаз мисс Бук, встает и тихонько берет полковника под руку. Они стоят бок о бок и смотрят на луну.

Не люблю я эти китайские фонарики. Особенно при полной луне. Дешевка! Иногда призадумываешься, Молли, и, ей-богу, какие мы все ничтожества, мы, лю-

ди! Болтаем и думаем только о своих мелких личных делишках!.. А увидишь что-нибудь вот такое, по-настоящему величественное... *(Вздыхает.)* Но вот, например, твоя тетка. Да если б я сказал ей что-нибудь в этом роде, она бы сочла меня сумасшедшим. И тем не менее она очень хорошая, прекрасная женщина.

Миссис Гвин *(прижимаясь к его плечу)*. Дядя Том, вы тоже считаете меня ужасной эгоисткой?

Хоуп. Дорогая моя, откуда такие фантастические домыслы? Считаю тебя эгоисткой? Конечно, нет! Почему я должен считать тебя эгоисткой?

Миссис Гвин *(сумрачно)*. Сама не знаю.

Хоуп *(нервничая и стараясь перевести разговор на другую тему)*. Знаешь, Молли, а этот твой приятель Левер мне нравится. Он подошел ко мне после обеда; ну, видно, что бедняга совершенно расстроен. И все из-за твоей тетки. Он уговаривал меня не покупать акций. Она потом первая начнет донимать меня, но он так настаивал, что в конце концов мне пришлось отказаться от них. Во всяком случае, видно, что он человек по-настоящему деликатный. *(Огорченно.)* Туго, конечно, нам приходится с таким мизерным доходом: не всегда сведешь концы с концами. Я упустил благоприятную возможность из-за твоей тетки. *(Понизив голос.)* Могу тебе сказать, Молли: я считаю, что их рудник куда лучше, чем они сами думают.

У миссис Гвин вырывается смех, который легко можно принять за рыдание.

(С достоинством.) Не понимаю, что тут смешного.

Миссис Гвин. Я сама не знаю, что со мной сегодня.

Мисс Бук *(вполголоса)*. Зато я знаю.

Хоуп. Успокойся, успокойся. Ну-ка, дай я тебя поцелую, и все пройдет. *(Целует ее в лоб.)* Э, да у тебя голова прямо горит. Знаю, знаю: ты беспокоишься из-за Джой. Пустяки! Идем. *(Просовывает ее руку себе под локоть.)* Пойдем к реке, посмотрим на луну. У всех у нас нервы по временам не выдерживают. *(Отдергивает руку словно ужаленный.)* Это что такое? Неужто ты плачешь, Молли? Ну, не надо, пожалуйста, меня это ужасно расстраивает... Нет, вы посмотрите, Буки. *(Про-*

тягивает ей руку, на которую упала слеза.) Это просто никуда не годится.

Миссис Гвин (с громадным усилием). Все прошло, дядя Том.

Мисс Бук украдкой вытирает глаза. Со стороны дома доносится голос миссис Хоуп: «Том!»

Мисс Бук. Вас зовут.

Хоуп. Ну вот, родная моя, посиди здесь немножко, подыши свежим воздухом, успокойся, а я скоро вернусь — буквально через минуту. (Поворачивается, чтобы уйти.)

Голос миссис Хоуп раздается ближе.

(Оборачиваясь.) И послушай, Молли, ты, знаешь, не обращай внимания на мои слова. Я уж и сам не помню, что наговорил, но, надо полагать, что-нибудь я такое сказал. (Поспешно удаляется.)

Миссис Гвин (сдавленным голосом, гневно). Зачем ты меня мучишь?

Мисс Бук (печально). Мне совсем не хочется мучить тебя.

Миссис Гвин. На словах. А на деле? И неужели ты думаешь, что я сама не предвидела этого? С самого начала я знала, что так и будет, что рано или поздно ей все станет ясно. Но для меня даже один лишний день имеет значение.

Мисс Бук. Никак не могу понять, чего ради ты привезла его сюда.

Миссис Гвин (пристально посмотрев на нее, с горечью). Когда днем и ночью голова у тебя занята одной мыслью: только бы сохранить их обоих, — как ты думаешь, не захочется наконец удостовериться, что это возможно? Но ведь ты не понимаешь, да и где тебе понять! Ты никогда не была матерью! (Ожесточенно.) И ни один мужчина никогда не любил тебя!..

Мисс Бук поднимает лицо; оно искажено гримасой боли.

(Порывисто.) Прости меня, Буки, я не хотела этого сказать.

Мисс Бук. Ничего, ничего, не обращай внимания.

Миссис Гвин. Меня все время словно разрывают

надвое. *(Устало опускается в садовое кресло.)* И я все это предвидела.

Мисс Бук. Она уже все знает, Молли?

Миссис Гвин. Догадывается.

Мисс Бук *(скорбно)*. В таком случае тебе только остается выбирать: или он, или она. От кого-то из двоих ты все равно должна будешь отказаться.

Миссис Гвин *(в задумчивости)*. Почему жизнь так жестока к женщинам?

Мисс Бук. Но ведь для этого ребенка жизнь только начинается, Молли.

Миссис Гвин. А если для меня жизнь кончится, тебе все равно?

Мисс Бук. Это так серьезно!

Миссис Гвин. Да.

Мисс Бук *(сидит, покачиваясь)*. Бедняжки мои, бедняжки!

Миссис Гвин. Ты все еще любишь меня?

Мисс Бук. Да, да, дорогая моя, конечно, люблю.

Миссис Гвин. Несмотря на то, что я такая... испорченная? *(Смеется.)*

Мисс Бук. Разве мне дано право судить, кто испорчен и кто нет? Видит бог, вы обе для меня, как родные дочери.

Миссис Гвин *(отрывисто)*. Нет. Я не могу.

Мисс Бук. Молли!

Миссис Гвин. Ты сама не знаешь, о чем просишь.

Мисс Бук. Если б это только было возможно, я бы избавила тебя от этого страдания. Ведь я не могу причинить страдания даже мухе. Я ненавижу страдания.

Миссис Гвин *(отворачиваясь от нее)*. Жизнь не всегда справедлива. Иди в дом, Буки, и оставь меня одну. *(Откидывается в кресле и снова погружается в задумчивость.)*

Мисс Бук встает со скамьи и, погладив миссис Гвин по руке, молча уходит. У стены она сталкивается с Левером, разыскивающим свою партнершу. Они уступают друг другу дорогу.

Левер *(подойдя к миссис Гвин, серьезно)*. Следующий танец наш, Молли.

Миссис Гвин *(не шевелясь)*. В таком случае посидим здесь, пока он не кончится.

Левер садится.

Леве́р. С твоим дядюшкой я все уладил.

Миссис Гвин (без всякого выражения). Да?

Леве́р. После обеда я потолковал с ним по поводу акций.

Миссис Гвин. Он говорил мне. Спасибо.

Леве́р. Тебе больше не о чем беспокоиться, дорогая.

Миссис Гвин (страстно). Какое мне теперь дело до этих несчастных акций? Я задыхаюсь. (Срывает с себя газовый шарф.)

Леве́р. Я не понимаю, что это значит «теперь»?

Миссис Гвин. Не понимаешь?

Леве́р. Но ведь мы же ничем не... Джой ничего не может знать. Откуда? Я ни за что не поверю...

Миссис Гвин. Потому что не хочешь...

Леве́р. Значит, по-твоему, она знает?

Миссис Гвин. Сердце ей подсказывает.

Леве́р делает досадливый жест, миссис Гвин неожиданно смотрит ему в глаза, как бы желая заглянуть ему в душу.

Я доставляю тебе одни неприятности, Морис. Ты, наверно, устал от меня?

Леве́р (глядя ей в глаза). Нет, ничуть.

Миссис Гвин. Но ты мне скажешь, если почувствуешь, что устал?

Леве́р (мягко). Довлеет дневи злоба его.

Миссис Гвин еще несколько секунд заставляет себя смотреть ему в глаза, потом закрывает лицо руками.

Миссис Гвин. Если я откажусь от тебя, ты забудешь меня через месяц.

Леве́р. Зачем ты так говоришь?

Миссис Гвин. Если бы я знала, что нужна тебе!

Леве́р (заставляя свой голос звучать с ноткой страсти). Ты мне очень нужна!

Миссис Гвин. Разве? (С горькой улыбкой.) Сон в летнюю ночь! (У нее вырывается смешок, который переходит в рыдание.)

Из дома доносятся звуки вальса.

Леве́р. Ради бога, Молли, не надо. Зачем ты стараешься накликать беду? Ведь ничего этого нет.

Миссис Гвин. Нет? Уже надвигается.

Лев е р. Не заглядывай вперед. Все равно, чему быть, того не миновать.

Миссис Гвин отворачивается, снова закрыв лицо руками.

Не надо, Молли! *(Пытается разнять ее руки.)* Не надо! Миссис Гвин. Что делать? Что мне делать?

Молчание. Звуки вальса все слышнее.

(Внезапно вскочив с места.) Слушай!.. Так что же мы будем делать: сидеть или танцевать? Делать и то и другое одновременно невозможно, не правда ли?

Лев е р. Молли, Молли!

Миссис Гвин. Ах, дорогой мой! *(Становясь поодаль, как бы приглашая Левера полюбоваться ею.)* Сколько еще времени удастся мне удержать тебя? Вот все, что осталось от меня. Скоро я присоединюсь к тем, кто просиживает балы, подпирая стенку,—как все эти мамы и дочки-дурнушки... *(Со слабой улыбкой.)* Пора и мне перейти на роль заботливой мамы, да? *(Шепотом.)* Тогда кончатся мои танцы, и буду я сидеть где-нибудь у стены...

Лев е р. Не надо. Идем танцевать. Ты сразу почувствуешь себя лучше. *(Берет ее за руки и в неожиданном порыве страсти начинает целовать ее губы и щеки.)*

Миссис Гвин. Я не могу отказаться от тебя, не могу! Люби меня, Морис, всегда, всегда!

Мгновение они стоят обнявшись, затем, вдруг вспомнив, где они находятся, отшатываются друг от друга.

Лев е р. Все прошло, любимая? Ты успокоилась?

Миссис Гвин *(сияясь улыбнуться)*. Да, да, дорогой. Вполне.

Лев е р. Тогда пойдем танцевать.

Уходят.

Некоторое время старый бук остается в одиночестве, потом со стороны дома появляется Роза. Она входит в дупло и выносит оттуда бутылку шампанского. Обтерев бутылку, она собирается уйти, как вдруг замечает газовый шарфик на ручке кресла. Она вертит его в руках, одновременно прислушиваясь к звукам вальса. Вдруг, накинув шарф себе на плечи и прижав к груди бутылку шампанского, начинает увлеченно вальсировать под музыку, как бы давая выход давно подавляемому желанию. За этим занятием застаёт ее Дик, вышедший покурить и поразмышлять на том са-

мом месте, где ему посоветовали «действовать». Застигнутая врас-
плох Роза останавливается, еще крепче прижимая к себе бутылку.

Дик. Шампанское не полагается греть, Роза. Это не бордо.

Роза снимает с плеч шарф, кладет его на кресло и уходит с бутылкой шампанского в руках. Дик усаживается на качелях и размышляет о своей участи. Вдруг он замечает Джой, которая выскакивает из-за дуплистого бука, собираясь куда-то бежать. Она в том же платье, что и днем, но сейчас подол платья порван, а волосы распущены. Он вскакивает и преграждает ей дорогу.

Она останавливается, готовая защищаться.

Джой!

Джой. Я ищу дядю Тома.

Дик (в крайнем недоумении). Но разве тебе можно было вставать? Я думал, что ты лежишь больная. Может быть, тебе лучше лечь?

Джой. Я совсем и не ложилась. Где дядя Том?

Дик. Но где же ты была? Посмотри, у тебя платье все порвано (Притрагивается к подолу.)

Джой (вырывая подол). Это я о живую изгородь. Где дядя Том?

Дик. Значит, ты не больна?

Джой качает головой, Дик достает водяные лилии и показывает ей.

Посмотри, какие! Лучших не было.

Джой. Не надо! Мне нужен дядя Том.

Дик. Ты их не возьмешь?

Джой. У меня есть другое дело.

Дик (с внезапной решительностью). Для чего тебе нужен полковник?

Джой. Нужен, и все тут.

Дик. И больше никто?

Джой. Да.

Дик. Джой, что случилось?

Джой. Мне нужно ему что-то сказать.

Дик. Что именно? (Внезапно догадавшись.) Что-нибудь о Левере?

Джой (вполголоса). О руднике.

Дик. О руднике?

Джой. Это... это не настоящий рудник.

Дик. Что ты хочешь этим сказать, Джой?

Д ж о й. Я случайно подслушала один разговор. Можешь думать обо мне что угодно, мне все равно. Если б это был кто-нибудь другой, я бы не стала слушать. Но его я ненавижу.

Д и к (серьезно). Что ты услышала?

Д ж о й. Он что-то скрывает от дяди Тома, а дядя Том обязательно должен знать.

Д и к. Ты уверена?

Д ж о й делает рывок в сторону, пытаюсь убежать от Дика.

(Загораживая ей дорогу). погоди минутку, ну погоди же! Это в самом деле что-нибудь важное? Я вовсе не допытываюсь, что именно.

Д ж о й. Да, важное.

Д и к. Какая гнусность. Ты вполне уверена, Джой?

Д ж о й (сквозь зубы). Да.

Д и к. В таком случае ты, конечно, должна сказать ему, подслушала ты или нет, все равно. Не можешь же ты спокойно стоять и смотреть, как обманывают твоего дядю? А с кем Левер разговаривал?

Д ж о й. Не скажу.

Д и к (беря ее за руку). Не с твоей... не с твоей мамой?

Д ж о й наклоняет голову.

Но если твоя мать знает, то почему...

Д ж о й. Пусти меня!

Д и к (не выпуская ее руки). Видишь ли, я не могу понять.

Д ж о й (страстно). Пусти же!

Д и к (отпуская ее руку). Я думаю о твоей маме, Джой. Разве она не могла бы...

Д ж о й (закрывая лицо руками). Но этот человек!

Д и к. Ну, подумай же, Джой. Тут, наверно, произошла какая-нибудь ошибка. Все это так странно, просто невозможно!

Д ж о й. Он не позволил ей.

Д и к. Не позволил ей? Не позволил? Но... (Резко останавливается, совсем иным тоном.) Но тогда...

Д ж о й (страстно). Ну что ты смотришь на меня такими глазами? Почему ты молчишь? (Ждет, что он заговорит, но Дик продолжает молчать.) Я хочу, чтобы

все поняли, что он за человек, чтобы мама с ним перестала разговаривать. Ведь если я скажу дяде Тому, то так и получится, верно?

Дик. Но, послушай, Джой. Ведь если твоя мать знает все то, что и ты...

Джой. Она хотела сказать, она упрашивала его, но он не позволил.

Дик. Но, Джой, дорогая, ведь это значит...

Джой. Я его ненавижу и хочу добиться, чтобы и она ненавидела его. И я добьюсь этого!

Дик. Но, Джой, дорогая, разве ты не понимаешь... Ведь если твоя мать знает и ничего не говорит, значит, она... Значит, ты не сможешь добиться, чтобы она возненавидела его. И это значит, что... Будь на ее месте кто-нибудь другой, тогда иное дело, но не можешь же ты выдать собственную мать!

Джой. Как ты смеешь! Как ты смеешь! (Отвернувшись к дуплистому буку.) Это неправда, неправда!..

Дик (в полном отчаянии). Джой, дорогая, я не хотел этого сказать, в самом деле не хотел! (Пытается отнять ее руки от лица, но безуспешно.)

Джой (внезапно). Уйди! Уйди отсюда!

Показывается миссис Гвин, Джой прыгает в дупло, Дик быстро исчезает. Миссис Гвин берет с кресла шарф, за которым она пришла, и уже уходит, когда Джой появляется за ее спиной.

Джой. Мама!

Миссис Гвин оборачивается и молча смотрит на нее, прикусив губу.

О мама! Скажи, что это неправда!

Миссис Гвин (застыв на месте). Что неправда?

Джой. Что ты и он... (Вглядывается в неподвижное лицо матери. Шепотом.) Значит, это правда!

Миссис Гвин. Довольно, Джой. Мои дела касаются только меня, а не тебя. Понятно?

Джой (вполголоса, ожесточенно). Да, понятно!

Миссис Гвин. Ничего тебе не понятно. Ты еще ребенок.

Джой (страстно). Мне понятно, что ты очень обидела... (Замолкает.)

Миссис Гвин. Твоего отца? Ты это хотела сказать?

Джой (опуская голову). Да. И... и меня. (Закрывает лицо руками.) Мне... мне стыдно.

Миссис Гвин. И ты говоришь это мне, той, кто тебя родила? Разве я была тебе плохой матерью?

Джой (сдавленно). О мама!

Миссис Гвин. Тебе стыдно? А я? Неужели я должна быть погребена заживо только потому, что тебе стыдно? Неужели я должна убить в себе все живое только потому, что ты совсем еще дитя и еще ничего не понимаешь в жизни? Выслушай меня, Джой. Тебе лучше понять это раз и навсегда. У твоего отца нет никаких прав на меня, и он сам это признает. Уж много лет как мы друг другу чужие, хуже, чем чужие. Можешь ты понять это? Не закрывай лицо руками, как маленький ребенок. Посмотри на меня.

Джой опускает руки и поднимает лицо. Миссис Гвин смотрит ей в глаза, губы ее дрожат. Она продолжает говорить торопливо, иногда запинаясь.

Сколько я выстрадала, когда родила тебя, сколько я страдала из-за каждой твоей болезни, каждой царапины. Неужели все это дает тебе теперь право распоряжаться мною? (Безжизненным голосом.) Мне не очень-то счастливо жилось, и в будущем меня тоже ничего хорошего не ждет.

Джой. Я все готова сделать для тебя, мама.

Миссис Гвин. Кроме одного — дать мне возможность жить. Да, Джой, я прекрасно понимаю: это единственное, чего ты для меня не сделаешь.

Джой. О мама, ты совсем не понимаешь! Ты мне так нужна, а я для тебя словно перестала существовать.

Миссис Гвин. Перестала существовать? (Улыбается.)

Джой. Мамочка, миленькая, если ты так несчастлива, давай забудем все, уедем отсюда, и я заменю тебе всех на свете, обещаю тебе!

Миссис Гвин (с подобием улыбки). Ах, Джой, Джой!

Джой. Я буду так стараться!

Миссис Гвин. (так же грустно улыбаясь). Да, да, знаю, дорогая, ты будешь... пока сама не полюбишь.

Джой. Никогда, мама! Клянусь тебе, никогда этого не будет!

Миссис Гвин. Не было еще женщины, Джой, которая рано или поздно не полюбила бы.

Джой (*приходя в отчаяние, шепотом*). Но ты не должна была, мама. Это... это грех.

Миссис Гвин. Если это «грех», как ты говоришь, то платить за него буду я, а не ты!

Джой. Но я хочу спасти тебя, мама!

Миссис Гвин. Спасти меня? (*Смеется.*)

Джой. Я не могу спокойно смотреть, как ты... Если бы ты только... Я никогда не оставлю тебя. Ты, наверно, думаешь, что я сама не знаю, что говорю, но я знаю, потому что я уже... уже, кажется, немножко люблю одного человека... О мама! (*Прижимая руки к груди.*) Я так... так ужасно себя чувствую, будто все уже знают и...

Миссис Гвин. И ты, наверно, думаешь, что я настоящее чудовище, раз я причиняю тебе эту боль. Ах, когда-нибудь ты будешь разбираться во всем этом гораздо лучше.

Джой (*в приступе внезапно нахлынувшего волнения и страха*). Я никогда не поверю этому... Я... я не могу... Ты предаешь меня, мама!

Миссис Гвин. О неискушенные создания! Вы...

Джой поднимает глаза, видит выражение лица матери и падает на колени у ее ног.

Джой. Ради меня... мама!

Миссис Гвин. Требуй от меня мою жизнь, Джой. Требуй, не бойся.

Джой отворачивается. Миссис Гвин вдруг наклоняется и притрагивается к волосам дочери; Джой вся съеживается под этим прикосновением.

(*Отшатывается, как ужаленная.*) Я забыла... ведь я «предаю» тебя. (*Стремительно уходит, ни разу не оглянувшись.*)

Джой, оставшись одна, съеживается еще больше. Плечи ее вздрагивают от безмолвных рыданий. В такой позе ее застает Дик, который возвращается, не слыша больше голосов. Он становится на колени рядом с нею.

Дик. Джой! Не надо, дорогая, не надо. Не плачь. Это просто невыносимо! Я готов сделать что угодно, лишь бы ты не плакала. Ну скажи мне хоть что-нибудь.

На мгновение Джой затихает, потом ее плечи снова начинают вздрагивать.

Джой, хорошая моя, славная! Это просто ужасно. Ты опять расхвораешься — и чего ради! Ей-богу, твои слезы дороже. Я что угодно готов сделать, лишь бы тебе не было больно. Перестань хоть на минутку. Ну, прошу тебя.

Джой опять перестает рыдать.

Ничто на свете не стоит твоих слез, поверь мне, Джой! Ну посмотри на меня хоть краешком глаза.

Джой (бросает на него взгляд, сдавленно). Не надо...

Дик. Какая ты хорошенькая, Джой. Я сделаю так, чтобы тебе было хорошо. Я все возьму на себя. Я ведь все знаю.

У Джой сквозь слезы прорывается смех.

В самом деле. У меня тоже было вроде этого. Клянусь тебе. А потом все проходит, Джой, все проходит!

Джой. Ты не знаешь. Это... это так..

Дик. Не думай об этом. Нет, нет, нет. Я точно знаю, как это бывает. (Гладит ее руку.)

Джой (слегка отстраняясь, шепотом). Зачем ты, не надо...

Снова доносятся звуки вальса.

Дик. Послушай, Джой. Так не годится. Давай обсудим все спокойно.

Джой. Но ты не понимаешь! Это... это такой позор!..

Дик. О! Ну, что касается всяких сплетен, то она твоя мать, как бы она ни поступила. (Грозно.) Пусть только кто-нибудь посмеет слово сказать!

Джой (проглатывая слезы). Как будто от этого мне станет легче!

Дик. А если она не любит твоего отца?

Джой. Ведь она его жена!

Дик (торопливо). Да, да, знаю. Но все же...

Джой (хватаясь за соломинку). Что?

Дик (торопливо). Конечно, я-то верю в моральные обязательства...

Они торжественно глядят друг на друга.

Лично я считаю, что брак — вещь очень серьезная.

Д ж о й (торжественно.) Священная.

Д и к. Но бывают же исключения, Джой.

Д ж о й (постепенно забываясь в ходе спора). Какие же могут быть исключения, если брак священен?

Д и к (убежденно). Но ведь нет правил без исключений.

Д ж о й. Сюда это не может относиться. Иначе...

Д и к (горячо). Но послушай, Джой. Если он оказался ошибкой, то... не знаю, как тебе, а мне это кажется просто ужасным.

Д ж о й. Не знаю... да... если... (Внезапно.) Но ведь это моя мать!

Д и к (серьезно). Конечно. Знаю. И понимаю, что тебе самой трудно видеть вещи в другом свете. (С решимостью отчаяния.) Но послушай, Джой, сейчас я тебе объясню. Если кто-нибудь кого-нибудь полюбит, то они должны принять какое-то решение. Ну вот, понимаешь, твоя мать и решила.

Д ж о й. Это ничего не объясняет.

Д и к. Ну как же нет? Нужно смотреть со стороны, будто ты тут ни при чем. Ну вот, допустим, взять нас с тобой: если бы мы любили друг друга, а нельзя было бы... Конечно (расстроенно), ты бы решила по-правильному, так, как положено,— я знаю... (Ожесточенно.) Но я клянусь, я бы решил не так, не по-правильному! (Торжествуя.) Вот почему я чувствую, что понимаю твою мать.

Д ж о й (вытирая рукавом глаза). Какой ты милый, Дик, и какой... забавный!

Д и к (осторожно обнимая ее одной рукой). Потому что я люблю тебя, Джой, вот почему! И я буду любить тебя всегда, и тебе больше никогда не будет больно. Да, буду. И каждый день, лишь взойдет солнце, ты будешь знать, что я тебя люблю! Закатится солнце — и я тебя люблю по-прежнему! И всю свою жизнь я буду любить тебя! И все, что есть хорошего на свете, все будет твоим, клянусь тебе. Вот и сегодня — такая красивая ночь! Это неспроста! Ты только посмотри!

Джой смотрит на луну, а Дик — на Джой.

Но эта ночь не такая красивая, как ты!

Д ж о й (склонив голову). Не надо. Я... я не знаю, что будет...

Д и к (придвигаясь ближе). Ты не устала стоять на коленях, Джой? Я... мне никак не обнять тебя, ты так неудобно стоишь.

Д ж о й (всхлипнув). Ой, Дик, ты такой смешной, а мне все равно хорошо с тобой.

Д и к. Знаешь что, Джой, давай будем всегда держаться друг за друга, тогда нам в жизни все будет нипочем!

Они поднимаются на ноги. Вальс еще громче.

Смотри, как много хорошего ты пропускаешь! Почему ты не танцуешь, это неправильно... Слушай, Джой, давай один круг, а?

Д ж о й. Нет, нет!

Д и к. Ну попробуй!

Он осторожно берет ее за талию; она пытается отстраниться.

Д ж о й (прерывающимся голосом). Нет, нет!.. Ой, Дик! Завтра будет такой ужасный день.

Д и к. Завтра ничто тебя не сможет обидеть, Джой! Никто и ничто не причинит тебе больше боли. Никогда!

Она смотрит на него, и постепенно выражение ее лица меняется.

Вдруг она прячет лицо у него на груди.

Секунду они стоят так, залитые лунным светом, потом поворачиваются к реке и медленно скрываются из виду. Снова старый бук остается один. Звуки вальса смолкают. Раздаются голоса мисс Бук и полковника, идущих из дому. Они показываются в проеме стены. У полковника в руках полевой бинокль, через который он собирается наблюдать луну.

Х о у п. Одно удовольствие смотреть, как Молли танцует с Левером. Они отлично станцевались! Когда женщине хорошо, я это сразу вижу.

М и с с Б у к. Да? Какой вы наблюдательный!

Х о у п. А луна-то какова! Посмотрим-ка ее получше. Вот взгляните, Буки, какой великолепный бинокль (подвинчивает окуляры) — лучшего во всей Англии не сыщешь. Помню, в Бирме я при помощи этого бинокля мог отличить мужчину от женщины на расстоянии двух с четвертью миль. А это дело не простое, могу вас заверить. (Наводя бинокль на луну, он попутно осматривает земные объекты, особенно вдоль берега реки, Впол-

голоса, но очень возбужденно.) Это что, это что? Экая негодница! Э! Да это Дик. Не быть мне живу, если она... Черт возьми! Волосы распущенные. Буки! Это Джой!

Мисс Бук подходит, чтобы посмотреть. Он делает движение, как будто хочет передать ей бинокль, но вместо этого снова подносит его к своим глазам.

(Возбужденно.) Конечно, Джой! И куда девалась ее мигрень! Черт, они целуются! Вот так история! Ведь мне придется сказать об этом жене, да?

Мисс Бук. Вы уверены, что они целуются? Ну что ж, это неплохо.

Хоуп. Они идут дальше. Остановить их, что ли? (Поднимается на цыпочки.) Проклятье, какое мы имеем право подглядывать за ними! (Роняет бинокль на грудь.) Их уже не видно.

Мисс Бук (про себя). Он говорил, что не позволит ей.

Хоуп. Что, что? Значит, вы их поощряли?

Мисс Бук. Напрасно вы так торопитесь. (Идет к дуплистому буку.)

Хоуп (рассеянно). Вот так история, Буки! И подумать только, что когда-то Нелл и я тоже... Бедная Нелл! Я помню, была в точности такая же ночь, как сегодня. (Умолкает и, вздыхая, устремляет взор вдаль.)

Мисс Бук (многозначительно). Это хорошо, что у нее теперь есть Дик, такой милый молодой человек. Она только что узнала, что ее мать и этот Левер... Ну, вы сами понимаете.

Хоуп (теряя всякие следы суетливости и подтягиваясь, как на параде). Вы хотите сказать, что моя племянница...

Мисс Бук. Да! С ее же собственных слов!

Хоуп (опустив голову). Никогда бы не поверил, что Молли могла дойти до этого.

Мисс Бук (очень проникновенно). Ах, дорогой мой! Все мы одинаковы; снаружи одно, а внутри другое, прогнили, как это дуплистое дерево! И когда дело касается нас самих, всегда оказывается, что это особый случай, исключение.

Полковник обескураженно машет рукой, и мисс Бук подходит к нему вплотную.

Ну зачем принимать все так близко к сердцу, дорогой мой?..

Некоторое время оба молчат.

Хоуп (качая головой). Никогда бы не поверил, что Молли может забыть о своей дочери.

Мисс Бук (печально). Бедняжки! Каждой из них суждено идти своим путем. Ни она не может поставить себя на место Джой, ни Джой не может поставить себя на ее место. Женщина и девушка! И между ними — дерево жизни!

Хоуп (установившись на старый бук, как будто это и есть дерево, о котором идет речь). Все это очень огорчает меня, Буки, очень огорчает. (Опускается в кресло и поглаживает свои длинные усы. Затем говорит как бы себе в утешение.) А вот возьму и не скажу ничего жене. Будь я проклят, если я стану портить кому-нибудь жизнь!

Мисс Бук (кивая). И без того на свете много страданий, а если мы все начнем судить да рядить, то ли еще будет! Лишь бы у них, у молодых, жизнь сложилась по-хорошему!

Хоуп (ожесточенно). По-хорошему! Проклятье! Иначе пусть лучше они и не... (Замолкает и поднимает на мисс Бук глаза, в которых застыла печаль и растерянность.) Знаете, Буки, а ведь смешная эта штука — жизнь!

Мисс Бук. Люди смешные, а не жизнь. (Ласково прикасаясь к его лбу.) Успокойтесь же, успокойтесь, дорогой. У вас разболится голова. Т-шш! Они идут!

Она тянет Хоупа за рукав, и они быстро скрываются в направлении дома. Джой и Дик, по-прежнему тесно обнявшись, возвращаются и останавливаются у дупла.

Джой (шепотом). Дик! Любовь всегда такая, да?

Дик (прижимая ее к себе, убежденно). Нет, нет! Что ты! Такой любви, как у нас, никогда не было! (Целует ее в губы.)

Занавес

1907 г.

СХВАТКА

Драма в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Энтони — председатель правления Компании листопрокатного завода «Тренарта»

Эдгар Энтони , его сын Фредерик Х. Уайлдер Уильям Скэнтлбери Оливер Уэнклин	}	члены правления
--	---	-----------------

Генри Тенч, секретарь правления
Фрэнсис Андервуд, управляющий заводом
Саймон Харнесс, представитель профсоюза

Дэвид Робертс Джеймс Грин Джон Балджин Генри Томас Джордж Раус	}	члены забастовочного комитета
---	---	-------------------------------

Генри Раус Льюис Яго Эванс Кузнец Дэвис Рыжий парень Браун	}	рабочие завода
---	---	----------------

Фрост, камердинер Джона Энтони

Энид Андервуд, жена Фрэнсиса Андервуда, дочь Джона Энтони

Анни Робертс, жена Дэвида Робертса

Мэдж Томас, дочь Генри Томаса

Миссис Раус, мать Джона и Генри Раусов

Миссис Балджин, жена Джона Балджина

Миссис Йоу, жена рабочего

Горничная у Андервудов

Ян, мальчишка лет десяти, брат Мэдж

Толпа рабочих

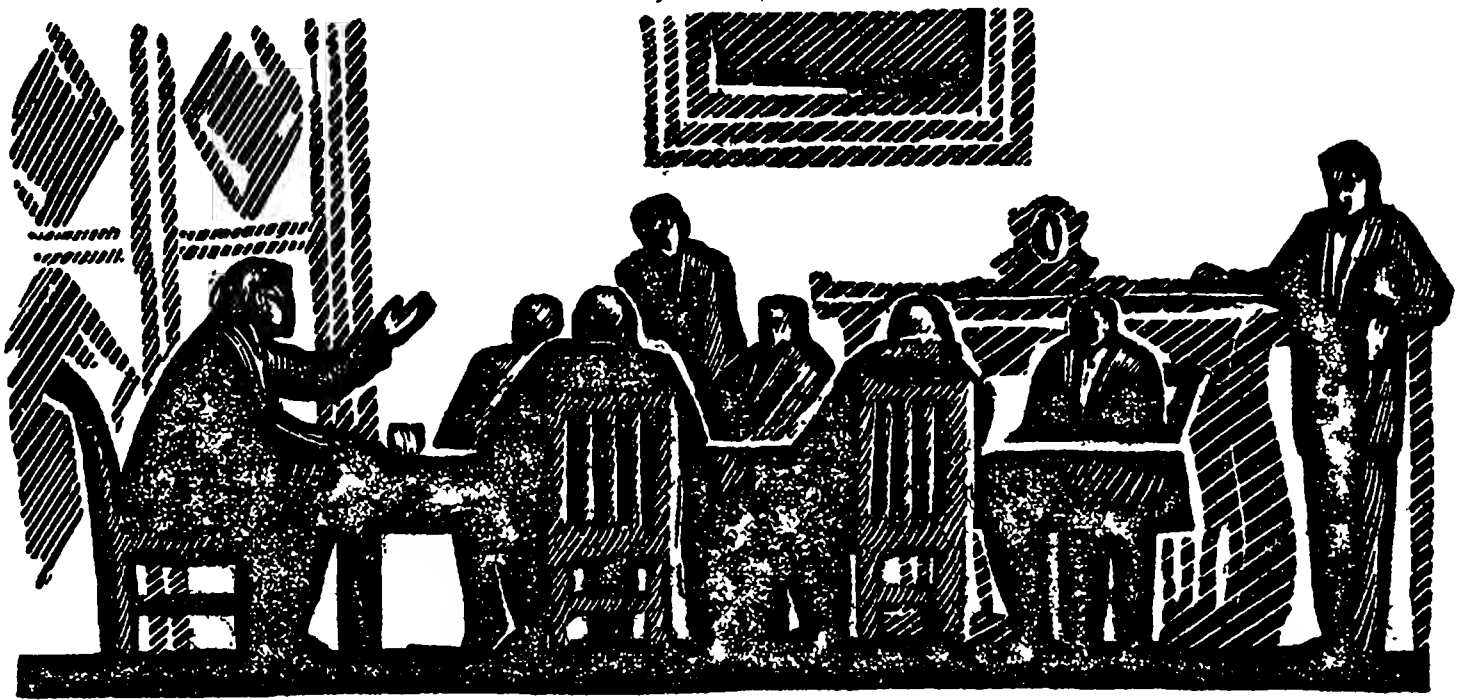
Действие первое — столовая в доме управляющего.

Действие второе. Сцена 1 — кухня в домике Робертса неподалеку от завода. Сцена 2 — пустырь за заводом.

Действие третье — гостиная в доме управляющего.

Изображаемые события происходят седьмого февраля между двенадцатью часами дня и шестью часами вечера на листопрокатном заводе «Тренарта», расположенном на границе Англии и Уэльса.

На заводе всю зиму бастуют рабочие,

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Полдень. Столовая в доме Андервуда. Жарко пылает камин. По одну сторону от камина — двойные двери, ведущие в гостиную, по другую — дверь в холл. Посредине комнаты стоит длинный обеденный стол без скатерти — за ним заседает правление. Во главе стола в председательском кресле восседает Джон Энтони, крупный, чистовыбритый румяный старик с густыми седыми волосами и густыми темными бровями. Движения его неторопливы и словно бы неуверенны, но в глазах — живой огонек. На столе подле него поставлен стакан с водой. Справа от Энтони — его сын Эдгар, серьезный молодой человек лет тридцати, читает газету. За ним, склонившись над бумагами, сидит Уэнклин, — у него торчащие брови и русые, тронутые серебром волосы. Рядом, помогая ему, услужливо изогнувшись, стоит секретарь Тенч, невысокий нервный человек с бакенбардами. Справа от Уэнклина сидит управляющий Андервуд — уравновешенный человек с большим решительным подбородком и твердым взглядом. По другую сторону от председателя, через два стула, поближе к камину — Скэнтлбери, крупный, бледный и какой-то сонный джентльмен с лысеющей седой головой. У камина стоит худой и вечно недовольный Уайлдер — у него землистый цвет лица и опущенные книзу седые усы.

Уайлдер. Так и пышет! Нельзя ли поставить экран, Тенч?

Скэнтлбери. Да, было бы неплохо.

Тенч. Сию минуту, мистер Уайлдер (глядя на Андервуда). То есть... может быть, управляющий... может быть, мистер Андервуд...

Скэнтлбери. Уж эти ваши каминьки, Андервуд...

Андервуд (оторвавшись от бумаг). Что, экран? Разумеется! Прошу прощения (идет к двери, улыбаясь едва заметно). Сейчас у нас тут редко кто жалуется, что ему чересчур тепло.

Он говорит медленно, иронически, так, будто у него между зубами зажата трубка.

Уайлдер (обиженным тоном). Вы говорите о рабочих?

Андервуд выходит.

Скэнтлбери. Бедняги!

Уайлдер. Сами виноваты, Скэнтлбери.

Эдгар (показывая на газету). «Тренарта ньюз» пишет, что рабочие буквально бедствуют.

Уайлдер. И вы читаете этот листок? Отдайте его Уэнклину. Под статью его радикальным взглядам. Нас, конечно, называют хищниками? Стрелять таких редакторов надо!

Эдгар (читает). «Если бы высокочтимые джентльмены, которые управляют листопркатным заводом «Тренарта», не выходя из своих лондонских кабинетов, соблаговолили прибыть сюда и посмотреть, в каких условиях приходится жить рабочим, во время забастовки...»

Уайлдер. Но мы же здесь!

Эдгар (продолжая). «...трудно поверить, чтобы даже их каменные сердца не дрогнули от сострадания».

Уэнклин берет газету.

Уайлдер. Негодяй! Я помню этого типа, когда у него гроша за душой не было. А как он карьеру сделал? Обливал грязью всякого, кто с ним не соглашался.

Энтони бормочет что-то неразборчивое.

Уайлдер. Что говорит ваш отец?

Эдгар. Он сказал: «Уж кому бы говорить...»

Уайлдер, хмыкнув, усаживается рядом со Скэнтлбери.

Скэнтлбери (отдуваясь). Если не принесут экран, я сварюсь.

Входят Андервуд и Энид с экраном, ставят его перед камином. Энид — двадцать восемь лет, она высокого роста, у нее маленькая голова и решительные черты лица.

Энид. Поставь поближе, Фрэнк. Так хорошо, мистер Уайлдер? Это самый высокий, какой у нас есть.

Уайлдер. Премного благодарен.

Скэнтлбери (обернувшись к Энид, со вздохом облегчения). Merci, madam.

Энид. Папа, вам больше ничего не нужно? (Энтони качает головой.) А тебе, Эдгар?

Эдгар. Не могла бы ты дать мне новое перо, дорогая?

Энид. А они вот там, около мистера Скэнтлбери.

Скэнтлбери (подавая коробку с перьями). Ваш брат пишет перьями рондо? А чем пишет управляющий? (С преувеличенной любезностью.) Чем пишет ваш муж, миссис Андервуд?

Андервуд. Гусиным пером!

Скэнтлбери. У вас, я вижу, натуральное хозяйство!

Он подает перья.

Андервуд (сухо). Благодарю, если позволите, я возьму одно (берет перо). Как насчет завтрака, Энид?

Энид (обернувшись в дверях). Мы будем завтракать здесь, в гостиной. Так что можете не спешить с заседанием.

Уэнклин и Уайлдер кланяются ей, и она выходит.

Скэнтлбери (вставая с места, мечтательно). Завтрак! Кормят в здешней гостинице прескверно! Вы пробовали вчера жареных сметков? Сплошной жир!

Уайлдер. Уже первый час! Может быть, вы зачитаете протокол, Тенч?

Тенч вопросительно смотрит на председателя — тот кивает.

Тенч (монотонным голосом быстро читает). «Заседание правления состоялось 31 января в конторе Компании на Кэннон-стрит, 512. На заседании присутствовали мистер Энтони — председатель, господа Ф. Х. Уайлдер, Уильям Скэнтлбери, Оливер Уэнклин, Эдгар Энтони. Заслушаны письма управляющего от января 20, 23, 25 и 28 относительно забастовки на заводе Компании. Заслушаны письма управляющему от января 21, 24, 26, 29. Заслушано письмо от мистера Саймона Харнесса,

представителя центрального профсоюза, который просит, чтобы члены правления приняли его. Заслушано письмо от забастовочного комитета, подписанное Дэвидом Робертсом, Джеймсом Грином, Джоном Балджином, Генри Томасом, Джорджем Раусом. В письме содержится предложение о переговорах с правлением. Вынесено решение: 7 февраля в доме управляющего созвать специальное совещание правления и обсудить создавшееся положение совместно с мистером Саймоном Харнессом и представителями забастовочного комитета. Утверждено двенадцать операций по продаже акций, подписано и скреплено печатью девять сертификатов и один балансовый отчет.

Он подвигает книгу председателю.

Энтони (*тяжело вздохнув*). Подпишите и вы, если не возражаете.

Он подписывает, с трудом водя пером по бумаге.

Уэнклин. Тенч, что затевает профсоюз? Ведь разногласия между профсоюзом и рабочими еще не устранены. Чего же ждет Харнесс от этого совещания?

Тенч. Я полагаю, сэр, что он надеется на какое-нибудь компромиссное решение. Сегодня он выступает перед рабочими.

Уайлдер. Этот Харнесс — холодный и расчетливый субъект. Не доверяю таким. Боюсь, что нам не следовало бы приезжать сюда. Когда должны прийти рабочие?

Андервуд. С минуты на минуту.

Уайлдер. Тогда им придется подождать, если мы не закончим. Ничего с ними не сделается, пусть поостынут.

Скэнтлбери (*медленно*). Бедняги!.. Снег так и валит. Ну и погода!

Андервуд (*многозначительно*). Ничего, тут им придется жарко. Отогреются.

Уайлдер. Ну, я думаю, что мы быстренько все уладим и я успею на шестичасовой поезд. Завтра увожу супругу в Испанию. (*С намерением поболтать.*) Знаете, у моего отца на заводе в шестьдесят девятом была забастовка — как раз тоже в феврале. Они чуть не застрелили его.

Уэнклин. Не может быть! В феврале охота запрещена.

Уайлдер. Черт побери! На хозяев никогда не запрещают охотиться. Он ходил в контору с пистолетом в кармане.

Скэнтлбери (с легкой тревогой). Вы шутите?

Уайлдер. Ничуть! Кончилось тем, что он прострелил одному ногу.

Скэнтлбери (невольно дотрагиваясь до ноги). Не может быть! Упаси господь!..

Энтони (взяв бумагу с повесткой дня). В связи с забастовкой правлению предлагается наметить линию поведения.

Члены правления молчат.

Уайлдер. Ну, что ж, извечная дуэль с тремя участниками: профсоюз, рабочие и мы.

Уэнклин. Профсоюз в расчет не принимается.

Уайлдер. Очень даже принимается, будь он проклят! По своему опыту знаю. Одного не пойму: если профсоюз решил не поддерживать рабочих, то почему он вообще не запретил забастовку?

Эдгар. Так случалось уже не однажды.

Уайлдер. Ну, а я не понимаю этого! Они утверждают, что механики и нагревальщики выдвинули слишком высокие требования. Да, высокие, но я никогда не поверю, что профсоюз отказался поддержать рабочих только по этой причине. Тут что-то кроется.

Андервуд. Профсоюз боится, как бы не забастовали на заводах Харпера и Тайнуэлла.

Уайлдер (торжествующе). Ну вот, видите! Они боятся новых забастовок. Почему нам никто не сказал об этом?

Андервуд. Об этом говорилось.

Тенч. Вы отсутствовали на том заседании, сэр.

Скэнтлбери. Рабочие должны же понимать, что у них нет никакой возможности выиграть, если профсоюз не поддерживает их. Это — безумие!

Андервуд. Все дело в Робертсе.

Уайлдер. Повезло же нам, что зачинщиком оказался этот фанатик.

Все молчат.

Уэнклин (глядя на Энтони). Итак?

Уайлдер (раздраженно). Какую кашу заварили! Мне не нравится это дело, совсем не нравится. Я давно говорил... (посмотрев на Уэнклина). Когда мы с Уэнклином перед рождеством были здесь, казалось, что рабочие вот-вот сдадутся. И вы тоже так считали, Андервуд?

Андервуд. Да, считал.

Уайлдер. Ну вот, видите! А они не сдались. Дела идут все хуже и хуже... Мы теряем клиентов. Акции падают!

Скэнтлбери (удрученно покачивая головой). Гм!

Уэнклин. Тенч, какие убытки мы уже понесли из-за того, что завод стоит?

Тенч. Свыше пятидесяти тысяч, сэр!

Скэнтлбери (морщась). Неужели так много?

Уайлдер. И этого уж не вернешь.

Тенч. Да, сэр.

Уайлдер. Кто бы мог подумать, что рабочие будут так упорно держаться? Кто бы мог подумать? (Сердито смотрит на Тенча.)

Скэнтлбери (покачивая головой). Хуже нет, когда дело доходит до открытой схватки.

Энтони. Мы не сдадимся!

Все смотрят на председателя.

Уайлдер. Кто говорит о сдаче? (Энтони в упор смотрит на него.) Я... я просто хочу действовать благо-разумно. Когда в декабре рабочие послали Робертса в Лондон, мы упустили подходящий момент. Нам следо-вало бы что-нибудь обещать им. А вместо этого предсе-датель (опуская глаза под взглядом Энтони)... А вместо этого мы выпроводили его и пошли на обострение. Не-много такта — и мы убедили бы их.

Энтони. Никаких компромиссов

Уайлдер. Вот-вот! Забастовка началась в октябре и, насколько я понимаю, может продлиться еще полгода. В каком положении мы тогда очутимся? Единственное утешение, что рабочим придется еще хуже.

Эдгар (Андервуду). В каком они сейчас положе-нии, Фрэнк?

Андервуд (невозмутимо). В ужасающем.

Уайлдер. Кто бы подумал, что они смогут так упорно держаться безо всякой помощи?

Андервуд. Тот, кто знает этих людей.

Уайлдер. А я утверждаю, что никто не знает их! А много еще железа на складах? Цены растут с каждым днем. Нам придется расторгать контракты — когда мы возобновим производство! И это в самый-то спрос!

Уэнклин. Что вы на это скажете, председатель?

Энтони. Ничего не поделаешь.

Уайлдер. А когда мы будем выплачивать дивиденды?

Скэнтлбери (веско). Мы должны думать об акционерах. (*Грустно поворачиваясь к председателю.*) Я говорю, что мы должны думать, господин председатель, об акционерах.

Энтони что-то бормочет.

Скэнтлбери. Что вы говорите?

Тенч. Председатель говорит, что он в первую очередь думает о вас, сэр.

Скэнтлбери. Какой цинизм! (*Погружается в тупое молчание.*)

Уайлдер. Шутки в сторону. Может быть, председатель и согласен целые годы не получать дивиденды, но я лично — нет. Мы не можем рисковать капиталом Компании.

Эдгар (неуверенно). Я считаю, что мы должны подумать и о рабочих.

Все, кроме Энтони, заерзали на своих местах.

Скэнтлбери (со вздохом сожаления). Мы не имеем права давать волю своим чувствам, молодой человек. Это не на пользу дела.

Эдгар (иронически). Я думаю не о наших чувствах, а об их чувствах.

Уайлдер. Что до чувств — мы деловые люди.

Уэнклин. В том-то и беда.

Эдгар. Рабочие бедствуют, и нам, право же, нет никакой необходимости идти на крайности. Это... это жестоко!

Все молчат, словно Эдгар высказал то, в чем ни один человек, хоть немного сохранивший чувство собственного достоинства, не рискнет признаться себе.

Уэнклин (*иронически улыбаясь*). Сентименты — это излишняя роскошь. На них нельзя строить политику Компании.

Эдгар. Мне отвратительно все это!

Энтони. Не мы начали первыми.

Эдгар. Я знаю, сэр, но мы зашли слишком далеко.

Энтони. Нет.

Все переглянулись.

Уэнклин. Роскошь роскошью, но нам надо действовать очень осмотрительно.

Энтони. Стоит хоть однажды пойти на уступки рабочим, и этому конца не будет.

Уэнклин. Я совершенно согласен, и все-таки...

Энтони мотает головой,

Значит, дело в принципе?

Энтони кивает.

Это тоже роскошь, председатель! Акции упали ниже номинальной стоимости.

Уайлдер. И упадут до половины, когда настанет время распределять очередные дивиденды.

Скэнтлбери (*с тревогой*). Ну зачем же так мрачно?..

Уайлдер (*раздраженно*). Так оно и будет! (*Вытянув шею, чтобы разобрать, что говорит Энтони.*) Я не расслышал...

Тенч (*колеблясь*). Председатель говорит, сэр: «Fais que... que... devra...»

Эдгар (*резко*). Мой отец сказал: «Делай, что должен,—и наплевать на последствия!»

Уайлдер. Ну и ну!

Скэнтлбери (*вскинув руки*). Стоик! Я всегда говорил, что председатель — настоящий стоик!

Уайлдер. Нам от этого не легче.

Уэнклин (*учтивым тоном*). Будем говорить серьезно, председатель. Неужели вы допустите, чтобы мы пошли ко дну... ради... ради принципа?

Энтони. Мы не пойдем ко дну.

Скэнтлбери (*с тревогой*). Надеюсь, этого не случится, пока я член правления.

Энтони (*насмешливо*). Крысы в таких случаях бегут с корабля, Скэнтлбери.

Скэнтлбери. Ну как с ним разговаривать!

Энтони. Мне не впервые драться с рабочими. И я ни разу не проиграл схватку.

Уэнклин. Теоретически мы согласны с вами, председатель. Но не у всех железные нервы.

Энтони. Надо держаться.

Уайлдер (*встав и подойдя к камину*). И вылететь в трубу?

Энтони. Лучше вылететь в трубу, чем уступить.

Уайлдер (*раздражаясь*). Вас это, может быть, и устраивает, но меня нет, да и остальных, наверное, тоже.

Энтони смотрит ему прямо в лицо; все молчат.

Эдгар. Дети и жены рабочих обречены на голод, если мы будем действовать в прежнем духе. От этого не уйти.

Уайлдер круто поворачивается к камину, а Скэнтлбери протестующе, словно загораживаясь, поднимает руку.

Уэнклин. Боюсь, что это звучит излишне сентиментально.

Эдгар. Вы считаете, что деловые люди не обязаны быть порядочными?

Уайлдер. Мне более чем кому-либо жаль рабочих. Но если они... (*распаляясь*), если они такие упрямые ослы, мы ничего не можем поделать. У нас своих забот хватает, да еще об акционерах думать приходится.

Эдгар (*горячо*). Акционеры не умрут с голоду, если не получают очередные дивиденды! Разве это достаточное основание, чтобы наносить удар ниже пояса?

Скэнтлбери (*испытывая явную неловкость*). Молодой человек, вы слишком легкомысленно относитесь к дивидендам. Я лично даже не знаю действительного положения вещей.

Уайлдер. Надо рассуждать трезво: мы можем разориться из-за этой забастовки.

Энтони. Никаких уступок!

Скэнтлбери (*с жестом отчаяния*). Вы только посмотрите на него!

Энтони откинулся на спинку кресла. Члены правления и в самом деле пристально смотрят на него.

Уайлдер (вернувшись на свое место). Если председатель действительно придерживается этого взгляда, то я не знаю, зачем мы сюда приехали. Это все, что я могу сказать.

Энтони. Затем, чтобы сказать рабочим, что мы не пойдем на уступки. Они не поверят до тех пор, пока им не втолкуешь как следует.

Уайлдер. Гм! Очень может быть, что этот негодяй Робертс хотел того же, когда добивался нашего приезда. Ненавижу его до смерти.

Эдгар (раздраженно). Мы слишком мало заплатили Робертсу за его изобретение. Я не раз говорил об этом в свое время.

Уайлдер. Мы выплатили ему пятьсот фунтов, а через три года дали премию в двести фунтов. Неужели этого мало? Чего он еще хочет?

Тенч (брюзливо). А он знает одно—бубнить: Компания нажила на моих мозгах сто тысяч фунтов, а мне заплатили жалкие семь сотен.

Уайлдер. Да он отъявленный агитатор! Послушайте, я ненавижу профсоюзы. Но уж если Харнесс здесь, пусть он сам все и расхлебывает.

Энтони. Ни в коем случае!

Все снова смотрят на него.

Андервуд. Робертс не позволит рабочим слушать Харнееса.

Скэнтлбери. Фанатик!

Уайлдер (глядя на Энтони). К сожалению, не единственный.

Из холла в комнату входит Фрост.

Фрост (Энтони). Мистер Харнесс из профсоюза, сэр. Рабочие тоже пришли.

Энтони кивает. Андервуд идет к дверям и возвращается с Харнессом, бледным человеком с гладковыбритыми впалыми щеками, выступающим подбородком и живым взглядом. Фрост выходит.

Андервуд (указывая на стул Тенча). Садитесь рядом с председателем, Харнесс.

Когда Харнесс вошел, члены правления сдвинулись поближе друг к другу и повернулись к нему, словно стадо при виде волка.

Харнесс (быстро оглядев присутствующих и поклонившись). Благодарю! (Он садится; у него немного гнусавый голос.) Итак, джентльмены, я надеюсь, что мы наконец договоримся.

Уайлдер. Все зависит от того, что вы называете «договориться», Харнесс. Почему вы не пригласили войти рабочих?

Харнесс. Рабочие, бесспорно, более правы, чем вы. Мы уже задаемся вопросом, не стоит ли нам снова поддержать их?

Говоря, он смотрит только на Энтони, игнорируя остальных.

Энтони. Это ваше дело. Но в таком случае мы станем нанимать на работу не членов профсоюза.

Харнесс. Ничего не выйдет, мистер Энтони. Вам не найти неорганизованных рабочих, вы сами знаете.

Энтони. Посмотрим.

Харнесс. Я буду откровенен. Мы были вынуждены отказать вашим рабочим в помощи, потому что некоторые требования, выдвинутые ими, превышают существующие расценки. Сегодня я надеюсь убедить их взять эти требования назад. И тогда, джентльмены,— можете мне поверить — мы немедленно окажем им помощь. Так вот, прежде чем уехать вечером, я хочу, чтобы была достигнута какая-то договоренность. Кому нужна эта старомодная схватка? Какая вам от нее выгода? Почему вы не хотите признать раз и навсегда, что рабочие — такие же люди, как и вы, и тоже хотят лучше жить. У них свои нужды, как у вас — свои... (горько). Ваши лимузины, шампанское, обеды из восьми блюд.

Энтони. Если люди выйдут на работу, мы постараемся что-нибудь сделать для них.

Харнесс (иронически). Вы тоже придерживаетесь этого мнения, сэр? И вы? И вы тоже? (Члены правления молчат.) Ну что же можно сказать? Я считал, что мы уже давно отказались от этих аристократических замашек. Видимо, я ошибся.

Энтони. Нет, мы просто отвечаем рабочим тем же. Посмотрим, кто выдержит дольше: они без нас или мы без них.

Харнесс. Вы же деловые люди, джентльмены! Не-

ужели вы не стыдитесь этой напрасной траты сил? Вы же превосходно знаете, чем все кончится.

Энтони. Чем же?

Харнесс. Как всегда — компромиссом.

Скэнтлбери. Не могли бы вы убедить рабочих, что их интересы совпадают с нашими?

Харнесс (обернувшись к Скэнтлбери, иронически). Мог бы, если бы они на самом деле совпадали.

Уайлдер. Послушайте, Харнесс, вы разумный человек и, конечно, не верите в эту новомодную социалистическую болтовню? Ведь между интересами рабочих и нашими интересами существенной разницы нет.

Харнесс. Позвольте мне задать вам один простой вопрос. Согласились бы вы платить рабочим хоть на пенс больше, чем они заставляют вас платить сейчас?

Уайлдер молчит.

Уэнклин. А я-то по простоте душевной думал, что не платить больше, чем необходимо, — это азбука коммерции.

Харнесс (иронически). Да, сэр, это азбука коммерции. Она-то и разграничивает ваши интересы и интересы рабочих.

Скэнтлбери (бормочет себе под нос). Разве нельзя как-нибудь договориться?

Харнесс (сухо). Так, значит, джентльмены, правление не хочет идти ни на какие уступки?

Уэнклин и Уайлдер одновременно подаются вперед, как бы собираясь что-то сказать, но молчат.

Энтони (кивает). Никаких уступок!

Уэнклин и Уайлдер снова наклоняются вперед, а Скэнтлбери крикает.

Харнесс. Вы, кажется, хотите что-то сказать?

Скэнтлбери молчит.

Эдгар (подняв глаза). Мы сожалеем, что рабочим приходится нелегко.

Харнесс (ледяным тоном). От вашего сожаления, сэр, им не станет легче. Они хотят только справедливости.

Энтони. Так пусть они сами будут справедливыми.

Харнесс. Мистер Энтони, слово «справедливые» в ваших устах звучит как «покорные». Почему они должны быть покорными? Они такие же люди, как и вы, с единственной разницей, что у вас есть деньги, а у них нет.

Энтони. Знакомая песня!

Харнесс. Я пять лет пробыл в Америке. А это, знаете, придает особый оттенок мыслям.

Скэнтлбери (*внезапно, как бы решив все-таки высказаться*). Пусть рабочие войдут и выложат все на чистоту!

Энтони кивает, а Андервуд выходит в холл.

Харнесс (*сухо*). Поскольку я сегодня буду с ними беседовать, то прошу отложить ваше окончательное решение до того момента.

Энтони снова кивает и, взяв стакан, пьет. Возвращается Андервуд, за ним, сняв шляпы, один за другим входят Робертс, Грин, Балджин, Томас, Раус и молча становятся в ряд. Робертс — худощавый, среднего роста, слегка сутулый. У него небольшая каштановая, с проседью, бородка, усы, выступающие над запавшими щеками скулы и маленькие горячие глаза. На нем потертый синий шерстяной костюм, в руках — старый котелок. Он стоит ближе всех к председателю. Рядом с Робертсом — Грин, у него резко очерченное изможденное лицо, седая козлиная бородка, обвислые усы и мягкие, открытые глаза за стеклами очков в железной оправе. Он одет в порыжелое от времени пальто с холщовым воротником. Следующим стоит Балджин, рослый, сильный человек, с темными усами, упрямым подбородком и красным шарфом на шее; он то и дело перекладывает фуражку из одной руки в другую. За ним — Томас, старик с седыми усами и большой бородой, с костлявым обветренным лицом; ворот его пальто едва прикрывает худую, словно ошипанную, шею. Справа от него стоит Раус, самый младший из них; он похож на солдата, и по его взгляду видно, что он смотрел смерти в глаза.

Андервуд (*показывая рукой*). Вот там, у стены, есть стулья, Робертс. Подвигайте их и садитесь.

Робертс. Благодарю вас, мистер Андервуд, мы постоим... в присутствии членов правления. (*У него резкий, отрывистый голос. Отчетливый выговор.*) Как поживаете, мистер Харнесс? Не ожидал, что буду иметь удовольствие встретить вас до собрания.

Харнесс (*ровно*). Значит, встретимся еще раз.

Робертс. Рад слышать, у нас есть кое-какие новости для вашего начальства.

Энтони. Чего хотят рабочие?

Робертс (язвительно). Прошу прощения, я не совсем расслышал председателя.

Тенч (стоя за креслом Энтони). Председатель желает знать, что имеют сказать рабочие.

Робертс. Мы пришли, чтобы услышать, что скажет правление. Пусть сначала говорят члены правления.

Энтони. Правлению нечего сказать вам.

Робертс (оглядев своих товарищей). В таком случае мы понапрасну отнимаем у джентльменов их драгоценное время. Не станем пачкать этот дорогой ковер и удалимся.

Он поворачивается, чтобы уйти, и остальные рабочие, словно загипнотизированные, готовы следовать за ним.

Уэнклин (урезонивая). Робертс, не за тем же мы в этакый холод ехали сюда.

Томас (чистокровный валлиец). Нет, сэр, и вот что я хочу сказать...

Робертс (язвительно). Продолжай, продолжай, Генри Томас. У тебя это лучше получается, чем у меня, — разговаривать с членами правления.

Томас замолкает.

Тенч. Робертс, председатель хочет напомнить, что именно рабочие добивались переговоров, и поэтому правление ждет, что они скажут.

Робертс. Если я начну выкладывать все, что они хотят сказать, то я не кончу до завтра. И тогда некоторые из присутствующих здесь пожалеют, что они не в своих лондонских дворцах.

Харнесс. Что вы предлагаете? Будьте благоразумны.

Робертс. Вы взываете к благоразумию, мистер Харнесс? Когда сегодня пойдете на митинг, оглядитесь вокруг. (Он смотрит на рабочих, те внимательно слушают, стараясь не пропустить ни звука.) Такое увидите...

Харнесс. Дорогой мой, вы увиливаете от ответа.

Робертс (рабочим). Мы не станем увиливать от ответа, правда? Выпейте перед митингом шампанского, мистер Харнесс, это подкрепит вас, сэр.

Харнесс. Ближе к делу, ближе к делу!

Томас. Послушайте, ведь мы же просим просто справедливости.

Робертс (ядовито). Просить справедливости у Лондона? О чем вы говорите, Генри Томас? Вы что, с ума сошли? (Томас молчит.) Разве неизвестно, кто мы? Собаки. Вечно недовольные. Ничем на нас не угодишь. Помните, что сказал мне председатель в Лондоне? Он сказал, что я говорю чепуху. По его мнению, я тупой, необразованный выскочка, который понятия не имеет о нуждах рабочих.

Эдгар. Пожалуйста, не отвлекайтесь.

Энтони (подняв ладонь). В доме должен быть один хозяин, Робертс.

Робертс. Тогда, черт возьми, хозяевами будем мы.

Пауза. Энтони и Робертс в упор смотрят друг на друга.

Андервуд. Робертс, если вам нечего сказать членам правления, может быть, позвольте высказаться от имени рабочих Грину или Томасу?

Переглянувшись, Грин и Томас с тревогой смотрят на Робертса и на других рабочих.

Грин (как истинный англичанин). Если джентльменам будет угодно выслушать меня...

Томас. Я хочу сказать, что мы все думаем...

Робертс. Не говори за других, Генри Томас.

Скэнтлбери (сделав досадливый жест). Пусть они выложат, что у них на душе!

Робертс. В чем только у них душа держится благодаря вашим стараниям, мистер Скэнтлбери! (Он произнес имя язвительно и подчеркнуто, как будто оно само по себе — оскорбление. Рабочим.) Ну, будет кто-нибудь говорить или доверите мне?

Раус (неожиданно). Ну говори же, наконец, Робертс, или дай сказать другим.

Робертс (иронически). Благодарю вас, Джордж Раус (обращаясь к Энтони). Председатель и члены правления оказали нам честь, приехав сюда из Лондона, чтобы на месте выслушать наши требования. И просто невежливо заставлять их ждать так долго.

Уайлдер. Слава богу, кажется, он перешел к делу.

Р о б е р т с. Вы несколько преждевременно возносите хвалу богу, мистер Уайлдер, хотя вы и известны набожностью. Может быть, вашему богу там, в Лондоне, некогда выслушать трудящегося человека. Говорят, что он очень богатый, этот бог, но если все же он выслушает меня, то узнает такое, о чем он никогда не услышал бы в Кенсингтоне.

Х а р н е с с. Бросьте, Робертс! У вас есть свой бог, так научитесь уважать бога, которому поклоняются другие.

Р о б е р т с. Совершенно верно, сэр! У нас здесь другой бог. И я думаю, что он отличается от бога мистера Уайлдера. Спросите у Генри Томаса — он скажет, что наш бог ничуть не похож на вашего.

Томас возводит очи и пророчески поднимает руку.

У э н к л и н. Ради бога, Робертс, не отвлекайтесь в сторону.

Р о б е р т с. Я не отвлекаюсь, мистер Уэнклин. Если вы сумеете сделать так, чтобы бог Капитала прошелся по улицам Труда и поглядел хорошенько, что творится у нас, значит, при всем вашем радикализме вы гораздо умнее, чем я думал.

Э н т о н и. Слушай меня, Робертс. (*Робертс умолкает.*) Ты говори от имени рабочих, а я потом скажу от имени правления.

Он медленно обводит взглядом членов правления. Уайлдер, Уэнклин и Скэнтлбери ерзают на своих местах, Эдгар уставился в пол, Харнесс слегка усмехается.

Ну, с чем вы пришли? Отвечайте!

Р о б е р т с. Отлично!

На протяжении следующей сцены он и Энтони смотрят в упор друг на друга. Рабочие и члены правления, каждый по-своему, выказывают какую-то неловкость, словно никто из них не решился бы вслух сказать то, что говорят Энтони и Робертс.

У рабочих нет денег, чтобы без конца ездить в Лондон. И они не уверены в том, что в правлении вполне понимают то, что мы пишем черным по белому. (*Кинув выразительный взгляд на Андервуда и Тенча.*) Почта у нас ненадежная, и мы знаем, как на правлении разбираются дела: «Отослать письмо управляющему с тем, чтобы он

информировал нас о положении рабочих. Нельзя ли выжать из них побольше?»

Андервуд (тихо). Это запрещенный удар, Робертс!

Робертс. Разве, мистер Андервуд? Спросите у рабочих. Когда я был в Лондоне, я четко изложил нашу позицию. А что из этого получилось? Мне сказали, что я болтаю чепуху. Я не могу позволить себе снова ехать в Лондон, чтобы услышать то же самое.

Энтони. Так что же все-таки ты хочешь сказать?

Робертс. Я вот что хочу сказать... Прежде всего о положении, в котором находятся рабочие. Вам нет необходимости спрашивать управляющего. Из них нечего больше выжать. Каждый из нас почти что голодает. *(Рабочие удивленно перешептываются. Робертс оглядывает всех.)* Чему вы удивляетесь? Мы обессилели. Последние недели мы живем так, что хуже некуда. Но не ожидайте, что вы вынудите нас выйти на работу. Мы лучше все умрем с голоду. Рабочие хотели, чтобы вы приехали и сами сказали, собирается ли Компания удовлетворить наши требования. Я вижу в руках у секретаря какую-то бумагу. *(Тенч заерзал.)* Это, очевидно, наши требования, мистер Тенч? Как видите, бумага не очень большая.

Тенч *(кивает)*. Да, угадали.

Робертс. Все, что там написано,— это самое необходимое, без чего нам не обойтись.

Рабочие задвигались. Робертс резко поворачивается к ним.

Разве это не так?

Рабочие с видимой неохотой соглашаются. Энтони берет у Тенча бумагу и читает.

Наши требования справедливы. Мы просим то, что полагается нам по праву. Я говорил в Лондоне и повторяю сейчас: в этой бумаге содержится только то, что по всем нормам справедливости мы можем просить, а вы обязаны дать.

Пауза.

Энтони. Мы не можем удовлетворить ни одно из этих требований.

Общее движение. Робертс наблюдает за членами правления, а Энтони — за рабочими. Уайлдер резко встает и идет к камину.

Робертс. Ни одно?

Энтони. Ни одно.

Уайлдер, стоящий у камина, делает негодующий жест.

Робертс (*заметив это, сухо*). Вам, разумеется, виднее, насколько положение Компании лучше положения рабочих. (*Пристально оглядывая лица членов правления.*) Вам лучше знать, выгоден ли вам самим этот деспотизм. Но я вам скажу вот что: если вы думаете, что рабочие уступят хоть на йоту, вы сильно заблуждаетесь. (*Пристально смотрит на Скэнтлбери.*) Да, профсоюз не поддерживает нас, и это позор! Но не рассчитывайте, что не сегодня-завтра мы приползем сюда на коленях. Да, рабочим надо заботиться о том, как бы прокормить жен и детей! Но не рассчитывайте, что это вопрос одной-двух недель...

Энтони. Вы бы лучше поменьше рассуждали о том, на что мы рассчитываем.

Робертс. И то верно! Нам от ваших расчетов никакой пользы. В одном вам надо отдать должное, мистер Энтони, вы твердо стоите на своем. (*Пристально смотрит на Энтони.*) На вас можно рассчитывать.

Энтони (*иронически*). Премного благодарен!

Робертс. И я тоже стою твердо. Так вот, рабочие отправят семьи туда, где их вынуждены будут как-то кормить, а сами будут держаться до последнего. Я советую вам, мистер Энтони, быть готовым к самому худшему. Мы не такие уж темные, как вы полагаете. И знаем, как идут дела у Компании. Ваше положение далеко не блестящее!

Энтони. Если не возражаете, позвольте нам самим судить о своем положении. Уходите и подумайте лучше о своем.

Робертс (*делая шаг вперед*). Мистер Энтони, вы уже не молодой человек. С тех пор, как я себя помню, вы всегда были злейшим врагом всех рабочих на заводе. Я не хочу сказать, что вы злой и жестокий человек. Но вы затыкали им рот всякий раз, когда они хотели сказать хоть слово в свою защиту. Вы четыре раза подавляли забастовки. Я слышал, что вы любите драться. Так вот, попомните мои слова: это последняя ваша схватка!

Тенч дергает Робертса за рукав,

Андервуд. Робертс, перестаньте!

Робертс. Не перестану. Почему председателю можно говорить все, что он думает, а мне нет?

Уайлдер. Вот до чего дошло!

Энтони (*посмотрев на Уайлдера и мрачно усмехнувшись*). Продолжайте, Робертс, можете говорить все, что захотите!

Робертс (*подумав*). Мне нечего больше сказать.

Энтони. Объявляю перерыв до пяти часов вечера.

Уэнклин (*тихо Скэнтлбери*). Так мы никогда не договоримся.

Робертс (*саркастически*). Мы благодарим председателя и членов правления за то, что они соблаговолили выслушать нас.

Он идет к двери. Рабочие в недоумении сбились в кучу: потом Раус, подняв голову, обходит Робертса и выходит первым. Остальные следуют за ним.

Робертс (*взявшись за ручку двери, угрожающе*). Всего доброго, джентльмены!

Харнесс (*иронически*). Поздравляю! Вы проявили удивительный дух согласия. Джентльмены, с вашего позволения я покину вас до половины шестого. Всего наилучшего!

Он кланяется, на мгновение останавливает взгляд на Энтони — тот встречает его взгляд совершенно спокойно — и выходит в сопровождении Андервуда. Минута неловкого молчания, затем в дверях снова появляется управляющий.

Уайлдер (*с видимым раздражением*). Ну?

Растворяются двери, ведущие в гостиную.

Энд (*остановившись в дверях*). Завтрак готов.

Эдгар резко встает с места и проходит в дверь мимо сестры.

Уайлдер. Пойдемте завтракать, Скэнтлбери?

Скэнтлбери (*с трудом поднимается с кресла*). Конечно. Единственное, что нам остается.

Они выходят в гостиную.

Уэнклин (*тихо*). Вы в самом деле хотите стоять на своем до конца, сэр?

Энтони кивает.

Уэнклин. Берегитесь! Суть в том, чтобы знать, где остановиться.

Энтони молчит.

Уэнклин (серьезным тоном). На этом пути нас ожидает гибель. Миссис Андервуд, ваш отец забыл, наверное, чем кончили древние троянцы.

Он выходит через двойные двери.

Энид. Я хочу поговорить с папой, Фрэнк.

Андервуд следует за Уэнклином. Тенч обходит стол, приводя в порядок разбросанные бумаги и ручки.

Энид. Ты разве не идешь, отец?

Энтони отрицательно качает головой. Энид многозначительно смотрит на секретаря.

Энид. Вы, конечно, позавтракаете с нами, мистер Тенч?

Тенч (с бумагами в руках). Благодарю вас, мадам, благодарю!

Он медленно выходит, оглядываясь назад.

Энид (затворив за ним дверь). Я полагаю, все улажено, папа?

Энтони. Нет!

Энид (разочарованно). Как? И ты ничего не сделал?

Энтони качает головой.

Фрэнк говорит, что все они, кроме Робертса, согласны на компромиссное решение.

Энтони. Но я не согласен!

Энид. Мы в таком ужасном положении! Быть женой управляющего и жить здесь, когда на твоих глазах... Папа, ты даже представить себе не можешь!

Энтони. Не могу?

Энид. Мы же видим, как они бедствуют. Помнишь мою горничную Анну — она вышла замуж за Робертса?

Энтони кивает.

Так все это нехорошо. У нее больное сердце, а с тех пор, как началась забастовка, она плохо питается. Я это знаю точно, отец.

Энтони. Бедная женщина! Помоги ей, дай ей все, что нужно.

Энид. Робертс не позволяет ей ничего принимать от нас.

Энтони (*задумчиво смотрит перед собой*). Я не могу отвечать за чужое упрямство.

Энид. Они так все страдают! Папа, прекрати забастовку, ну, пожалуйста, хотя бы ради меня.

Энтони (*пристально поглядев на дочь*). Ты ничего не понимаешь, дорогая.

Энид. Если бы я была в правлении, я сумела бы что-нибудь сделать.

Энтони. Интересно, что бы ты сделала?

Энид. Это потому, что ты не любишь уступать. В этом нет никакой...

Энтони. Договаривай.

Энид. Нет никакой необходимости.

Энтони. Что ты знаешь о необходимости? Ты лучше читай свои романы, музицируй, веди умные разговоры, но не пытайся просвещать меня насчет того, что лежит в основе такой схватки, как эта.

Энид. Я здесь живу и сама все вижу.

Энтони. Как ты думаешь: что стоит между тобой, твоим классом, и этими людьми, которых ты так жалеешь?

Энид (*холодно*). Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, папа.

Энтони. Есть люди, которые трезво смотрят на вещи и обладают достаточной выдержкой, чтобы постоять за себя. Если б не они, через несколько лет ты со своими детьми жила бы в таких же условиях, как и рабочие.

Энид. Ты не знаешь, в каком они ужасном состоянии!

Энтони. Я все знаю.

Энид. Нет, не знаешь! Если бы ты знал, ты бы не...

Энтони. Это ты не знаешь элементарных истин. Кто-то все время ограждает тебя от непрекращающихся требований рабочих. А иначе, ты думаешь, тебя бы пощадили? Нет, пощады не жди. Сначала, дорогая, ты лишишься сентиментов, потом культуры и всех жизненных удобств.

Энид. Я не верю в барьеры между классами.

Энтони (*раздельно*). Ты не веришь в барьеры между классами?

Энид (*холодно*). И я не понимаю, какое это имеет отношение к нашим делам?

Энтони. Такие, как ты, поймут это поколения через два.

Энид. Но ведь все упирается в тебя и Робертса, папа! Ты сам знаешь.

Энтони выпятил нижнюю губу.

Это погубит Компанию.

Энтони. Позволь мне судить об этом.

Энид (*обидчиво*). Я не могу стоять в стороне, когда бедная Анни Робертс страдает! И подумай о детях, папа! Я предупреждаю тебя.

Энтони (*с грустной улыбкой*). Что же ты собираешься предпринять?

Энид. Это мое дело.

Энтони молча смотрит на нее. У Энид дрогнул голос, она гладит отца по рукаву.

Папа, ты знаешь, что тебе вредны все эти заботы и волнения. Помнишь, что велел доктор Фишер?

Энтони. Не нам, старикам, слушать, что болтают старые бабы.

Энид. Ты же добился уже многого, если это в самом деле для тебя вопрос принципа.

Энтони. Ты так считаешь?

Энид. Не надо, папа! (*Еле сдерживает рыдания.*) Ты мог бы... мог бы подумать и о нас.

Энтони. Только тем и занят.

Энид. Но ты вконец подорвешь здоровье.

Энтони (*медленно*). Дорогая, неужели ты думаешь, что я струшу? На это можешь не рассчитывать.

Снова входит Тенч с бумагами. Он в неуверенности останавливается, глядя на них, потом набирается мужества.

Тенч. Прошу прощения, мадам, мне хотелось бы покончить с этими бумагами до завтрака.

Недовольно посмотрев на секретаря, Энид перевела взгляд на отца, затем резко повернулась и пошла в гостиную.

Тенч (подавая Энтони бумаги и перо, нервно). Не угодно ли подписать, сэр?

Энтони берет перо и подписывает. Тенч стоит с промокательной бумагой в руках за его стулом и говорит, волнуясь.

Своим положением я обязан только вам, сэр.

Энтони. Ну и что?

Тенч. Я должен видеть все, что происходит. Я... я целиком завишу от Компании. Если что-нибудь случится, я погиб. (Энтони кивает.) Жена только что родила второго. Голова кругом идет. Да и налоги нам приходится платить большие!

Энтони (мрачно шутит). Наверное, не больше, чем нам.

Тенч (нервно). Ну, конечно, сэр. Я знаю, как много значит для вас Компания.

Энтони. Еще бы! Я основал ее.

Тенч. Конечно, сэр. Если забастовка не прекратится, дела примут серьезный оборот. Полагаю, что члены правления начинают это понимать.

Энтони (иронически). Неужели?

Тенч. Я знаю, что у вас твердые взгляды и вы привыкли смотреть фактам в лицо. Но мне кажется, что членам правления это не нравится, сэр.

Энтони (мрачно). Равно как и вам, по всей видимости.

Тенч (жалко усмехнувшись). И мне тоже, сэр. Но в моем положении поневоле будешь думать о таких вещах. Дети на руках, у жены слабое здоровье. (Энтони кивает.) Но я не это хотел сказать, сэр. Если позволите (колеблется)...

Энтони. Выкладывайте!

Тенч. Еще отец говорил мне, что, когда дело идет к старости, нелегко приходится...

Энтони (почти отечески). Ну же, Тенч, говорите.

Тенч. Мне не хотелось бы, сэр.

Энтони (жестко). Вы обязаны сказать.

Тенч (после минутного колебания выпаливает). Мне кажется, что члены правления хотят избавиться от вас, сэр.

Энтони (помолчав). Позвоните.

Тенч звонит и идет к камину.

Тенч. Простите, сэр, что я осмелился... Я ведь думал только о вас.

Из холла входит Фрост и приближается к столу. Тенч, чтобы скрыть замешательство, делает вид, что собирает бумаги.

Энтони. Принесите виски с содовой.

Фрост. Будете что-нибудь есть, сэр?

Энтони мотает головой. Фрост подходит к буфету.

Тенч (*тихо, почти умоляюще*). Если бы вы сумели найти какой-нибудь выход, сэр, мне, право же, было бы легче. Я так расстроен. Уже несколько недель я не сплю спокойно, поверьте.

Энтони пристально глядит ему в лицо и медленно качает головой.

Тенч (*уныло*). Не сумеете, сэр?

Тенч продолжает собирать бумаги. Фрост устанавливает виски и воду на поднос и ставит справа от Энтони. Потом отступает на шаг, не спуская внимательного взгляда с председателя.

Фрост. Может быть, принести вам что-нибудь поесть, сэр?

Энтони качает головой.

Вы помните, сэр, что вам сказал доктор?

Энтони. Да.

Молчание. Затем Фрост наклоняется вдруг к Энтони и говорит тихо.

Фрост. Забастовка и все это напряжение, сэр... Прошу прощения, сэр... но стоит ли ради этого...

Энтони бормочет что-то нечленораздельное.

Слушаю, сэр!

Он поворачивается и выходит в холл. Тенч порывается что-то сказать, но, встретив взгляд председателя, опускает голову и выходит следом. Энтони один. Он берет бокал и жадно пьет, затем ставит его на стол и с глубоким шумным вздохом откидывается на спинку кресла.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Половина четвертого того же дня. Опрятная кухня в доме Робертса. В камине едва теплится огонь. В комнате кирпичный пол, побеленные, но порядком закоптившиеся стены, мало мебели. На огне чайник. Как раз напротив камина — дверь, открывающаяся вовнутрь прямо с заснеженной улицы. На столе чашка с блюдцем, чайник, нож, тарелка с хлебом и сыром. У камина, закутавшись в плед, сидит в старом кресле миссис Робертс — худенькая темноволосая женщина лет тридцати пяти с терпеливыми глазами. Волосы у нее не убраны в прическу, а лишь перехвачены сзади ленточкой. Рядом у камина — миссис Йоу, широколицая, рыжеволосая. Поближе к столу сидит седая, с землистым лицом старушка, миссис Раус. У двери, собираясь уходить, стоит, съезжившись от холода, бледная миссис Балджин. За столом — Мэдж Томас, миловидная двадцатидвухлетняя девушка, у нее широкие скулы, глубоко посаженные глаза, вострянные волосы. Она сидит неподвижно, опершись локтями на стол и положив лицо на руки, и молча прислушивается к разговору.

Миссис Йоу. Так вот, значит, пришел он и дает мне шесть пенсов. Первые деньги за всю неделю... Не так уж жарко у камина. Идите к огоньку, миссис Раус, погрейтесь, а то вы, как полотно, белая.

Миссис Раус (*поеживаясь от холода, безмятежно*). Это что! Когда мой старик помер — вот зима выпала. В семьдесят девятом это было, вы еще, наверно, и на свет не родились — ни Мэдж Томас, ни Сью Балджин. (*Оглядывая всех по очереди.*) Анни Робертс, сколько тебе тогда было, милочка?

Миссис Робертс. Семь лет, миссис Раус.

Миссис Раус. Ну вот, видите: совсем кроха!

Миссис Йоу (гордо). А мне десять лет было, я хорошо все помню.

Миссис Раус (спокойно). Компанию года три лишь как основали. Отец-то с кислотой работал и обжег ногу. Я твердила ему: «Отец, ты бы полежал, у тебя ведь ожог». А он мне: «Мать, ожог или нет, нельзя мне болеть». А через два дня свалился да так и не встал. Судьба, значит! По болезни тогда не платили.

Миссис Йоу. Но тогда не было забастовки! (С мрачным юмором.) По мне и эта зима — тяжелее не надо. Да и вам не надо, правда, миссис Робертс? Как вы думаете, миссис Балджин, не вредно было бы пообедать, а?

Миссис Балджин. Вот уже четыре дня, как, кроме хлеба да чая, ничего не видим.

Миссис Йоу. А вы хотели по пятницам в прачечной работать — не вышло?

Миссис Балджин (удрученно). Мне обещали работу, но, когда я пошла туда, место было занято. На следующей неделе снова пойду.

Миссис Йоу. Да, многие теперь хотят получить работу. Я вот послала своего на каток — помогать господам коньки надевать. Может, подзаработает что-нибудь. Да и думать поменьше будет.

Миссис Балджин (безнадежным, будничным тоном). Что уж о мужчинах говорить — хотя бы с ребятишками как-нибудь перебиться. Я своих в постели держу — поменьше есть просят, когда не бегают сломя голову. Но так уж с ними беспокойно, сил никаких нет.

Миссис Йоу. Вам еще хорошо, маленькие они у вас. Вот из школы ребятишки приходят голодные! А Балджин не дает денег?

Миссис Балджин (качает головой, потом словно спохватившись). У него, наверное, нет.

Миссис Йоу (саркастически). Неужели у вас нет акций Компании?

Миссис Раус (с напускной бодростью). Пойду-ка я домой, Анни Робертс. До свидания!

Миссис Робертс. Выпейте чашечку чаю, миссис Раус.

Миссис Раус (слабо улынувшись). Чай Роберт-

су пригодится. Он скоро придет. А я пойду лягу. В постели все теплее.

Она неверными шажками движется к двери.

Миссис Йоу (*встает, подает старушке руку*). Обопритесь на меня, бабушка. Пойдемте вместе, нам по пути.

Миссис Раус (*берет миссис Йоу под руку*). Спасибо, милочка!

Они выходят. Миссис Балджин идет следом за ними.

Мэдж (*выйдя из оцепенения*). Видишь, до чего дошло, Анни? Я так и сказала Джорджу Раусу: «И думать обо мне забудь, пока вы не покончите с этими беспорядками. Стыдись,— говорю я ему,— мать вся высохла, дров нет, мы почти что голодаем, а ты себе преспокойненько покуриваешь трубку». А он говорит: «Клянусь, Мэдж, я уж три недели не курил и капли в рот не брал!» «Так прекратите забастовку». «Я не могу предать Робертса». Только и слышишь: Робертс, Робертс! Если бы не он, остальные давно вышли бы на работу. А то как начнет говорить, точно бес в них вселится!

Замолкает. Миссис Робертс делает движение, будто ей причинили боль.

А-а, ты просто хочешь, чтобы он был прав! Он твой муж! А остальные как тени ходят — это тебе все равно? (*С выразительным жестом.*) Если Раус хочет, чтобы я пошла за него, пусть не водится с Робертсом. А когда он не будет поддерживать Робертса, никто не будет. Отец против него... да и все в душе против него. Им только пример подать!

Миссис Робертс. Вам не сломить Робертса!

Они молча смотрят друг на друга.

Мэдж. Не сломить? Тогда они просто трусы. Не видят, что их собственные дети и матери едва на ногах держатся.

Миссис Робертс. Мэдж, перестань.

Мэдж (*испытующе глядит на миссис Робертс*). Удивляюсь, как ему не стыдно смотреть тебе в глаза. (*Она садится на корточки перед камином, протягивает*

руку к огню.) Харнесс снова приехал. Им придется сегодня решать окончательно.

Миссис Робертс (*у нее приятный высокий голос, неторопливая речь*). Робертс ни за что не предаст нагревательщиков и механиков. Это будет несправедливо.

Мэдж. Чего уж там говорить. Он просто упрямится из гордости.

Раздается стук в дверь, женщины поворачиваются — входит Энид. На ней круглая меховая шапочка и беличий жакет. Она затворяет за собой дверь.

Энид. Можно войти, Анни?

Миссис Робертс (*вздрагивает*). Мисс Энид? Мэдж, дай миссис Андервуд стул.

Мэдж придвигает Энид стул, на котором сидела.

Энид. Благодарю! Как ты себя чувствуешь, лучше?

Миссис Робертс. Лучше, мэм, спасибо.

Энид (*глядит на угрюмо потупившуюся Мэдж, как бы прося ее уйти*). Почему ты отослала назад желе? Как тебе не стыдно!

Миссис Робертс. Спасибо, мэм, это — лишнее.

Энид. Как же лишнее? Это, конечно, Робертс тебя заставил. Как он допускает, чтобы вы все страдали?

Мэдж (*неожиданно*). Кто страдает?

Энид (*удивленно*). Прошу прощения.

Мэдж. Кто сказал, что мы страдаем?

Миссис Робертс. Мэдж!

Мэдж (*накидывая на голову шаль*). Пожалуйста, оставьте нас в покое. Зачем вы пришли сюда — шпионить за нами?

Энид (*не вставая, смотрит Мэдж в лицо*). Я не с вами разговариваю.

Мэдж (*тихим голосом, неистово*). Оставьте свою жалость при себе! Кто вам дал право приходить к нам? Убирайтесь и скажите управляющему, чтобы он тоже тут не показывался.

Энид (*ледяным тоном*). Не забываетесь, вы не у себя дома.

Мэдж (*поворачиваясь, чтобы уйти*). Ваше счастье, что это не мой дом. К себе я вас и на порог не пущу, миссис Андервуд.

Она уходит. Энид барабанит пальцами по столу.

Миссис Робертс. Пожалуйста, простите Мэдж Томас, мэм. Она так расстроена сегодня.

Молчание.

Энид (*смотрит на нее*). Что ж, они просто глупы—все, как один.

Миссис Робертс (*со слабой улыбкой*). Наверное, мэм.

Энид. Робертса нет дома?

Миссис Робертс. Нет.

Энид. Это он во всем виноват. Только из-за него не могут договориться, так ведь, Анни?

Миссис Робертс (*не сводя глаз с Энид, говорит мягко, теребя шаль на груди*). Говорят, что ваш отец, мэм...

Энид. Мой отец — старик, а ты знаешь, какие они.

Миссис Робертс. Простите, мэм.

Энид (*смягчаясь*). Тебе не за что просить прощения, Анни. Я и сама знаю, что он тоже виноват, как и Робертс.

Миссис Робертс. Мне жалко вашего отца, мэм. Старость — это ужасно. И я всегда считала мистера Энтони хорошим человеком.

Энид (*возбужденно*). Ты помнишь, он всегда любил тебя! Послушай, Анни, чем я могу помочь тебе? Скажи откровенно. У тебя ведь нет самого необходимого. (*Подходит к камину и, отставив чайник, заглядывает в ящик для угля.*) Почему ты закапризничала и не взяла суп и остальное?

Миссис Робертс. Так просто, мэм.

Энид (*возмущенная*). У тебя даже угля нет!

Миссис Робертс. Если вас не затруднит, мэм, поставьте, пожалуйста, чайник обратно. Скоро придет Робертс, ему некогда будет ждать. В четыре часа у них митинг.

Энид (*ставит чайник на огонь*). Значит, он снова будет подстрекать их. Анни, ты бы не пускала его. (*Миссис Робертс иронически усмехается.*) А ты пыталась? (*Молчание.*) Он знает, как ты больна?

Миссис Робертс. У меня просто слабое сердце, мэм.

Энид. Ты отлично себя чувствовала, когда жила у нас.

Миссис Робертс (*решительно*). Робертс очень заботится обо мне.

Энид. Да, но ты должна иметь все, что нужно! У тебя ничего нет.

Миссис Робертс (*пряча волнение*). Разве у меня вид умирающей?

Энид. Конечно, нет! Тебе бы еще хорошее... А что, если я пошлю тебе своего доктора? Я уверена, что он может помочь.

Миссис Робертс (*с ноткой сомнения*). Хорошо, мэм.

Энид. А Мэдж Томас не следует бывать здесь, ты слишком возбуждаешься. Как будто я не знаю, как страдают рабочие! И мне на самом деле очень жаль их, но они переходят всякие границы, ты ведь тоже это знаешь.

Миссис Робертс (*перебирает пальцами*). Они утверждают, что иначе не добиться лучшего жалованья, мэм.

Энид (*убежденно*). Но именно поэтому профсоюз не хочет помогать им. Мой муж очень хорошо относится к рабочим, но и он говорит, что платят им достаточно.

Миссис Робертс. Он так говорит?

Энид. Они не понимают, что Компания не могла бы существовать, если бы им платили столько, сколько они хотят.

Миссис Робертс (*делая над собой усилие*). Но дивиденды очень высоки, мэм.

Энид (*пораженная*). Все вы считаете, что акционеры — богатые люди. Это не так. Большинство из них живут, право же, не лучше, чем рабочие. (*Миссис Робертс усмехается.*) Им просто приходится соблюдать приличия.

Миссис Робертс. Правда, мэм?

Энид. Ну конечно же! Вам не нужно платить большие налоги, вообще у вас нет таких расходов. Если бы рабочие поменьше тратили на выпивку и на игру, им бы жилось совсем неплохо.

Миссис Робертс. Работа тяжелая, поэтому мы имеем право немного развлечься — вот что они говорят.

Энид. Но почему такие пошлые развлечения?

Миссис Робертс (с обидой в голосе). Робертс крепкого в рот не берет и ни разу в жизни не играл.

Энид. Да, но Робертс не... не простой рабочий. Я хочу сказать, он механик, выше остальных.

Миссис Робертс. И Робертс говорит, мэм, что рабочим недоступны другие развлечения.

Энид (задумчиво). Да, я знаю, им трудно.

Миссис Робертс (с ноткой злорадства). И еще они говорят, что богатые ничуть не лучше.

Энид (улыбаясь). Какая глупость! Я позволяю себе не меньше других, и, как видишь...

Миссис Робертс (ей трудно говорить). Многие и близко к пивной не подходят, но и им удастся лишь самую малость накопить. А чуть заболел — все уходит.

Энид. А касса взаимопомощи?

Миссис Робертс. В кассе дают только восемнадцать шиллингов в неделю, мэм. Разве этого хватит на семью? Робертс говорит, что трудящиеся живут только сегодняшним днем, а завтра — будь что будет... У рабочих есть даже поговорка: лучше шесть пенсов сегодня, чем шиллинг завтра.

Энид. Это уже смахивает на игру.

Миссис Робертс (волнуясь). Робертс говорит, что у рабочего человека вся жизнь — игра, от самого рождения до смерти.

Энид наклоняется вперед и слушает с интересом. Миссис Робертс продолжает говорить, волнуясь все больше и больше, и тирада ее заканчивается чем-то очень личным, глубоко выстраданным.

Он говорит, мэм, что, когда в рабочей семье рождается ребенок, никогда не скажешь, выживет он или нет. Это дело случая. И так всю жизнь. А когда приходит старость — рабочий дом или могила. Какая уж может быть обеспеченность в семье, говорит он, когда приходится во всем отказывать себе и своим детям, чтобы хоть что-нибудь отложить на черный день. Поэтому он не хочет, чтобы у нас были дети (откидываясь на спинку кресла), хотя я очень хотела этого.

Энид. Да-да, я понимаю.

Миссис Робертс. Где вам понять, мэм! У вас есть дети, и вам не придется беспокоиться за них.

Энид (мягко). Тебе не нужно так много говорить,

Анни. (Потом у нее против воли вырывается.) Не ведь Робертсу заплатили много денег за его изобретение!

Миссис Робертс (защищаясь). У нас давно ничего не осталось. Робертс так ждал этой забастовки! Он говорит, что не имеет права на лишний фартинг, когда остальные бедствуют. Если бы все так думали! А то ведь некоторым все равно, что делается, — лишь бы свое получить.

Энид. А что можно ожидать от них — им и в самом деле тяжело. (Другим тоном.) Но Робертс должен же подумать о тебе! Как это ужасно!.. Чайник закипел. Я приготовлю чай, хорошо? (Она берет чайник для заварки и, увидев, что чай уже засыпан, наливает кипяток.) Ты выпьешь чашечку?

Миссис Робертс. Не хочется, мэм, благодарю вас. (Она прислушивается, не подходит ли кто к дому.) Вам лучше не встречаться с Робертсом, мэм, он сейчас такой нервный.

Энид. Я должна его видеть, Анни. Обещаю не горячиться.

Миссис Робертс. Для него это вопрос жизни или смерти.

Энид (очень мягко). Мы выйдем и поговорим с ним на улице, чтобы не беспокоить тебя.

Миссис Робертс (слабым голосом). Хорошо, мэм.

Она вдруг вздрагивает: они не заметили, как в комнату вошел Робертс.

Робертс (сняв шляпу, чуть-чуть насмешливо). Прошу прощения, что без стука. У нас, как понимаю, в гостях леди.

Энид. Могу я поговорить с вами, мистер Робертс?

Робертс. С кем имею честь говорить, мадам?

Энид. Вы же знаете меня! Я миссис Андервуд.

Робертс (отвешивая враждебный поклон). А, дочь нашего председателя!

Энид (серьезно). Я пришла затем, чтобы поговорить с вами. Может быть, мы выйдем на несколько минут?

Она кидает взгляд на миссис Робертс.

Робертс (вешая шляпу). Мне не о чем с вами говорить, мадам.

Энид. А мне нужно кое-что сказать вам. Ну, пожалуйста!

Она идет к двери.

Робертс (*взрываясь*). У меня нет времени слушать вас!

Миссис Робертс. Дэвид!

Энид. Мистер Робертс, прошу вас.

Робертс (*снимая пальто*). Сожалею, что вынужден отказать леди... особенно дочери мистера Энтони.

Энид (*колеблется, затем набравшись решимости*). Мистер Робертс, я знаю, что сегодня будет еще один митинг рабочих.

Робертс кланяется.

Я взываю к вашему рассудку. Пожалуйста, попытайтесь найти какое-нибудь компромиссное решение. Уступите немного — хотя бы ради вас самих!

Робертс (*словно раздумывая вслух*). Дочь мистера Энтони просит меня уступить немного — хотя бы ради нас самих.

Энид. Ради всех, ради вашей жены.

Робертс. Ради моей жены, ради всех... ради мистера Энтони.

Энид. Почему вы так ненавидите моего отца? Он не сделал вам ничего дурного.

Робертс. Не сделал ничего дурного?

Энид. У него свои взгляды, у вас — свои.

Робертс. Я не предполагал, что имею право иметь свои взгляды.

Энид. Он старый человек, а вы...

Не выдержав его взгляда, Энид умолкает.

Робертс (*не повышая голоса*). Если бы мистеру Энтони угрожала смертельная опасность, и чтобы спасти его, мне стоило бы только протянуть руку, я не пошевелил бы пальцем.

Энид. Вы... вы... (*Она нервно кусает губы.*)

Робертс. Да, и пальцем бы не пошевелил.

Энид (*холодно*). Вы сами не знаете, что говорите.

Робертс. Нет, отлично знаю.

Энид. Но почему?

Робертс (*запальчиво*). Мистер Энтони защищает тиранию — вот почему!

Энид. Какая глупость!

Миссис Робертс пытается встать, но затем снова оседает в кресле.

Энид (*бросается к миссис Робертс*). Анни!

Робертс. Не дотрагивайтесь до моей жены!

Энид (*отпрянула в ужасе*). Вы что, с ума сошли?

Робертс. Леди нечего делать в доме сумасшедшего.

Энид. Я не боюсь вас!

Робертс (*кланяется*). Я и не думал, что дочь мистера Энтони испугается. Мистер Энтони не такой трус, как остальные.

Энид. Вы, как видно, считаете, что требуется особое мужество продолжать эту схватку.

Робертс. А мистер Энтони счигает, что требуется особое мужество воевать с женщинами и детьми? Мистер Энтони, насколько мне известно, — богатый человек. Неужели это мужество — воевать с теми, у кого нет ни пенса?! Заставлять детей плакать от голода, а женщин — дрожать от холода?

Энид (*поднимает руку, как бы загораживаясь от удара*). Мой отец следует своим принципам, вам это известно.

Робертс. Я тоже следую своим принципам.

Энид. Нет, вы просто ненавидите нас! И не хотите, чтобы над вами взяли верх.

Робертс. Мистер Энтони тоже не хочет, чтобы над ним взяли верх.

Энид. Пожалели хотя бы свою жену.

Миссис Робертс, прижимавшая ладонь к груди, спешит опустить руку и старается дышать ровнее.

Робертс. Мадам, мне нечего больше сказать вам.

Берет буханку хлеба. Раздается стук в дверь, входит Андервуд.

Энид нерешительно оборачивается к нему,

Андервуд. Энид!

Робертс (*иронически*). Вы могли не приходить за своей женой, мистер Андервуд. Мы не какие-нибудь говоре́зы.

Андервуд. Я знаю это, Робертс. Надеюсь, миссис Робертс чувствует себя лучше?

Робертс молча отворачивается.

Пойдем, Энид!

Энид. Еще раз взываю к вам, мистер Робертс. Ну, ради вашей жены!

Робертс (с враждебной корректностью). Если позволите поправить вас, мадам: скажите лучше, ради вашего мужа и вашего отца.

Удержавшись от резкого ответа, Энид идет к выходу. Андервуд открывает ей дверь и выходит следом. Робертс протягивает руки к тлеющим углям.

Робертс. Ну как дела, Анни? Тебе же лучше, правда?

На лице у миссис Робертс появляется слабая улыбка. Он берет свое пальто и надевает ей на плечи. Потом смотрит на часы.

Без десяти четыре! (Воодушевленно.) Посмотрела бы ты на их физиономии! Все они перепуганы, кроме этого старого разбойника.

Миссис Робертс. Ты бы остался и поел, Дэвид. Весь день ни крошки во рту не было!

Робертс (поднимая руку к горлу). Не могу, пока эти старые акулы не уберутся из города! Кусок в горле застрянет. Еще со своими хлопоты будут: недостает им выдержки, трусы несчастные. Тычутся, как слепые котята, дальше своего носа не видят.

Миссис Робертс. Это из-за женщин, Дэвид.

Робертс. Только говорят — из-за женщин. Вспоминают о женах, когда в собственном желудке пусто. Как выпить захочется, на жену ведь не посмотрит. А как пострадать самому за святое дело — так сразу женщины не позволяют.

Миссис Робертс. А дети, Дэвид?

Робертс. Дети, дети! Что толку, если наплодят рабов. А о том, как детям придется жить завтра, они подумали?

Миссис Робертс (задыхаясь). Довольно, Дэвид, перестань! Я не могу этого слышать... не хочу...

Робертс (изумленно). Что с тобой, Анни?

Миссис Робертс (едва слышно). Молчи, Дэвид... я не хочу...

Робертс. Что с тобой? Ну не надо, право же, не

надо. Хорошо, хорошо, не буду. (С горечью.) Нет, чтобы отложить хоть малость на черный день. Как бы не так! Знаю я их: лишь бы сегодня сытым быть, а там... Душа изболелась вся. Сначала никого не удержишь, а как дело дошло до крайности...

Миссис Робертс. Ну чего ты хочешь от них, Робертс? Они же не железные.

Робертс. Чего я хочу от них? Того же, что и от себя. Почему я предпочитаю голодать и мучиться, чем сдаться? Раз один может, значит, всякий может.

Миссис Робертс. А женщины?

Робертс. Женщины тут ни при чем.

Миссис Робертс (негодующе). Как это ни при чем? Они пусть, по-твоему, умирают?

Робертс (отводя взгляд). Ну кто говорит о смерти? Никто не умрет, и мы побьем этих...

Он снова встречается с ней взглядом и снова отводит глаза.

Сколько месяцев я ждал этого дня! Свалить старых разбойников и выпроводить отсюда. Они из нас ни фартинга больше не выжмут. Понимаешь, я видел их лица — они в долине смертной тени.

Он подходит к вешалке и берет шляпу.

Миссис Робертс (следя за ним взглядом, мягко). Возьми пальто, Дэвид, на улице очень холодно.

Робертс (подходит, глаза его бегают). Нет, нет, не нужно. Тебе так теплее. Не волнуйся, я скоро вернусь, слышишь?

Миссис Робертс (печально). И все-таки возьми.

Анни высвобождает плечи, но Робертс, так и не отважившись взглянуть жене в глаза, снова закутывает ее своим пальто. Миссис Робертс сидит, съежившись, следя за мужем враждебным и в то же время любящим взглядом. Он снова смотрит на часы и поворачивается, чтобы уйти. В дверях он сталкивается с Яном Томасом, мальчуганом лет десяти, в просторной, не по росту одежде; в руках у Яна — дешевая свистулька.

Робертс. Привет, парень!

Робертс уходит. Ян подходит к миссис Робертс и молча смотрит на нее.

Миссис Робертс. Ты что, Ян?

Ян. Сейчас придут папа и Мэдж.

Он садится за стол, свистит, потом пытается изобразить свистулькой кукование кукушки. В дверь стучат — входит старый
Томас.

Томас. Добрый день, миссис Робертс. Нынче у вас вид получше.

Миссис Робертс. Спасибо, мистер Томас.

Томас (неуверенно). Робертс дома?

Миссис Робертс. Он только что ушел на митинг.

Томас (становится разговорчивым, сразу почувствовав себя свободно). Какая незадача! А я-то пришел сказать ему, что пора уже как-то договориться с Лондоном. Жаль, очень жаль, что он уже ушел на митинг. Снова полезет на рожон.

Миссис Робертс (приподнимаясь немного). Он ни за что не уступит, мистер Томас.

Томас. Не надо волноваться, вам вредно. Послушайте, его ведь почти никто не поддерживает, кроме механиков и Джорджа Рауса. (Торжественно.) Бастовать дальше — противно воле господней. Я слышал голоса и говорил с ними. (Ян свистит.) Шш! Мне все равно, что скажут другие. Ему угодно, чтобы мы прекратили беспорядки — вот что сказали голоса, и мое мнение, что для нас это самое лучшее. Я так считаю, иначе я и говорить бы не стал, да, не стал бы!

Миссис Робертс (пытаясь справиться с волнением). Но что станет с Робертсом, если вы сдадитесь? Ему-то каково будет?

Томас. Ничего тут нет позорного! Он сделал все, что доступно смертному. Пойти против природы — это еще можно, но теперь нам послано знамение, и против Него идти нельзя.

Ян снова свистит.

Перестань верещать! (Идет к двери.) Сейчас придет дочка — посидеть с вами. Всего вам хорошего. Да вы смотрите не волнуйтесь.

Появляется Мэдж; она останавливается в дверях и смотрит на улицу.

Мэдж. Ты опоздаешь, отец. Они уже собираются. *(Хватает его за рукав.)* Ради бога, отец, не поддавайся ты ему — ну, хоть один раз!

Томас *(с достоинством высвобождает руку)*. Я сам знаю, что мне делать.

Он уходит. С улицы, по-видимому, идет кто-то, потому что Мэдж медленно отступает в комнату. На пороге появляется Раус.

Раус. Мэдж!

Мэдж стоит спиной к миссис Робертс; подняв голову и заложив руки за спину, она смотрит Раусу прямо в глаза. Видно, что он чем-то сильно расстроен.

Раус. Мэдж, я иду на митинг!

Мэдж, не шевельнувшись, презрительно смеется.

Ты слышишь меня?

Они переговариваются тихими, возбужденными голосами.

Мэдж. Да, слышу. Иди, если решил, но ты убьешь свою собственную мать.

Раус хватается Мэдж за плечи, но она застывает, запрокинув голову. Он отпускает ее и тоже стоит не двигаясь.

Раус. Я поклялся стоять за Робертса. Понимаешь, поклялся! А ты хочешь, чтобы я нарушил клятву.

Мэдж *(неторопливо, с насмешкой)*. А еще говоришь, что любишь!

Раус. Мэдж!

Мэдж *(улыбаясь)*. Говорят, что бы девушка ни попросила, юноша все сделает, если любит. *(Ян высвистывает «ку-ку, ку-ку».)* Видно, не так это!

Раус. Не могу я стать штрейкбрехером!

Мэдж *(полузакрыв глаза)*. Даже ради меня?

Раус *(потирая лоб)*. Черт побери, не могу!

Мэдж *(быстро)*. Ради меня...

Раус *(стискивает зубы)*. Брось заигрывать!

Мэдж *(показывая рукой на Яна, тихо и убежденно)*. А я бы на все пошла, чтобы у детей был хлеб.

Раус *(горячим шепотом)*. Мэдж, как ты можешь?..

Мэдж *(насмешливо)*. А ты вот не можешь ради меня нарушить слово.

Раус *(задыхаясь)*. Ну, это мы еще посмотрим!

Раус убегает. Она смотрит ему вслед и улыбается едва заметно. Потом идет к столу.

Мэдж. Теперь Робертсу не победить!

Заметив, что миссис Робертс откинулась на спинку кресла, она подбегает к ней и щупает ее руки.

Мэдж. Совсем ледяные! Вам надо выпить глоток бренди. Ян, сбегай к хозяину «Льва» — скажи, что я послала. Для миссис Робертс.

Миссис Робертс (качает головой). Не надо, я просто посижу спокойно. Налей... налей Яну чаю.

Мэдж (дает брату кусок хлеба). Ешь, негодник, и не свисти. (Подходит к камину, встает на колени.) Почти погасло.

Миссис Робертс (с виноватой улыбкой). Ничего.

Ян опять засвистел.

Мэдж. Тихо, ты! Перестань!

Ян вынимает изо рта свистульку.

Миссис Робертс (улыбаясь). Пусть мальчик поиграет, Мэдж.

Мэдж (не вставая с колен, прислушивается). Вечно ждать, ждать — вот все, что женщине остается. А я терпеть этого не могу!.. Миссис Робертс, вы слышите? Там уже началось...

Она ставит локти на стол и подтирает голову руками. Миссис Робертс позади нее словно встрепелась, с усилием наклоняется вперед, и в этот момент в комнату врывается шум митинга.

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пятый час. Грязный, заполненный рабочими пустырь под мрачным небом. Позади пустыря, за колючей проволокой, на некотором возвышении — тропа вдоль канала; у берега стоит на якоре баржа. Вдали раскинулись болота и покрытые снегом холмы. Поперек пустыря, от самого берега, тянется заводская стена. Там, где стена образует угол, из досок и бочек сооружена импровизированная трибуна, на которой — Харнесс. Робертс стоит, прислонившись спиной к стене, чуть поодаль от толпы. На берегу сидят, покуривая, два лодочника.

Харнесс (*поднимая руку*). Ну вот, я вам все выложил. Больше добавить нечего, говори я тут хоть до завтрашнего дня.

Яго (*темноволосый, испанского обличья человек с небольшой реденькой бородкой и бледным лицом*). Пожалуйста, мистер, а если они наймут штрейкбрехеров?

Балджин. Пусть только попробуют!
(*По толпе прокатывается угрожающий гул.*)

Браун (*круглолицый человек*). Где их найти-то?

Эванс (*невысокого роста, бойкий, с изможденным, но воинственным лицом*). Штрейкбрехеры всегда найдутся: такая уж это порода. Мало ли таких, кто печется только о собственной шкуре?

Снова недовольный гул. Сквозь толпу, расталкивая остальных, пробирается старый Томас, и встает в переднем ряду.

Харнесс (*поднимает руку*). Нет, со стороны им нанять некого. Но это не спасет вас. Рассудите сами: если Компания удовлетворит требования, то вспыхнет десяток новых забастовок. А мы к этому не готовы. Профсоюзы основаны на принципе: справедливость для всех, а не для кого-нибудь одного. Каждый рассудительный человек вам скажет: зря вас на это подбили! Я ведь не говорю, что ваши требования чрезмерно высоки и вы не имеете права добиваться своего. Нет! Просто сейчас не время. Вы сами себе яму роете. Выкарабкаетесь вы оттуда или нет — вам решать!

Льюис (*истый валлиец с черными усами*). Правильно, мистер! Надо выбирать.

В толпе движение: между рядами быстро пробирается Раус и встает около Томаса.

Харнесс. Умерьте свои требования, и мы поможем вам. Но если вы откажетесь, больше меня здесь не увидите, я не могу даром терять время. Я не из тех, кто бросает слова на ветер, сами убедились. Вы же разумные люди, почему вы должны кого-то слушать (*останавливает взгляд на Робертсе*). Разве не лучше выйти на работу, а мы добьемся от Компании кое-каких уступок. Держаться вместе и победить или и дальше дохнуть с голоду — выбирайте!

Толпа гудит.

Яго (*угрюмо*). Вам легко говорить.

Харнесс (*перекрывая шум*). Легко? (*Страстно*.) Мне довелось испытать то же самое, что и вам, когда я был не старше вон того юнца (*показывает на парнишку*). А профсоюзы тогда разве такие были? Почему они стали сильными, как вы думаете? Потому что мы держались друг за друга. Что до меня — так я всего навиделся, и это вот тут у меня. (*Ударяет себя в грудь*.) Да, вам не легко пришлось, мне рассказывать не надо. Но наше общее дело важнее, чем ваши требования, вы же только часть целого. Помогите нам, и мы поможем вам.

Он медленно обводит глазами толпу. Шум растет. Рабочие разбиваются на группы, спорят. Грин, Балджин и Льюис говорят, перебивая друг друга.

Льюис. Толковые вещи говорит этот парень из профсоюза.

Грин (*спокойно*). Если бы меня послушали в свое время, то еще два месяца назад слышали бы толковые вещи.

Лодочники на берегу смеются.

Льюис (*кивает*). Посмотрите на тех двух бездельников.

Балджин (*мрачно*). Если они не перестанут ржать, я им челюсть сворочу.

Яго (*внезапно*). Эй, разве нагривальщикам достаточно платят?

Харнесс. Я не говорил, что достаточно. Им платят столько же, сколько на других заводах.

Эванс. Это ложь! (*Шум, выкрики*.) А как на заводе Харперса?

Харнесс (*со спокойной иронией*). Помолчал бы, приятель, если не знаешь. У Харперса смены длиннее, то на то выходит.

Генри Раус (*вылитый Джордж, только темноволосый*). А вы поддержите наше требование о двойной плате за сверхурочные по субботам?

Харнесс. Да!

Яго. А что профсоюз сделал с нашими взносами?

Харнесс (*ровно*). Я уже сказал, куда мы собираемся истратить эти деньги.

Э в а н с. Вот-вот, только и слышишь: «Собираемся собираемся!»

Шум, выкрики.

Б а л д ж и н (кричит). А ну тише!

Эванс сердито осматривается вокруг.

Х а р н е с с (повышая голос). Всякий, кто умеет отличить черное от белого, знает, что в профсоюзах сидят не воры и не предатели. Я все сказал. Смотрите сами, друзья. Если понадобится, то знаете, где меня найти.

Харнесс спрыгивает на землю, рабочие расступаются, и он уходит. Один из лодочников насмешливо тычет трубкой ему вслед. Рабочие снова собираются в группы, многие посматривают на Робертса — тот в одиночестве стоит у стены.

Э в а н с. Он хочет, чтобы вы стали штрейкбрехерами. Он хочет настроить вас против нагривальщиков, это уж точно! Да я лучше голодать буду, чем стану предателем.

Б а л д ж и н. Кто говорит о предателях? Ты чего болтаешь? Смотри поосторожнее.

К у з н е ц (рыжеволосый парень с тяжелыми руками). А что с женщинами будет?

Э в а н с. Раз мы можем выдержать, значит, и они тоже.

К у з н е ц. У тебя нет жены?

Э в а н с. Обхожусь.

Т о м а с (повышая голос). Нет, ребята, нам самим надо договориться с Лондоном.

Д э в и с (медлительный, угрюмый черноволосый рабочий). Выйди и скажи, если есть что, понял?

В толпе кричат: «Томаса!» Его подталкивают к трибуне. Он с трудом карабкается вверх, снимает шапку и ждет, пока толпа поутихнет. Выкрики «Тише! Тише!».

Р ы ж и й п а р е н ь (неожиданно в наступившей тишине). Добрый старый Томас!

В толпе гогочут. Лодочники переговариваются между собой.

Наконец шум стихает, Томас начинает говорить.

Т о м а с. Друзья, нас загнали в угол! Судьба загнала нас в угол.

Генри Раус. Это Лондон загнал нас в угол!

Эванс. Нет, профсоюз!

Томас. Нет, ни Лондон и ни профсоюз — Судьба! И это не позор для смертного — покориться Судьбе. Ибо Судьба — это очень большое. Гораздо больше, чем человек. Я тут самый старый и по себе знаю, как дурно идти против Судьбы. Дурно заставлять человека страдать, когда все равно ничего не добиться.

В толпе смех. Томас сердито продолжает.

Чего тут смешного! Дурно, я вам говорю. Мы боремся из-за принципа. Никто не скажет, что я не верю в принцип. Но если Судьба говорит «Хватит!», значит, хватит, и нечего лезть на рожон.

Возгласы одобрения и язвительный смешок Робертса.

Против Судьбы не пойдешь. Мы должны быть чистые сердцем, честные, справедливые и милосердные — таковы заветы господни. (Робертсу, сердито.) Да-да, Дэвид Робертс, господь учит нас, что можно выполнять его заветы и не идти против Судьбы.

Яго. А как насчет профсоюза?

Томас. Не доверяю я профсоюзу. Мы для них что грязь под ногами. Они говорят: «Поступайте, как мы велим». Я двадцать лет старшим у нагревальщиков, и я скажу профсоюзникам (взволнованно): «Кто лучше знает, вы или я, сколько по справедливости должен получать нагревальщик?» (Возмущенно.) Двадцать пять лет я платил деньги в профсоюз, а чего ради? Мошенничество, чистое мошенничество, хоть тут и говорил всякие вещи этот мистер!

Ропот.

Эванс. Слушайте, слушайте!

Генри Раус. А ну кончай!

Томас. Если мне не доверяют, неужели я буду доверять им?

Яго. Правильно.

Томас. Пусть эти мошенники сами по себе, а мы сами по себе.

Кузнец. Мы и так сами по себе.

Шум в толпе.

Томас (*распалаясь*). Я и сам за себя постоять могу. Если у меня нет денег купить что-нибудь, я обойдусь. А с чужими деньгами что угодно сделать можно. Мы бились что надо — и проиграли. Не наша это вина. Теперь надо самим договариваться с Лондоном. А не получится, встретим поражение, как мужчины. Все лучше, чемдохнуть, как собакам, или искать у кого-то защиты.

Эванс (*бормочет*). Никто и не ищет!

Томас (*вытягивая шею*). Что, не слышу? Я так считаю: если меня сшибли, я не буду кричать «Помогите!». Я постараюсь сам встать на ноги. А если меня опять сшибут, значит, так тому и быть. Верно я говорю?

Смех.

Яго. Долой профсоюз!

Генри Раус. Да здравствует профсоюз!

Остальные подхватывают.

Эванс. Предатели.

Балджин и Кузнец грозят ему кулаками.

Томас (*утихомиривая рабочих*). Эй вы, я старый человек...

Толпа стихает, потом снова выкрики.

Льюис. Старый дуралей, нельзя нам без профсоюза!

Балджин. Я этим нагривальщикам морды поразбиваю!

Грин. Если бы меня с самого начала послушали...

Томас (*вытирая лоб*). Я вот что хотел сказать...

Дэвис (*бормочет*). Давно пора!

Томас (*торжественно*). Библия говорит: хватит воевать! Надо кончать забастовку!

Яго. Это ложь! Библия говорит, чтобы до конца стоять!

Томас (*презрительно*). Скажешь тоже! Что у меня, ушей нет?

Рыжеволосый парень. Есть, и длинные!

Смех.

Яго. Туговат, значит, на ухо стал.

Томас (возбужденно). А я говорю, что я прав! Не может же быть, чтобы и ты и я — оба правы были.

Рыжий парень. Так в библии: и нашим и вашим.

Юнец смеется. В толпе шум.

Томас (устремив горящий взгляд на юнца). Уготованы тебе вечные муки, не иначе. Так вот я и говорю: если против библии пойдете, на меня не рассчитывайте. И ни один богобоязненный человек не поддержит вас.

Он спускается с трибуны. Его место собирается занять Яго. В толпе крики: «Не давайте ему говорить!»

Яго. Не давайте ему говорить! И это, по-вашему, свобода слова? (Поднимается на трибуну.) Я долго говорить не буду. Давайте посмотрим на вещи просто: держались-держались, а теперь, после всего, вы хотите сдать? Мы же все одной веревочкой связаны, а вы, значит, решили, как вам выгоднее? Механики вам помогали, а вы к ним спиной поворачиваетесь, да? Что же вы раньше не сказали, мы бы тогда не начали забастовку! Вот и все, что я хотел сказать, а что до старого Томаса — плохо он читал библию. Если вы уступите Компании или профсоюзу, это будет означать, что вы нас предали... чтобы спасти собственную шкуру... Как ни крути, грязное дельце получается — вот так!

Он сходит с трибуны. Рабочие явно смущены его короткой речью, которую он произнес ровным, не без издевки, голосом. Из рядов выходит Раус и вспрыгивает на трибуну. Он возбужден до крайности. По толпе прокатывается гул недовольства.

Раус (голос у него срывается от волнения). Я складно говорить не обучен, но тут не смолчишь. Люди мы или кто? Наши матери голодают, а мы смотрим, да?

Робертс (подаваясь вперед). Раус!

Раус (яростно смотрит на него). Сим Харнесс правильно говорит! Я передумал.

Эванс. Эх ты! Переметнулся, а не передумал.

Раус (вне себя от возбуждения). Он правильно сказал: «Помогите нам, а мы поможем вам». У нас с самого начала ошибка вышла. А кто виноват? Он виноват. (Показывает на Робертса.) «Будем,— говорит,— драться с

этими разбойниками. Жать на них до последнего!» А что получилось? Им хоть бы хны, а нас прижали и семьи наши прижали. Истинная правда это. Я не оратор, друзья. Это кровь во мне говорит, душа моя говорит. (*Делая угрожающий и в то же время виноватый жест в сторону Робертса.*) Он тут снова агитировать начнет, так вы его не слушайте! (*По толпе словно бы прокатывается тяжелый вздох.*). Не слушайте вы этого дьявола! (*Робертс смеется.*) Сим Харнесс правильно сказал. Кто мы без профсоюза — горсточка сухих листьев, дым, ничто! Я не оратор, но скажу: надо кончать! Нечего женщин и детей голодом морить.

Протестующие восклицания почти тонут в гуле одобрения.

Э в а н с. Ты-то почему перекрасился?

Р а у с (*метнув яростный взгляд*). Сим Харнесс знает, что говорит. Нам надо договариваться с Лондоном. Я не оратор, но скажу: хватит нам горя хлебать.

Он затягивает на шее шарф, вскидывает голову и спрыгивает на землю. Толпа рукоплещет и подается вперед. Раздаются крики: «Хватит! Да здравствует профсоюз!» «Харнесс верно сказал!», но Робертс спокойно поднимается на трибуну.

Рабочие на мгновение затихают.

К у з н е ц. Не будем мы тебя слушать! Заткнись!

Г е н р и Р а у с. А ну проваливай!

Толпа с криками подступает к трибуне.

Э в а н с (*яростно*). Дайте ему сказать! Говори, Робертс!

Б а л д ж и н (*бормочет*). Если что, я ему башку проломлю.

Робертс медленно обводит рабочих взглядом, и они замолкают. Он начинает говорить. Один из лодочников встает.

Р о б е р т с. Меня, значит, не хотите слушать? Рауса и старого Томаса слушали, а меня не хотите? Вы даже Сима Харнесса слушали, забыв, как справедливо поступил по отношению к вам профсоюз. Может быть, вы еще этих людей из Лондона послушаете? Чего же вы ворчите? Вам же нравится, когда вас топчут ногами.

(*Видя, что к трибуне проталкивается Балджин, говорит грустно*).

Ты, конечно, хочешь своротить мне челюсть, Джон Балджин. Позволь мне сначала сказать, а потом уж бей, если это доставит тебе удовольствие. (*Балджин угрюмо останавливается.*) Будь я обманщиком, трусом или предателем, вы бы охотно выслушали меня. (*Ропот прекращается, наступает мертвая тишина.*) Вы думаете, что мне очень выгодна эта забастовка? Есть среди вас хоть один, кто потерпел бы такой ущерб, как я? Есть среди вас хоть один, кто бы на ней потерял восемьсот фунтов с тех пор, как мы бросили работу? Ну, отвечайте же! Сколько потерял старый Томас? Пять, десять фунтов или сколько там? Его-то вы слушали, а что он говорит: «Никто не скажет, что я не верю в принципы... (*со злой иронией*). Но если Судьба говорит «хватит», нечего идти против нее». А я вам вот что скажу: если человек не решается сказать Судьбе... (*с каким-то восторгом*): «Я на том стою, попробуй сдвинь, если можешь!» — значит, его принцип — лишь бы брюхо набить! Старый Томас говорит: «Мы должны быть чистые сердцем, честные, справедливые и милосердные и должны покориться Судьбе!» А я скажу, что Судьба несправедлива и жестока. Взять, например, тех, кто живет за холмом, они по себе это знают. Вымотаются за день, и каково им ночью в пургу тащиться в такую даль! Ведь каждый шаг словно с бою берешь. Может быть, лечь в снег и отдаться на милость милосердной Судьбы? Попробуйте-ка и тогда быстро узнаете, с кем имеете дело. Нет, только так... (*Ударяет кулаком по воздуху.*) ...в открытой схватке, человек может стать человеком. А старый Томас бубнит: «Уступите, поклонитесь, прекратите эту ненужную свару, и враги, может быть, кинут вам корочку за послушание».

Я г о . Ни за что!

Э в а н с . Будь они прокляты!

Т о м а с . Я этого не говорил.

Р о б е р т с (*язвительно*). Не говорил, так думал! А что о библии говорил? Библия, мол, против! В первый раз слышу, что библия и Судьба рядом идут. Этот молодой человек (*показывает на Рауса*) сказал, что я дьявол. Будь я дьяволом, тех, кто толкует о сдаче, я бы на медленном огне жарил. Только трусы и предатели могут говорить о том, чтобы сдаться!

Г е н р и Р а у с (видя, что его брат протискивается вперед). А ну, Джордж, дай ему! Чего он зря языком треплет?

Р о б е р т с (выкидывая руку). Постой, Джордж Раус, не время сводить личные счеты. (Раус останавливается.) Тут еще один выступал, мистер Саймон Харнесс. Не очень-то многим мы обязаны мистеру Харнессу и профсоюзу. Что они говорили? «Отступитесь от своих товарищей, а не то мы отступимся от вас». И отступились!

Э в а н с. Верно, отступились!

Р о б е р т с. Мистер Харнесс, может быть, и неглупый человек, но он опоздал. (Убежденно.) Что бы ни говорили мистер Саймон Харнесс, и Томас, и Раус, что бы ни говорил любой из вас,— мы победили!

Толпа подступает ближе, все жадно смотрят на Робертса. Тот продолжает с испепеляющим презрением.

Да, нам пришлось подтянуть пояса. Но вы забыли, какую схватку мы ведем. Я уже не раз говорил об этом, повторяю еще. Это борьба, которую плоть и кровь страны ведет против кровопийцы. Борьба тех, кто истощает себя каждым движением и каждым дыханием, против чудовища, что растет и жиреет за их счет по законам м и л о с е р д н о й Судьбы. Имя этому чудовищу — К а п и т а л! Люди трудятся в поте лица, иссушают свой ум и тело, а он покупает наш труд по цене, которую сам же и устанавливает. Уж я-то как-нибудь знаю это! Они купили то, до чего я дошел собственным умом, за жалкие семьсот фунтов, а потом, не шевельнув пальцем, получили за это сто тысяч! Капитал готов сожрать все сам, никому ничего не отдаст. Капиталисты говорят: «Право же, нам очень жаль вас, бедняги, туговато вам приходится»,— но не дадут ни полшиллинга, чтобы облегчить нашу участь. Разве найдется среди них хоть один, который согласился бы заплатить лишний пенс подоходного налога, чтобы помочь бедным? Равнодушное чудовище с каменным сердцем — вот что такое К а п и т а л! Вы уже поставили его на колени и теперь в последнюю минуту хотите отступить, чтобы избавить свою плоть от страданий. Сегодня утром я был у тех людей из Лондона и словно в душу им заглянул. Был там один—мистер Скэнтлбери, этакая от-

кормленная нами грудa мяса. И вот он сидел, как и другие акционеры нашей Компании, не шевеля ни пальцем, ни языком, лишь загребая дивиденды,— огромное бессловесное животное, которое поднимается только тогда, когда у него отнимают пищу. Я посмотрел ему прямо в глаза и понял, что он боится, понимаете, боится за себя и за свои дивиденды и жалованье, боится даже акционеров, интересы которых он защищает. Они все, кроме одного, дрожат от страха — точно дети, которые оказались ночью в лесу и пугаются каждого шороха. Я прошу вас, друзья (он замолкает и, подняв руку, дожидается полной тишины): позвольте мне от вашего имени заявить им: «Убирайтесь к себе в Лондон. Рабочие не пойдут ни на какие уступки!» (Волнение в толпе.) Предоставьте мне свободу действий, и я клянусь, что не пройдет и недели, как Компания удовлетворит все наши требования.

Эванс, Яго и другие. Свободу действий! Браво! Свободу действий!

Робертс. Мы боремся не только за сегодняшний день (шум смолкает), не только за себя, за собственные нехитрые нужды. Мы боремся за всех тех, которые будут жить после нас. Друзья, ради любви к тем людям не допустим, чтобы на них легло тяжкое бремя, не дадим омрачить небо будущему и залить его морем горечи. И пусть с нами случится что угодно! Мы готовы пострадать ради них. (Страстно.) Нам бы только стряхнуть с себя это жестокое, кровожадное чудовище, которое от сотворения мира выжимает соки из рабочих, из их жен и детей. (Понизив голос, с глубочайшей убежденностью и болью.) А если у нас не достанет мужества сойтись с ним лицом к лицу и биться до тех пор, пока это чудовище не попросит пощады, тогда оно и впредь будет так же пить нашу кровь, и мы навсегда останемся тем, кто мы есть сейчас (почти шепотом),— хуже собак!

Полнейшая тишина. Робертс, слегка покачиваясь, обводит горящим взглядом ряды лиц.

Эванс и Яго (внезапно). Робертс! (Остальные подхватывают.)

В толпе какое-то движение; берегом проходит Мэдж, останавливается у трибуны и, подняв голову, смотрит на Робертса. Сразу наступает выжидательное молчание.

Р о б е р т с. «Судьба,— бубнит старый Томас,— сдадимся на милость Судьбе». А я говорю, кулаком ее, такую Судьбу, кулаком! Вот тогда посмотрим.

Он заметил Мэдж, хмурится, отворачивается.

М э д ж (*подойдя вплотную к трибуне, тихо*). Анни очень плохо!

Робертс смотрит на нее так, словно его скинули с небес на землю.

Р о б е р т с (*запинаясь*). Вот я и говорю... Дадим им достойный ответ... достойный ответ.

Его слова заглушает ропот толпы.

Т о м а с (*делая шаг вперед*). Ты что же, не слышишь, что тебе говорят?

Р о б е р т с. В чем дело?

Гробовое молчание.

Т о м а с. Твоя жена!..

Робертс колеблется, потом, махнув рукой, спрыгивает вниз и уходит вдоль ограды. Рабочие расступаются перед ним. Стоящий лодочник собирается зажечь фонарь. Быстро спускаются сумерки.

М э д ж. Можешь не спешить! Анни Робертс умерла. (*Кричит.*) Свора обезумевших псов — вот вы кто! Ну скольких еще женщин вы в гроб вгоните?

Рабочие отшатываются от нее, неловко сбиваются в кучу. М э д ж быстро уходит. Толпа молча глядит ей вслед.

Л ь ю и с. Что, съели?

Б а л д ж и н (*бормочет*). Вздуть ее надо!

Г р и н. Если б меня тогда послушали, эта бедная женщина... Это ему в наказание, что против бога пошел. Говорили ему!

Э в а н с. Тем более надо поддержать его. (*Возгласы сочувствия.*) Неужели вы бросите его в трудную минуту? Отвернуться от человека, когда у него умерла жена...

Из толпы слышны и ропот и одобрительные восклицания.

Р а у с (*стоя перед трибуной*). Умерла жена? Ты что, ослеп? Посмотрите на своих собственных жен. Что их может спасти от смерти? Скоро у нас у всех то же самое будет!

Л ь ю и с. Правильно.

Г е н р и Р а у с. Верно говоришь, Джордж!

Одобрительный гул.

Р а у с. Это не мы обезумели, а Робертс. Сколько еще вы терпеть его будете?

Г е н р и Р а у с, Б а л д ж и н, Д э в и с. Долой Робертса!

Толпа подхватывает крик.

Э в а н с (яростно). Бить лежачего? Так, да?!

Г е н р и Р а у с. Эй, заткните ему глотку!

Балджин замахивается, Эванс локтем защищается от удара. Лодочник поднимает над головой зажженный фонарь.

Р а у с (впрыгнув на трибуну). А почему так случилось, как не из-за его дурацкого упрямства? Неужели нам слушаться человека, который не видит дальше собственного носа?

Э в а н с. У него жена умерла!

Р а у с. Сам виноват. Нечего нам с ним церемониться. Не то он всех погубит — и наших жен и матерей.

Д э в и с. Долой!

Г е н р и Р а у с. Кончать с ним!

Б р а у н. Хватит, надоело!

К у з н е ц. По горло сыты!

Толпа, за исключением Эванса и Яго, подхватывает крики; Грин пытается робко спорить с кузнецом.

Р а у с (перекрывая шум). Будем договариваться с профсоюзом.

Одобрительные возгласы.

Э в а н с (яростно). Эх вы, предатели!

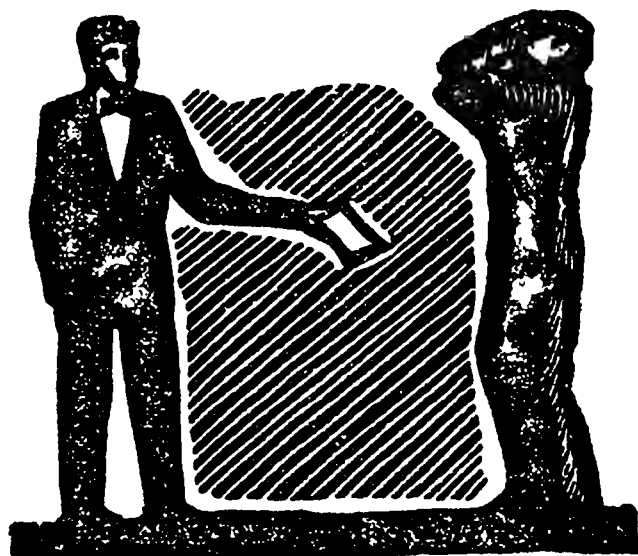
Б а л д ж и н (взбешенный подступает с кулаками к Эвансу). Кого это ты предателем называешь, смутьян несчастный?

Эванс отбивает удар и, в свою очередь, бьет Балджина кулаком. Драка. Лодочники стоят, подняв фонарь и явно наслаждаясь зрелищем. Старый Томас подходит к дерущимся и поднимает руку.

Т о м а с. И не стыдно вам?

Кузнец, Браун, Льюис и рыжий парень разнимают Эванса и Балджина. На сцене почти совсем темно.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Пять часов вечера. Изысканно обставленная гостиная в доме Андервудов. Энид сидит на диване и шьет распашонку. Посреди комнаты — стол на тонких ножках, за ним — Эдгар; он вертит в руках фарфоровую безделушку и выжидающе смотрит на двойные двери, ведущие в столовую.

Эдгар (ставя безделушку на столик и глядя на часы). Ровно пять. Все уже собрались, кроме Фрэнка. Где он?

Энид. Поехал к Гэсгойну относительно контракта. А разве он вам понадобится?

Эдгар. Вряд ли. Решать — членам правления. (Кивая на дверь, скрытую за занавеской.) Отец у себя?

Энид. Да.

Эдгар. Хорошо, если бы он не выходил.

Энид поднимает глаза.

Грязное дело, правда, дорогая?

Он снова берет безделушку и вертит ее в руках.

Энид. Тэд, сегодня я была у Робертсов.

Эдгар. Напрасно.

Энид. Он просто губит свою жену.

Эдгар. Ты хочешь сказать: мы губим.

Энид (внезапно). Робертс должен уступить.

Эдгар. В их оправдание многое можно сказать.

Энид. Я им теперь вовсе не так сочувствую, как раньше, до того, как у них побывала. У них просто классовая вражда к нам. А бедняжка Анни ужасно выглядит, огонь в камине еле тлеет, есть почти ничего.

Эдгар ходит взад и вперед по комнате.

Но она всячески защищает Робертса. Когда видишь столько горя и понимаешь, что сделать ничего нельзя, волей-неволей приходится закрывать на все глаза.

Эдгар. И ты можешь закрывать на это глаза?

Энид. Ты же знаешь, что я была на их стороне, но вот сходила туда и переменяла мнение. Говорят вот о сострадании трудящимся. Но мало кто понимает, что в действительности этим не поможешь.

Эдгар. Вот как?

Энид. Когда люди в таком состоянии, с ними бесполезно разговаривать. Я все-таки надеюсь, что папа уступит кое в чем.

Эдгар. Нет, он не уступит. (*Мрачно.*) Стоять на своем — это для него словно религия. Проклятие! Я знаю, чем это кончится. Его провалят.

Энид. Они не посмеют.

Эдгар. Посмеют! Они не знают, куда деться от страха.

Энид (*возмущенно*). Но он не потерпит этого.

Эдгар (*пожимая плечами*). Видишь ли, дорогая, когда тебя проваливают при голосовании, приходится терпеть.

Энид (*поднимается в тревоге*). И он подаст в отставку?

Эдгар. Да, таковы его убеждения.

Энид. Но он всю жизнь отдал Компании, Тэд. У него больше ничего нет! Это будет для него таким ударом.

Эдгар снова пожимает плечами.

Тэд, он совсем старый. Нет, ты не должен допустить этого.

Эдгар (*за внешней резкостью скрывая свои чувства*). Мои симпатии в этой забастовке — на стороне рабочих.

Энид. Больше тридцати лет он был у них председателем правления. Он создал Компанию! А в трудные времена? Только благодаря ему они выпутывались из осложнений. Тэд, ты должен...

Эдгар. Чего ты хочешь? Полминуты назад ты сказала, что он должен пойти на уступки. Теперь ты просишь, чтобы я поддержал отца в его упорном нежелании уступать. Это ведь не игрушки, Энид!

Энид (*горячо*). Вот именно! Папа может потерять

все, что ему дорого в жизни. Если он не уступит и они провалят его — он погиб!

Эдгар. Ты же сама сказала: когда люди в таком состоянии, с ними бесполезно разговаривать.

Энид. Тэд, неужели ты не понимаешь, что папа не переживет этого? Ты должен остановить их. Они же боятся его. Если ты поддержишь папу...

Эдгар (*прижимая ладонь ко лбу*). Вопреки моим убеждениям и даже твоим!.. Вот так всегда: когда дело касается лично нас...

Энид. Я не о себе думаю, а о папе.

Эдгар. Это все равно — тут ты сразу по-иному запела.

Энид (*с обидой*). Ты не желаешь ничего принимать всерьез.

Эдгар. Он дорог мне так же, как и тебе. Но что поделать?..

Энид. Наши разговоры о рабочих — чистые предположения. Но мы твердо знаем, что у отца любую минуту может случиться удар. Неужели кто-то ближе тебе, чем он?

Эдгар. Ты знаешь, что это не так.

Энид. В таком случае я не понимаю тебя.

Эдгар. Гм!

Энид. Я могла бы понять, если б речь шла о тебе самом. Но ради родного отца! Ты не представляешь...

Эдгар. Я все представляю.

Энид. Твой первейший долг — спасти его.

Эдгар. Ты думаешь?

Энид (*умоляющим тоном*). Тэд. Пойми, это единственное, что у него осталось. Это для него будет смертельным ударом.

Эдгар (*сдерживая свои чувства*). Я знаю.

Энид. Ну обещай же!

Эдгар. Я сделаю все, что будет в моих силах.

Он идет к дверям, ведущим в столовую. В это время растворяется другая, занавешенная дверь, и появляется Энтони. Эдгар открывает двери, и из столовой слышен голос Скэнтлбери: «Шестой час уже! Так мы никогда не закончим — придется и сегодня обедать в гостинице!» Эдгар прикрывает за собой дверь. Энтони подходит к Энид.

Энтони. Я слышал, ты была у Робертса?

Энид. Да.

Энтони. Ты пытаешься перекинуть мост через эту пропасть? Ты знаешь, что это...

Энид кладет шитье на столик и пристально смотрит на отца.

...как воду решетою черпать.

Энид. Не надо, папа!

Энтони. Неужели ты думаешь, что можно излечить болезнь века, не снимая перчаток? (Направляется к столовой.)

Энид. Отец! (Энтони останавливается у двойных дверей.) Я же забочусь только о тебе!

Энтони (смягчаясь). Я сам о себе позабочусь, дорогая.

Энид. А ты представляешь, что будет, если ты там (делает жест в сторону столовой) потерпишь поражение?

Энтони. Не собираюсь.

Энид. Зачем же рисковать, отец? Ты нездоров. Так ли уж обязательно тебе присутствовать на заседании?

Энтони (мрачно усмехаясь). Бежать с поля боя?

Энид. Но они устроят голосование и провалят тебя.

Энтони (берясь за ручку двери). Посмотрим!

Энид. Я умоляю тебя, папа.

Энтони нежно смотрит на дочь.

Ты не хочешь уступить?

Энтони качает головой и открывает двери. Из столовой доносятся голоса.

Скэнглбери. На шестичасовом можно пообедать? Там вагон-ресторан есть?

Тенч. Не думаю, сэр.

Уайлдер. Ну что ж, я выскажусь начистоту. Мне надоело.

Эдгар (резко). Что именно?

С появлением Энтони все замолкают. Он закрывает за собой дверь. Энид соскакивает с дивана, с отчаянной решимостью подбегает к двери, поворачивает ручку. Потом отходит к камину и останавливается, нервно постукивая носком по каминной решетке.

Берет звонок, звонит. Из холла входит Фрост.

Фрост. Да, мэм?

Энид. Когда придут рабочие, пожалуйста, проведите их сюда. В передней холодно.

Фрост. Они могут подождать в буфетной.

Энид. Ни в коем случае. Они воспримут это как оскорбление. Такие обидчивые стали!

Фрост. Слушаюсь, мэм. *(Помолчав.)* Прошу прощения, мистер Энтони весь день ничего не ел.

Энид. Я знаю, Фрост.

Фрост. Только два раза виски с содовой выпил.

Энид. А зачем вы позволили ему?

Фрост *(серьезно)*. С мистером Энтони иногда трудно бывает, мэм. И не то чтобы годы сказывались или не заботится о своем здоровье. Просто любит, чтобы по его было.

Энид. Все мы, наверное, это любим.

Фрост. Да, мэм. *(Спокойно.)* Прошу прощения, что скажу о забастовке. Лучше всего, чтобы остальные джентльмены сейчас согласились с мистером Энтони, а потом потихоньку дали бы рабочим, чего они просят. Сам иногда так делаю — очень удобный способ.

Энид качает головой.

Сильно сердится, когда ему перечат. А когда сердятся *(словно это его открытие)*, потом сами же и жалеют, по себе знаю.

Энид *(улыбается)*. А вы разве когда-нибудь сердитесь, Фрост?

Фрост. А как же, мэм? Сержусь, и иногда сильно.

Энид. Вот ни разу не видела.

Фрост *(ровно)*. Конечно, мэм. Но это так.

Энид то и дело порывается подойти к двери.

(С чувством.) Я ведь около мистера Энтони, мэм, с пятнадцати лет. Каково мне видеть, как ему перечат в его-то возрасте? Осмелился я сказать об этом мистеру Уэнклину *(понижая голос)*. Кажется, самый разумный из джентльменов. А он говорит: «Все это так, Фрост, но забастовка — вещь серьезная». «Конечно, серьезная, сэр, для обеих сторон серьезная — говорю я. — Но, может как-нибудь ублажить его? Ведь вот, скажем, наткнулся человек на стенку, он же головой не станет биться — перелезет». «Да, — говорит, — скажи-ка лучше это своему хозяину» *(Фрост смотрит себе на ногти)*. Вот в чем шту-

ка-то мэм. Утром я подхожу к мистеру Энтони. «А нужно ли все это?» — спрашиваю. А он мне: «Черт побери, Фрост! Не лезь не в свои дела или через месяц бери расчет!» Простите за бранное слово, мэм.

Энид (*подходит к двери, прислушиваясь*). Вы знаете этого Робертса, Фрост?

Фрост. Да, мэм... То есть не то чтобы я с ним знаком, но в лицо знаю. А на такого посмотришь — насквозь видно...

Энид (*прерывая его*). Ну и что?

Фрост. Видно, он не такой, как эти безобидные социалисты. Он горячий, будто огонь в нем. До всего ему дело. Вот как я понимаю: что у человека на душе, — бог с ним! Но когда ему до всего дело, он может много неприятностей причинить!

Энид. Отец, наверное, то же самое думает о нем.

Фрост. Еще бы, мэм! Ведь мистер Энтони ох как его не любит!

Энид кидает сердитый взгляд, но, видя, что Фрост говорит искренне, сдерживается, покусывая губы, и снова смотрит на дверь.

Сцепились в открытую двое, и все тут! И куда только этот Робертс лезет! Наслышан я о нем — обыкновенный рабочий, как все на заводе, ничуть не лучше. Ну, изобрел он что-то. Значит, не хуже ему, чем остальным. Взять моего брата, например, он новое устройство для подачи закусок придумал. Ему вот ничего не заплатили, а поглядеть — всюду поставили такие штуки.

Энид подходит поближе к дверям.

Что и говорить, есть такие, которые никак простить людям не могут, что не родились джентльменами. А ведь настоящий джентльмен не станет свысока смотреть на людей, если они ниже его стоят, да и если выше — тоже!

Энид (*нетерпеливо*). Да-да, Фрост, конечно. Пожалуйста, пойдите туда и спросите, не хотят ли они чаю. Скажите, что я вас послала.

Фрост. Слушаю, мэм!

Он тихонько отворяет дверь и скрывается в столовой. Оттуда слышны возбужденные голоса.

Уайлдер. Я не согласен с вами.

Уэнклин. Мы обсуждали это раз десять, не меньше.

Эдгар (нетерпеливо). Ну так что вы предлагаете?
Скэнтлбери. Да, а что говорит ваш отец? Что, чаю? Нет-нет, не хочу.

Уэнклин. Как я понимаю, председатель сказал, что...

Фрост возвращается и закрывает за собой дверь.

Энид (отходит от двери). Значит, они не хотят чаю?

Она останавливается у столика и задумчиво смотрит на распашонку. Из холла входит горничная.

Горничная. Там пришла мисс Томас, мэм.

Энид (поднимая голову). Мисс Томас? Какая мисс Томас? Ты хочешь сказать...

Горничная. Да, мэм.

Энид (растерянно). Боже мой! И где же она?

Горничная. У крыльца.

Энид. Я не желаю... (Колеблется.)

Фрост. Я скажу, чтобы она уходила, мэм?

Энид. Постойте, я выйду. Впрочем, нет, пригласите ее сюда, Эллен.

Горничная и Фрост выходят. Энид, поджав губы, усаживается у столика, берет шитье. Горничная вводит Мэдж Томас и уходит. Мэдж стоит на пороге.

Энид. Проходите. Я вас слушаю. У вас есть дело ко мне?

Мэдж. Меня послала миссис Робертс.

Энид. Что она просила передать?

Мэдж. Чтобы вы присмотрели за ее матерью.

Энид. Ничего не понимаю.

Мэдж (угрюмо). Она просила это передать.

Энид. Но... но в чем дело? Говорите же...

Мэдж. Анни Робертс умерла.

Энид (потрясенная). Что? Я же видела ее час назад.

Мэдж. Умерла от голода.

Энид (поднимаясь). Это неправда! У нее было слабое сердце. Бедняжка Анни... Что вы так устали на меня? Я ведь хотела помочь ей.

Мэдж (сдерживая ярость). Я подумала, что вам полезно знать об этом.

Энид (с пылом). Как это несправедливо! Вы же видите, что я хочу помочь всем вам.

Мэдж. Я никому не причиню зла, если меня первую не обидят.

Энид (холодно). Какое зло я вам причинила? Почему вы разговариваете со мной таким тоном?

Мэдж (давая волю своей ярости). Вы приходите из своего богатого дома и шпионите за нами. Поголодали бы с недельку!

Энид (защищаясь). Не говорите глупости!

Мэдж. Я видела, как она отходила. Руки у нее были синие от холода.

Энид (с жестом сострадания). Боже, почему она не позволила помочь ей? Какая неуместная гордость!

Мэдж. Хоть гордостью согреться!

Энид (горячо). Я не хочу с вами разговаривать. Откуда вам знать, что я чувствую? Не моя вина, если у меня состоятельные родители.

Мэдж. Нам не нужны ваши деньги.

Энид. Вы ничего не понимаете и не хотите понять. Уходите, прошу вас.

Мэдж (зловеще). Это вы убили ее, хоть и красиво говорите, вы и ваш отец...

Энид (возмущенно). Это низко! Отец и сам мучается из-за этой ужасной забастовки.

Мэдж (с мрачным торжеством). Так вот передайте ему, что миссис Робертс умерла! Может быть, ему полегчает.

Энид. Уходите.

Мэдж. Когда нас обидят, мы сумеем отплатить.

Внезапно она делает быстрое движение к столику и впивается взглядом в лежащую на нем распашонку. Энид хватается за распашонку, словно это ребенок, которого она хочет уберечь. Они стоят и пристально смотрят в лицо друг другу.

Мэдж (показывает рукой на распашонку, усмехаясь). А, вы почувствовали! Хорошо, что вам придется заботиться о ее матери, а не о детях, правда? Старушка не долго будет причинять вам хлопоты.

Энид. Уходите!

Мэдж. Я передала, что меня просили.

Она поворачивается и выходит в холл. Энид, застыв, глядит ей вслед, затем бессильно опускается на диван и наклоняет голову, прижимая к груди распашонку. Отворяются двери из столовой, и выходит побагровевший Энтони; он проходит мимо дочери и садится в кресло.

Энид (скрывая смятение, с тревогой). Что случилось, папа?

Энтони молча делает неопределенный жест рукой.

Кто посмел?

Энтони не отвечает. Энид идет к дверям и сталкивается с входящим Эдгаром. Они говорят, понизив голос.

Что случилось, Тэд?

Эдгар. Этот тип Уайлдер перешел на личности. Ведет себя просто оскорбительно.

Энид. Что он сказал?

Эдгар. Сказал, что отец слишком стар и не соображает, что делает! Да отец десятка стоит таких, как он.

Энид. Само собой разумеется.

Они посматривают на Энтони. Дверь распаивается, появляются Уэнклин и Скэнтлбери.

Скэнтлбери (вполголоса). Некрасиво как вышло!

Уэнклин (подходя к Энтони). Послушайте, председатель, Уайлдер приносит свои извинения. Чего же вы еще хотите?

Входит Уайлдер, за ним — Тенч.

Уайлдер (угрюмо). Я беру назад свои слова, сэр. Весьма сожалею.

Энид. Вы не пришли ни к какому соглашению, мистер Уэнклин?

Уэнклин качает головой.

Уэнклин. Все в сборе, председатель. Как вы думаете, продолжим здесь или вернемся в ту комнату?

Скэнтлбери. Да-да, давайте продолжим. Нужно, наконец, до чего-нибудь договориться.

Он отставляет стул и, сблегченно вздохнув, с удобством устраивается в самом большом кресле. Уайлдер и Уэнклин тоже садятся. Тенч пододвигает к председателю стул с прямой спинкой и пристраивается на краешке с блокнотом и вечным пером в руке.

Энид (шепчет). Можно тебя на минутку, Тэд? Мне нужно поговорить с тобой.

Они выходят в столовую.

Уэнклин. В самом деле, председатель, не стоит убаюкивать себя иллюзиями, будто наше положение устойчиво. Если мы не покончим с забастовкой до общего собрания, то акционеры зададут нам жару.

Скэнтлбери (*встрепенувшись*). Простите, что вы сказали?

Уэнклин. Зададут жару, говорю. На этот счет можно не сомневаться.

Энтони. Пусть попытаются!

Уайлдер. Нас попросту скинут.

Уэнклин (*Энтони*). Я готов принять мученический венец во имя принципов, в которые я верю. Но идти на костер за чужие убеждения не согласен.

Скэнтлбери. Весьма разумно, председатель, заметьте!

Энтони. Мы должны быть твердыми. Это наш долг перед другими предпринимателями.

Уэнклин. Но есть же предел.

Энтони. Поначалу вы были настроены очень воинственно.

Скэнтлбери (*у него лопается терпение, он чуть не стонет*). Мы же думали, что рабочие сдадутся, а они не сдаются.

Энтони. Они сдадутся.

Уайлдер (*поднимается и меряет шагами комнату*). Кто-то хочет взять рабочих на измор, а я должен жертвовать своей деловой репутацией. (*Чуть не плача.*) Не могу, понимаете, не могу. Какими глазами мы будем глядеть на акционеров, когда такое творится?

Скэнтлбери. Слушайте, слушайте!

Уайлдер (*горячась*). Неужели вы думаете, что я выйду и скажу акционерам: из-за меня вы потеряли 50 тысяч фунтов и потеряете еще столько же лишь потому, что я не желаю поступиться своей гордостью? (*Посмотрев на Энтони.*) Это же противоестественно. Я не хочу идти против вас, сэр...

Уэнклин (*убедительным тоном*). В самом деле, председатель, мы же не вольны в своих поступках. Мы только часть машины, и наша первейшая обязанность перед Компанией — добиваться возможно большей, без риска, прибыли. Вы упрекнете меня в беспринципности, но я напомню, что мы доверенные лица, ответственные за капитал Компании. Здравый смысл подсказывает, что если забастовка будет продолжаться, то нам не возместить убытки. Лучше согласиться на прибавку заработной платы. Да что там говорить, председатель, мы попросту

сбязаны прекратить забастовку на наиболее выгодных для нас условиях.

Э н т о н и. Ни за что!

Смятенное молчание.

У а й л д е р. Это тупик. *(В отчаянии уронил руки.)* Так я никогда не попаду в Испанию.

У э н к л и н *(сохраняя ироническую нотку в голосе)*. Вы слышите, председатель, о страшных последствиях вашей победы?

У а й л д е р *(взрыв искреннего чувства)*. Моя жена очень серьезно больна!

С к э н т л б е р и. В самом деле?

У а й л д е р. Если я не увезу ее от этого холода, кто будет отвечать за последствия?

Из столовой выходит озабоченный Э д г а р

Э д г а р *(отцу)*. Вы слышите, сэр? Миссис Робертс умерла!

Все уставились на него, словно не сразу поняли всю значительность известия.

Энид заходила к ней днем. В доме не было ни угля, ни еды, ничего. Довольно!

Все молчат, прячут глаза, только Энтони тяжелым взглядом смотрит на сына.

С к э н т л б е р и. Вы хотите сказать, что мы могли помочь бедной женщине?

У а й л д е р *(в растерянности)*. Она была очень больна. Никто не посмеет сказать, что мы виноваты. Я, во всяком случае, не виноват.

Э д г а р *(с жаром)*. Нет, именно мы виноваты.

Э н т о н и. На войне — как на войне.

Э д г а р. С женщинами не воюют.

У э н к л и н. Обычно так и случается, что больше всех страдают женщины.

Э д г а р. Если так, тогда мы тем более виноваты.

Э н т о н и. Такие дела не для дилетантов.

Э д г а р. Можете называть меня как вам угодно, сэр, но это отвратительно. Мы не имеем права идти на такие крайности.

У а й л д е р. Не нравится мне это, очень не нравится. Теперь этот радикальный листок раздувает целое дело, как пить дать раздует. Все повернет по-своему. Состря-

пают историю о бедной несчастной женщине, умершей от истощения. Нет, я умываю руки.

Эдгар. Не удастся, никому из нас не удастся.

Скэнтлбери (*стучит кулаком по ручке кресла*). Я протестую!

Эдгар. Можете протестовать, мистер Скэнтлбери. Но факты есть факты.

Энтони. Довольно об этом.

Эдгар (*сердито поворачивается к председателю*). Нет, сэр, позвольте мне сказать. Глупо делать вид, будто мы не знаем, как тяжело рабочим. А если мужчинам тяжело, то женщинам вдвойне тяжелее — это же очевидно! А уж о детях и говорить не приходится. Нет, это просто чудовищно.

Скэнтлбери поднимается с кресла.

Я не хочу сказать, что мы намеренно это сделали, по жестокости. Ничего подобного! Но закрывать глаза на факты — преступление. Это наши рабочие, от этого никуда не денешься. Я даже не столько о рабочих забочусь. Но обрекать женщин на голод я не могу. Я скорее выйду из состава правления.

Все, кроме Энтони, повскакали с мест. Энтони крепко ухватился за подлокотники кресла и не сводит глаз с сына.

Скэнтлбери. Мне решительно не нравятся ваши речи, молодой человек.

Уэнклин. Ну, это вы уж чересчур.

Уайлдер. Куда хватили!

Эдгар (*теряя самообладание*). Бесполезно закрывать глаза на случившееся. Вы, может быть, не боитесь принять смерть на душу, а я не желаю.

Скэнтлбери. Спокойнее, спокойнее, молодой человек!

Уайлдер. Ну нет, я лично ни за что не намерен отвечать!

Эдгар. Нас пятеро членов правления. Если четверо были против, почему же мы не попытались предотвратить несчастье? И вы знаете, почему. Мы надеялись взять рабочих измором. А добились только того, что от голода умерла женщина!

Скэнтлбери (*кричит чуть ли не истерически*).

Я протестую, решительно протестую! Я не какой-нибудь зверь. Мы гуманные люди!

Эдгар (презрительно). Гуманные, гуманные... Значит, мы не отдавали себе отчета в последствиях.

Уайлдер. Глупости. Не знаю, как вы, а я отдаю себе отчет в своих поступках.

Эдгар. Значит, не всегда!

Уайлдер. Но я все предвидел.

Эдгар. Почему же вы молчали?

Уайлдер. А что бы изменилось?

Выразительно смотрит на Энтони.

Эдгар. Если бы вы, я и каждый из нас, кто утверждает, что отдавал себе отчет в последствиях...

Скэнтлбери (обеспокоенно). Я ничего не говорил.

Эдгар (не обращая на него внимания). ...Если бы мы все с самого начала заняли твердую позицию, эта бедная женщина была бы сейчас жива. Мы тут разговариваем, а там другие женщины, может быть, умирают от голода.

Скэнтлбери. Ради бога, сэр, не говорите этого слова... на заседании правления... Это чудовищно!

Эдгар. Да-да, умирают от голода, мистер Скэнтлбери.

Скэнтлбери. Я не желаю этого слышать! Не желаю! Мне неприятно.

Он затыкает уши.

Уэнклин. Мы все хотели достигнуть соглашения — кроме вашего отца.

Эдгар. Я убежден, что если бы акционеры знали...

Уэнклин. Не думаю, чтобы они оказались дальновиднее, чем мы с вами. Только потому, что у женщины слабое сердце...

Эдгар. В такой схватке у каждого сразу обнаруживаются свои слабые места. Это вам любой ребенок скажет. Если бы не та жестокая линия, которую мы взяли, эта женщина была бы жива. И не было бы столько горя. Бесчестно закрывать на это глаза.

На протяжении всей сцены Энтони не сводил глаз с сына. Сейчас он делает движение, словно собирается встать, но Эдгар снова начинает говорить, и он остается на месте.

Я не защищаю ни рабочих, ни нас — никого!

Уэнклин. Как знать? Может быть, придется защищаться. Представьте: к расследованию привлекаются люди, симпатизирующие рабочим, и они показывают всякие неприятные для нас вещи. Мы должны помнить о нашем положении.

Скэнтлбери (не отнимая рук от ушей). Расследование? Неужели будет расследование?

Эдгар. Мне надоели эти увертки, эта трусость!

Уэнклин. Трусость — пренеприятное слово, мистер Эдгар Энтони. И в самом деле будет похоже на трусость, если мы после этого случая сразу же удовлетворим требования рабочих. Нам нужно быть чрезвычайно осторожными!

Уайлдер. Да-да, осторожность прежде всего! А мы даже об этой смерти знаем только по слухам. Самое целесообразное — поручить Харнессу все уладить. Давно пора это сделать.

Скэнтлбери (с чувством собственного достоинства). Вот именно. (Повернувшись к Эдгару.) А что касается вас, молодой человек, то я буквально не нахожу слов, чтобы выразить... э... свое неудовольствие вашим легкомысленным отношением к такому серьезному делу. Вам следовало бы взять назад свои заявления. Вы отлично знаете наше мнение, а распространяетесь о голоде и трусости. Ведь за исключением вашего собственного отца все мы стоим за политику... э... доброй воли. Ваше поведение неправильно, неприлично, и мне больно... все, что я могу сказать...

Он прикладывает руку к обширной груди.

Эдгар (упрямо). Я не возьму назад ни слова.

Он хочет сказать что-то еще, но Скэнтлбери снова затыкает уши. Тенч что-то торопливо пишет в протоколе, и, чувствуя, что происходит нечто необычное, члены правления один за другим рассаживаются на свои места. Только Эдгар остается стоять.

Уайлдер (словно решив положить конец перебранке). Я не придаю никакого значения словам мистера Энтони-младшего. Расследование — да мыслимое ли это дело? Я... я вношу поправку к предложению председателя: разрешение конфликта поручить мистеру Саймону Харнессу в согласии с условиями, предложен-

ными им нынешним утром. Кто-либо желает поддержать мою поправку?

Тенч лихорадочно пишет,

Уэнклин. Поддерживаю.

Уайлдер. Отлично! Я прошу председателя внести поправку на рассмотрение правления.

Энтони (*глубоко вздохнув, медленно*). Мы оказались объектом нападков. (*Посмотрев на Уайлдера и Скэнтлбери с презрительной усмешкой.*) Готов отразить их один. Мне семьдесят шесть лет. Я являюсь бессменным председателем Компании с момента ее основания — тридцать два года назад. На моих глазах Компания переживала всякое — и удачные годы и тяжелые времена. Я начал трудиться на благо Компании в тот год, когда родился этот молодой человек.

Эдгар склоняет голову. Энтони, крепко схватившись за ручки кресла, продолжает.

На протяжении пятидесяти лет мне приходится иметь дело с рабочими. Я всегда принимал бой и ни разу не проиграл. Четыре раза я вел схватку с рабочими Компании, и каждый раз я брал верх. Здесь говорили, что я уже не тот, каким был прежде. (*Посмотрев на Уайлдера.*) Как бы то ни было, у меня еще достаточно сил, чтобы не отступать от своих убеждений.

Голос его крепнет. Открываются двойные двери, в комнату про-
скальзывает Энид, следом — пытающийся удержать ее
Андервуд.

С рабочими обращались справедливо, им прилично платят. Мы всегда были готовы выслушать их жалобы. Здесь говорили, что времена меняются. Может быть. Но я остался прежним. И останусь таким. Говорили, что хозяева и рабочие равны. Чепуха! В доме должен быть один хозяин. Когда сталкиваются двое, повелевать будет достойнейший. Говорили, что у капиталистов и трудящихся одинаковые интересы. Чепуха! Их интересы далеки, как полюсы. Говорили, что правление — только часть машины. Говорили, что правление — только мускулы. Мы правим всем, мы решаем, что нужно делать, и мы должны это делать без страха и колеба-

ний. Бояться рабочих, акционеров, бояться даже собственной тени — да никогда в жизни!

Он замолкает на мгновение, но, встретив взгляд Эдгара, продолжает.

Есть единственно верный способ обращаться с рабочими — держать их в железном кулаке. Все беспорядки, свалившиеся нам на голову, — из-за половинчатости и нерешительности нынешнего поколения. Из-за сантиментов, из-за мягкотелости, из-за того, что этот молодой человек назвал бы политикой классового сотрудничества. Лес рубят — щепки летят! Все эти теориейки, что в моде у средних классов, этот социализм — или как это там называется — все это вредный вздор! Хозяева останутся хозяевами, а рабочие рабочими! Удовлетворите хоть одно их требование, и они сразу выдвинут еще десяток. Они ведь, как... (*мрачно усмехаясь*) как Оливер Твист, который просил еще немножко. Будь я на их месте, я поступал бы точно так же. Но я, слава богу, на своем месте. Попомните мои слова: уступите раз, уступите другой, и в один прекрасный день вы обнаружите, что почва ушла у вас из-под ног и вас затягивает трясина кризиса, а рядом барахтаются те самые рабочие, которым вы сделали уступки. Меня обвиняли в том, что я властолюбивый деспот, заботящийся только о своем достоинстве. Нет, я думаю о будущем страны, которую захлестывают черные волны смятения, которой угрожает власть толпы, то, чего даже представить себе немыслимо. И если хоть одним своим поступком я приблизил тот страшный день, мне стыдно смотреть в глаза ближним.

Энтони уставился прямо перед собой невидящим взором. Полнейшее молчание. Из холла входит Фрост. Все выжидающе смотрят на него.

Фрост (*своему хозяину*). Рабочие пришли, сэр. Провести их сюда, сэр?

Энтони (*с отстраняющим жестом*). Пусть подождут!

Фрост уходит. Энтони поворачивается к Эдгару.

Перехожу к нападкам, которым я тут подвергся.

Эдгар, который стоит неподвижно; потупясь, протестующе вытягивает руку.

Умерла женщина. Говорят, что я виноват в ее смерти. Говорят, что я виноват в том, что мучаются и голодают другие женщины и их дети.

Эдгар. Я сказал: «мы виноваты», сэр.

Энтони. Это одно и то же. (Голос его становится все громче и громче, волнение все более и более очевидно.) Разве я виноват в том, что в равной схватке, которую начал отнюдь не я, мой противник пострадал? Если меня сшибут с ног — а это может случиться, — я не стану жаловаться и звать на помощь. Я сам постараюсь встать. Так и он пусть не жалуется. Это честный бой. В другой раз подумают, прежде чем затевать ссору!

Эдгар (тихо). Разве это честный бой, отец? Посмотри на них и на нас. У них это — единственное оружие!

Энтони (угрюмо). А вы слишком малодушны, чтобы учить их, как пользоваться этим оружием! Нынче, кажется, пошла мода брать сторону противника. Я этому искусству не обучен. А в разногласиях между ними и профсоюзом я тоже виноват?

Эдгар. Существует такое понятие, как милосердие.

Энтони. Но превыше всего — справедливость.

Эдгар. Что справедливо по отношению к одному, сэр, несправедливо по отношению к другому.

Энтони (еле сдерживаясь). Вы обвиняете меня в несправедливости... это все равно, что обвинить в бесчеловечности... в жестокости...

Эдгар испуганно поднимает руку, остальные тоже задвигались.

Уэнклин. Успокойтесь, председатель!

Энтони (печально). И это говорит мой собственный сын! Это голос поколения, которое я не понимаю, — поколения мягкотелых.

Общий ропот. С громадным усилием Энтони берет себя в руки.

Эдгар (негромко). Отец, все, что я говорил, относится и ко мне.

Они обмениваются долгим взглядом, потом Энтони отмахивается, словно бы говоря, что дело не в личностях, и, покачиваясь, как от головокружения, прикладывает руку ко лбу. Присутствующие бросились было к нему, но он жестом останавливает их.

Энтони. Прежде чем ставить эту поправку на голосование, мне хочется сказать еще кое-что. (Он обводит всех глазами.) Если поправка будет принята, это будет означать, что мы не добьемся того, к чему стремились. Не выполним свой долг перед капиталом. Не выполним свой долг перед самими собой. Это будет означать, что мы окажемся безоружными, на нас будут постоянно наседать, и нам придется постоянно отступать. Не питайте никаких иллюзий на этот счет. Если мы сейчас покинем поле боя, нам никогда не вернуть прежних позиций! Нам придется бежать от собственных рабочих, как собачонкам под ударами хлыста. Если вы не хотите такой участи, то вы не примете эту поправку, джентльмены.

Он снова медленно обводит всех глазами, задерживая взгляд на Эдгаре. Члены правления уставились в пол. Энтони делает знак, и Тенч подает ему книгу.

Энтони (читает). Предложено мистером Уайлдером и поддержано мистером Уэнклином: разрешение конфликта незамедлительно поручить мистеру Саймону Харнессу в согласии с условиями, предложенными им нынешним утром. (Неожиданно громким голосом.) Кто «за», прошу поднять руку!

Некоторое время никто не шевельнется. Но едва только Энтони хочет заговорить, как поспешно поднимают руки Уайлдер и Уэнклин, затем Скэнтлбери и, наконец, не глядя, Эдгар.

Кто «против»?

Поднимает руку.

(Отчетливо.) Принято. Я подаю в отставку.

Энид охнула, остальные молчат. Энтони сидит неподвижно, медленно опуская голову, потом внезапно, словно собрав все силы, выпрямляется.

Пятьдесят лет! Вы опозорили меня, джентльмены. Пригласите рабочих.

Он неподвижно смотрит перед собой. Члены правления торопливо жмутся друг к другу. Тенч с испуганным видом открывает дверь в холл. Андервуд почти силой уводит Энид из комнаты.

Уайлдер (растерянно). Им ведь надо что-то сказать? Где же этот Харнесс? Может быть, нам не следует до его прихода даже разговаривать с рабочими? Я, право, и не знаю...

Тенч. Проходите, прошу вас.

Входят Томас, Грин, Балджин и Раус и становятся в ряд по одну сторону маленького столика. Тенч садится и что-то пишет. Все смотрят на Энтони, но тот молчит.

Уэнклин (подходит к столику, нервничая). Ну как будем решать, Томас? Чем кончился ваш митинг?

Раус. Сейчас придет Сим Харнесс и изложит наше решение. Мы вот ждем его. Он все скажет.

Уэнклин. Так вы договорились, Томас?

Томас. Робертс не придет. У него умерла жена.

Скэнтлбери. Да-да, мы слышали. Бедная женщина!

Форст (входит из холла). Мистер Харнесс, сэр!

Пропустив Харнесса, он уходит. У Харнесса в руках лист бумаги. Он кланяется членам правления, небрежно кивает рабочим и останавливается у столика как раз посередине комнаты.

Харнесс. Добрый вечер, джентльмены!

Тенч берет листок бумаги, на котором писал, и подходит к Харнессу. Они переговариваются вполголоса.

Уайлдер. Мы ждали вас, Харнесс. Надеюсь, мы придем к какому-нибудь...

Из холла входит Фрост.

Фрост. Пришел Робертс.

Уходит. Быстро входит Робертс и останавливается, пристально глядя на Энтони. Лицо его осунулось и как-то постарело.

Робертс. Мистер Энтони, я немного опоздал. Я пришел бы вовремя, но вынужден был по некоторым причинам задержаться. (Рабочим.) Тут что-нибудь говорили?

Томас. Нет. Но ты-то зачем пришел?

Робертс. Джентльмены, утром вы предложили нам уйти и подумать. Мы подумали. И вот мы здесь, чтобы передать вам ответ рабочих. (Энтони.) Уезжайте обратно в Лондон. Вы ничего от нас не дождетесь. Мы ни на йоту не отступились от своих требований и не отступимся, пока они не будут полностью удовлетворены.

Энтони молча смотрит на него. Движение среди рабочих.

Харнесс. Робертс!

Робертс (кинув на него яростный взгляд, снова обращается к Энтони). Вот так: коротко и ясно! Вы напрасно надеялись, что рабочие сдадутся. Вы можете причинить нам физические муки, но дух наш сломить не удастся. Уезжайте в Лондон, ничего от нас не добьетесь, понятно?

Чувствуя неладное, он замолкает недоуменно и делает шаг в сторону Энтони, который застыл в неподвижности.

Эдгар. Мы все очень сочувствуем вам, Робертс, но...

Робертс. Оставьте свое сочувствие при себе, молодой человек. Пусть ваш отец говорит!

Харнесс (стоит у стола с листом бумаги в руках). Робертс!

Робертс (с жаром). Почему вы молчите?

Харнесс. Робертс, послушайте!

Робертс (резко оборачиваясь). В чем дело?

Харнесс (серьезно). Вы опоздали!

Он кивает Тенчу; секретарь делает знак членам правления, и те быстро подписывают соглашение.

Посмотрите сюда (он протягивает Робертсу лист бумаги). Требования удовлетворены, за исключением пунктов, которые касаются механиков и нагревательщиков. Достигнуты следующие соглашения: двойная оплата за сверхурочные по субботам, ночные смены по-прежнему. Завтра все выходят на работу. Забастовка окончена.

Робертс (читает соглашение, потом поворачивается к рабочим. Те отступают, только Раус стоит на месте. С убийственным спокойствием). Итак, вы меня предали? Я держался до конца, несмотря на смерть жены. Вы, видно, только этого момента и ждали!

Рабочие заговорили одновременно, перебивая друг друга.

Раус. Это ложь!

Томас. Никаких сил не хватает!

Грин. Если бы ты послушал меня...

Балджин (вполголоса). А ну, заткнись!

Робертс. Нет, вы ждали этого!

Харнесс (беря экземпляр соглашения, подписан-

ный членами правления, и отдавая свой Тенчу). Ну, хватит! (Рабочим.) А вам, приятели, лучше, пожалуй, идти!

Рабочие медленно, неловко шаркая ногами, уходят.

Уайлдер (нервно). Нам тут, кажется, больше нечего делать. (Идет к двери.) Попробую успеть на шестичасовой! Вы идете, Скэнтлбери?

Скэнтлбери (поднимаясь за Уайлдером). Да-да, подождите меня минутку.

Робертс начинает говорить, и он останавливается.

Робертс (Энтони). Но вы же не подписали соглашение! Они не имеют права договариваться без вас! А вы ни за что не согласитесь на эти условия!

Энтони смотрит на него и молчит.

Ведь не согласитесь, правда же? Ну, ответьте ради бога! (С пылом.) Ведь я на вас рассчитывал!

Харнесс (протягивая Робертсу экземпляр, подписанный членами правления). Члены правления подписали!

Робертс тупо смотрит на подписи, потом швыряет бумагу и закрывает лицо руками.

Скэнтлбери (прикрывая ладонью рот, Тенчу). Пригляните за председателем, Тенч. Он нездоров, очень нездоров. Даже не завтракал. Если там... э-э... устроят подписку в пользу женщин и детей, запишите меня на... на двадцать фунтов.

С неуклюжей поспешностью он выходит в холл. Уэнклин стоит, устремив задумчивый взгляд на Энтони и Робертса; лицо у него дергается от волнения. Потом тоже уходит. Эдгар сидит на диване, опустив голову. Тенч подсаживается к бюро, пишет.

Харнесс стоит у столика, неприязненно следя за Робертсом.

Робертс. Так вы уже не председатель правления! (Разражается полубезумным смехом.) Х-ха-ха! Они предали вас, предали своего председателя! Х-ха-ха! (Внезапно с убийственным спокойствием.) Так мы с вами оба проиграли, мистер Энтони.

Из столовой появляется Энид, подбегает к отцу, наклоняется над ним.

Харнесс (подходит к Робертсу, берет его за локоть). Стыдитесь, Робертс! Идите домой, успокойтесь...

Робертс (вырывая руку). Домой? (Втягивая голову в плечи, шепотом.) Домой, говорите?

Энид (успокаивающим голосом). Пойдем, папа. Я провожу тебя в твою комнату.

Энтони с усилием встает с места и поворачивается к Робертсу, который смотрит на него. Несколько мгновений они не отводят глаз друг от друга. Энтони приподнимает руку, словно бы приветствуя, но тут же бессильно роняет ее. Враждебность, написанная на лице у Робертса, уступает место недоуменному восхищению. Они наклоняют головы в знак взаимного уважения. Потом Энтони поворачивается и медленно идет к занавешенной двери. Внезапно он покачнулся, но, удержавшись на ногах, с помощью Энид и поспешившего к нему Эдгара выходит из комнаты. Робертс долго смотрит ему вслед, затем выходит в холл.

Тенч (подходя к Харнессу). Уф! Будто камень с плеч, мистер Харнесс! Какая, однако, мучительная сцена.

Он вытирает платком лоб. Харнесс, побледневший и решительный, с мрачной полуусмешкой смотрит на смятенного Тенча.

Как все это грубо и жестоко! Что он хотел этим сказать: «Мы проиграли оба». Да, у него умерла жена, но кто ему дал право так разговаривать с председателем?

Харнесс. Умерла женщина. Сломлены два сильных человека! Таковы потери.

Входит Андервуд.

Тенч (широко раскрыв глаза, будто в озарении — Харнессу). Сэр, а ведь эти условия... они те же самые, что мы... вы и я... предложили обеим сторонам перед тем, как начаться схватке. Все это... вся эта... и ради чего?

Харнесс (с горечью). Вот это-то и смешно.

Андервуд задумчиво качает головой.

З а н а в е с

1909 г.

ПРАВОСУДИЕ

Трагедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джеймс Хау Уолтер Хау, его сын	{ юристы, владельцы адвокатской конторы,
Роберт Коксон, старший клерк. Уильям Фолдер, младший клерк. Сундл, мальчик-рассыльный. Уистер, сыщик. Каули, кассир банка. Мистер Флорд, судья. Гарольд Кливер, старый юрист, прокурор. Гектор Фром, молодой юрист, защитник. Капитан Дансон, кавалер ордена Виктории, начальник тюрьмы. Преподобный Хью Миллер, тюремный священник. Эдвард Клементс, тюремный врач. Вудер, старший тюремный надзиратель.	
Моуни Клиптон О'Клири	{ заключенные.
Руфь Ханиуил, молодая женщина. Адвокаты и стряпчие, зрители и приставы, репортеры, присяжные заседатели, тюремные надзиратели, заключенные,	

Время — начало XX века.

Действие первое.— Контора Джеймса и Уолтера Хау. Июльское
утро.

Действие второе.— Зал суда. После полудня. Октябрь.

Действие третье.— Тюрьма. Декабрь.

Сцена 1.— Канцелярия начальника тюрьмы.

Сцена 2.— Коридор.

Сцена 3.— Камера.

Действие четвертое.— Контора Джеймса и Уолтера Хау. Утро.
Март, два года спустя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Июльское утро. Кабинет старшего клерка в конторе Джеймса и Уолтера Хау, обставленный старомодной, издававшей виды мебелью красного дерева с потертой кожаной обивкой. По стенам ящики картотеки и планы земельных участков. Три двери. Две из них — рядом, в задней стене. Одна из этих двух дверей ведет в приемную, отделенную от кабинета старшего клерка только деревянной перегородкой с застекленной верхней частью. Когда дверь в приемную открыта, можно видеть широкую входную дверь, ведущую на каменную лестницу. Другая дверь, в центре сцены, ведет в кабинет младших клерков. Третья дверь — в кабинет владельцев фирмы. Старший клерк Коксон сидит за столом, складывая столбцы цифр в счетной книге и бормоча про себя. Это человек шестидесяти лет, в очках, приземистый, лысый, с честным лицом, напоминающим мопса. Он одет в сильно поношенный сюртук и коричневатые в крапинку брюки.

Коксон. И пять — будет двенадцать, и три — пятнадцать, девятнадцать, двадцать три, тридцать два, сорок один. Четыре в уме. *(Делает отметку на странице и продолжает бормотать.)* Пять, семь, двенадцать, семнадцать, двадцать четыре и девять — да четыре в уме. *(Опять делает отметку.)*

Дверь из приемной открывается, появляется Суидл, мальчишка-рассыльный, и закрывает за собой дверь. Это бледный шестнадцатилетний подросток со взъерошенными волосами.

(Сердито и выжидательно.) Четыре в уме.

Суидл. Там спрашивают Фолдера, мистер Коксон.

Коксон. Пять, девять, шестнадцать, двадцать один, двадцать девять. Два в уме. Пусть обратятся к Морриссу. Как фамилия?

Суидл. Ханиуил.

Коксон. А по какому он делу?

Суидл. Это женщина.

Коксон. Дама?

Суидл. Нет, просто женщина.

Коксон. Проси ее сюда. Отнеси эту книгу мистеру Джеймсу. *(Закрывает книгу.)*

Суидл *(открывая дверь в приемную)*. Будьте любезны, войдите.

Входит Руфь Ханиуил. Высокая женщина двадцати шести лет, скромно одетая. У нее черные глаза и волосы, правильные черты, матово-бледное лицо. Она стоит не шевелясь. В ее позе непринужденное благородство. Суидл со счетной книгой в руках уходит в кабинет владельцев фирмы.

Коксон *(оглядываясь на Руфь)*. Молодого человека сейчас нет. *(Подозрительно.)* Изложите, пожалуйста, ваше дело.

Руфь *(говорит деловитым тоном)*. Это личное дело, сэр.

Коксон. Мы не позволяем своим служащим принимать здесь знакомых. Может быть, вы оставите ему записку?

Руфь. Я бы хотела видеть его самого, если можно. *(Прищурив темные глаза, бросает на Коксона чуть кокетливый взгляд.)*

Коксон *(преисполнившись начальственной важности)*. Это совершенно против правил. Что, если бы я стал принимать здесь своих знакомых! Это никуда не годится.

Руфь. Конечно, сэр.

Коксон *(несколько озадаченный)*. Вот именно. А вы хотите видеть младшего клерка!

Руфь. Да, сэр. Мне необходимо видеть его.

Коксон *(поворачивается на табуретке лицом к Руфи с негодованием, но и с любопытством)*. Но ведь здесь юридическая контора! Идите к нему домой.

Руфь. Его нет дома.

Коксон *(растерянно)*. Вы его родственница?

Руфь. Нет, сэр.

Коксон (в полном замешательстве). Не знаю, что вам и сказать! Конторы все это не касается.

Руфь. Но что же мне делать?

Коксон. Боже мой! Почему я знаю!

Возвращается Суидл. Проходит через сцену в приемную, бросив на Коксона лукавый взгляд. Осторожно прикрывает за собой дверь с таким расчетом, чтобы осталась небольшая щелка.

(Взгляд Суидла придал ему решимость.) Знаете ли, это не годится, это никуда не годится! Вдруг войдет кто-нибудь из хозяев.

С лестницы через приемную доносятся возня и смешки.

Суидл (просовывая голову в дверь). Там на лестнице какие-то ребятишки.

Руфь. Это мои дети.

Суидл. Утихомирить их?

Руфь. Они совсем маленькие, сэр. (Подходит на шаг ближе к Коксону.)

Коксон. Нельзя отнимать у него служебное время. Нам и так не хватает одного клерка.

Руфь. Это вопрос жизни и смерти.

Коксон (с новым приливом негодования). Жизни и смерти?!

Суидл. Фолдер пришел!

Из приемной входит Фолдер. Это бледный красивый молодой человек с бегающими, испуганными глазами. Он подходит к двери в комнату клерков и останавливается в нерешительности.

Коксон. Ну, так и быть, поговорите минуту, хотя это совершенно против правил. (Взяв пачку бумаг, уходит в кабинет владельцев фирмы.)

Руфь (торопливо, тихим голосом). Он опять запил, Уил. Этой ночью чуть меня не зарезал. Я ушла с детьми, пока он не проснулся. Пошла прямо к тебе...

Фолдер. Я переменил квартиру.

Руфь. К сегодняшнему вечеру все готово?

Фолдер. Я взял билеты. Встретимся в одиннадцать сорок пять на вокзале у кассы. И ради бога не забудь, что мы муж и жена! (Смотрит на нее трагически-напряженно.) Руфь!

Руфь. Ты не боишься уехать, правда?

Фолдер. А ты забрала все вещи, свои и детей?

Руфь. Все пришлось оставить — я боялась разбу-

дить Ханиуила. Унесла только один чемодан. А теперь я и близко к дому не могу подойти.

Фолдер (хмурясь). Сколько денег ушло зря!.. Много ли тебе нужно еще?

Руфь. Шесть фунтов. Я думаю, этого хватит.

Фолдер. Смотри, не проговорись, куда мы едем. (Про себя.) Там я все забуду.

Руфь. Если ты раскаиваешься, скажи. Пусть лучше он меня убьет, чем мне навязываться тебе.

Фолдер (со странной улыбкой). Нам нельзя оставаться здесь. Будь что будет, зато теперь ты моя.

Руфь. Ты только скажи, еще не поздно!

Фолдер. Уже поздно. Вот семь фунтов. Значит, у кассы, в одиннадцать сорок пять. Если бы ты, Руфь, не была так дорога мне!

Руфь. Поцелуй меня!

Они страстно обнимаются и затем отскакивают друг от друга, так как возвращается Коксон. Руфь поворачивается и уходит через приемную, Коксон решительно направляется к своему столу и усаживается.

Коксон. Нехорошо, Фолдер!

Фолдер. Больше этого не повторится, сэр.

Коксон. В конторе это не полагается!

Фолдер. Да, сэр.

Коксон. Поймите меня: посетительница была расстроена, с ней были дети, и я позволил моим чувствам... (Открывает ящик стола и достает оттуда брошюру.) Возьмите-ка это: «Чистота семейного очага». Отлично написано!

Фолдер (с каким-то странным выражением лица берет брошюру). Благодарю вас, сэр.

Коксон. И вот что, Фолдер, пока еще не пришел мистер Уолтер: вы кончили ведомость, которую составлял Дэвис перед отъездом?

Фолдер. К завтрашнему дню я разделаюсь с ней окончательно!

Коксон. Уже неделя, как Дэвис уехал. Нехорошо, Фолдер! Ради личной жизни вы запускаете работу. Я, так и быть, не стану упоминать о посетительнице, но...

Фолдер (уходя в свою комнату). Благодарю вас, сэр.

Коксон удивленно смотрит на дверь, за которой скрылся Фолдер, затем качает головой и только берется за перо, как из приемной входит Уолтер Хау. Это интеллигентного вида человек, лет тридцати пяти. Голос у него приятный, манера говорить вежливая, даже слегка извиняющаяся.

Уолтер. Доброе утро, Коксон!

Коксон. Доброе утро, мистер Уолтер!

Уолтер. Отец у себя?

Коксон (он все время говорит с Уолтером несколько покровительственным тоном, как с молодым человеком, который мог бы уже достигнуть в жизни большего). Мистер Джеймс здесь с одиннадцати часов.

Уолтер. Я был на выставке картин в Гилдхолле!

Коксон (глядит на него так, словно иного от Уолтера ждать и не приходится). Вот как!.. Д-да... Как насчет этого арендного договора Баултера: отсылать его консультанту или нет?

Уолтер. Что говорит по этому поводу отец?

Коксон. Я не беспокоил его.

Уолтер. Лишняя предосторожность не повредит.

Коксон. Это же такое пустячное дело: едва ли покроет расходы. Я думал, что вы сами могли бы вести его.

Уолтер. Пожалуйста, пошлите договор консультанту. Я не хочу брать на себя ответственность.

Коксон (с выражением неописуемой жалости). Как вам угодно. А вот еще дело о праве свободного проезда. У нас уже подготовлены акты.

Уолтер. Я знаю. Но там, видимо, предполагали выделить участок общинной земли.

Коксон. Нам незачем беспокоиться об этом. Закон на нашей стороне.

Уолтер. Не нравится мне это.

Коксон (снисходительно улыбаясь). Мы же не захотим идти против закона! Ваш отец не стал бы терять время на такие вещи.

Пока он говорит, из кабинета выходит Джеймс Хау. Он невысокого роста, с белоснежными бачками, густой седой шевелюрой, пронизательными глазами и в золотом пенсне.

Джеймс. Доброе утро, Уолтер.

Уолтер. Здравствуй, отец.

Коксон (презрительно глядя на бумаги, которые он держит в руке, словно не одобряя их пространности).

Я сейчас отнесу договор Баултера Фолдеру: пусть составит опись. *(Уходит в комнату Фолдера.)*

Уолтер. Как быть с этим делом о праве свободного проезда?

Джеймс. А! Там мы будем действовать без поблажек. Кажется, ты говорил мне вчера, что сальдо нашей фирмы превышает четыреста фунтов.

Уолтер. Так оно и есть.

Джеймс *(протягивая сыну счетную книгу)*. Три, пять, один. Новых чеков нет. Достань-ка чековую книжку.

Уолтер идет к шкафу, отпирает ящик и достает чековую книжку.

Отмечай суммы на корешках. Пять, пятьдесят четыре, семь, пять, двадцать восемь, двадцать, восемьдесят, одиннадцать, пятьдесят два, семьдесят один. Сходится?

Уолтер *(качая головой)*. Не могу понять. Я считал, и было больше четырехсот фунтов.

Джеймс. Дай мне чековую книжку. *(Берет чековую книжку и внимательно рассматривает корешки.)* Что это за восемьдесят фунтов?

Уолтер. Кто выписал чек?

Джеймс. Ты.

Уолтер *(беря чековую книжку)*. Седьмое июля? В этот день я ездил осматривать поместье Трентона, это было в пятницу, на позапрошлой неделе. Я вернулся во вторник, помнишь? Но послушай, отец, я выписал чек на восемь фунтов. Пять гиней надо было отдать Смизерсу, остальное — на мои расходы. Все деньги как раз и ушли, даже не хватило полкроны.

Джеймс *(озабоченно)*. Дай-ка посмотреть на этот чек. *(Вынимает пачку чеков из кармашка счетной книги, перебирает их.)* Кажется, все правильно. Нет только чека на восемь фунтов. Это скверно. Кто получал по нему деньги?

Уолтер *(озадачен и огорчен)*. Дай подумать. Я дописывал завещание миссис Редди, у меня едва хватило на это времени. Да, я дал чек Коксону.

Джеймс. Посмотри на конец слова — «десять». Это ты писал?

Уолтер *(после некоторого раздумья)*. Я пишу «д» с небольшим завитком, а тут его нет.

Джеймс (видя, что Коксон выходит из комнаты Фолдера). Надо спросить у него. Подойдите сюда, Коксон, и напрягите немножко свою память. В пятницу, на позапрошлой неделе, вы получали по чеку для мистера Уолтера? Это было в тот день, когда он ездил к Трентону.

Коксон. Д-да. Восемь фунтов.

Джеймс. Взгляните-ка. (Протягивает ему чек.)

Коксон. Нет! Тот чек был на восемь фунтов. Мне как раз принесли завтрак, и, понятно, я хотел съесть его, пока он не остыл. Я дал чек Дэвису и велел ему сбегать в банк. Он принес всю сумму в банкнотах, помните, мистер Уолтер? Вам еще нужна была мелочь, чтобы заплатить за кэб. (С ноткой снисходительности.) Ну-ка дайте мне посмотреть. Наверно, не тот чек! (Берет чековую книжку у Уолтера.)

Уолтер. Боюсь, что тот самый.

Коксон (убедившись лично). Странно!

Джеймс. Вы дали чек Дэвису, а Дэвис в понедельник отплыл в Австралию. Скверное дело, Коксон!

Коксон (недоумевающий и взволнованный). Ведь это же был бы подлог! Нет, нет, тут какая-то ошибка!

Джеймс. Надеюсь!

Коксон. За двадцать девять лет, что я служу в конторе, у нас не случалось ничего подобного.

Джеймс (рассматривая чек и корешок). Чистая работа! Это урок тебе, Уолтер, не оставлять свободного места после суммы.

Уолтер (с досадой). Да, я знаю, но я страшно торопился в тот день.

Коксон (внезапно). Я расстроен.

Джеймс. Корешок тоже подделан. Хорошо обдуманное мошенничество. На каком пароходе отплыл Дэвис?

Уолтер. «Сити оф Рангун».

Джеймс. Надо будет телеграфировать в Неаполь, чтобы Дэвиса арестовали; он еще не мог добраться туда.

Коксон. Жаль его молодую жену! Да и его самого я любил: такой славный юноша. Боже мой, боже мой! У нас в конторе!

Уолтер. Может быть, мне сходить в банк и спросить кассира?

Джеймс (мрачно). Приведи его сюда. И позвони в полицию.

Уолтер. Даже так?! (Уходит через приемную.)

Джеймс шагает взад и вперед по комнате. Потом останавливается и смотрит на Коксона, который огорченно трет себе колени.

Джеймс. Ну, Коксон, доброе имя что-нибудь да значит, а?

Коксон (глядя на него поверх очков). Я не совсем понимаю вас, сэр.

Джеймс. Ваш рассказ показался бы чертовски подозрительным всякому, кто недостаточно хорошо вас знает.

Коксон. Д-да! (Смеется. Затем с внезапной серьезностью.) Мне жаль юношу. У меня такое чувство, точно это мой родной сын, мистер Джеймс!

Джеймс. Скверная история.

Коксон. Как тут не расстроиться! Все идет по заведенному, и вдруг случается такая вещь. Мне сегодня кусок в горло не полезет!

Джеймс. Стоит ли так волноваться, Коксон?

Коксон. Тут задумаешься. (Доверительно.) Наверное, он подвергся искушению.

Джеймс. Не торопитесь. Мы еще не уличили его.

Коксон. Я бы отдал свое месячное жалованье, сэр, чтобы только этого не было. (Задумывается.)

Джеймс. Надеюсь, кассир не заставит себя ждать.

Коксон (заступаясь за кассира). Тут всего полквартила, мистер Джеймс. Он будет здесь через минуту.

Джеймс. Подумать только! Такой бесчестный поступок в нашей конторе!.. Это для меня тяжелый удар, Коксон! (Идет по направлению к двери в кабинет.)

Суйдл (тихо входит и шепотом говорит Коксону). Опять ее сюда принесло, сэр. Забыла сказать что-то Фолдеру.

Коксон (пробудившись от своей задумчивости). А? Нельзя! Пусть уходит!

Джеймс. Что там?

Коксон. Ничего, мистер Джеймс, частное дело. погоди, я пойду сам. (Выходит в приемную, в то время как Джеймс удаляется в кабинет.) Ну, право же, так нельзя! Мы никого сейчас не можем принять.

Р у ф ь. Даже на одну минутку, сэр?

К о к с о н. Нельзя, нельзя, я не могу этого позволить! Если он вам нужен, подождите на улице. Он сейчас пойдет завтракать.

Р у ф ь. Хорошо, сэр.

У о л т е р и к а с с и р входят и встречаются с Р у ф ь ю, когда она выходит из приемной.

К о к с о н (кассиру, который похож на отставного драгуна). Доброе утро. (Уолтеру.) Ваш отец у себя.

У о л т е р направляется в кабинет владельцев фирмы.

Скверное, неприятное дело, хотя, в сущности, пустяк, мистер Каули. Мне, право, совестно, что мы побеспокоили вас.

К а у л и. Я очень хорошо помню этот чек. (С кислым выражением лица.) Он казался в полном порядке.

К о к с о н. Присядьте, пожалуйста! Вообще я человек спокойный, но такое происшествие здесь, у нас в конторе!.. Неприятно! Я люблю, чтобы между людьми все шло честно и открыто.

К а у л и. Совершенно правильно.

К о к с о н (беря его за пуговицу и бросая быстрый взгляд в сторону кабинета). Конечно, мистер Уолтер еще очень молод. Сколько раз я ему говорил, чтобы он не оставлял свободного места после суммы, но он делает по-своему.

К а у л и. Я легко узнаю того, кто получал по чеку,—совсем мальчишка.

К о к с о н. Собственно говоря, мы навряд ли можем показать его вам сейчас.

Д ж е й м с и У о л т е р выходят из кабинета.

Д ж е й м с. Доброе утро, мистер Каули. Вы уже видели моего сына и меня самого, видели мистера Коксона, а также Суидла, конторского мальчика. Получателем по чеку не был никто из нас, не так ли?

Кассир с улыбкой отрицательно качает головой.

Будьте любезны сесть вот сюда, Коксон, займите, пожалуйста, мистера Каули разговором! (Подходит к двери Фолдера.)

Коксон. Можно вас на два слова, мистер Джеймс!
Джеймс. Слушаю вас.

Коксон. Может быть, не стоит напрасно волновать молодого человека? Он такой нервный.

Джеймс. Все это надо выяснить как следует, Коксон, ради доброго имени Фолдера, не говоря уж о вашем собственном.

Коксон (с достоинством). Мое имя само за себя постоит, сэр. А у молодого человека уже были неприятности этим утром. Мне не хотелось бы, чтобы его опять волновали.

Джеймс. Это простая формальность. Но всякая чрезмерная деликатность неуместна, когда речь идет о таком деле,— оно слишком серьезно. Поговорите пока с мистером Каули. (Открывает дверь в комнату Фолдера.)

Джеймс. Фолдер, принесите, пожалуйста, бумаги по делу Баултера.

Коксон (выпаливает). Вы держите собак?

Кассир устремил глаза на дверь и не отвечает.

Нет ли у вас щенка-бульдога, которого вы могли бы мне уступить?

Выражение лица у его собеседника такое, что он не договаривает, остается с открытым ртом и оборачивается: на пороге стоит Фолдер. Глаза его прикованы к кассиру, как глаза кролика — к удаву.

Фолдер (выступая вперед с бумагами). Вот они, сэр.

Джеймс (беря бумаги). Благодарю вас.

Фолдер. Я вам нужен, сэр?

Джеймс. Нет, благодарю.

Фолдер поворачивается и уходит в свою комнату. Когда дверь за ним закрывается, Джеймс бросает на кассира вопросительный взгляд. Кассир кивает.

Неужели? Мы подозревали совсем другого.

Каули. Он самый! Он узнал меня. Надеюсь, он не может ускользнуть из своей комнаты?

Коксон (мрачно). Только через окно — целый этаж, не считая полуподвального.

Дверь из комнаты Фолдера тихо открывается, и он со шляпой в руке направляется к двери в приемную.

Джеймс (спокойно). Куда вы, Фолдер?

Фолдер. Завтракать, сэр.

Джеймс. Пожалуйста, подождите несколько минут. Мне надо поговорить с вами о договоре.

Фолдер. Слушаю, сэр. (*Возвращается в свою комнату.*)

Каули. Если нужно, я могу присягнуть, что этот молодой человек и получил по чеку. Это был последний чек, по которому я уплатил в то утро перед завтраком. Вот номера выданных банкнот; я записал их. (*Кладет на стол листок бумаги. Отряхивает шляпу.*) До свидания.

Джеймс. До свидания, мистер Каули!

Каули (*Коксону*). До свидания!

Коксон (*в оцепенении*). До свидания!

Кассир выходит через дверь в приемную. Коксон садится на свое место, точно это единственный оставшийся островок среди трясины одолевающих его чувств.

Уолтер. Что ты собираешься делать?

Джеймс. Уличить его. Дай мне чек и корешок.

Коксон. Я не понимаю. Я думал, юный Дэвис...

Джеймс. Увидим.

Уолтер. Одну минуту, отец! Ты все обдумал?

Джеймс. Позовите его!

Коксон (*с трудом вставая и открывая дверь в комнату Фолдера; говорит хриплым голосом*). Подите сюда!

Фолдер входит.

Фолдер (*без всякого выражения*). Да, сэр?

Джеймс (*внезапно оборачивается к нему, протягивает чек*). Вам известен этот чек, Фолдер?

Фолдер. Нет, сэр.

Джеймс. Посмотрите на него. Вы получили по нему в пятницу на позапрошлой неделе.

Фолдер. А! Да, сэр, это чек, который дал мне Дэвис.

Джеймс. Я знаю. А вы дали Дэвису деньги?

Фолдер. Да, сэр.

Джеймс. Когда Дэвис передал вам этот чек, он выглядел точно так же?

Фолдер. Кажется, да, сэр.

Джеймс. Вам известно, что мистер Уолтер выписал чек на восемь фунтов?

Фолдер. Нет, сэр, на восемьдесят.

Джеймс. На восемь, Фолдер.

Фолдер (слабым голосом). Я не понимаю, сэр.

Джеймс. Я хочу сказать, что чек подделан; вопрос — вами или Дэвисом.

Фолдер. Я... я...

Коксон. Не торопитесь, не торопитесь!

Фолдер (вновь принимая свой прежний бесстрастный тон). Не мною, сэр.

Джеймс. Мистер Уолтер передал чек Коксону в час дня, мы знаем это потому, что Коксону как раз принесли завтрак.

Коксон. Я же не мог бросить его.

Джеймс. Конечно. Поэтому Коксон передал чек Дэвису. Вы получили по чеку в час пятнадцать. Мы знаем это от кассира. Он помнит, что это был последний чек, по которому он уплатил перед своим завтраком.

Фолдер. Да, сэр, Дэвис передал чек мне, потому что его друзья давали в его честь прощальный завтрак.

Джеймс (в недоумении). Значит, вы обвиняете Дэвиса?

Фолдер. Не знаю, сэр, все это очень странно.

Уолтер подходит к отцу и что-то говорит ему на ухо.

Джеймс. Дэвис не был в конторе с позапрошлой субботы?

Коксон (всей душой желая помочь молодому человеку и видя слабый проблеск надежды, что все еще уладится). Нет, он отплыл в понедельник.

Джеймс. Был он здесь после субботы, Фолдер?

Фолдер (очень слабым голосом). Нет, сэр.

Джеймс. Очень хорошо. Как же вы объясните тот факт, что на корешке ноль был добавлен к восьмерке не раньше вторника?

Коксон (удивленно). Как так?

Фолдер пошатнулся. Пытается снова овладеть собой, но он совсем раздавлен.

Джеймс (очень сурово). Боюсь, что этим все сказано, Коксон. Чековая книжка была в кармане мистера Уолтера, пока он не вернулся от Трентона во вторник утром. Перед лицом всех этих фактов, Фолдер, вы все еще отрицаете, что подделали и чек и корешок?

Фолдер. Нет, сэр, нет, мистер Хау! Это я, сэр, это я сделал!

Коксон (давая волю своим чувствам). Боже мой, боже мой, сделать такую вещь!

Фолдер. Мне так нужны были деньги, сэр! Я не соображал, что делаю.

Коксон. Ну как это могло вам прийти в голову?

Фолдер (цепляясь за эти слова). Я сам не знаю, сэр, право же, это была минута безумия.

Джеймс. Долгая минута, Фолдер! (Постукивает пальцем по корешку чека). Она длилась не меньше четырех дней.

Фолдер. Сэр, клянусь, я только потом понял, что я наделал. А тогда у меня не хватило смелости сознаться. О сэр, пощадите меня, я верну деньги, обязательно верну, даю вам слово!

Джеймс. Идите в свою комнату.

Фолдер, бросив на него быстрый умоляющий взгляд, уходит в свою комнату. Все молчат.

Хуже ничего и не придумаешь.

Коксон. Совершить такое преступление! И где! У нас в конторе!

Уолтер. Что нам делать?

Джеймс. Тут думать нечего. Передадим дело полиции.

Уолтер. Это его первый проступок.

Джеймс (качая головой). Я в этом очень сомневаюсь. Слишком ловкая подделка.

Коксон. Я бы не удивился, если бы оказалось, что он подвергся искушению.

Джеймс. Жизнь — одно сплошное искушение, Коксон.

Коксон. Д-да, но я говорю об искушении плоти дьяволом, мистер Джеймс. Этим утром к нему приходила женщина.

Уолтер. Та женщина, с которой мы встретились, когда пришли сюда с кассиром? Это его жена?

Коксон. Нет, и не родственница. (Хотел подмигнуть, как сделал бы при более веселых обстоятельствах, но сдерживается.) Замужняя особа.

Уолтер. Откуда вы знаете?

Коксон. Она привела с собой детей. (Смутился.) Но они не входили в контору.

Джеймс. Пропащий человек!..

Уолтер. Хотелось бы дать ему возможность загладить свою вину.

Джеймс. Нет, я ему этого не прощу. Уж слишком подло он себя вел. Ведь он рассчитывал, что в случае обнаружения подделки подозрение падет на молодого Дэвиса. Это же чистейшая случайность, что чековая книжка осталась у тебя в кармане.

Уолтер. Несомненно, он поддался минутному искушению. У него не было времени подумать.

Джеймс. Если у человека чистые мысли и привычки, он ни с того ни с сего не поддается искушению. А это растленный юнец. У него и глаза человека, который при виде денег так и тянется к ним.

Уолтер (сухо). Раньше мы этого не замечали.

Джеймс (игнорируя его замечание). Видал я таких на своем веку. Единственный способ уберечь их от новых проступков — это упрятать подальше. Они безнадёжны.

Уолтер. Его пошлют на каторгу.

Коксон. Тюрьма — прескверное место.

Джеймс (колеблясь). Я не вижу, как можно пощадить его. О том, чтобы он остался в конторе, не может быть и речи. Честность — это наше *sine qua non*¹.

Коксон (загипнотизированный этими словами). Да, конечно!

Джеймс. Равным образом невозможно предоставить ему свободно общаться с людьми, которые ничего о нем не знают. Мы должны думать о благе общества.

Уолтер. Но зачем же позорить его перед всеми?

Джеймс. Если бы это была случайная провинность, я дал бы ему возможность загладить ее. Но тут

¹ (*Conditio*) *sine qua non* (лат.) — неременное условие.

совсем другое дело. Он человек с порочными наклонностями.

Коксон. Я бы этого не сказал, тут есть смягчающие обстоятельства.

Джеймс. Все равно. Он самым хладнокровным образом обманул своих хозяев и бросил тень на невинного человека. Если не дать законный ход даже такому делу, то я не знаю, чем же должны заниматься суды.

Уолтер. А все-таки, ради его будущего...

Джеймс (насмешливо). Тебя послушать, так никого не следует отдавать под суд.

Уолтер (уязвленный). Мне претит сама мысль об этом.

Коксон. Защита закона нам необходима.

Джеймс. Все это переходит в пустую болтовню. (Направляется к двери в кабинет.)

Уолтер. Отец, поставь себя на его место.

Джеймс. Ты слишком многого от меня требуешь!

Уолтер. Мы же не знаем, какие обстоятельства давили на него.

Джеймс. Можешь быть уверен, мой милый, если человек способен на такую вещь, он ее сделает, давят или не давят на него обстоятельства. Если он не способен на это, ничто его не заставит.

Уолтер. С ним это больше никогда не случится.

Коксон (безнадежно). Может быть, мне поговорить с ним? Зачем нам поступать так жестоко с молодым человеком?

Джеймс. Хватит, Коксон. Мое решение окончательное. (Уходит в кабинет.)

Коксон (после минутного колебания). Нужно понять и вашего отца. Я не хочу идти против него; если он так думает, значит, он прав.

Уолтер. Это черт знает что, Коксон! Почему вы меня не поддержали? Вы ведь сами чувствуете...

Коксон (с достоинством). Право, я не могу сказать, что я чувствую.

Уолтер. Мы все потом будем жалеть об этом.

Коксон. Он должен был понимать, что делает.

Уолтер (с горечью). «Нельзя цедить по капле милосердье»¹.

¹ Фраза из «Венецианского купца» Шекспира.

Коксон (подозрительно глядя на него). Ну-ну, мистер Уолтер, надо же смотреть на дело разумно.

Суидл (входит с подносом). Ваш завтрак, сэр.

Коксон. Поставь!

В то время как Суидл ставит завтрак на стол Коксона, в приемную входит сыщик Уистер и, ничего там не обнаружив, идет к двери в комнату клерков. Это человек среднего роста, квадратный, чисто выбритый, в синем костюме из плотной ткани и ботинках на толстой подошве.

Уистер (Уолтеру). Из Скотланд-ярда, сэр. Сыщик Уистер.

Уолтер (неодобрительно глядя на него). Хорошо. Я скажу отцу. (Уходит в кабинет хозяев фирмы.)

Оттуда выходит Джеймс.

Джеймс. Доброе утро. (В ответ на умоляющий жест Коксона.) Очень сожалею, я бы не возбуждал дела, если бы считал себя вправе. Откройте вон ту дверь.

Изумленный и испуганный Суидл открывает дверь.

Идите сюда, мистер Фолдер!

Когда Фолдер, весь сжавшись, выходит из своей комнаты, сыщик по знаку Джеймса хватается за руку.

Фолдер (отшатываясь). О нет... нет!

Уистер. Ну, ну, не упирайся, будь умницей!

Джеймс. Я обвиняю его в уголовном преступлении.

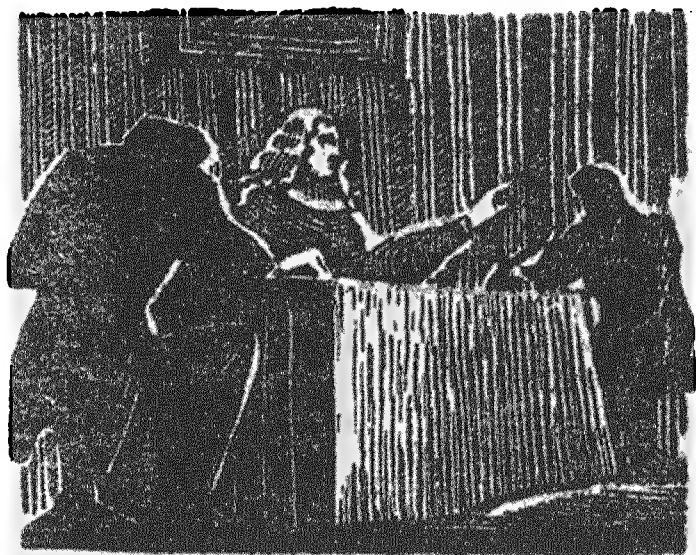
Фолдер. О сэр, я же брал не для себя... Я сделал это ради одной... Отпустите меня только до завтра!

Джеймс делает движение рукой. Видя этот непреклонный жест, Фолдер застывает. Затем, повернувшись, послушно идет за сыщиком, который держит его за руку. Джеймс следует за ними, суровый, высоко держа голову. Суидл с открытым ртом кидается к двери, затем бежит за сыщиком и Фолдером в приемную и на площадку лестницы. Когда они исчезают, Коксон круто поворачивается и бросается в приемную.

Коксон (хриплым голосом). Постойте! Постойте! Что мы делаем?!

Молчание. Коксон достает платок, вытирает пот со лба. Неверной походкой идет к столу, садится и невидящими глазами смотрит на свой завтрак.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Туманный октябрьский день; зал суда; он заполнен стряпчими, адвокатами, репортерами, приставами и присяжными заседателями. За внушительной перегородкой на скамье подсудимых сидит Фолдер, по обе стороны от него стражники, они совершенно невозмутимы и словно не замечают его присутствия. Фолдер сидит напротив судьи, который тоже как будто ничего не замечает и ко всему безразличен. Гарольд Кливер, обвинитель, пожилой худощавый человек с желтым лицом. Он в заношенном парике, почти не отличающемся по цвету от его лица. Гектор Фром, защитник, высокий молодой человек, чисто выбритый, в ярко-белом парике. Среди зрителей — уже давшие показания Джеймс и Уолтер Хау и кассир Каули. Уистер, сыщик, покидает ложу свидетелей.

Кливер. На этом обвинение заканчивает допрос свидетелей, милорд. *(Садится, подбирая мантию.)*

Фром *(вставая и кланяясь судье)*. Ваша милость, господа присяжные! Я не стану оспаривать тот факт, что подсудимый подделал чек, но я намерен представить вам доказательства, свидетельствующие о состоянии рассудка подсудимого, и убедить вас, что было бы ошибочно думать, будто он мог отвечать за свои поступки в момент совершения преступления. Я намерен доказать вам, что он совершил это преступление в момент умственного помрачения, достигавшего степени временного помешательства и вызванного сильным потрясением. Джентльмены, подсудимому всего лишь двадцать три года. Я вызову сюда, в качестве свидетельницы, женщину, от которой вы узнаете о событиях, приведших его к преступному акту. Вы услышите из ее собственных уст о трагических обстоятельствах ее жиз-

ни и о еще более трагической любви, которую она внушила подсудимому. Эта женщина, джентльмены, влачила жалкое существование при муже, который обращался с ней самым ужасным образом и от которого она в конце концов ушла, опасаясь за свою жизнь. Конечно, я не скажу, что следует поощрять и хвалить человека, который влюбляется в замужнюю женщину. Я не скажу также, что он был обязан спасти ее от изверга-мужа. Ничего подобного я утверждать не стану. Но все мы знаем силу страсти, и я прошу вас, джентльмены, слушая ее показания, помнить, что связанная с вечно пьяным, грубым, как зверь, мужем, она не имела возможности избавиться от него; как вам известно, чтобы женщине добиться развода, побои мужа — недостаточное основание, нужно, чтоб он совершил более серьезное преступление, а в таковом ее муж, по-видимому, не виновен.

Судья. Относится ли это к делу, мистер Фром?

Фром. Безусловно, относится, милорд! И сейчас я постараюсь доказать это вашей милости.

Судья. Очень хорошо.

Фром. Какой же у нее оставался выход при сложившихся обстоятельствах? Она могла или продолжать жить с этим пьяницей, в постоянном страхе за свою жизнь, или же она могла обратиться в суд за разрешением жить раздельно. Но, джентльмены, по опыту других подобных дел я знаю, что суд был бы для нее очень слабой защитой от жестокого мужа. И если бы даже ее прошение имело успех, ей, весьма вероятно, пришлось бы идти в работный дом или на улицу, потому что, — как она сама сейчас видит, — нелегко женщине, не обученной какому-либо ремеслу, не имеющей средств к существованию, прокормить себя и детей, не прибегая к помощи закона о бедных или, если уж говорить вполне откровенно, не продавая свое тело.

Судья. Вы довольно далеко отклонились от сути, мистер Фром!

Фром. Я сию минуту перейду к существу дела, милорд!

Судья. Будем надеяться.

Фром. Итак, джентльмены, я говорил все это для того, чтобы вы отнеслись с особым вниманием к словам

этой женщины. Она скажет вам, а подсудимый подтвердит, что, оказавшись перед таким выбором, она возложила все свои надежды на обвиняемого, зная чувства, которые он к ней питает. Выход из своего печального положения она видела в бегстве с ним куда-нибудь за границу, где оба они были бы никому не известны и могли бы сойти за мужа и жену. Это было отчаянное и, как, несомненно, скажет мой коллега Кливер, безнравственное решение, но, как бы то ни было, мысли их обоих постоянно обращались к такому исходу. Одно преступление не оправдывает другого, и те из вас, кому не грозит опасность очутиться в подобном положении, пожалуй, имеют право воздевать руки к небу,— об этом я предпочитаю молчать. Но, джентльмены, какова бы ни была ваша точка зрения на эту часть истории обвиняемого, каково бы ни было ваше мнение о праве этих молодых людей при сложившихся обстоятельствах самим устанавливать для себя законы, несомненным остается то, что молодая женщина, в глубоком отчаянии, и молодой человек, почти мальчик, который так преданно любил ее, избрали известный вам и, если угодно, достойный порицания план совместного бегства. Но для этого, конечно, им нужны были деньги, а денег не было. Что же касается действительных событий, происшедших в утро седьмого июля, когда был подделан чек, событий, которые, я надеюсь, позволят мне доказать невменяемость моего подзащитного, то я предоставляю этим событиям говорить за себя устами моих свидетелей. Роберт Коксон! *(Оборачивается, смотрит вокруг, берет лист бумаги и ждет.)*

Коксона вызывают в зал суда. Он входит в свидетельскую ложу, держа перед собой шляпу,
Его приводят к присяге,

Как ваше имя?

Коксон. Роберт Коксон.

Фром. Вы старший клерк юридической конторы, где служил подсудимый?

Коксон. Да.

Фром. Долго ли подсудимый был на службе в этой конторе?

Коксон. Два года. Нет, ошибаюсь, два года без семнадцати дней.

Фром. Все это время он был под вашим наблюдением?

Коксон. Кроме воскресений и праздничных дней.

Фром. Понятно. Мы хотели бы услышать, что вы можете сказать о его поведении на протяжении этих двух лет.

Коксон (обращаясь к присяжным доверительно, таким тоном, словно он немного удивлен, что его спрашивают). Он славный молодой человек, с ним приятно было поговорить. Я не могу сказать про него ничего дурного, напротив, я был потрясен, когда он сделал такую вещь.

Фром. Давал ли он вам когда-нибудь повод подозревать его в бесчестности?

Коксон. Нет, что вы! Нечестность в нашей конторе — такого и быть не может!

Фром. Я не сомневаюсь, что присяжные высоко оценят ваши принципы, мистер Коксон.

Коксон. Каждый деловой человек знает, что честность — это самое важное.

Фром. Значит, вы даете ему вполне хорошую характеристику, так или не так?

Коксон (оборачиваясь к судье). Конечно. Нам всем работалось хорошо вместе, пока не случилась эта история. Она меня просто потрясла.

Фром. Теперь перейдем к событиям утра седьмого июля, когда был подделан чек. Что вы можете сказать о поведении подсудимого в то утро?

Коксон (оборачиваясь к присяжным). Если вы хотите знать мое мнение, он был не в себе, когда сделал это. Так мне кажется.

Судья (резко). Вы хотите сказать, что он был невменяем?

Коксон. Не в себе.

Судья. Нельзя ли немного поточнее?

Фром (успокаивающе). Расскажите нам, мистер Коксон, в чем это проявлялось?

Коксон (несколько раздраженно). По моему мнению (смотрит на судью), если кому интересно, он в это

время был как потерянный. Присяжные поймут, что я хочу сказать.

Фром. Не скажете ли вы нам, как вы пришли к такому заключению?

Коксон. Да, скажу. Мне приносят завтрак из ресторана, котлету с картошкой — это экономит время. В тот день только принесли — и тут как раз мистер Уолтер Хау дал мне чек. А я не люблю, когда еда остывает. Поэтому я пошел в комнату клерков и поручил Дэвису, нашему второму клерку, получить по этому счету. Я заметил, что Фолдер все время ходит взад и вперед по комнате. Я сказал ему: «Здесь не зверинец, Фолдер!»

Фром. Вы помните, что он вам ответил?

Коксон. Д-да. «Боже мой, в зверинце было бы лучше!» Ясно, что такой ответ показался мне странным.

Фром. Вы заметили еще что-нибудь необычное?

Коксон. Заметил.

Фром. Что именно?

Коксон. У него был расстегнут воротничок. А я люблю, чтобы наши молодые люди были одеты аккуратно. Я сказал ему: «У вас воротничок расстегнут».

Фром. А что он ответил?

Коксон. Посмотрел на меня в упор. Мне даже стало как-то не по себе.

Судья. Посмотрел на вас? Что же в этом необыкновенного?

Коксон. Д-да, конечно... Но в его глазах было какое-то особенное выражение, я не могу объяснить... Чудное выражение!

Фром. Замечали ли вы когда-нибудь прежде такое выражение в его глазах?

Коксон. Нет. Если бы я заметил, я сказал бы об этом хозяевам. В нашем деле не должно быть никаких странностей.

Фром. Говорили ли вы с ними по этому поводу?

Коксон (доверительно). Мне не хотелось тревожить их без достаточных оснований.

Фром. Но все-таки это произвело на вас сильное впечатление?

Коксон. Д-да. Клерк Дэвис сказал бы вам то же самое.

Фром. Наверное. Очень жаль, что его здесь нет. Теперь расскажите мне о том утре, когда была обнаружена подделка. Это было восемнадцатого июля. В то утро что-нибудь случилось?

Коксон (*прикладывая руку к уху*). Я немножко глуховат.

Фром. Случилось ли что-нибудь в это утро — то есть еще до того, как была замечена подделка, — что привлекло бы ваше внимание?

Коксон. Д-да, приходила женщина.

Судья. Какое это имеет отношение к делу, мистер Фром?

Фром. Я хочу установить, каково было состояние рассудка обвиняемого, когда он совершил преступление.

Судья. Не возражаю. Но ведь преступление было совершено значительно раньше.

Фром. Да, милорд, но этот вопрос связан с основным положением защиты.

Судья. Продолжайте.

Фром. Вы сказали: «Приходила женщина». Вы имеете в виду, что она пришла в контору?

Коксон. Д-да.

Фром. А зачем?

Коксон. Хотела повидать Фолдера, а его как раз в это время не было.

Фром. Вы ее видели?

Коксон. Видел.

Фром. Она была одна?

Коксон (*доверительно*). Вы меня ставите в затруднительное положение, сэр. Я ведь не должен передавать вам то, что сказал мне конторский мальчик.

Фром. Совершенно верно, мистер Коксон, совершенно верно, но...

Коксон (*перебивая его с таким видом, словно желая сказать: «Вы еще молоды, предоставьте это мне!»*). Но я думаю, мы можем обойти это затруднение. В ответ на вопрос, заданный ей третьим лицом, женщина сказала мне: «Они мои, сэр».

Судья. Кто «они»? О ком идет речь?

Коксон. О ее детях. Они были на лестнице.

Судья. Откуда вы знаете?

Коксон. Ваша милость не должны задавать мне

такие вопросы, не то мне придется передать чужие слова, а это не положено.

Судья (*улыбаясь*). Мальчик уже давал показания. Коксон. Тем лучше!

Фром. Я хочу узнать у вас, мистер Коксон, следующее: когда эта женщина просила вас разрешить ей поведаться с Фолдером, она не сказала чего-нибудь такого, что бы вам особенно запомнилось?

Коксон (*глядит на него так, точно считает вопрос незаконченным*). Ну, ну, дальше!..

Фром. Сказала или не сказала?

Коксон. Сказала... А то я боялся, как бы у вас не получился наводящий вопрос.

Фром (*с раздраженной улыбкой*). Не сообщите ли вы присяжным, что именно она сказала?

Коксон. «Это вопрос жизни или смерти».

Старшина присяжных. Это слова той женщины?

Коксон (*кивая*). Ну да. И такие слова не очень-то приятно выслушивать.

Фром (*начиная терять терпение*). Фолдер пришел в то время, как она была в конторе?

Коксон кивает.

И она поговорила с ним, а потом ушла?

Коксон. Вот тут я не могу ответить вам. Я не видел, как она уходила.

Фром. Что ж, она и сейчас там?

Коксон (*со снисходительной улыбкой*). Конечно, нет!

Фром. Благодарю вас, мистер Коксон. (*Садится.*)

Кливер (*поднимаясь*). Вы сказали, что в утро, когда была совершена подделка, подсудимый был как потерянный. Прошу вас, сэр, сказать, что именно вы подразумеваете под этими словами.

Коксон (*снисходительно*). Я постараюсь разъяснить вам. Вы видели когда-нибудь собаку, потерявшую хозяина? Вот так у Фолдера глаза все время перебежали то туда, то сюда.

Кливер. Благодарю вас. Я как раз собирался перейти к его глазам. Вы назвали их выражение «чудным». Как это надо понимать? Странное оно было, что ли?

Коксон. Д-да, чуднóе.

Кливер (*раздраженно*). Так, сэр! Но то, что может показаться чуднóм вам, может не показаться чуднóм мне или присяжным. Было ли выражение его глаз испуганным, робким, злобным?

Коксон. Вы меня ставите в очень тяжелое положение. Я называю верное слово, а вы хотите, чтобы я сказал другое.

Кливер (*постукивая пальцами по столу*). Считаете ли вы, что слово «чудной» означает «безумный»?

Коксон. Нет, не безумный, чуд...

Кливер. Очень хорошо. Дальше вы сказали, что его воротничок был расстегнут. День был жаркий?

Коксон. Д-да, кажется.

Кливер. А он застегнулся, когда вы обратили на это его внимание?

Коксон. Да, кажется, что так.

Кливер. Сказали бы вы, что такие его действия указывают на безумие? (*Садится.*)

Коксон, который открыл рот, чтобы ответить, так и остается с открытым ртом.

Фром (*поспешно вставая*). Вы когда-нибудь раньше видели его одежду в таком беспорядке?

Коксон. Нет, он всегда был опрятным и подтянутым.

Фром. Достаточно, благодарю вас.

Коксон приветливо поворачивается к судье, как будто порицая адвоката, не вспомнившего, что судье тоже, может быть, хочется задать вопросы. Придя к выводу, что его больше не будут допрашивать, он поворачивается, выходит из свидетельской ложи и садится рядом с Джеймсом и Уолтером.

Руфь Ханиуил!

Руфь входит в зал суда, мужественно занимает свое место в свидетельской ложе. Приносит присягу.

Ваше имя?

Руфь. Руфь Ханиуил.

Фром. Сколько вам лет?

Руфь. Двадцать шесть.

Фром. Вы замужем и живете со своим мужем?
Говорите чуть громче, пожалуйста!

Руфь. Я ушла от него в июле, сэр.

Фром. У вас есть дети?

Руфь. Да, сэр, двое.

Фром. Они живут с вами?

Руфь. Да, сэр.

Фром. Вы знакомы с обвиняемым?

Руфь (*глядя на Фолдера*). Да.

Фром. Каковы были ваши отношения с ним?

Руфь. Мы были друзьями.

Судья. Друзьями?

Руфь (*просто*). Близкими друзьями, сэр.

Судья (*строго*). В каком смысле?

Руфь. Мы любим друг друга.

Судья. Да, но...

Руфь (*качая головой*). Нет, ваша милость, нет еще.

Судья. Нет еще! (*Смотрит на Руфь и на Фолдера.*)

Гм, гм!

Фром. Кто ваш муж?

Руфь. Коммивояжер.

Фром. А какие у вас были отношения с мужем?

Руфь (*качая головой*). Об этом трудно говорить.

Фром. Он плохо обращался с вами?

Руфь. Да, с тех пор как родился мой первенец

Фром. В чем это проявлялось?

Руфь. Во многом! Но мне не хотелось бы говорить об этом.

Судья. Да, мистер Фром, боюсь, что мне придется остановить вас.

Руфь (*указывая на Фолдера*). Он обещал спасти меня, сэр. Мы собирались уехать в Южную Америку.

Фром (*поспешно*). Да, совершенно верно. Что же вам помешало?

Руфь. Я была у дверей конторы, когда его увели. У меня чуть сердце не разорвалось.

Фром. Значит, вы знали, что он арестован?

Руфь. Да, сэр. Позднее я зашла в контору, и этот джентльмен (*указывая на Коксона*) рассказал мне все.

Фром. А вам запомнилось утро пятницы седьмого июля?

Руфь. Да.

Фром. Почему?

Руфь. В то утро муж чуть не задушил меня.

Судья. Чуть не задушил вас?

Руфь (наклоняя голову). Да, милорд.

Фром. Руками или?..

Руфь. Да, я едва вырвалась от него. И пошла прямо к моему другу. Было восемь часов.

Судья. Восемь часов утра? Значит, ваш муж действовал не под влиянием алкоголя?

Руфь. Он и не только пьяный бил меня.

Фром. В каком вы находились состоянии?

Руфь. В очень плохом состоянии, сэр. Платье было разорвано, и я все еще задыхалась.

Фром. Вы рассказали вашему другу о том, что произошло?

Руфь. Да. Лучше бы я ничего ему не говорила!

Фром. Это произвело на него сильное впечатление?

Руфь. Ужасное.

Фром. Говорил ли он вам что-нибудь о чеке?

Руфь. Никогда.

Фром. Давал он вам когда-нибудь деньги?

Руфь. Да.

Фром. Когда это было?

Руфь. В субботу.

Фром. Восьмого числа?

Руфь. Он дал мне деньги, чтобы я купила все нужное себе и детям и приготовилась к отъезду.

Фром. Это удивило вас или нет?

Руфь. Что именно, сэр?

Фром. То, что у него нашлись деньги для вас.

Руфь. Да, потому что в то утро, когда муж чуть не убил меня, мой друг плакал из-за того, что у него не было денег, чтобы увезти меня. Потом он сказал мне, что он неожиданно получил наследство.

Фром. Когда вы в последний раз видели его?

Руфь. В тот день, когда его забрали, сэр. Это был тот самый день, когда мы должны были уехать.

Фром. Да, да, в то утро, когда его арестовали. А видели ли вы его между пятницей и этим утром?

Руфь кивает.

Как он себя вел?

Руфь. Он словно оцепенел. Иногда казалось, что он не может выговорить ни слова.

Фром. Как будто с ним случилось что-то из ряда вон выходящее?

Руфь. Да.

Фром. Тягостное или приятное?

Руфь. Как будто какая-то угроза нависла над ним.

Фром (колеблясь). Скажите мне, вы очень любили моего подзащитного?

Руфь (наклоня голову). Да.

Фром. И он очень любил вас?

Руфь (глядя на Фолдера). Да, сэр.

Фром. Так вот, думаете ли вы, что опасность, которой вы подвергались, и ваши несчастья могли серьезно нарушить его душевное равновесие, его способность управлять своими поступками?

Руфь. Да.

Фром. Даже повлиять на его рассудок?

Руфь. Я думаю, на какое-то время могли бы.

Фром. Он был очень подавлен в ту пятницу или же сравнительно спокоен?

Руфь. Страшно подавлен. Я даже боялась отпустить его.

Фром. Вы все еще любите его?

Руфь (не отрывая глаз от Фолдера). Он погубил себя ради меня.

Фром. Благодарю вас. (Садится.)

Руфь, выпрямившись, стоит в свидетельской ложе.

Кливер (почтительно). Я полагаю, вы не можете утверждать, что он был невменяем утром в пятницу седьмого июля, когда вы расстались с ним?

Руфь. Нет, сэр.

Кливер. Благодарю вас. У меня больше нет вопросов.

Руфь (немного наклонясь вперед, к присяжным). Я бы сделала то же самое ради него, да, да!

Судья. Успокойтесь, успокойтесь. Так вы сказали, что ваша супружеская жизнь не была счастливой. Кто в этом виноват? Обе стороны?

Руфь. Я виновата только в том, что не хотела поко-

ряться ему. Не понимаю, сэр, чего ради я должна покоряться кому-то, особенно такому человеку.

Судья. Вы отказывались повиноваться ему?

Руфь (*избегая ответа на вопрос*). Я всегда старалась, чтобы все шло хорошо.

Судья. Пока не встретили обвиняемого, не так ли?

Руфь. Нет, и после этого.

Судья. Видите ли, я спрашиваю потому, что мне кажется, вы гордитесь своей любовью к обвиняемому.

Руфь (*колеблясь*). Я... да, я горжусь. Эта любовь — единственное, что осталось мне в жизни.

Судья (*сурово глядя на нее*). Хорошо, пожалуйста, садитесь на свое место.

Руфь смотрит на Фолдера, затем тихо покидает свидетельскую ложу и занимает свое место среди свидетелей.

Фром. Я вызываю подсудимого как свидетеля, милорд.

Фолдер покидает скамью подсудимых, переходит в свидетельскую ложу и приводится к присяге.

Ваше имя?

Фолдер. Уильям Фолдер.

Фром. Возраст?

Фолдер. Двадцать три года.

Фром. Вы не женаты?

Фолдер качает головой.

Давно ли вы знакомы со свидетельницей?

Фолдер. Полгода.

Фром. То, что она рассказала нам о ваших отношениях, соответствует действительности?

Фолдер. Да.

Фром. И вы горячо полюбили ее?

Фолдер. Да.

Судья. Хотя знали, что она замужем?

Фолдер. Я тут ничего не мог поделать, ваша милость.

Судья. Ничего не могли поделать?

Фолдер. Это было выше моих сил.

Судья слегка пожимает плечами.

Фром. Как вы познакомились с ней?

Фолдер. Нас познакомила моя замужняя сестра.

Фром. Что вы знали о ее жизни с мужем? Была ли она счастлива или нет?

Фолдер. У нее были одни неприятности.

Фром. Вы знали ее мужа?

Фолдер. Только с ее слов. Он просто зверь.

Судья. Всякие необоснованные выпады против лиц, не присутствующих здесь, недопустимы.

Фром (кланяясь судье). Как прикажет ваша милость. (Фолдеру.) Вы признаете, что подделали чек?

Фолдер опускает голову.

Пожалуйста, возвратитесь мысленно к утру пятницы седьмого июля и расскажите суду, что тогда случилось.

Фолдер (обращаясь к присяжным). Когда она пришла, я завтракал. Платье у нее было разорвано, и она никак не могла отдышаться. На горле у нее были следы его пальцев, руки в синяках, и глаза ее страшно налились кровью. Я прямо в ужас пришел. А когда она мне все рассказала, я почувствовал... Я почувствовал... я просто не мог этого вынести! (С внезапным ожесточением.) Если бы вы увидели все это и любили ее так, как я, вы почувствовали бы то же самое.

Фром. Ну, и...

Фолдер. Когда она ушла — мне ведь надо было идти в контору, — я был вне себя от страха, что он совсем изувечит ее. Все думал, как помочь ей. Все утро я не мог работать, просто не мог ни на чем сосредоточиться. Совсем не мог думать и только все время ходил взад и вперед. Когда Дэвис, наш другой клерк, дал мне чек, он сказал: «Тебе полезно будет прогуляться, Уил. Ты какой-то полоумный сегодня». Когда чек оказался у меня в руках, я не знаю, как это случилось, но у меня мелькнула мысль, что, если я припишу к слову восемь окончание «десять» и добавлю ноль к цифре, у меня будут деньги, чтобы увезти Руфь. Ну, мысль мелькнула, и больше я об этом не думал. Потом Дэвис отправился завтракать, и я ничего больше не помню до той минуты, как я просунул чек в окошко кассира. Я помню, как он спросил: «Золотом или банкнотами?» Тогда я, кажется, понял, что я наделал. И так мне стало жутко, что,

выйдя на улицу, я хотел броситься под омнибус, хотел выбросить деньги, но потом подумал: «Я все равно пропал, так спасу хоть ее». Конечно, купить билеты на проезд стоило денег, и ей я кое-что дал, но остальное, за исключением того, что мне пришлось потратить на себя, возвращено. Я все время думаю об этом и до сих пор не могу понять, что тогда нашло на меня... А теперь уж ничего нельзя вернуть и изменить. (Замолкает, ломая руки.)

Фром. Какое расстояние от вашей конторы до банка?

Фолдер. Не более пятидесяти шагов.

Фром. Как вы полагаете, сколько времени прошло с того момента, как Дэвис ушел завтракать, и до того, как вы предъявили чек?

Фолдер. Не более четырех минут, сэр, потому что я всю дорогу бежал.

Фром. Вы говорите, что ничего не помните из того, что произошло за эти четыре минуты?

Фолдер. Нет, сэр,— только, что я бежал.

Фром. Ни даже того, как вы приписали «десять» и добавили ноль?

Фолдер. Нет, сэр, право, не помню.

Фром садится, поднимается Кливер.

Кливер. Но вы помните, как вы бежали, не так ли?

Фолдер. Я совсем не мог дышать, когда добрался до банка.

Кливер. Но вы не помните, как подделали чек?

Фолдер (слабым голосом). Нет, сэр.

Кливер. Если снять покров романтики, который мой коллега набрасывает на это дело, останется ли от него что-либо, кроме простого подлога? Отвечайте!

Фолдер. Я все утро был как помешанный, сэр.

Кливер. Так, так! Но вы не станете отрицать, что почерк вы подделали удачно и вполне обманули кассира?

Фолдер. Это случайность.

Кливер (весело). Любопытная случайность, а? А когда вы подделали корешок?

Фолдер (опуская голову). В среду утром.

Кливер. Это тоже была случайность?

Фолдер (слабым голосом). Нет.

Кливер. Ведь для того, чтобы проделать это, вам пришлось ловить удобный случай,— так?

Фолдер (почти неслышно). Да.

Кливер. Вы не утверждаете, что и тогда были под влиянием сильного возбуждения?

Фолдер. Меня преследовал страх.

Кливер. Страх, что все обнаружится?

Фолдер (очень тихо). Да.

Судья. Вам не приходило в голову, что единственное, что вы можете сделать,— это сознаться перед своими нанимателями и вернуть деньги?

Фолдер. Я боялся.

Пауза.

Кливер. К тому же вам, несомненно, хотелось довести свой план до конца и увезти эту женщину?

Фолдер. Когда я понял, что натворил, подумать, что все это я сделал зря, было слишком ужасно. Уж проще было бы броситься в реку.

Кливер. Вы знали, что клерк Дэвис собирался уехать из Англии. Когда вы подделывали чек, вам не пришло в голову, что подозрение может пасть на него?

Фолдер. Все это было сделано в одно мгновение. Позже я думал об этом.

Кливер. И это не побудило вас сознаться в своем проступке?

Фолдер (угрюмо). Я хотел написать, когда буду за границей; и я бы выплатил деньги.

Судья. А тем временем ваш ни в чем не повинный товарищ должен был попасть под суд?

Фолдер. Я знал, что он далеко, ваша милость. Мне казалось, время терпит. Я не думал, что все откроется так скоро.

Фром. Я хотел бы напомнить вашей милости, что чековая книжка и после отъезда Дэвиса еще находилась в кармане мистера Уолтера Хау. Если бы подлог обнаружился всего днем позже, Фолдер сам уже уехал бы и подозрение с самого начала пало бы на него, а не на Дэвиса.

Судья. Вопрос в том, знал ли подсудимый, что подозрение пало бы на него, а не на Дэвиса (Фолдеру,

строго.) Вы знали, что после отъезда Дэвиса чековая книжка была у мистера Уолтера Хау?

Фолдер. Я... я... думал... он...

Судья. Говорите правду: да или нет?

Фолдер (очень тихо). Нет, милорд, я никак не мог это знать.

Судья. Это опровергает ваш довод, мистер Фром.

Фром кланяется судье.

Кливер. Когда-нибудь раньше у вас бывало такое временное умопомрачение?

Фолдер (слабым голосом). Нет, сэр.

Кливер. Вы достаточно оправились, чтобы вернуться на работу в тот день?

Фолдер. Да, мне надо было отдать деньги.

Кливер. Но не восемьдесят, а восемь фунтов. Ваш рассудок был достаточно ясен, чтобы помнить об этом? И вы все-таки настаиваете на том, что не помните, как подделали чек? (Садится).

Фолдер. Если бы я был в своем уме, у меня никогда не хватило бы смелости.

Фром (поднимаясь). Вы завтракали, перед тем как пришли обратно в контору?

Фолдер. Я ничего не ел весь день, а ночью не мог спать.

Фром. Вернемся к тем четырем минутам, которые прошли с момента, когда Дэвис ушел, и до того, как вы предъявили чек. Вы говорите, что ничего не помните из того, что было в эти четыре минуты?

Фолдер. Я вспоминаю, что я все время видел перед собой лицо мистера Коксона.

Фром. Лицо мистера Коксона? Это имело какое-нибудь отношение к тому, что вы делали?

Фолдер. Никакого, сэр.

Фром. Это было в конторе, до того как вы вышли на улицу?

Фолдер. Да, сэр, и когда я бежал тоже.

Фром. И это продолжалось, пока кассир не сказал: «Золотом или банкнотами?»

Фолдер. Да, а потом я словно очнулся, но было уже поздно.

Фром. Благодарю вас. На этом защита прекращает допрос свидетелей, милорд.

Судья кивает. Фолдер возвращается на скамью подсудимых.

(Собирая свои записи). Ваша милость, господа присяжные заседатели! Во время перекрестного допроса мой коллега стремился высмеять аргументы, приводимые защитой по данному делу, и я готов допустить, что никакие мои слова не тронут вас, если показания свидетелей уже не убедили вас в том, что подсудимый совершил преступление в минуту, когда он фактически не мог отвечать за свои действия; в минуту, когда его умственные и духовные способности были настолько парализованы страшным волнением, что это привело его к временному помешательству. Мой коллега упоминает о «покрове романтики», который я будто бы пытаюсь набросить на рассматриваемое нами дело. Джентльмены, это совершенно неверно. Я всего лишь показал вам изнанку жизни, той трепещущей жизни, которая — поверьте мне, что бы ни говорил мой коллега, — всегда лежит в основе преступления. Да, джентльмены, мы живем в высокоцивилизованный век, и зрелище грубого насилия потрясает нас, даже если мы сами от него не страдаем. Но представьте, что вы видите, как насилию подвергается любимая вами женщина. Подумайте, что чувствовали бы вы, каждый из вас, если бы вы были к тому же в возрасте подсудимого. А теперь посмотрите на него. Вряд ли он такая уж благодушная или, скажем, созерцательная натура, чтобы равнодушно глядеть на следы побоев, нанесенных женщине, которой он предан всей душой. Да, джентльмены, посмотрите на него! На его лице нет признаков сильной воли, но нет на нем и признаков порока. Он просто-напросто человек, который легко поддается своим чувствам. Тут говорили о его глазах. Мой коллега может смеяться над словом «чудной», а я думаю, что оно лучше какого-либо другого слова передает особое, жуткое выражение глаз тех людей, нервы которых напряжены до предела. Конечно, его помешательство было не более как мгновенным затмением рассудка, когда утрачивается всякое соотношение вещей. Если человек в такое мгновение убивает себя, ему можно простить — и часто прощают — грех самоубийства. Но ведь находясь в по-

добном состоянии, человек может совершить — и часто совершает — другие преступления, и тогда мы, совершенно таким же образом, можем не приписывать ему преступных намерений, а обойтись с ним, как с больным. Я признаюсь, что это довод, которым легко можно злоупотреблять. Его нужно тщательно взвесить. Но в данном случае у вас есть все основания сомневаться в полной вменяемости подсудимого. Вы слышали, как я спросил его, о чем он думал в течение этих роковых четырех минут. Что он ответил? «Я видел перед собой лицо мистера Коксона». Джентльмены! Такого ответа не выдумаете! Это ответ абсолютно правдивый. Вы видели, какая глубокая взаимная привязанность (законная или нет — другой вопрос) существует между ним и той женщиной, которая, рискуя жизнью, пришла сюда свидетельствовать в его пользу. Невозможно сомневаться в том, что он испытал страшное отчаяние в то утро, когда был совершен подлог. Мы хорошо знаем, какую ужасную сумятицу может вызвать такое отчаяние в сознании людей слабых и нервных. Все, что произошло, было делом одной минуты. Остальное последовало так же неизбежно, как смерть следует за ударом кинжала в сердце, как вода выливается из перевернутого кувшина. Поверьте, джентльмены, нет в жизни большей трагедии, чем сознание, что уже невозможно исправить содеянное тобою. Раз чек был подделан и предъявлен — в те четыре минуты, четыре минуты сумасшествия, — остальное пошло само собой. Но за эти четыре минуты юноша, которого вы видите перед собой, проскользнул в чуть приоткрытую дверцу той огромной клетки, которая, впуская человека, уже не выпускает его, — клетки Правосудия. Дальнейшие его поступки: нежелание признаться, подделка корешка, подготовка к бегству — все это не признаки сознательного и преступного намерения; ведь он уже совершил свой основной проступок, который привел ко всему дальнейшему. Нет! Все это лишь признаки слабого характера, в котором, совершенно очевидно, главная беда подсудимого. Но неужели же человек должен погибнуть за то, что он рожден и воспитан слабохарактерным? Джентльмены, люди, подобные обвиняемому, гибнут ежедневно под тяжестью наших законов, которым не хватает мудрой человечности, чтобы разгля-

деть в таких людях больных, а не преступников. Если подсудимого признают виновным и поступят с ним как с настоящим преступником, он им, по всей вероятности, и станет. Это подтверждается опытом. Я прошу вас не выносить приговора, который бросит его в тюремную камеру, наложит на него неизгладимое клеймо. Джентльмены, Правосудие — машина, которая после первого, начального толчка катится дальше сама собой. Нужно ли, чтобы этот юноша был размолот машиной Правосудия за поступок, который в худшем случае был следствием его слабости? Должен ли он стать одним из тех несчастных, которые заполняют темный, зловещий трюм корабля, называемого тюрьмой? Зачем отправлять его в то плавание, из которого возвращаются лишь немногие? Не лучше ли дать ему возможность загладить свою вину, чтобы на него смотрели только как на человека, который немного сбился в сторону, но вернется на прямой путь? Я взываю к вам, джентльмены: не губите этого молодого человека! Ибо в оплату за четыре минуты невменяемости ему грозит гибель, полная и неотвратимая. Его еще можно спасти. Посадите его в тюрьму как преступника, и я ручаюсь вам, что он погибнет. Его лицо и весь его облик ясно говорят, что он не из тех, кто способен выдержать такое страшное испытание. Положите на одну чашу весов его преступление, а на другую — те муки, которые он перенес. Ведь они и так уже вдесятеро тяжелее. Более двух месяцев он пробыл в тюрьме, ожидая суда. Разве он когда-нибудь забудет это время? Представьте, какие душевные пытки перенес он за эти два месяца. Он уже наказан, джентльмены, вы можете быть в этом уверены. Колесница Правосудия подмяла под себя этого юношу уже тогда, когда решено было возбудить против него судебное преследование. Мы присутствуем при второй стадии. Если вы допустите, чтобы дело дошло до третьей, я не дам за него ни вот столько. *(Складывает в кружок большой и указательный пальцы, роняет руку и садится).*

Присяжные беспокойно ерзают на своих местах, переглядываются, присматриваясь к реакции соседей. Затем они поворачиваются к обвинителю, который встает и, найдя глазами точку, куда ему удобнее всего смотреть, начинает говорить, время от времени переводя взгляд на присяжных,

К л и в е р. Ваша милость (*поднимаясь на цыпочки*), господа присяжные заседатели! Факты этого дела не оспариваются, и защита, если мой коллега разрешит мне так выразиться, построена на столь шатких основаниях, что я не считаю нужным отнимать у суда время подробным разбором свидетельских показаний. У защиты есть только один довод — временное помешательство. Осмеляюсь сказать, джентльмены, что мне виднее, чем вам, почему был выдвинут этот... как бы сказать?... странный довод. Если бы это не было сделано, подсудимому пришлось бы просто признать свою вину. Однако, джентльмены, если бы подсудимый признал себя виновным, моему коллеге оставалось бы лишь взывать к милосердию судьи. Вместо этого он избрал окольный путь и выискал такой... э... своеобразный аргумент, что дало ему возможность выставить перед вами эту пресловутую женщину, вызвать ее в качестве свидетельницы и действительно придать всему делу романтическую окраску. Я поздравляю моего коллегу; я считаю, что он действовал чрезвычайно остроумно. Такими средствами он до некоторой степени обошел закон. Всю историю о мотиве преступления и о переживаниях подсудимого он представил суду так, как это было возможно только при избранной им системе защиты. Но если вы поняли это, джентльмены, вы поняли все. (*С добродушным пренебрежением*). Вернитесь, например, к аргументу о сумасшествии; трудно представить себе что-нибудь менее убедительное. Вы слышали показания женщины. У нее есть все основания поддерживать обвиняемого, но что она сказала? Она сказала, что подсудимый не был безумен, когда расстался с ней утром. Если бы он потерял рассудок от отчаяния, очевидно, именно в этот миг безумие и должно было бы проявиться. Вы слышали показания старшего клерка, также свидетеля защиты. С некоторым трудом я добился от него признания, что обвиняемый, хотя и был «как потерянный» (свидетель надеялся, что вы поймете смысл этого выражения, и я также надеюсь на это), все же не был безумным в ту минуту, когда чек был вручен Дэвису. Я согласен с моим коллегой: жаль, что здесь нет Дэвиса, но подсудимый привел вам слова, с которыми Дэвис, в свою очередь, передал чек ему. Очевидно, он не был безумным в момент, когда брал чек, иначе он

не запомнил бы этих слов. Кассир сказал вам, что подсудимый, несомненно, был в полном рассудке, когда получал по чеку. И вот выходит, что человек, который был в здравом уме в десять минут второго и в пятнадцать минут второго, может утверждать, будто он был безумен в промежутке между двумя указанными моментами, и таким способом избежать ответственности за преступление. Право же, джентльмены, это такое удивительное предположение, что я не намерен утомлять вас дальнейшими доводами. Вы сами составите себе мнение о его ценности. Именно этим предположением воспользовался мой коллега, когда говорил здесь — очень много и очень красноречиво — об ошибках молодости, об искушении и тому подобном. Я мог бы, однако, напомнить, что преступление, совершенное подсудимым, в глазах нашего закона одно из самых тяжких. К тому же, в деле есть особые обстоятельства, как то, что подсудимый дал подозрению пасть на невинного клерка Дэвиса, как связь подсудимого с замужней женщиной, — обстоятельства, при которых вам будет очень трудно придать вес доводам защиты. Короче говоря, я прошу вас, джентльмены, вынести решение о виновности подсудимого, которое, к сожалению, при данных обстоятельствах только и возможно. *(Переводит глаза с судьи и присяжных на Фрома и садится.)*

Судья *(немного наклоняется к присяжным и говорит деловым тоном)*. Джентльмены, вы слышали показания свидетелей и прения сторон. Я обязан лишь разъяснить вам спорные стороны дела, на которые вам следует обратить особое внимание. Поскольку речь идет о подделке подсудимым чека и корешка, факты можно считать установленными. Защита утверждает, что в момент совершения преступления подсудимый был в невменяемом состоянии. Вы слышали рассказ подсудимого и показания свидетелей, относящиеся к вопросу о невменяемости. Если вы считаете все это достаточно убедительным, чтобы согласиться, что в момент совершения подлога обвиняемый не был в здравом уме, вы признаете его виновным, но находившимся в невменяемом состоянии. Если же, с другой стороны, из всего виденного и слышанного вами вы сделаете вывод, что обвиняемый был в здравом уме *(а ничего, кроме помешательства,*

нельзя принимать во внимание), вы признаете его безоговорочно виновным. Разбирая данные о его умственном состоянии, вы должны очень тщательно взвесить показания, относящиеся к его поведению как до совершения подделки, так и после, то есть показания самого подсудимого, свидетельницы, а также свидетеля э... э... Коксона и э... кассира. При рассмотрении этого вопроса я прошу вас обратить особое внимание на признание обвиняемого, что мысль добавить окончание «десять» к слову «восемь» и нуля к цифре пришла ему в голову в тот самый миг, когда ему был вручен чек. Обратите также внимание на подделку им корешка и вообще на все его дальнейшее поведение. Связь этих фактов с вопросом о преднамеренности (а преднамеренность подразумевает здоровое состояние ума) совершенно очевидна. При вынесении своего вердикта вы не должны принимать во внимание такие обстоятельства, как молодость подсудимого или искушение, которому он подвергался. Прежде чем вынести решение «виновен, но находился в невменяемом состоянии», вы должны быть вполне убеждены в том, что по состоянию ума в момент совершения преступления подсудимого следовало бы отправить в сумасшедший дом. (Замолкает, затем, видя, что присяжные колеблются — уходит им или остаться, добавляет.) Вы можете удалиться на совещание, джентльмены, если вам угодно.

Присяжные удаляются в дверь, которая находится в задней стене, позади судьи. Судья склоняется над своими бумагами. Фолдер, перегнувшись через перила, с волнением говорит что-то помощнику Фрома, указывая на Руфь. Тот, в свою очередь, говорит что-то Фрому.

Фром (поднимаясь). Милорд, подсудимый очень обеспокоен положением свидетельницы. Он просит меня ходатайствовать перед вашей милостью о том, чтобы репортерам было дано указание не публиковать в судебных отчетах ее имени. Ваша милость понимает, что это могло бы иметь для нее крайне тяжелые последствия.

Судья (колко, с чуть заметной улыбкой). Но, мистер Фром, вы же сами повернули дело так, что пришлось вызвать ее сюда.

Фром (с ироническим поклоном). Ваша милость

считает, что можно было осветить все обстоятельства дела каким-нибудь иным путем?

Судья. Гм, ну, не знаю.

Фром. Она, действительно, подвергается очень серьезной опасности, ваша милость.

Судья. Видите ли, в этом вопросе мне приходится верить вам на слово.

Фром. Я прошу вашу милость положиться на мое слово, и, уверяю вас, я не преувеличиваю.

Судья. Я очень не люблю скрывать имена свидетелей. *(Бросает взгляд на Фолдера, который сжимает и сплетает руки, затем на Руфь, которая сидит, застыв на месте и не сводя глаз с Фолдера.)* Я обдумаю вашу просьбу. Посмотрим! Я вынужден принять во внимание, что, может быть, она пришла сюда, чтобы дать ложные показания в пользу обвиняемого.

Фром. Ваша милость, право же, я...

Судья. Хорошо, хорошо, я ничего такого не утверждаю, мистер Фром! Оставим пока этот вопрос.

Когда он кончает говорить, возвращаются присяжные и гуськом проходят в свою ложу.

Секретарь суда. Джентльмены, согласовали ли вы свое решение?

Старшина присяжных. Да.

Секретарь суда. Гласит ли оно «виновен» или «виновен, но находился в состоянии невменяемости»?

Старшина присяжных. Виновен.

Судья кивает, затем, собрав свои записи, глядит на Фолдера, который стоит неподвижно.

Фром *(вставая)*. Я прошу разрешения у вашей милости обратиться к вам с просьбой о смягчении приговора. Я не знаю, считает ли ваша милость, что я могу добавить что-нибудь к тому, что я уже говорил присяжным о молодости подсудимого и о том, под каким давлением он находился.

Судья. Не думаю, чтобы вам нужно было повторять все это, мистер Фром.

Фром. Если ваша милость так полагает... Но я по-

корнейшим образом прошу вашу милость придать самое серьезное значение моим доводам.

Судья (секретарю). Продолжайте.

Секретарь суда. Подсудимый, вы признаны виновным в совершении подлога. Имеете ли вы сказать что-нибудь такое, что могло бы смягчить наказание, полагающееся вам в соответствии с законом?

Фолдер отрицательно качает головой.

Судья. Уильям Фолдер, вы подверглись справедливому суду и признаны виновным в подлоге. Это решение я нахожу вполне правильным. *(Останавливается, потом, заглянув в свои записи, продолжает.)* Защита утверждала, что в момент совершения преступления вы были в невменяемом состоянии. Я думаю, что это, несомненно, был лишь предлог для того, чтобы показать суду истинную природу того искушения, которому вы поддались. По существу, в течение всего процесса ваш защитник просто взывал к милосердию суда. Конечно, путь, избранный вашим защитником, дал ему возможность представить такие свидетельские показания, которые могли бы в этом отношении повлиять на суд. Разумно ли это было с его стороны или нет — другой вопрос. Он утверждал, что с вами следует обращаться скорее как с больным, чем как с преступником. Этот довод, который под конец превратился в страстный призыв, он основывал на обвинении Правосудия, которое, по его мнению, может усугубить и завершить процесс формирования из вас преступника. Взвешивая, какое значение мне следует придать этой просьбе, я должен принять во внимание ряд обстоятельств. Я должен принять во внимание прежде всего тяжесть совершенного вами преступления, ту несомненную преднамеренность, с которой вы позднее подделали корешок чека, опасность, которую вы навлекли на невинного человека, — а это, по-моему, очень серьезный момент, — и, наконец, я должен считаться с необходимостью предостеречь других, которые могли бы последовать вашему примеру. С другой стороны, я не забываю того, что вы молоды, что до сих пор ваше поведение было безупречным, что, если верить вашим собственным показаниям и показаниям свидетелей защиты, вы в момент совершения преступления находились в не-

котором возбуждении. Я очень хотел бы, насколько позволяет мой долг не только по отношению к вам, но и по отношению к обществу, поступить с вами мягко. Но это приводит меня к тому, что является, как мне кажется, решающим фактором в нашем деле. Вы были клерком в юридической конторе — это, по-моему, весьма важное обстоятельство. Тут никак нельзя допустить, что вы не отдавали себе ясного отчета в серьезности совершаемого вами преступления и не знали, какое наказание оно за собой влечет. Однако здесь говорилось о том, что вас увлекли ваши чувства. Мы сегодня слышали историю ваших отношений с этой... э... миссис Ханиуил. На этой истории, собственно, были основаны и защита и призыв к милосердию. Но что же это за история? Вы, молодой человек, и она, молодая женщина, несчастливая в своем замужестве, питали друг к другу чувства, которые, как вы оба говорите (я не могу судить, правда это или нет), еще не привели к безнравственным отношениям, но, как вы оба признаете, неизбежно привели бы к ним. Ваш защитник пытался смягчить это обстоятельство утверждением, что женщина, по его словам, была в «безвыходном положении». Не мне судить об этом. Она замужняя женщина, и мне совершенно ясно, что вы совершили преступление с целью осуществить безнравственный замысел. Итак, при всем моем желании, я, по совести, не могу удовлетворить просьбу о милосердии, основанную на доводах, противоречащих морали. Эти доводы несостоятельны *ab initio*¹, и если бы я внял им, вам тем самым была бы предоставлена возможность завершить свой безнравственный план. Ваш защитник пытался связать ваше преступление с тем, что он, по-видимому, считает недостатком нашего закона о браке. Он пытался также доказать, что было бы несправедливо наказывать вас дальнейшим тюремным заключением. Я не могу согласиться с ним в этом. Закон есть закон — величественное здание, под сенью которого мы все обретаемся, и каждый камень его покоится на других камнях. Мое дело — лишь выполнять закон. Вы совершили очень тяжкое преступление. Принимая во внимание мой долг перед обществом, я не могу воспользоваться предоставленной мне властью

¹ С самого начала (лат.).

смягчить вашу участь. Я присуждаю вас к трем годам каторжных работ.

Фолдер, который во время речи судьи внимательно смотрел на него, роняет голову на грудь. Когда стражники уводят его, Руфь вскакивает с места. В зале движение.

(Репортерам.) Я прошу представителей прессы не упоминать имени свидетельницы в отчетах.

Репортеры кланяются в знак согласия.

(Руфи, которая, не отрываясь, смотрит в направлении, куда увели Фолдера.) Вы поняли? Ваше имя не будет упомянуто.

Коксон (дергая ее за рукав). К вам обращается судья.

Руфь оборачивается, пристально смотрит на судью и снова отворачивается.

Судья. Мне сегодня придется еще посидеть здесь. Объявите следующее дело.

Секретарь суда (стражнику). Переходим к делу Джона Були.

Под возгласы «Свидетели по делу Були!» занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Тюрьма. Просто обставленная комната. Два больших окна с решетками выходят на тюремный двор, где люди в желтой одежде и в желтых шапках без козырьков быстро шагают гуськом, на расстоянии четырех шагов друг от друга по зигзагообразной белой линии, начерченной на цементе двора. Посредине стоят два стражника в синей форме, в островерхих фуражках и при саблях. В комнате выцветшие стены, шкаф с множеством официального вида книг. Между окнами конторский шкаф, на стене план тюрьмы. Письменный стол завален бумагами. Сочельник. Начальник тюрьмы — подтянутый, строгого вида мужчина с подстриженными светлыми усами, задумчивыми глазами и седыми, редющими на висках волосами — стоит у письменного стола, рассматривая пилку, грубо сделанную из куска металла. На руке, в которой он держит пилку, не хватает двух пальцев, и поэтому на нее надета перчатка. В двух шагах от него стоит навывтяжку старший надзиратель Вудер, высокий, худой, лет шестидесяти, с военной выправкой. У него седые усы и печальные, как у обезьяны, глаза.

Начальник (со слабой, рассеянной улыбкой). Любопытная вещица, Вудер! Где вы ее разыскали?

Вудер. У него в матраце, сэр. Уже года два мне не попадались такие штучки.

Начальник (с любопытством). У него был какой-нибудь определенный план?

Вудер. Он успел перепилить прут оконной решетки вот на столько. (Показывает двумя пальцами расстояние примерно в полсантиметра.)

Начальник. Я зайду к нему в камеру сегодня же. Как его зовут? Моуни? Стреляный воробей, надо полагать?

Вудер. Да, сэр, сидит четвертый раз. Такому тюремному старожилу пора бы уж знать, что все это бесполезно. *(С презрительной жалостью.)* Занятие, говорит, по крайней мере. Одно у них занятие: двери взламывать да окна высаживать — что на воле, что здесь.

Начальник. Кто сидит рядом к ним?

Вудер. О'Клири, сэр.

Начальник. А! Тот ирландец!

Вудер. А в следующей камере — парнишка Фолдер, каторжный, а рядом с ним — старик Клиптон.

Начальник. Да-да, «философ»! Надо будет поговорить с ним о его глазах.

Вудер. Ведь вот что интересно, сэр: они как будто знают, когда кто-нибудь затевает побег. Делаются какими-то беспокойными. Вот и сейчас, настоящая волна прокатилась!

Начальник *(задумчиво)*. Странная вещь — эти волны возбуждения. *(Оборачивается и разглядывает арестантов, выведенных на прогулку.)* А здесь, на дворе, кажется, все спокойно.

Вудер. Утром этот ирландец О'Клири начал барабанить в дверь камеры. И от такой вот мелочи все заключенные сразу словно взбесились. Они иной раз точно звери неразумные.

Начальник. Так бывает с кавалерийскими лошадьми перед грозой, я это видел: по всему строю вдруг словно что-то прокатится.

Входит тюремный священник. Это темноволосый, аскетического вида человек в будничной священнической одежде. У него неподвижное лицо, плотно сжатые губы, размеренная речь образованного человека.

(Показывая пилку.) Видели, Миллер?

Священник. Полезная вещичка.

Начальник. Годится для нашего музея, а? *(Идет к шкафу и открывает его. Внутри виден целый ряд каких-то веревок, крючков и металлических инструментов; к каждому из них привязан ярлычок.)* Благодарю вас, мистер Вудер, вы свободны.

Вудер *(отдает честь)*. Слушаюсь, сэр. *(Уходит.)*

Начальник. Это объясняет поведение заключен-

ных за последние день-два, как вы думаете, Миллер? Возбуждение прокатилось по всем этажам.

Священник. Я не заметил ничего особенного.

Начальник. Да, кстати! Я хотел бы пригласить вас пообедать с нами на рождество.

Священник. Завтра? Очень вам благодарен.

Начальник. Меня всегда огорчает, когда среди заключенных появляется недовольство. (*Бросает взгляд на пилку.*) Придется наказать беднягу! Не могу не сочувствовать человеку, который пытается вырваться на волю. (*Кладет пилку в карман и запирает шкаф.*)

Священник. У некоторых из них удивительная сила воли, причем какая-то извращенная. Пока ее не сломишь, с ними ничего нельзя поделать.

Начальник. Боюсь, что и потом от них не много добьешься. Как сегодня земля? Не слишком затвердела, чтобы сыграть в гольф?

Снова входит Вудер.

Вудер. Посетитель, который навещал заключенного «Ка-три-ноль-ноль-семь», желает поговорить с вами, сэр. Я заявил ему, что это не принято.

Начальник. По какому вопросу?

Вудер. Сказать ему, что вы заняты, сэр?

Начальник (*как бы покорившись своей участи*). Нет, нет, я поговорю с ним. Не уходите, Миллер!

Вудер подает знак кому-то, стоящему за дверью, пропускает посетителя и уходит. Посетителем оказывается Коксон. На нем теплое пальто до колен, шерстяные перчатки, в руках цилиндр.

Коксон. Простите, что побеспокоил вас. Я только что беседовал с молодым человеком.

Начальник. У нас здесь много молодых людей.

Коксон. Его фамилия Фолдер. Дело о подлоге. (*Достает свою визитную карточку и протягивает ее начальнику.*) Фирма Джеймс и Уолтер Хау хорошо известна в юридическом мире.

Начальник (*беря карточку, с легкой улыбкой*). О чем же вы хотите поговорить со мной, сэр?

Коксон (внезапно замечая арестантов во дворе).
Боже, какое зрелище!

Начальник. Да, отсюда мы вынуждены любоваться этим зрелищем. Мой собственный кабинет ремонтируется. (Садится за стол.) Я вас слушаю.

Коксон (с трудом отрывая взгляд от окна). Мне очень хотелось сказать вам несколько слов. Я ненадолго задержу вас. (Доверительно.) Дело в том, что у меня, собственно, нет права быть здесь. Но ко мне приходила его сестра — родителей-то его нет в живых, — и она прямо в отчаянии. «Мой муж, — это она мне говорит, — не пускает меня к нему и все твердит, что Уильям опозорил семью. А другая сестра у нас совсем больная». Вот она и попросила, чтобы пошел я. Ну, а я ведь интересуюсь молодым человеком. Он служил у нас младшим клерком, мы с ним были в одном приходе, так что мне не хотелось отказывать. А вам я хочу сказать вот что: мне кажется, он чувствует себя здесь одиноким.

Начальник. Не удивительно.

Коксон. Мне не выкинуть этого из головы. Я вижу, что многие здесь работают вместе.

Начальник. Это наши собственные заключенные, а те, кто осужден на каторжные работы, отбывают здесь три месяца в одиночном заключении, сэр.

Коксон. Но ведь надо же считаться с обстоятельствами. Он совершенно подавлен. Моя просьба к вам — разрешить ему встречаться с другими.

Начальник (несколько развлеченный этой сценой). Будьте любезны, Миллер, позвоните. (Коксону.) Может быть, вам интересно послушать, что скажет о нем тюремный врач?

Священник (звонит). Вы, по-видимому, не привыкли бывать в тюрьмах, сэр?

Коксон. Нет. Но это такая печальная картина! А он совсем молодой человек. Я сказал ему: «Не пройдет и месяца, как вы выйдете из одиночки и окажетесь среди людей, это будет для вас такая приятная перемена!» А он отвечает: «Целый месяц!» «Ну, ну, — говорю я, — не надо унывать. Что такое месяц? Чепуха!» А он говорит: «Один день здесь, в этой камере, когда сидишь под

замком и все думаешь и тоскуешь, тянется дольше, чем год на воле. Я ничего не могу поделать! — говорит он. — Я стараюсь держать себя в руках, но такой уж я человек, мистер Коксон!» Тут он закрыл лицо рукой, и сквозь его пальцы покатались слезы. Так тяжело было смотреть...

Священник. Это молодой человек с большими, немного странными глазами, не так ли? Кажется, не англиканской церкви?

Коксон. Совершенно верно.

Священник. Я его знаю.

Начальник (*вошедшему Вудеру*). Скажите доктору, что я очень прошу его зайти сюда на минуту.

Вудер отдает честь и выходит.

Он ведь как будто не женат?

Коксон. Нет. (*Доверительно.*) Но есть женщина, которой он очень предан. Не совсем-то там все благополучно. Это печальная история.

Священник. Если бы не вино и не женщины, сэр, все тюрьмы можно было бы закрыть!

Коксон (*глядя на священника поверх очков*). Д-да, но об этом я хотел бы поговорить с вами особо. Он надеялся, что ей разрешат прийти сюда и навестить его, но ей не разрешили. Конечно, он расспрашивал меня про нее. Я старался говорить как можно осторожнее, но я не мог лгать бедняге, когда он сидит здесь, это было бы все равно, что ударить его. Боюсь, что мои слова еще больше расстроили его.

Начальник. Какие же новости вы ему сообщили?

Коксон. Дело вот в чем. Муж этой женщины — грубый и злой человек, и она ушла от него. По правде говоря, она собиралась уехать с нашим молодым другом. Конечно, это дурно, но я уж им прощаю. Так вот, когда его посадили, она сказала, что будет сама зарабатывать себе на жизнь и ждать его возвращения. Это было для него большим утешением. Но через месяц она пришла ко мне, — хотя лично я с ней не знаком, — и говорит: «Я не могу заработать столько, чтобы прокормить детей. Мне и на себя не заработать. Я совсем

одна, у меня нет друзей, я должна от всех прятаться, чтобы муж не узнал, где я. Я совсем извелась!» И вправду, она очень похудела. «Мне,— говорит,— придется идти в работный дом». Очень печальная история. А я ей и говорю: «Нет, только не это! У меня у самого жена и дети, я не богат, но лучше уж я поделюсь с вами чем могу, только бы вы не шли в работный дом». А она, славная женщина, отвечает на это: «Право же, я не могу брать у вас деньги. Я думаю, лучше уж мне вернуться к мужу!» Ну, я знаю, что он негодяй, пьяница притом, но не мог же я отговаривать ее.

Священник. Конечно, нет.

Коксон. Д-да. А вот теперь я жалею. Это было страшным ударом для бедного юноши. И вот что я хочу вам сказать: ему дали три года каторги. Надо бы сделать так, чтобы ему было полегче!

Священник (*проявляя признаки нетерпения*). Вряд ли закон будет на вашей стороне.

Коксон. Я боюсь, что здесь, в одиночке, он наверняка помешается, а ведь этого, я полагаю, никто не хочет. Когда я у него был, он плакал. Неприятно видеть, когда мужчина плачет.

Священник. Они очень редко так распускаются.

Коксон (*глядя на него, говорит с внезапной враждебностью*). Я держу собак.

Священник. В самом деле?

Коксон. Д-да. И скажу вам: даже если б какая-нибудь из них искусала меня, я не запер бы ее одну и не держал под замком месяц за месяцем.

Священник. К сожалению, преступник не собака. Он наделен способностью сознавать, что хорошо, а что дурно.

Коксон. Но так вы навряд ли заставите его понять подобные вещи.

Священник. Мы, видимо, по-разному смотрим на это.

Коксон. Опять же, как с собаками. Если с собакой обращаться ласково, она будет готова для тебя на все, но если ее запереть одну, она озверевает.

Священник. Право, предоставьте судить о том, что хорошо для заключенных, тем, кто имеет больше опыта.

Коксон (*упрямо*). Я знаю этого молодого человека. Уже несколько лет я наблюдаю за ним. Он слабонервный, у него нет никакой закалки. Отец его умер от чахотки. И меня беспокоит его будущее. Если его будут держать здесь взаперти одного, где он даже кошки не увидит, это кончится для него плохо. Я спросил его: «Что вы чувствуете?» А он ответил: «Я не могу объяснить вам, мистер Коксон. Но иногда мне хочется биться головой об стенку!» Нехорошо это.

Пока Коксон говорит, входит тюремный врач. Это благообразный человек среднего роста, с живыми глазами. Он стоит, прислонившись к подоконнику.

Начальник. Этот джентльмен считает, что одиночное заключение плохо действует на арестанта «Катри-ноль-ноль-семь». Фолдер, знаете? Такой худощавый молодой человек. Что вы скажете, доктор Клементс?

Доктор. Ему не нравится сидеть в одиночке, но это не приносит ему никакого вреда.

Коксон. Но он сам мне говорил.

Доктор. Конечно, он будет это говорить, но ведь говорить можно все что угодно. Он даже не потерял в весе с тех пор, как попал сюда.

Коксон. Я говорю о его душевном состоянии.

Доктор. Пока что его душевное состояние вполне удовлетворительное. Он человек нервный, склонный к меланхолии. Никаких признаков чего-либо худшего я не замечаю. Я внимательно слежу за ним.

Коксон (*растерявшись*). Я очень рад, что вы так говорите.

Священник (*более мягко и вкрадчиво*). Именно во время одиночного заключения нам удастся оказать на них некоторое влияние, сэр. Я говорю с точки зрения своего сана.

Коксон (*в замешательстве оборачиваясь к начальнику тюрьмы*). Мне не хочется быть назойливым, но я просто боюсь за него после той неприятной новости, которую я сообщил ему.

Начальник. Я непременно повидать его сегодня.

Коксон. Очень вам признателен. Но только, может, если вы видите его каждый день, вам и не заметно.

Начальник (с некоторой резкостью). Если появятся какие-нибудь тревожные признаки, мне сейчас же доложат. У нас все предусмотрено. (Встает.)

Коксон (следуя за ходом своих мыслей). Конечно, чего не видишь, о том и не думаешь. Но я вот повидал его, и теперь у меня все время на сердце скребет.

Начальник. Мне кажется, что вы можете во всем положиться на нас, сэр.

Коксон (успокоенный, извиняющимся тоном). Я надеюсь, вы поймете меня. Я простой человек и никогда не выступал против властей. (Обращаясь к священнику.) Я никого не хотел обидеть. До свидания!

Когда он уходит, три представителя тюремной власти не смотрят друг на друга, но на лице каждого из них свое, особое выражение.

Священник. Кажется, наш приятель думает, что тюрьма — это санаторий.

Коксон (внезапно возвращается, с виноватым видом). Еще два слова. Эта женщина... Вероятно, мне не следовало бы просить вас об этом, но, может быть, вы разрешите ему повидаться с ней. Это было бы такой радостью для них обоих! Он все время думает о ней. Конечно, она не жена ему, но они оба такие несчастные. Вы не можете сделать исключение?

Начальник (устало). Как вы сами изволили сказать, я не могу делать исключений. Никому не будет разрешено навещать его до тех пор, пока он не будет переведен в тюрьму для каторжных.

Коксон. Понятно. (Довольно холодно.) Простите, что побеспокоил вас. (Снова выходит.)

Священник (пожимая плечами). Вот уж действительно простая душа! Не пойти ли нам позавтракать, Клементс?

Он и доктор выходят, беседуя. Начальник тюрьмы со вздохом садится за свой стол и берет перо.

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Часть коридора первого яруса тюрьмы. Стены покрашены зеленоватой краской, на высоте человеческого плеча тянется полоска темно-зеленого цвета. Выше этой полоски стены выбелены. Почерневший каменный пол. Дневной свет пробивается сквозь окно с толстой решеткой в конце коридора. Видны двери четырех камер. В каждой двери — круглый глазок с крышкой. Если отвести ее вверх, можно увидеть, что делается внутри камеры. На стене у каждой камеры висит квадратная дощечка с именем заключенного, его номером и дисциплинарными пометками.

Вверху видны железные мостки второго и третьего ярусов. Надзиратель, бородатый человек в синей форме, переднике и со связкой болтающихся ключей, выходит из камеры.

Надзиратель (с порога обращаясь в глубь камеры). Когда с этим покончишь, принесу еще.

О'Клири (его не видно. Говорит с ирландским акцентом). Да уж конечно, сэр-р!

Надзиратель (ему хочется поболтать). Ну, я думаю, все-таки лучше такая работа, чем никакой.

О'Клири. А вот это святая истина.

Слышно, как вдали захлопывают и запирают дверь.

Надзиратель (совсем другим, строгим голосом). Пошевеливайся с работой! (Закрывает дверь камеры и вытягивается в струнку.)

По коридору проходит начальник тюрьмы в сопровождении Вудера.

Начальник. Никаких происшествий?

Надзиратель (отдавая честь). «Ка-три-ноль-ноль-семь» (указывает на одну из камер) отстает с работой, сэр. Он сегодня не выполнит задания.

Начальник кивает головой и проходит к последней камере. Надзиратель уходит.

Начальник. А здесь наш специалист по пилам?

Достает из кармана пилку, в то время как Вудер распахивает дверь камеры. Виден заключенный Моуни, лежащий в шалке на кровати поперек камеры. Он вскакивает и останавливается посередине камеры. Это человек лет пятидесяти пяти, широкий в кости, с торчащими ушами, что делает его похожим на летучую мышь, и злыми внимательными глазами стального цвета.

В у д е р. Шапку долой!

Моуни снимает шапку.

Выйди сюда!

Моуни подходит к двери.

Н а ч а л ь н и к (*делает ему знак, чтобы он вышел в коридор, и, показывая пилку, говорит с ним, как офицер с солдатом*). Это что еще за фокусы, милейший?

Моуни молчит.

Ну?

Моуни. Просто так, время коротал.

Н а ч а л ь н и к (*указывая внутрь камеры*). Мало работы, а?

Моуни. При этой работе голова не занята.

Н а ч а л ь н и к (*постукивая по пилке*). Можно было придумать что-нибудь получше этого.

Моуни (*угрюмо*). А что тут придумаешь? Опять же сноровку надо сохранить на случай, когда выйду отсюда. Теперь мне поздно думать о чем-нибудь другом. (*По мере того, как язык его развязывается, начинает говорить вежливо.*) Вы же понимаете, сэр. Вот отсижу я свой срок, а через год или два попадусь опять. Но я не хочу осрамиться, когда буду на воле. Вы же гордитесь тем, что хорошо содержите тюрьму, ну, а у меня есть своя гордость. (*Видя, что начальник тюрьмы слушает его с интересом, продолжает, указывая на пилку.*) Я должен был делать что-нибудь такое. Никому от этого вреда не было. Я пять недель делал эту пилку, и она неплохо вышла. А теперь я, наверное, получу карцер или неделю на хлебе и воде. Вы тут ничего не можете поделать, сэр, я понимаю, я вполне вхожу в ваше положение.

Н а ч а л ь н и к. Послушайте-ка, Моуни, если я вам спущу на этот раз, вы мне дадите слово, что больше не будете делать ничего подобного? Подумайте! (*Входит в камеру, идет в дальний ее конец, влезает на табурет и проверяет прутья оконной решетки. Возвращается.*) Ну, как?

Моуни (*который все это время раздумывал*). Мне осталось еще шесть недель в одиночке. А сидеть и ничего не делать я не могу. Мне нужно чем-нибудь

занять себя. Предложение вы мне сделали джентльменское, сэр, но слово я дать не могу. Не стану же я обманывать джентльмена. (*Указывая на пилку.*) Еще четыре часа работы, и дело было бы сделано!

Н а ч а л ь н и к. Да, а что потом? Вас бы поймали, вернули, наказали. Пять недель упорной работы, чтобы сделать пилку, а в конце концов карцер, и вы сидели бы там, пока вставят новую решетку. Стоит ли, Моуни?

М о у н и (*обозленно*). Стоит, сэр!

Н а ч а л ь н и к (*потирая рукой лоб*). Ну что ж! Двое суток карцера на хлебе и воде!

М о у н и. Благодарю вас, сэр. (*Быстро поворачивается и, как зверь, проскальзывает в свою камеру.*)

Начальник смотрит ему вслед и качает головой; в это время Вудер закрывает и запирает на замок дверь камеры.

Н а ч а л ь н и к. Откройте камеру Клиптона.

Вудер открывает дверь. Клиптон сидит на табурете у самой двери и чинит брюки. Это маленький, толстый, пожилой человек с коротко стриженной головой и маленькими, как тлеющие угольки, темными глазами за дымчатыми стеклами очков. Он поднимается и неподвижно стоит на пороге, вглядываясь в посетителей.

(*Делая знак рукой, чтобы он вышел*). Выйдите-ка сюда на минутку, Клиптон!

Клиптон с каким-то унылым спокойствием выходит в коридор, держа в руке иголку и нитку. Начальник делает знак Вудеру, который входит в камеру и тщательно осматривает ее.

Как ваши глаза?

К л и п т о н. Не могу пожаловаться. Здесь не очень-то много солнца. (*Делает движение головой, вытягивая шею.*) Раз уж у нас зашел такой разговор, начальник, у меня есть просьба: прикажите парню в соседней камере вести себя потише.

Н а ч а л ь н и к. А что случилось? Я не люблю доносов, Клиптон.

К л и п т о н. Он не дает мне спать. Я и не знаю, кто это. (*С презрением.*) Наверное, из каторжных. Ему не место среди нас!

Н а ч а л ь н и к (*спокойно*). Совершенно верно, Клиптон. Мы переведем его, когда освободится какая-нибудь камера.

Клиптон. Чуть свет он начинает ходить взад вперед, как дикий зверь. Я к этому не привык, меня это будит. И вечером тоже. Это несправедливо, начальник, раз уж на то пошел разговор. Сон — это для меня главное, единственное утешение, можно сказать, и его никто не должен отнимать у меня.

Вудер выходит из камеры, и Клиптон, как будто вдруг погаснув, юрким движением проскальзывает туда.

Вудер. Все в порядке, сэр.

Начальник кивает. Вудер закрывает дверь и запирает ее на замок.

Начальник. Кто это колотил утром в дверь?
Вудер (направляясь к камере О'Клири). Вот этот, сэр, О'Клири. (Поднимает крышечку глазка и заглядывает в камеру.)

Начальник. Откройте!

Вудер распахивает дверь. О'Клири сидит за столиком у двери и как будто прислушивается. Он вскакивает и вытягивается на пороге. Это широколицый, скуластый человек средних лет. У него большой рот, тонкие губы, впалые щеки.

Вудер. Что это за шутки, О'Клири?

О'Клири. Шутки, ваша милость? Давненько я не слышал шуток!

Начальник. Зачем вы колотите в дверь?

О'Клири. Ах, вот вы о чем!

Начальник. Ведете себя, как баба!

О'Клири. За последние два месяца я и вправду стал бабой.

Начальник. Жалуетесь на что-нибудь?

О'Клири. Нет, сэр.

Начальник. Вы же не новичок, должны бы понимать!

О'Клири. Да, я уж через все прошел.

Начальник. Рядом с вами сидит мальчишка. Вы знаете, как это может на него подействовать.

О'Клири. На меня накатило, сэр. Не могу я всегда быть спокойным.

Начальник. С работой у вас все в порядке?

О'Клири (берет в руки тростниковый мат, который он плетет). Я это могу делать не глядя. Самая дрянная работа: тут и мышинных мозгов не требуется. (Рот у

него начинает кривиться.) Это вот где во мне сидит. Хоть бы немного шума! Ну вот самую малость — мне бы сразу полегчало.

Начальник. Вы знаете не хуже моего, что, если бы вы работали в мастерских, вам тоже не разрешали бы болтать.

О'Клири (с многозначительным видом). Языком — нет!

Начальник. А как же?

О'Клири. Ну, там бы я все равно наговорился.

Начальник (улыбаясь). Ну, так не разговаривайте больше с помощью двери!

О'Клири. Не буду, сэр. У меня хватит ума не повторяться.

Начальник (поворачиваясь). Спокойной ночи!

О'Клири. Спокойной ночи, ваша честь! (Возвращается в камеру.)

Начальник закрывает дверь.

Начальник (глядя на дощечку с характеристикой). Ничего не могу поделаться: нравится мне этот проход!

Вудер. Да, он душевный человек, сэр.

Начальник (указывая вдоль коридора). Попросите сюда доктора, мистер Вудер.

Вудер отдает честь и уходит по коридору. Начальник подходит к двери камеры Фолдера. Здоровой рукой он дотронулся было до глазка, но, так и не открыв его, качает головой и опускает руку. Потом, внимательно прочитав дощечку с характеристикой, открывает дверь камеры. Фолдер, который стоял, прислонясь к двери, вскрикивает от неожиданности и чуть не падает вперед.

(Делая ему знак выйти из камеры.) Скажите мне, не пора ли вам успокоиться, Фолдер?

Фолдер (с трудом переводя дыхание). Да, сэр.

Начальник. Вы понимаете, о чем я говорю? Что толку биться головой о каменную стену?

Фолдер. Понимаю, сэр.

Начальник. Ну, так как же?

Фолдер. Я стараюсь, сэр.

Начальник. Вам не спится?

Фолдер. Сплю очень мало. Самое плохое время — от двух часов ночи до подъема.

Начальник. Почему?

Фолдер (*губы его кривятся в подобие улыбки*). Не знаю, сэр. Я всегда был нервным. (*Внезапно его точно прорвало.*) Ночью все кажется таким огромным. У меня такое чувство, будто мне в жизни не выйти отсюда.

Начальник. Это все — воображение, мой друг. Возьмите себя в руки!

Фолдер (*со столь же внезапной ноткой отчужденности*). Да, придется!..

Начальник. Вы думали о всех остальных, которые сидят здесь?

Фолдер. Они привыкли.

Начальник. Но все они когда-то прошли через это впервые, как вы сейчас.

Фолдер. Да, сэр, я думаю, что со временем и я стану таким, как они.

Начальник (*несколько оторопев от подобного ответа*). Гм, да. Это зависит только от вас. Послушайте, подтянитесь, будьте умницей. Вы еще очень молоды. Человек может устроить свою жизнь, как он сам хочет.

Фолдер (*задумчиво*). Может быть, сэр.

Начальник. Возьмите себя в руки. Вы читаете что-нибудь?

Фолдер. Слова не доходят до меня. (*Опуская голову.*) Я знаю, это нехорошо, но я не могу не думать о том, что происходит на воле. Из своего окна я ничего не вижу.

Начальник. У вас был посетитель. Он сообщил вам что-нибудь неприятное?

Фолдер. Да.

Начальник. Вам не следует думать об этом.

Фолдер (*оглядываясь на свою камеру*). Как же я могу не думать, сэр?

Внезапно застывает, так как появляются Вудер и доктор.

Начальник жестом приказывает ему вернуться в камеру.

(*Торопливо, вполголоса.*) Мой разум в полном порядке, сэр. (*Возвращается в камеру.*)

Н а ч а л ь н и к (д о к т о р у). Пойдите, Клеметс, и осмотрите его.

Д о к т о р входит в камеру. Начальник прикрывает за ним дверь и отходит к окну.

В у д е р (с л е д я з а н и м). Мне очень жаль, что вам так докучают, сэр. Вообще-то они всем вполне довольны.

Н а ч а л ь н и к (с у х о). Вы так думаете?

В у д е р. Да, сэр. По-моему, все это из-за рождественского праздника.

Н а ч а л ь н и к (п р о с е б я). Как странно!

В у д е р. Прошу прощения, сэр?

Н а ч а л ь н и к. Рождество!.. (Отворачивается к окну.)

Вудер смотрит на него с некоторым беспокойством.

В у д е р (в н е з а п н о). Вы думаете, мы недостаточно отметили праздник, сэр? Может быть, вы хотите что-нибудь добавить?

Н а ч а л ь н и к. Нет, не нужно, мистер Вудер.

В у д е р. Слушаю, сэр.

Д о к т о р выходит из камеры Фолдера, и начальник жестом подзывает его.

Н а ч а л ь н и к. Ну как?

Д о к т о р. Трудно что-нибудь о нем сказать. Нервный, конечно.

Н а ч а л ь н и к. Есть ли основания подавать о нем рапорт? Скажите откровенно, доктор!

Д о к т о р. Ну, разумеется, одиночка ему не так уж полезна, но то же самое я мог бы сказать об очень многих из них. Несомненно, в мастерских они чувствовали бы себя лучше.

Н а ч а л ь н и к. Вы хотите сказать, что и о других следовало бы доложить?

Д о к т о р. По крайней мере, о десятке! Что касается этого молодого человека, одиночное заключение действует ему на нервы, но ничего ясно выраженного нет. Возьмите вот этого парня (указывает на камеру О'Клири) — по-своему он страдает ничуть не меньше. Если бы я отступил от чисто внешних данных, я не знал бы, что думать. По совести говоря, сэр, я не

знаю, как можно выделить его среди всех других. Он не потерял в весе. Зрение у него нормальное, пульс хороший, говорит здраво.

Н а ч а л ь н и к. Нет ли состояния подавленности?

Д о к т о р (качая головой). Если вы хотите, я могу написать на него рапорт, но тогда уж мне придется доложить и о других.

Н а ч а л ь н и к. Понимаю. (Смотрит на камеру Фолдера.) Значит, бедняге придется потерпеть! (Говоря это, он рассеянно смотрит на Вудера.)

В у д е р. Прошу прощения, сэр?

Не отвечая, начальник медлит, уставясь на него, потом поворачивается на каблуках и уходит. Слышен звук, как будто бьют по металлу.

Н а ч а л ь н и к (останавливаясь). Мистер Вудер?

В у д е р. Опять начали колотить в двери, сэр. Я так и думал, что это еще повторится. (Спешит вперед, обгоняя начальника тюрьмы, который медленно следует за ним.)

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Камера Фолдера. Выбеленная комната в тринадцать футов длиной, семь — шириной и девять — высотой, со сводчатым потолком. Пол темный, кирпичный, лоснящийся. В задней стене камеры высоко расположенное окно из непрозрачного стекла, забранное решеткой. В окно вделан вентилятор. В середине противоположной стены узкая дверь. В углу свернутые матрац и постельные принадлежности (два одеяла, две простыни, покрывало). Над ними деревянная полочка, на ней в виде симметричной пирамидки лежат библия и несколько книжек религиозного содержания. Там же черная головная щетка, зубная щетка и кусок мыла. В другом углу поставленная стоймя деревянная койка. Под окном отдушина с темной крышкой, другая — над дверью. Работа Фолдера (рубашка, в которой он делает петли для пуговиц) висит на гвозде над деревянным столиком, на котором лежит открытый роман «Лорна Дун». В углу около двери небольшой квадратный экран из толстого стекла. Он скрывает вделанный в стену газовый рожок. В камере есть еще деревянный табурет, под которым стоит пара башмаков. Под окном поставлены в ряд три блестящие круглые жестянки.

При быстро угасающем свете дня виден Ф о л д е р. Без башмаков, в одних носках, он неподвижно стоит, наклонив голову к две-

ри, и прислушивается. Потом бесшумно подходит ближе к двери, стоит, слушает жадно, напряженно, стремясь уловить что-нибудь, хотя бы самый незначительный шум извне. Внезапно вздрогнув, выпрямляется, будто услышал что-то, и стоит, застыв. Затем с тяжелым вздохом направляется к своей работе и глядит на нее, опустив голову. Он делает стежок или два с видом человека, глубоко погруженного в скорбь, и каждый стежок как бы возвращает его к жизни из небытия. Немного погодя, вскакивает и начинает шагать взад вперед по камере, поворачивая голову из стороны в сторону, как зверь в клетке. Опять останавливается у двери, прислушивается и, приложив ладони с растопыренными пальцами к двери, прижимается лбом к железу. Затем медленно идет к окну, ведя пальцем по цветной полоске, которая тянется через всю стену. Остановившись под окном, снимает крышку с одной из жестянок и внимательно всматривается в нее, точно хочет найти себе товарища в своем отражении. Почти совсем стемнело. Вдруг он роняет крышку, и она с грохотом падает на пол — это единственный звук, который нарушил тишину. Фолдер пристально вглядывается в стену, где белеет в темноте висящая на гвозде рубашка; кажется, будто он видит там кого-то или что-то. Вдруг раздается резкий щелкающий звук: это в камере за стеклянным экраном включился свет. Теперь камера ярко освещена. Фолдер ловит ртом воздух.

Откуда-то издалека начинает долетать звук, похожий на глухие удары по металлу. Фолдер отшатывается. Видно, что он не в силах выносить этот внезапный гул. А звуки все нарастают, точно к камере катится большая телега. Усиливающийся грохот постепенно как бы гипнотизирует Фолдера. Шаг за шагом он крадется к двери. Барабанный стук, переходя от камеры к камере, раздается все ближе. Руки Фолдера приходят в движение, точно душою он уже присоединился к этому концерту, а шум растет, и кажется, что он уже наполнил всю камеру. Внезапно Фолдер поднимает сжатые кулаки. Тяжело дыша, он кидается на дверь и начинает бить по ней кулаками.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Два года спустя. Мартовское утро, без нескольких минут одиннадцать. Сцена опять изображает комнату Коксона. Все двери открыты. С у и д л, у которого теперь уже пробиваются усики, убирает контору. Раскладывает бумаги на столе Коксона. Затем подходит к умывальнику, поднимает крышку и рассматривает себя в зеркало. Пока он любуется собой, Р у ф ь Х а н и у и л входит через дверь приемной и останавливается на пороге. За ее внешним спокойствием таятся возбуждение и тревога.

С у и д л (заметив ее, с шумом роняет крышку умывальника). А! Это вы?

Р у ф ь. Да.

С у и д л. Я здесь пока один. Наши с утра не очень-то торопятся сюда. А похоже, что уже два года мы не имели удовольствия видеть вас. (Неуверенно.) Что вы делали все это время?

Р у ф ь (с горькой иронией). Жила!

С у и д л (не без уважения). Если вы хотите видеть его (указывает на кресло Коксона), то он сейчас будет. Он никогда на много не опаздывает. (Деликатно.) Я надеюсь, ваш друг вернулся из загородной поездки. Кажется, его срок истек три месяца назад.

Р у ф ь кивает.

Я был тогда ужасно огорчен. Если хотите знать мое мнение, хозяин сделал ошибку.

Р у ф ь. Да, большую ошибку.

С у и д л. Надо было дать ему загладить свою вину.

И я считаю, что судья должен был отпустить его. Они забыли, что такое человеческая природа. Мы-то знаем!

Руфь ласково улыбается ему.

Навалятся на вас, точно целый воз кирпичей, раздавят в лепешку, а потом сами возмущаются, ежели вы не в силах встать на ноги. Знаю я их, навидался таких вещей на своем веку. (*Качает головой, точно мудрый старец.*) Да вот только на днях хозяин...

Тут через приемную входит Коксон, разгневанный от резкого восточного ветра. Он заметно поседел.

Коксон (*снимая пальто и перчатки*). Как, это вы! (*Делает знак Суидлу, чтобы тот ушел, и закрывает дверь.*) А я и не узнал вас! Да и верно, уже два года прошло. Хотите поговорить со мной? Могу уделить вам минутку. Садитесь. Детишки здоровы?

Руфь. Да. Но я теперь живу не там, где раньше.

Коксон (*вопросительно глядя на нее*). Надеюсь, дома у вас все наладилось?

Руфь. После всего, что было, я больше не могла оставаться с Ханиуилом.

Коксон. Но я надеюсь, что вы не сделали ничего опрометчивого? Мне было бы жаль, если бы вы поступили опрометчиво.

Руфь. Дети остались со мной.

Коксон (*начиная понимать, что дела обстоят не так хорошо, как он надеялся*). Ну, я рад, что повидал вас. Ну, как, вы еще не имели вестей от нашего юного друга с тех пор, как он вышел на свободу?

Руфь. Вчера я случайно встретила с ним.

Коксон. Надеюсь, он здоров?

Руфь (*с внезапным озлоблением*). Его нигде не берут на работу. На него страшно смотреть: кожа да кости.

Коксон (*с подлинным участием*). Боже мой, мне грустно это слышать! (*Опять настораживаясь.*) Разве ему не подыскали место, когда он отбыл свой срок?

Руфь. Он прослужил там только три недели. А потом они узнали все подробности — и...

Коксон. Право же, не знаю, чем я могу вам помочь. Мне так неприятно отказывать людям в чем-нибудь.

Руфь. Я не могу видеть его в таком состоянии.

Коксон (*внимательно оглядывая ее. Весь ее облик отнюдь не говорит о бедности*). Я знаю, что его родственники не очень-то беспокоятся о нем. Может быть, вы могли бы поддержать его, пока он не станет на ноги?

Руфь. Теперь — нет. Я могла бы раньше, но не теперь.

Коксон. Не понимаю.

Руфь (*гордо*). Я увидела его и... теперь не могу.

Коксон (*смотрит на нее. Он встревожен*). Я человек семейный и не хочу слышать ничего неприятного. Простите, я очень занят.

Руфь. Я уже давно поехала бы к своим родным в деревню, но они никак не могли примириться с тем, что я вышла за Ханиуила. Я никогда не была особенно рассудительной, мистер Коксон, но у меня есть своя гордость. Я ведь была совсем девочкой, когда вышла за него, ну, и воображала его замечательным человеком... Он коммивояжер и часто заезжал к нам на ферму.

Коксон (*с сожалением*). А я-то надеялся, что после нашей последней встречи у вас дела пошли лучше.

Руфь. Муж обращался со мной еще хуже, чем раньше. Ему не удалось сломить мою волю, но я потеряла здоровье. А потом он стал избивать детей... Этого я не могла вынести. Теперь я не пошла бы к нему, хотя бы он лежал при смерти!

Коксон (*он мечется по комнате, точно увертываясь от потока лавы*). Нельзя так выходить из себя! Нельзя!..

Руфь (*с затаенной ненавистью*). Человек, который может так себя вести... (*Пауза.*)

Коксон (*заинтересованный против воли*). Так вот, значит, как у вас все сложилось! Что же вы делали потом?

Руфь (*пожимая плечами*). Пробовала делать то же, что и тогда, когда в первый раз ушла от него: шила

юбки... Грошовая работа! Но ничего лучшего я не могла найти, а зарабатывала я не больше десяти шиллингов в неделю, причем сама покупала нитки и трудилась весь день. Я никогда не ложилась раньше двенадцати. Выдержала девять месяцев. (Со злобой.) Но я не гожусь для такой жизни, я не создана для нее! Лучше бы я умерла, чем жить так!

Коксон. Дорогая моя! Грешно так говорить!

Руфь. К тому же дети голодали — они ведь привыкли питаться лучше. Потом мне все стало безразлично. Я была слишком измучена. (Замолкает.)

Коксон (не в силах сдержать любопытство). Ну, а что же потом? Вам что-нибудь подвернулось?

Руфь (со смехом). Потом подвернулся мой хозяин. С тех пор он часто подворачивался!

Коксон. Боже мой, ах, боже мой! Я никогда не сталкивался с такими вещами!

Руфь (угрюмо). Он обращался со мной хорошо. Но с этим покончено. (Внезапно у нее начинают дрожать губы, она закрывает их тыльной стороной руки.) Понимаете, я никогда не думала, что опять увижу его. Просто случайно я встретила его у Хайд-парка. Мы пошли в парк, сели, и он рассказал мне о себе. О мистер Коксон, помогите ему!

Коксон (сильно встревоженный). Значит, вы оба потеряли средства к существованию. Какое ужасное положение!

Руфь. Если бы только он мог вернуться сюда! Ведь здесь о нем все уже известно!

Коксон. Мы не можем допускать ничего, что бросало бы тень на фирму.

Руфь. Мне больше не к кому обратиться!

Коксон. Я поговорю с хозяевами, но не думаю, чтобы они взяли его при таких обстоятельствах. Едва ли они согласятся.

Руфь. Он пришел сюда со мной, он там, на улице. (Указывает в окно.)

Коксон (с достоинством). Ему не следовало приходить сюда, пока за ним не послали. (Смягчается, увидев выражение ее лица.) У нас как раз сейчас есть свободное место, но я ничего не могу обещать.

Руфь. Для него это было бы спасением.

Коксон. Я сделаю, что могу, но я не уверен в успехе. А теперь скажите ему, чтобы он не показывался здесь, пока я не выясню положение вещей. Оставьте ваш адрес. *(Повторяет за ней.)* Мулинггар-стрит, восемьдесят три? *(Записывает на промокательной бумаге.)* До свидания!

Руфь. Благодарю вас. *(Направляется к двери, затем оборачивается, точно хочет еще что-то сказать, но передумывает и уходит.)*

Коксон *(вытирая лоб и голову большим белым платком)*. Ну и дела! *(Просматривает бумаги и звонит.)*

На звонок входит Суидл.

А что, этот молодой человек — Ричардс, он должен был прийти сегодня насчет места клерка?

Суидл. Да, сэр.

Коксон. Ну, ты не говори ему ничего определенного. Я пока не хочу его видеть.

Суидл. Что ж мне ему сказать, сэр?

Коксон *(строго)*. Выдумай что-нибудь. Пошевели мозгами. Только совсем его не отваживай!

Суидл. Может, сказать ему, что у нас заболел кто-нибудь, сэр?

Коксон. Нет! Только не лги. Скажи, что меня нет сегодня на службе.

Суидл. Ладно, сэр. В общем, поводить его за нос?

Коксон. Вот именно. И вот еще что. Ты помнишь Фолдера? Возможно, что он заглянет ко мне. Обойдись с ним так, как хотел бы, чтобы он обошелся с тобой, будь ты на его месте.

Суидл. Конечно, сэр.

Коксон. Вот-вот! Никогда не бей лежачего. Это ни к чему. Лучше помоги ему подняться. Этим правилом я советую тебе пользоваться в жизни. Это самая правильная политика.

Суидл. Вы думаете, сэр, что хозяева опять возьмут его?

Коксон. Ничего не могу сказать. *(Услышав, что кто-то вошел в приемную.)* Кто там?

Суидл *(подходит к двери и заглядывает в нее)*. Это Фолдер, сэр.

Коксон (*рассерженно*). Боже мой! Как это нехорошо с ее стороны! Скажи ему, чтобы он зашел попозже. Я не хочу...

Замолкает, так как Фолдер уже входит. Он худ, бледен, и кажется значительно старше, его глаза приняли еще более беспокойное выражение. Одежда очень потрепана и болтается на нем. Судя, приветливо кивнув ему, уходит.

Рад вас видеть. Вы немножко поторопились прийти. (*Стараясь говорить непринужденно.*) Вашу руку! А приятельница ваша куёт железо, пока горячо. (*Вытирает лоб.*) Я ее не осуждаю, она очень волнуется.

Фолдер робко пожимает руку Коксону и бросает взгляд в сторону кабинета хозяев.

Нет, их еще нет! Садитесь!

Фолдер садится в кресло у стола Коксона, на который положил шапку.

Ну, раз уж вы пришли, я хочу, чтобы вы рассказали мне немного о себе. (*Смотрит на него поверх очков.*) Как ваше здоровье?

Фолдер. Пока еще жив, мистер Коксон.

Коксон (*рассеянно*). Рад слышать. Теперь о деле. Я не хочу совершать ничего, выходящего за рамки обычного. Это не в моих привычках. Я человек простой и хочу, чтобы все шло гладко, как следует. Но я обещал вашей приятельнице поговорить с хозяевами, а я всегда держу слово.

Фолдер. Мне бы лишь подняться на ноги, мистер Коксон. За свой проступок я заплатил сторицей, поверьте мне! Этого никто не знает. Говорят, выходя из тюрьмы, я весил даже больше, чем когда попал туда. Но они не могли взвесить, ни что у меня здесь (*дотрагивается до головы*), ни что здесь (*со странным смешком дотрагивается до сердца*). До вчерашнего вечера я думал, что тут у меня вообще ничего не осталось.

Коксон (*сочувственно*). Неужто у вас развился порок сердца?

Фолдер. О! При осмотре перед выходом меня признали здоровым.

Коксон. И вам подыскали место, не так ли?

Фолдер. Да. У очень хороших людей, которые все обо мне знали и были очень добры ко мне. Мне казалось, что все пойдет на лад. Но как-то совершенно неожиданно другие клерки пронюхали обо мне... Я не мог этого вынести, мистер Коксон, просто не мог, сэр!

Коксон. Успокойтесь, мой друг, успокойтесь!

Фолдер. После этого у меня была еще одна небольшая работа, но там я удержался недолго.

Коксон. Почему?

Фолдер. Я не хочу вас обманывать, мистер Коксон. Понимаете, у меня такое чувство, будто я должен бороться с какой-то силой, обступившей меня со всех сторон. Мне этого не объяснить: я словно опутан сетью. Когда я прорываю ее в одном месте, она сейчас же вырастает в другом. Когда нужно было представить рекомендации, я поступил не совсем правильно. Но что мне было делать? Нужна была рекомендация, и все. И от этого я был в страхе, и я ушел. Должен сказать, что я... я теперь все время боюсь. *(Опускает голову и с удрученным видом склоняется над столом.)*

Коксон. Я вам сочувствую, поверьте мне! А ваши сестры ничего не хотят сделать для вас?

Фолдер. У одной чахотка. А другая...

Коксон. Д-да. Она говорила мне, что ее муж не совсем доволен вами.

Фолдер. Я пошел к ним и застал их за ужином. Сестра, я знаю, хотела поцеловать меня, но муж посмотрел на нее и спросил меня: «Зачем ты пришел?» Ну, я спрятал самолюбие в карман и ответил: «Разве ты не подашь мне руки, Джим? Сестренка подаст, это я знаю». А он мне на это: «Послушай-ка, все это очень хорошо, но давай договоримся раз и навсегда. Я ждал, что ты придешь, и все решил. Я дам тебе двадцать пять фунтов. Забирай их и поезжай в Канаду». «Понимаю,— сказал я,— хороший способ отделаться от меня! Нет, спасибо. Держи при себе свои двадцать пять фунтов!» Вот что остается от дружбы после того, как побываешь там, где я был.

Коксон. Я понимаю вас. А у меня вы не возьмете те же двадцать пять фунтов? *(Слегка волнуясь, так как Фолдер смотрит на него со странной улыбкой.)* Не церемоньтесь. Я от чистого сердца.

Фолдер. Мне не разрешено уезжать из Англии.

Коксон. А, д-да! Ведь вас условно выпустили до срока. А поглядеть на вас, вы как будто сидели без конца!

Фолдер. На этой неделе я три ночи спал в парке. Рассвет там не такая уж поэзия. Но после того, как я встретил ее, сегодня я чувствую себя совсем другим человеком. Я часто думал о том, что мое чувство к ней — это лучшее, что есть во мне. Это что-то священное, и все же оно-то меня и погубило. Странно, не правда ли?

Коксон. Мы все очень жалели вас, поверьте мне.

Фолдер. Я в этом убедился, мистер Коксон. Меня все очень жалели. *(Спокойно, но с горечью.)* Но неудобно же иметь дело с преступником!

Коксон. Ну, ну, не надо обзывать так самого себя! Это ни к чему. Не теряйте своего достоинства.

Фолдер. Это легко, сэр, когда вы ни от кого не зависите. А попробуйте-ка не терять достоинство в моем положении! Говорят, каждый получает по заслугам. Ну, так вот, я, кажется, получил с лихвой.

Коксон *(косится на него поверх очков)*. Надеюсь, из вас там не сделали социалиста?

Фолдер вдруг замолкает, точно он мысленно углубился в свое прошлое. Потом издает странный смех.

Нужно отдать должное суду и тюремному начальству: у них были наилучшие намерения, вы должны с этим согласиться. Уверяю вас, никто не хочет вам зла.

Фолдер. Я верю, что это так, мистер Коксон. Никто не хочет вам зла, и тем не менее вас топят. Это чувство... *(Озирается вокруг с таким выражением, как будто видит что-то надвигающееся на него.)* Жизнь раздавит меня! *(Говорит дальше, как о ком-то другом.)* Раздавит, я знаю.

Коксон *(он чрезвычайно встревожен)*. Ничего тут такого нет. Надо сделать над собой усилие и относиться ко всему спокойно. Вы знаете, я поминал вас в молитвах. А теперь предоставьте все это дело мне. Я пораскину умом и поговорю с хозяевами, когда они будут в хорошем настроении.

Он не успевает договорить, как входят хозяева фирмы.

(В сильном смущении, но стараясь разрядить напряженную атмосферу.) Я не ожидал вас так рано. А я тут беседовал с этим молодым человеком. Я думаю, вы его помните?

Джеймс (бросая на Фолдера суровый, пронизательный взгляд). Отлично помню. Как поживаете, Фолдер?

Уолтер (несколько смущенно протягивая руку). Я очень рад вас видеть, Фолдер.

Фолдер (к нему вернулось самообладание, и он пожимает руку Уолтеру). Благодарю вас, сэр.

Коксон. Позвольте сказать вам два слова, мистер Джеймс. (Фолдеру, указывая на комнату клерков.) Вы можете пройти на минуту туда. Вам эта комната знакома, а наш младший клерк сегодня не придет: у него прибавление семейства.

Фолдер неуверенно направляется в комнату клерков.

(Доверительно.) Я обязан рассказать вам все. Он глубоко раскаялся. Но от него все отворачиваются. И сегодня он, конечно, выглядит неважно. Он недоедает. Натошак нелегко сохранять бодрый вид.

Джеймс. Неужели он в таком тяжелом положении, Коксон?

Коксон. Я хотел попросить вас вот о чем: он получил хороший урок. Мы его знаем, и нам нужен клерк. Правда, один молодой человек просится на это место, но я не даю ему определенного ответа.

Джеймс. Каторжник в нашей конторе? Я вас не понимаю, Коксон.

Уолтер. «Колесница Правосудия...» Эти слова не выходят у меня из головы.

Джеймс. В этом деле мне не в чем себя упрекнуть. Чем он занимался после того, как вышел из тюрьмы?

Коксон. Работал в двух-трех местах, но не мог удержаться. Он стал мнительным — это естественно, — воображает, что все презирают его.

Джеймс. Плохой признак! Не нравится мне этот молодчик и никогда не нравился, с самого начала. Весь его облик говорит о слабости.

Уолтер. Мне кажется, мы обязаны поддержать его.

Джеймс. Он сам во всем виноват.

Уолтер. В наше время теория полной ответственности за свои поступки несколько поколеблена.

Джеймс (довольно сухо). Ты все-таки убедишься, мой мальчик, что надежнее придерживаться этой теории.

Уолтер. Для себя — да, но только не в отношении других людей!..

Джеймс. Ну, ладно, я не хочу быть жестоким.

Коксон. Как хорошо, что вы так говорите! Ему все время мерещится что-то вокруг. (*Разводит руками.*) Это может кончиться плохо.

Джеймс. А что с той женщиной, которая была замешана в этом деле? Когда мы шли сюда, я видел на улице особу, чрезвычайно похожую на нее.

Коксон. Вот беда-то! Ну, я ничего не буду скрывать от вас... Да, он встретился с нею.

Джеймс. Она живет с мужем?

Коксон. Нет.

Джеймс. Тогда, я полагаю, она живет с Фолдером?

Коксон (*делая отчаянные попытки сохранить сохранившееся благоприятное настроение*). Мне об этом ничего не известно. Это меня не касается.

Джеймс. Но нас это касается, если мы хотим принять его на службу, Коксон!

Коксон (*с колебанием*). Пожалуй, придется сказать вам: она уже была здесь сегодня.

Джеймс. Так я и думал! (*Уолтеру.*) Нет, дорогой, ничего не выйдет! Все это слишком грязно!

Коксон. Я понимаю, то и другое, взятое вместе, усложняет для вас вопрос.

Уолтер (*неуверенно*). Мне не совсем ясно, какое нам дело до его личной жизни.

Джеймс. Нет, нет! Он должен покончить с этим, иначе он не будет у нас работать.

Уолтер. Бедняга!

Коксон. Позвать его?

Джеймс кивает.

Думаю, я сумею образумить его.

Джеймс (*сердито*). Предоставьте это мне, Коксон!

Уолтер (*Джеймсу, тихо, пока Коксон ходит за*

Фолдером). Все его будущее, может быть, зависит от того, как мы поступим, отец!

Ф о л д е р входит. Он взял себя в руки, и лицо его спокойно.

Д ж е й м с. Вот что, Фолдер! Мой сын и я хотим дать вам возможность стать на ноги, но я должен сказать вам две вещи. Во-первых, вам не следует приходить сюда с видом жертвы. Если вы в какой-нибудь мере считаете, что с вами поступили несправедливо, бросьте эту мысль. Нельзя играть с правилами нравственности и рассчитывать, что это вам сойдет с рук. Если общество не будет охранять себя, оно останется беззащитным. Чем скорее вы поймете это, тем лучше.

Ф о л д е р. Это так, сэр, но разрешите мне сказать кое-что.

Д ж е й м с. Да?

Ф о л д е р. У меня было очень много времени, чтобы обдумать все это в тюрьме (замолкает).

К о к с о н (желая подбодрить его). Конечно, вы подумали об этом.

Ф о л д е р. Разные там были люди. И я хочу вам сказать, сэр, что если бы с нами после нашего первого проступка поступили иначе, если бы кто-нибудь немножко позаботился о нас вместо того, чтобы сажать нас в тюрьму, то и четвертая часть никогда не попала бы туда.

Д ж е й м с (качая головой). К сожалению, я в этом сильно сомневаюсь, Фолдер.

Ф о л д е р (с невольной проступающей злобой). Но мне, сэр, это точно известно.

Д ж е й м с. Не забывайте, друг мой, что вы сами все это затеяли.

Ф о л д е р. Я не хотел сделать ничего дурного.

Д ж е й м с. Может быть, но тем не менее сделали.

Ф о л д е р (со всей горечью пережитых им страданий). И за это меня вышибли из жизни! (Берет себя в руки.) Я хочу сказать, что теперь я уже совсем не тот, что раньше.

Д ж е й м с. Это не очень-то утешительно для нас, Фолдер.

Коксон. Он просто не может как следует выразить свои мысли, мистер Джеймс.

Фолдер (*отбрасывая осторожность под наплывом одолевających его чувств*). Я сказал то, что думаю, мистер Коксон!

Джеймс. А теперь вот что, Фолдер, бросьте все эти мысли и подумайте о своем будущем.

Фолдер (*горячо*). Хорошо, сэр, но вы не знаете, что такое тюрьма. Вот здесь она у меня! (*Хватается за грудь.*)

Коксон (*Джеймсу, шепотом*). Я говорил вам, что он голодает.

Уолтер. Мы понимаем вас, друг мой, но все это пройдет. Время милосердно.

Фолдер (*лицо его дергается*). Я надеюсь, сэр.

Джеймс (*значительно мягче*). Так вот, мой милый, все, что вам нужно сделать, это забыть свое прошлое и создать себе прочную репутацию. А это приводит меня ко второму вопросу. Речь идет о той женщине, которая была замешана в вашем деле. Видите ли, вам придется дать нам слово, что с этим покончено. У вас нет никакой надежды удержаться на прямом пути, если вы собираетесь начать новую жизнь, сохраняя такую связь.

Фолдер (*испуганно переводя взгляд с одного из них на другого*). Но, сэр... но, сэр... ведь все это время я думал только о ней. И она тоже — обо мне. И до вчерашнего вечера я не мог найти ее.

Во время этой и последующей сцены Коксон все более и более волнуется.

Джеймс. Это печально, Фолдер. Но вы сами должны понять, что такая фирма, как наша, не может на все закрывать глаза. Дайте нам это доказательство вашей готовности исправиться, и можете возвращаться на свое прежнее место в контору, но не иначе!

Фолдер (*внимательно смотрит на Джеймса и затем говорит с внезапной решимостью*). Не могу я отказаться от нее! Не могу! О сэр, у нее, кроме меня, никого нет. И она для меня — все.

Джеймс. Мне очень жаль, Фолдер, но я должен быть твердым. В конечном счете это послужит на пользу

вам обоим. Такая связь ни к чему хорошему не приведет. Ведь она была причиной всех ваших несчастий.

Фолдер. Но, сэр, это означало бы, что я зря прошел через все страдания. Меня сломили, нервы мои пришли в ужасное состояние. Все это ради нее.

Джеймс. Успокойтесь. Если она хоть сколько-нибудь достойна названия женщины, она сама все поймет. Она не захочет дальше тянуть вас в пропасть. Если бы у вас была какая-нибудь надежда жениться на ней, тогда другое дело.

Фолдер. Я же не виноват, сэр, что она не может избавиться от этого человека. Она бы развелась с ним при малейшей возможности. В этом была вся беда с самого начала. *(Взглянув на Уолтера.)* Вот если бы кто-нибудь помог ей в этом!.. Я уверен, что теперь дело только в деньгах.

Коксон *(вступает в разговор, в то время как Уолтер колеблется и собирается заговорить)*. Не думаю, чтобы нам следовало обсуждать сейчас этот вопрос. Это нас далеко заведет.

Фолдер *(Уолтеру, умоляюще)*. С тех пор ее муж, наверное, дал ей достаточно поводов требовать развода. И ведь это он довел ее до того, что она вынуждена была уйти. Она может это доказать.

Уолтер. Я склонен сделать то, о чем вы просите, Фолдер, если это возможно.

Фолдер. О сэр. *(Идет к окну и смотрит на улицу.)*

Коксон *(поспешно)*. Вы не обратили внимания на мои слова, мистер Уолтер, а у меня есть основания.

Фолдер *(стоя у окна)*. Она на улице, сэр. Может быть, вы хотите поговорить с ней? Я могу позвать ее отсюда.

Уолтер колеблется и переводит взгляд с Джеймса на Коксона.

Джеймс *(решительно кивая головой)*. Да, пусть она войдет.

Фолдер в окно делает Руфи знаки.

Коксон *(тихим, взволнованным голосом говорит Джеймсу и Уолтеру)*. Нет, мистер Джеймс! Пока молодой человек отсутствовал, она вела себя не так, как сле-

довало. Теперь ходатайство о разводе уже невозможно. И нам не к лицу давать советы, как обмануть закон.

Фолдер отходит от окна. Три его собеседника смотрят на него с молчаливым сожалением.

Фолдер (инстинктивно чувствуя какую-то перемену, переводит взгляд с одного на другого). Между нами не было ничего такого, что могло бы помешать ей требовать развода. То, что я сказал на суде, было правдой. А вчера мы только посидели в парке.

Через дверь приемной входит Суидл.

Коксон. В чем дело?

Суидл. Миссис Ханиуил.

Пауза.

Джеймс. Проведи ее сюда!

Руфь медленно входит и решительно становится рядом с Фолдером напротив трех других действующих лиц. Все молчат. Коксон оборачивается к своему столу, склоняясь над бумагами, словно тяжесть создавшегося положения вынуждает его искать привычную колею.

(Сурово). Закрой дверь!

Суидл закрывает дверь.

Мы просили вас прийти сюда, потому что в интересующем нас деле есть факты, с которыми необходимо считаться. Насколько мне известно, вы только вчера снова встретились с Фолдером?

Руфь. Да, только вчера.

Джеймс. Он рассказал нам о себе, и мы ему очень сочувствуем. Я обещал принять его обратно на службу, если он начнет новую жизнь. (Внимательно глядит на Руфь.) Тут встает вопрос, который требует мужества, сударыня.

Руфь смотрит на Фолдера и начинает сплетать и расплетать пальцы, как бы предчувствуя катастрофу.

Фолдер. Мистер Уолтер Хау был так добр, что обещал помочь тебе добиться развода.

Руфь, пораженная, быстро взглядывает на Джеймса и Уолтера.

Джеймс. Я думаю, что это неосуществимо, Фолдер.

Фолдер. Но как же, сэр!..

Джеймс (решительно). Так вот, миссис Ханиуил, вы хотите ему добра?

Руфь. Да, сэр, я люблю его! (С тоской смотрит на Фолдера.)

Джеймс. Значит, вы не захотите стоять на его пути, не так ли?

Руфь (слабым голосом). Я могла бы позаботиться о нем.

Джеймс. Лучший способ для вас позаботиться о нем — это расстаться с ним.

Фолдер. Ничто не заставит меня отказаться от тебя! Ты можешь получить развод. Ведь между нами ничего не было, правда?

Руфь (скорбно качает головой, не глядя на него). Нет.

Фолдер. Мы не будем встречаться, сэр, пока она не получит развода. Только помогите нам, и мы обещаем вам это.

Джеймс (Руфи). Вы ясно представляете себе дело, не так ли? И понимаете, что я имею в виду?

Руфь (почти шепотом). Да.

Коксон (про себя). Славная женщина!

Джеймс. Положение безвыходное.

Руфь. Я должна решать, сэр?

Джеймс (заставляя себя взглянуть на нее). Я предоставляю решать вам, сударыня. Его будущее в ваших руках.

Руфь (печально). Я хочу сделать так, чтобы ему было хорошо.

Джеймс (слегка осипшим голосом). Вот это правильно, это правильно!

Фолдер. Я не понимаю. Неужели ты откажешься от меня после всего? Тут что-то... кроется. (Делая дви-

жение в сторону Джеймса.) Сэр, я честью клянусь вам, что между нами ничего не было.

Джеймс. Я верю вам, Фолдер. Ну, дружок, будьте таким же мужественным, как она.

Фолдер. Вы только что соглашались помочь нам! (Пристально смотрит на Руфь, которая стоит не шевелясь. Его лицо искажается, а руки судорожно дрожат, он начинает догадываться о случившемся.) Что это? Неужели ты была...

Уолтер. Отец!

Джеймс (поспешно). Ну, хватит, хватит! Я предоставляю вам должность, Фолдер. Вы только оба не посвящайте меня в свою личную жизнь, вот и все.

Фолдер (будто не слышал этих слов Джеймса). Руфь?

Руфь смотрит на него. Фолдер закрывает лицо руками. Молчание.

Коксон (внезапно). Кто-то вошел. (Руфи.) Подите сюда! Побудьте одна, вам станет легче!

Он указывает ей на комнату клерков, а сам оглядывается в сторону приемной. Фолдер стоит неподвижно. Руфь робко протягивает ему руку. Фолдер отшатывается от этого прикосновения. Руфь отворачивается и, подавленная, идет в комнату клерков. Фолдер делает резкое движение, спешит за ней и, когда она переступает порог, хватает ее за плечи. Коксон закрывает за ними дверь.

Джеймс (указывая на приемную). Не впускайте, кто бы это ни был.

Сундл (открывает дверь приемной и говорит испуганно). Сыщик, сержант Уистер.

Входит сыщик и закрывает за собой дверь.

Уистер. Простите, что побеспокоил вас, сэр. У вас служил клерком молодой человек. Это было два с половиной года назад. Я еще арестовал его в этой самой комнате.

Джеймс. Так что же с ним?

Уистер. Я думал, что, может быть, вы сообщите мне, где он находится.

Неловкое молчание.

Коксон (приходя на помощь Джеймсу, приветливо). Мы же не ответственны за его действия, вам это известно.

Джеймс. Зачем он вам нужен?

Уистер. В этом месяце он не приходил на перерегистрацию.

Уолтер. Что это значит?

Уистер. Он освобожден до срока, который истечет еще через полгода.

Уолтер. И до тех пор он обязан являться в полицию?

Уистер. Мы должны знать, где он проводит каждую ночь. Осмелюсь сказать, что мы не трогали бы его, сэр, хотя он и не приходил на перерегистрацию. Но мы только что узнали, что вышло дело посерьезнее: он получил работу по подложной рекомендации. Принимая во внимание эти два обстоятельства, нам придется задержать его.

Снова пауза. Уолтер и Коксон украдкой следят за Джеймсом, который смотрит в упор на сыщика.

Коксон (с нарочитой болтливостью). Мы сейчас очень заняты. Если бы вы были добры зайти в другой раз, может быть, мы могли бы что-нибудь сообщить вам.

Джеймс (решительно). Я слуга закона, но не люблю доносов. И доносчиком быть не могу. Если вам нужен этот молодой человек, ищите его сами, без нашей помощи. (В то время как он это говорит, его взгляд падает на лежащую на столе шапку Фолдера, и он меняется в лице.)

Уистер (заметив взгляд Джеймса, спокойно). Очень хорошо, сэр. Но я должен предупредить вас, что, нарушив условие досрочного освобождения, он остается каторжником, а укрытие каторжника...

Джеймс. Я никого не укрываю. А вам не следует приходить сюда и задавать вопросы, на которые я не обязан отвечать.

Уистер (сухо). В таком случае я больше не буду вас беспокоить, джентльмены.

Коксон. Очень жаль, что мы ничего не могли сообщить вам, но вы же нас понимаете? До свидания!

Уистер поворачивается, чтобы уйти, но направляется не к приемной, а к двери в комнату клерков.

Другая дверь, другая дверь!..

Уистер открывает дверь комнаты клерков. Слышны голоса Руфи: «Я умоляю тебя!» и Фолдера: «Не могу!». Короткая пауза. Затем Руфь вскрикивает с испугом: «Кто это?» Уистер входит в комнату клерков. Трое оставшихся в ужасе смотрят на дверь.

Уистер (изнутри). Отойдите, пожалуйста!

Он быстро входит, ведя Фолдера под руку. Фолдер бросает на трех мужчин безжизненный взгляд.

Уолтер. Ради бога, отпустите его на этот раз!

Уистер. Я не могу взять на себя ответственность, сэр!

Фолдер (с жутким смехом отчаяния). Хорошо! (Оглянувшись на Руфь, высоко поднимает голову и, проходя через приемную, почти тащит Уистера за собой.)

Уолтер (с отчаянием). Он погиб! Теперь его будут преследовать до конца его дней!

У открытой входной двери виден Суидл, который с изумлением смотрит на лестницу. Слышны звуки шагов по каменным ступеням. Внезапно — глухой стук падения и растерянное восклицание Уистера: «Бог мой!»

Джеймс. Что это?

Суидл бросается вперед. Дверь за ним захлопывается. Мертвая тишина.

Уолтер (быстро идет в комнату клерков). Эта женщина... Она сейчас упадет в обморок.

Он и Коксон выводят Руфь, почти потерявшую сознание, из комнаты клерков.

Коксон (машинально). Успокойтесь, милая, успокойтесь!

Уолтер. Есть у вас коньяк?

Коксон. Есть херес.

Уолтер. Дайте сюда. Поскорее! (Сажает Руфь в кресло, пододвинутое Джеймсом.)

Коксон (приносит вино). Вот он! Хороший, крепкий херес!

Они стараются влить ей вино сквозь стиснутые зубы. Слышны шаги. Джеймс, Уолтер и Коксон прислушиваются. Наружная дверь открывается. Видны Уистер и Суидл, которые вносят в приемную что-то тяжелое.

Джеймс (бросаясь к ним). Что это?

Они кладут свою ношу на пол, так что ее не видно, и все, кроме Руфи, собираются вокруг, говоря приглушенными голосами.

Уистер. Он прыгнул в пролет лестницы. Сломал себе шею.

Уолтер. Боже милостивый!

Уистер. Он, наверное, рехнулся, если думал улизнуть от меня таким образом. И чего ради? Посидел бы всего несколько месяцев!

Уолтер (с горечью). Только и всего?

Джеймс. Какой отчаянный поступок! (Изменившимся голосом.) Беги за доктором, ну!

Суидл бросается из приемной на лестницу.

Скорую помощь!

Уистер выходит. Лицо Руфи выражает все нарастающий страх и ужас. Она не решается смотреть в сторону, откуда слышны голоса. Но вот она поднимается с кресла и, крадучись, приближается к приемной.

Уолтер (внезапно обернувшись). Пропустите!

Трое мужчин расступаются, чтобы пропустить Руфь, и один за другим входят в комнату Коксона. Руфь падает на колени возле тела Фолдера.

Руфь (шепотом). Что это? Он не дышит? (Склоняется над ним.) Дорогой мой! Любимый!

На пороге наружной двери толпятся люди.

(Вскакивает на ноги.) Нет, нет! Нет! Он умер!

Люди отпрянули назад.

Коксон (тихо подходя к ней, говорит хриплым голосом). Успокойтесь, бедняжка, успокойтесь, милая!

При звуке его голоса Руфь оборачивается и смотрит на него.

Теперь никто больше не тронет его. Никогда! Милосердный Иисус взял его к себе!

Руфь стоит, как каменная, глядя на Коксона, который смиренно склонился перед ней и протянул руку, как будто хочет приласкать ее, как ласкают бездомную собаку,

К о н е ц

1910 г.

СТАРШИЙ СЫН

Драма в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сэр Уильям Чешир, баронет,
Леди Чешир, его жена,
Билл, их старший сын,
Гарольд, их второй сын.
Рональд Кит, их зять, улан.
Кристина, их старшая дочь, жена Рональда Кита.
Дот, их вторая дочь.
Джоэн, их младшая дочь.
Мейбл Лэнфарн, их гостья.
Преподобный Джон Лэттер, жених Джоэн,
Старый Стаденхэм, старший егерь.
Фрэда Стаденхэм, горничная леди Чешир.
Данинг, младший егерь.
Роза Тэйлор, деревенская девушка.
Джексон, дворецкий.
Чарлз, лакей.

Действие происходит в начале нашего столетия, 7 и 8 декабря
в одном из английских графств, в поместье Чеширов.

Действие первое. Сцена 1. Холл; перед обедом.

Сцена 2. Холл; после обеда.

Действие второе. Будуар леди Чешир; после завтрака.

Действие третье. Диванная; время чая, 5 часов.

Между первым и вторым действиями проходит ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет собой ярко освещенный просторный холл, с дубовыми панелями и широкой дубовой лестницей. Он производит впечатление уютной жилой комнаты. В холл ведут двери из столовой, гостиной и бильярдной; под лестницей дверь в помещение прислуги. В большом камине горит огонь. На полу тигровые шкуры, на стенах олени рога. У стены напротив камина письменный стол.

У лестницы стоит Фрэда Стаденхэм, миловидная девушка, бледная, с темными глазами. На ней черное платье горничной. В одной руке у нее букетик белых роз, в другой — желтых. Слышно, как наверху закрывается дверь и по лестнице сходит сэр Уильям Чешир. Он во фраке. Это человек крепкого сложения, с короткой толстой шеей, серыми глазами и здоровым цветом лица. Ему лет 58. Под легким налетом светской сдержанности чувствуется властный, вспыльчивый характер.

Сэр Уильям (начинает говорить еще на лестнице). А, Фрэда. Прелестные розы! Для кого же они?

Фрэда. Миледи велела мне передать желтые розы миссис Кит, сэр Уильям, а белые — мисс Лэнфарн, по случаю их приезда.

Сэр Уильям. Превосходно. (Направляется в гостиную.) Твой отец сегодня приедет?

Фрэда. Да, сэр.

Сэр Уильям. Передай ему, чтоб пришел непременно. После обеда.

Фрэда. Да, сэр Уильям.

Сэр Уильям. И, кстати, пусть захватит охотничий реестр, если он у него готов. *(Уходит в гостиную; Фрэда нервно постукивает ногой по нижней ступеньке. По лестнице, шелестя юбками, быстро спускается Кристина Кит — молодая привлекательная женщина со свежим цветом лица, в сильно декольтированном платье.)*

Кристина. Хэлло, Фрэда! Как дела?

Фрэда. Спасибо, хорошо, мисс Кристина, — извините, я хотела сказать миссис Кит. Миледи велела передать вам вот эти цветы.

Кристина *(берет розы)*. О, спасибо! Как мило с маминой стороны!

Фрэда *(невыразительной скороговоркой)*. А эти для мисс Лэнфарн. Миледи полагает, что белые ей пойдут больше.

Кристина. Они идут тебе, к этому твоему черному платью. *(Фрэда быстро опускает букетик.)* Ну, что ты думаешь о помолвке Джоэн?

Фрэда. Я думаю, это очень радостное событие.

Кристина. Скажи Фрэда, а как репетиции — идут вовсю?

Фрэда. Да, миссис Кит, каждый день. Мисс Дот очень нервничает, когда что-нибудь не ладится с постановкой.

Кристина. Терпеть не могу зубрить роли. Да, огромное тебе спасибо, что распаковала мои вещи. Что у нас нового?

Фрэда *(той же скороговоркой)*. Данинг, младший егерь, все-таки не хочет жениться на Розе Тэйлор.

Кристина. Какой позор! Но, послушай, ведь тут дело серьезное. Мне казалось, что она... что у них... я думала...

Фрэда. Говорят, он нашел себе другую.

Кристина. Да что ты! *(Прикалывает розы к платью.)* Не знаешь, мистер Билл приехал?

Фрэда *(быстро подняв глаза)*. Да, поездом 6.40. По лестнице медленно спускается Рональд Кит. У него твердо очерченный рот, зоркие глаза, полуприкрытые веками, обветренное лицо и повадки кавалериста. Он во фраке.

Кит. Хэлло! Розы в декабре? Послушай, Фрэда, а ведь твоему отцу следовало бы дать хороший нагоняй

за сегодняшнюю неудачу в Варнхэмской роще. Интересно, куда это девался выводок лисят?

Фрэда (слабо улыбнувшись). Думаю, отец знает, капитан Кит.

Кит. Еще бы! Ему да не знать! Перекочевали? Или растаяли в воздухе? А?

Кристина. Стаденхэм ни за что не подстрелит ни одной лисицы, Рони. А он здесь с сотворения мира.

Кит. Ничего, так или иначе, мы своего не упустим, — а, Фрэда?

Кристина (вместе с мужем идет в гостиную). Знаешь, Рони, Данинг отказывается жениться на этой девушке!

Кит. Ну? Не хотел бы я быть на его месте. Сэр Уильям не станет держать у себя человека, который напроказил в деревне. Что, Билл приехал?

Они скрываются в дверях. По лестнице степенно спускается Джон Лэттер в парадной одежде священника. Это высокий, довольно бледный молодой человек. Совершенно очевидно, что небесные дела не мешают ему быть вполне на месте в светской гостиной. Проходя мимо Фрэды, он сдержанно ей кивает. Прыгая через три ступеньки, спускается Гарольд, веселый краснощекий юноша.

Гарольд. Хэлло, Фрэда! Настоящая статуя. Терпение на пьедестале. Дай-ка понюхать. Для мисс Лэнфарн? Билл уже внизу?

Фрэда. Нет, мистер Гарольд. (Гарольд, насвистывая, проходит через холл вслед за Лэттером в гостиную. Сверху слышатся возня и крик: «Ну, перестань, Дот!» С лестницы сходит Джоэн — хорошенькая, миниатюрная, с большими ласковыми глазами. Повернув голову назад, осматривает свое платье.)

Джоэн. Посмотри, Фрэда, платье у меня сзади в порядке? Эта негодница Дот!

Фрэда. Все в порядке, мисс Джоэн. (Вверху над перилами появляется, как восходящая полная луна, лицо Дот. Она сбегает вниз. От нее веет искренностью и бунтарством.)

Дот. Берегись, малышка!

Джоэн (мчится к гостиной, Дот догоняет ее возле дверей). Дот! Ты щипаться? (Они скрываются в дверях гостиной. По лестнице медленно спускается Мейбл Лэн-

фарн, высокая девушка с довольно привлекательным лицом ирландки. При виде ее Фрэда вся подбирается и настораживается.)

Фрэда. Это для вас, мисс Лэнфарн, от миледи.

Мейбл (говорит с нарочитым легким ирландским акцентом). Как мило! (Прикалывает розы к платью.) Как поживаете, Фрэда?

Фрэда. Спасибо, очень хорошо.

Мейбл. А ваш отец? Надеюсь, он опять поставит меня в засаду.

Фрэда (сдержанно). Он будет очень рад.

Мейбл. Да, как же! Я помню, какое у него было лицо в прошлый раз!

Фрэда. Вы тогда стояли в засаде с мистером Биллом. С ним лучше стоять, чем с мистером Гарольдом или капитаном Китом.

Мейбл. В тот день он не подстрелил и воробья.

Фрэда. Так всегда бывает, когда хочешь отличиться.

Звучит гонг. Мейбл Лэнфарн, бросив пыливый взгляд на Фрэду, направляется к гостиной. Фрэда медлит, не уходит. Наверху хлопает дверь, слышны быстрые шаги. Фрэда отступает за лестницу. Вниз сбегает Билл, неожиданно сталкивается с Фредой. Билл — высокий, красивый молодой человек, улучшенная копия своего отца. В нем то же еще прикрытое своеобразие и упрямство.

Билл. Фрэда? Ты? (Она отступает еще дальше.) В чем дело? (Слышит легкий шум, испуганно оглядывается и отодвигается от нее.) Ты что, не рада мне?

Фрэда. Мне надо вам кое-что сказать, мистер Билл. После обеда.

Билл. Мистер?

Она бежит мимо него вверх по лестнице. Билл, нахмурившись, смотрит ей вслед. Услышав, что дверь из гостиной открылась, быстро подтягивается. Оттуда выходит сэр Уильям и мисс Лэнфарн, за ними Кит, Дот, Гарольд, Кристина, Лэттер и Джоэн. Все оживленно разговаривают. Сзади, отдельно от остальных, идет леди Чешир — изысканного вида дама лет 50. У нее темные волосы с сильной проседью. Выражение лица ее одновременно мягкое и ироническое. Все проходят через холл в столовую.

Сэр Уильям. А, Билл!

Мейбл. Здравствуй!

Кит. Как поживаешь, старина?

Дот (мрачно). Ты выучил роль?

Гарольд. Хэлло, дружище! (Кристина на ходу чмокает брата в щеку. Джоэн и Лэттер останавливаются и молча смущенно глядят на него.)

Билл (кладет руку на плечо Джоэн). Поздравляю вас обоих! Здравствуй, мама!

Леди Чешир. Здравствуй, мой мальчик. Как хорошо, что ты наконец приехал. Мы давно тебя не видели! (Она берет его под руку; все идут к столовой.)

Занавес падает и немедленно поднимается вновь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кристина, леди Чешир, Дот, Мейбл Лэйфарн и Джоэн возвращаются в холл после обеда.

Кристина (тихо). Скажи, мама, это правда — относительно Данинга и Розы Тэйлор?

Леди Чешир. Боюсь, что да, дорогая.

Кристина. Но разве их нельзя?..

Дот. Ага! (Кристина и леди Чешир умолкают.)

Кристина, дитя мое, я не ребенок.

Кристина. Нет, конечно, нет, но только... (кивает в сторону Джоэн и Мейбл).

Дот. Послушай, Кристина. Вот именно это я ненавижу.

Леди Чешир. Как, дорогая? Опять ты что-то не нравишься?

Дот. Да, мама, ненавижу, и не притворяйся, что не понимаешь, ты отлично знаешь, о чем я говорю.

Кристина. Ненавидишь? Что же ты ненавидишь? (Стоящие у камина Джоэн и Мейбл перестают разговаривать и прислушиваются.)

Дот. Лицемерие, вот что. Зачем вам надо, чтоб они поженились, если она ему надоела?

Кристина (насмешливо). Ну, знаешь, если ты не видишь дальше своего носа...

Дот. Как, вы считаете: не надо, чтобы люди любили друг друга, если они собираются пожениться?

Кристина (пожимая плечами). Дело не в этом.

Дот. Вот как? А ты была влюблена в Рони?

Кристина. Не говори глупостей!

Дот. Ты бы вышла за него замуж, если б не любила его?

Кристина. Конечно, нет!

Джоэн. Дот! Ты...

Дот. А, моя пичужка!

Леди Чешир. Дот, дорогая!..

Дот. Не затыкай мне рот, мама! *(Обращаясь к Джоэн.)* Ты влюблена в своего Джона? *(Джоэн поспешно отворачивается к камину.)* Ты бы согласилась выйти за него замуж, если бы не любила его?

Кристина. Ты безобразно груба, Дот.

Дот. А Мейбл влюблена в ... ну в того, в кого она влюблена?

Мейбл. Хотелось бы мне знать, кто это.

Дот. Вы бы вышли за него замуж, если бы не любили его?

Мейбл. Ни за что.

Дот. Мама, а ты любила папу?

Кристина. Дот, ты переходишь границы.

Дот *(осекшись, смущенно)*. Ну, может, я немногохватила через край, но...

Джоэн. Дот!

Дот. Но все-таки, скажи, мама, ты любила? Ну, хотя бы спокойной любовью?

Леди Чешир. Да, дорогая,— спокойной любовью.

Дот. Ты бы вышла за папу, если бы этого не было? *(Леди Чешир отрицательно качает головой.)* Ну, значит, все мы сходимся на одном.

Мейбл. А как насчет вас, Дот?

Дот *(мрачно)*. Даже если б я кого и полюбила, ему еще очень повезло бы, если бы я согласилась стать его женой.

Мейбл. Повезло? Я в этом что-то не совсем уверена.

Дот *(делает ей гримасу)*. Я только хотела сказать...

Леди Чешир. Может, лучше не надо, дорогая?

Дот. Ну ладно, я не скажу то, что собиралась сказать. Я только хочу сказать вот что: какого черта...

Леди Чешир. Хорошо, хорошо, Дот.

Дот *(несколько обескуражена)*. Раз они надоели друг другу, им незачем жениться, и если папа думает заставить их...

Кристина. Ты абсолютно ничего не понимаешь. Все это делается ради...

Дот. Ну, выкладывай до конца, святая невинность! Ради будущего младенца, помоги ему бог! *(Все вдруг умолкают, потому что из столовой выходят Кит и Лэттер.)*

Лэттер. По-видимому, это так, Рони.

Кит. Нет, Джон, ничего похожего.

Лэттер. Вы не даете себе труда подумать.

Кит. Бог мой! Кто думает после обеда?

Дот. Пошли! Сыграем партию! *(У входа в бильярдную оборачивается.)* Репетиция завтра утром, сразу после завтрака. Начнем от «Эклз входит, запыхавшись» и до конца, — слышите?

Мейбл. Что вам взбрело в голову выбрать «Законы касты», Дот? Ужасно трудная пьеса.

Дот. Это единственная пьеса, которая не проповедует ультрамодных идей. *(Молодые женщины уходят в бильярдную.)*

Леди Чешир. Рони, где Билл?

Кит *(поморщившись)*. Я склонен думать, мэм-саиб, что Билл и сэр Уильям оба заседают в комитете по самоснабжению.

Леди Чешир. Ах, боже! *(Бросает обеспокоенный взгляд в сторону столовой и уходит вслед за молодыми женщинами.)*

Лэттер *(как бы продолжая начатый спор)*. Право же, Рони, тут не может быть двух мнений. Отказ Данинга жениться не имеет никаких оправданий.

Кит. Я с вами абсолютно не согласен, Джон.

Лэттер. Да вы меня и выслушать не желаете!

Кит *(отрезая кончик сигары)*. Незачем так горячиться, дорогой мой. Мы уже по меньшей мере дважды обсудили все от начала до конца.

Лэттер. Суть моих взглядов...

Кит *(из-под полузакрытых век насмешливо глядит на Лэттера)*. Да, да, я знаю — суть ваших взглядов... Но суть в том, в какой мере ваши взгляды продиктованы вашей профессией.

Лэттер. Если мужчина нанес женщине обиду, он должен искупить свою вину перед ней. И на это вам возразить нечего.

К и т. Все зависит от обстоятельств.

Лэттер. Это беспринципно.

К и т. Чушь! Поймите... Да, нет, Джон, ей-богу, просто невозможно спорить о таких вещах с пастором.

Лэттер (холодно). Почему же?

Гарольд (только что вышел из столовой). А ну, а ну,—так его!

К и т. Ну, довольно, Гарольд.

Лэттер. Даже в армии дело чести — превыше всего.

К и т. Совершенно верно. Вопрос в том, что считать делом чести.

Лэттер. По-моему, в данном случае этот вопрос и не возникает.

К и т. Вы слишком пуританин, мой юный друг. Впрочем, вас нельзя винить. Вас держат в плену законы деревенской морали. Все из-под палки. Не так, разве?

Лэттер (сосредоточенно). Послушайте...

Гарольд (делая вид, что тянет за повод коня). Н-но! Да иди же ты, упрямая скотина!

К и т (обращаясь к Лэттеру). Меня вам не убедить, дружище. Вы не понимаете, какую яму вы роете нашему брату. (Спокойно курит.)

Лэттер. А как вы думаете, что способствует развитию пороков? Именно поведение таких молодчиков, вроде Данинга.

К и т. Тут уж вините саму человеческую натуру, друг мой Джон. Разумеется, я вовсе не одобряю, когда какой-нибудь шалопай бросает девушку в беде. Но я не вижу смысла в непреложных законах и предписаниях. Они существуют лишь для того, чтобы их нарушали. Вы с сэром Уильямом добьетесь того, что наденете хомут на Данинга, свяжете его насильно с этой девушкой, все лишь ради соблюдения приличий. И десять шансов против одного, что через год они раздерутся, как кошка с собакой. Силком коня к воде пригонишь, но напоить не напоишь.

Лэттер. Я абсолютно и категорически не согласен с вами.

Гарольд. Наш непреклонный, честный Джон.

Лэттер. Во всяком случае, мы знаем теперь, куда могут привести вас ваши принципы.

К и т (сухо, почти угрожающе). Куда же, позвольте спросить? (Гарольд возводит глаза к небу, а жестом показывает вниз.) Прекрати, Гарольд!

Лэттер. Вам приходилось слышать историю о Фаусте?

К и т. Послушайте, Джон, при всем моем уважении к вашему сану... я не хочу быть невежей, но... идите вы к черту!

Лэттер. Ну, знаете, Рони, такого грубияна... (Поворачивается и идет к бильярдной.)

К и т. Извините, дружище, я, кажется, брякнул лишнее. (Лэттер открывает дверь в бильярдную. Оттуда доносятся женские голоса, смех, стук бильярдных шаров. Дверь захлопывается, и звуки обрываются; Кит, уже спокойно.) Черт его знает, почему это священник всегда вызывает дух противоречия? Ты понимаешь, вообще-то говоря, я ведь совершенно с ним согласен, Данинг обязан жениться. Надеюсь, сэр Уильям поставит на своем.

Из двери под лестницей выходит дворецкий Джексон, за ним старший егерь Стаденхэм — степенный человек лет 50—60; на лице его написано чувство собственного достоинства. У него обветренная кожа, голубые глаза и короткая седая борода — когда-то она была рыжей. На нем широкая куртка с большими карманами, плисовые штаны и краги.

К и т. Хэлло, Стаденхэм!

Стаденхэм (приложив руку ко лбу, как бы отдавая честь). Добрый вечер, капитан Кит!

Джексон. Сэр Уильям все еще в столовой с мистером Биллом, сэр?

Гарольд (с гримасой). Да, Джексон. (Джексон уходит в столовую.)

К и т. Фазаны еще не попадались, Стаденхэм?

Стаденхэм. Нет, сэр, одна мелочь. Пока вы здесь, мы все облазим — и рощу и кустарник.

К и т. Да, кстати о роще... Впрочем... (Внезапно умолкает и уходит с Гарольдом в бильярдную. Сэр Уильям выходит из столовой, ковыряя в зубах золотой зубочисткой.)

Сэр Уильям. А, Стаденхэм. Скверная эта история с Данингом.

Стаденхэм. Да, сэр Уильям.

Сэр Уильям. Он наотрез отказывается жениться?
Стаденхэм. Наотрез.

Сэр Уильям. Это никуда не годится. Чем же он объясняет свой отказ?

Стаденхэм. Твердит, что не хочет, да и все. Больше с ней никакого дела не желает иметь.

Сэр Уильям. Черт возьми, это не объяснение. Я не могу допустить, чтобы мой егерь заводил шашни в деревне. (*Поворачиваясь к леди Чешир, которая выходит из бильярдной.*) Это все насчет истории с Данингом, дорогая.

Леди Чешир. А, да! Как это неприятно, Стаденхэм. Бедная девушка.

Стаденхэм (*почтительно*). Он, миледи, решил теперь, что она ему неровня,— подумать только!

Леди Чешир (*про себя*). Пожалуй, теперь он ее недостойн.

Сэр Уильям. А? Что? Конечно, конечно! Я как раз говорю Стаденхэму: парень должен все уладить. Мы не можем допустить скандала в деревне. Если он не хочет потерять место, ему придется немедленно жениться на девушке.

Леди Чешир (*мужу тихо*). Правильно ли это — принуждать их? Стаденхэм, а вам известно, чего хочет девушка?

Стаденхэм. Девушка с норовом, миледи,— говорит, женит его на себе, и все, и спрашивать его не станет.

Леди Чешир. С норовом? Понимаю. Но такой брак наверняка будет несчастливym.

Сэр Уильям. Что? Совсем не обязательно. А кроме того, дорогая, пора бы уж тебе знать, что в таких делах существуют неписанные законы. Всем прекрасно известно, что раз дело дошло до последствий, с ними надо считаться.

Стаденхэм. У молодежи иной раз, миледи, мозгов не больше, чем у старого фазана.

Сэр Уильям. Даю ему срок до завтра. Если будет упорствовать, придется уволить. И не получит рекомендации. Передайте ему, Стаденхэм, то, что я сказал. Парень мне нравится, он хороший егерь. Мне не хотелось бы терять его, но я не потерплю такого поведения.

Данинг должен подчиниться моим требованиям или пусть убирается. Он сегодня здесь?

Стаденхэм. Развешивает куропаток, сэр Уильям. Прислать его?

Сэр Уильям (неуверенно). Да-да, пришлите.

Стаденхэм. Доброй ночи, миледи.

Леди Чешир. Фрэда плохо выглядит, Стаденхэм.

Стаденхэм. Привередлива насчет еды, вот что.

Леди Чешир. Я постараюсь заставить ее есть лучше.

Сэр Уильям. Да, Стаденхэм, мы начнем охоту с кустарника. Какие у нас прошлогодние результаты?

Стаденхэм (вынимает охотничий реестр, но говорит, не заглядывая в него). 253 фазана, 11 зайцев, 52 кролика, 3 вальдшнепа и мелочь.

Сэр Уильям. Мелочь? Лиса там, случайно, не числится? А? (Серьезно.) Сегодня в Варнхэмской роще... Это был такой удар!

Стаденхэм (очень серьезно). Да что вы, сэр Уильям! Этот четырехлетка уж очень норовист, сущее наказание!

Сэр Уильям (бросив на него быстрый взгляд, отрывисто). Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

Стаденхэм (невозмутимо). Прикажите послать к вам молодого Данинга, сэр Уильям?

Сэр Уильям (молча кивает. Стаденхэм уходит в дверь под лестницей). Старая лиса!

Леди Чешир. Не будь слишком суров с Данингом. Он так молод.

Сэр Уильям (похлопывая ее по руке). Дорогая, ты просто не знаешь молодых мужчин, да это и понятно.

Леди Чешир (с присущей ей тонкой иронией). Муж и два сына, конечно, в счет не идут. (Видя, что дверь под лестницей открывается.) Билл, прошу тебя...

Сэр Уильям. Я буду мягок с ним. (Резко.) Войдите! (Леди Чешир идет в бильярдную, оборачивается, еле заметно улыбается Данингу, затем уходит. Данинг — видный молодой парень в коричневых плисовых штанах и крагах. В руках держит картуз.) Здравствуй, Данинг.

Данинг (мнет картуз в руках). Здравствуйте, сэр Уильям.

Сэр Уильям. Стаденхэм объявил тебе, зачем я тебя вызвал?

Данинг. Да, сэр.

Сэр Уильям. Все в твоих руках, решай сам. Я тебя не неволю. Но я не потерплю таких вещей в моем поместье.

Данинг. Правду сказать, сэр Уильям, она... (Останавливается.)

Сэр Уильям. Да уж могу себе представить. Оба вы друг друга стоите, я не намерен разбираться в ваших делах.

Данинг. Конечно, сэр Уильям.

Сэр Уильям. Я очень снисходителен к тебе. Это твое первое место. Уйдешь — рекомендации не получишь.

Данинг. У меня не было дурного умысла, сэр.

Сэр Уильям. Ты знаешь здешние обычаи, любезный.

Данинг. Да, сэр Уильям, но...

Сэр Уильям. Надо было думать раньше. Я тебя ни к чему не принуждаю. Если откажешься жениться, тебе придется уйти, вот и все.

Данинг. Да, сэр Уильям.

Сэр Уильям. Ну иди, даю тебе день сроку. Решай!

Из столовой медленно выходит Билл. У него явно дурное настроение. Останавливается у лестницы, прислушивается. Увидев его, Данинг здоровается, поднося руку ко лбу.

Данинг. Хорошо, сэр Уильям. (Поворачивается, чтобы идти, мнетя и возвращается обратно.) У меня старуха мать...

Сэр Уильям. Ну, Данинг, я все сказал. (Данинг уныло направляется к двери под лестницей; сэр Уильям идет вслед за ним.) И вот что, пойми только... (Оба уходят.)

Билл идет к письменному столу, зажигая на ходу папиросу. Он очень мрачен. Дверь из бильярдной распахивается. Появляется

Мейбл Лэнфарн. Она делает ему легкий реверанс.

Мейбл. Вас просят принять участие в игре. Предложение исходит не от меня, я только выполняю поручение.

Билл. К сожалению, я занят: надо написать письма.

Мейбл. Вы что-то стали необычайно усердны.

Билл. Да? Не думаю.

Мейбл. Вы помните последний день охоты в кустарнике?

Билл. Помню.

Мейбл *(внезапно)*. Какой хорошенькой стала Фрэда Стаденхэм!

Билл. Да?

Мейбл. «Она идет в красе своей...»¹.

Билл. Разве? Не заметил.

Мейбл. Это что, реплики из разговорника?

Билл. Нет.

Мейбл. О боже! *(Помолчав.)* Мистер Чешир!

Билл. Да, мисс Лэнфарн?

Мейбл. Что с вами? Не кажется ли вам, что вы ведете себя довольно странно, особенно если принять во внимание, что я не кусаюсь и что мы были неплохими товарищами.

Билл *(вяло)*. Извините. *(Увидя мать, выходящую из бильярдной, садится за письменный стол.)*

Леди Чешир. Мейбл, дорогая, возьмите мой кий. А ты, Билл, не хочешь ли попытаться обыграть Рони? Сегодня с ним никто не может справиться.

Билл. Мне надо написать письма. *(Мейбл, взяв кий, уходит в бильярдную, откуда доносятся голоса и смех.)*

Леди Чешир *(подходит к сыну и останавливается за его стулом)*. Что-нибудь случилось, родной?

Билл. Нет, ничего. Спасибо. *(Внезапно.)* Послушай, зачем ты пригласила ее сюда?

Леди Чешир. Мейбл? А что? Она же участвует в спектакле. Мне казалось, ты с ней так подружился в прошлое рождество.

Билл *(угрюмо и раздраженно)*. Это было год тому назад.

Леди Чешир. Девочкам она нравится и отцу тоже; по-моему, она мила. Такая типичная ирландка.

Билл. Я ничего плохого о ней и не говорю. *(Оглядывается, как бы желая дать понять матери, что хочет остаться один. Но леди Чешир делает вид, что не замечает этого.)*

¹ Байрон «Еврейские мелодии».

Леди Чешир. Я вижу, отец уже разговаривал с тобой, Билл.

Билл. Разговаривал.

Леди Чешир. Долги? Постарайся понять его. *(Со слабой улыбкой.)* Конечно, он несколько...

Билл. Конечно.

Леди Чешир. Как бы мне хотелось...

Билл. Ах, боже мой! Не вмешивайся хоть ты в эти дела!

Леди Чешир. Пожалуй, тебе не следовало рассказывать ему.

Билл. Он написал мне и прямо спросил, сколько я задолжал.

Леди Чешир *(стараясь говорить небрежно)*. Вот что, Билл... У меня есть немного денег. Я думаю, было бы проще, если бы...

Билл. Послушай, мама, ты ведь уже пробовала выручать меня раньше. Это не выход из положения. Я не могу не тратить денег, я и впредь их буду тратить, если только не уеду в колонии или не предприму что-нибудь в этом роде.

Леди Чешир. Не надо так говорить!

Билл. Я бы уехал с радостью.

Леди Чешир. Ты ведь знаешь, отец придает такое огромное значение нашему имени, поместью, твоей карьере. Все Чеширы такие. Это их старое родовое поместье. Понимаешь, они корнями росли.

Билл. Воображаю, какую блестящую карьеру я могу сделать!

Леди Чешир *(волнуясь, но сдерживая себя, чтобы сын не заметил)*. Но, Билл, почему тебе обязательно нужно тратить больше, чем ты получаешь на расходы?

Билл. Почему, почему? Не я себя воспитывал.

Леди Чешир. Боюсь, что это — дело наших рук. Возможно, мы действовали неправильно.

Билл. Да, именно.

Леди Чешир. Но почему ты так... Только из-за небольшого разговора о деньгах!

Билл. Да-а...

Леди Чешир. Ты ведь от меня ничего не скрываешь?

Билл *(взглянув на нее)*. Нет. *(Демонстративно по-*

ворачивается к письменному столу и берется за перо.) Мне надо написать эти письма, извини меня.

Леди Чешир. Билл, если у тебя будут какие-нибудь серьезные неприятности, ты ведь скажешь мне, да?

Билл. Никаких неприятностей нет. *(Внезапно поднимается и начинает ходить по комнате.)*

Леди Чешир отходит к камину и, бросив беспокойный взгляд на сына, отворачивается к огню. Затем, как бы пытаясь переключить его мысли, резко меняет тему.

Леди Чешир. Как нехорошо получилось с Данингом. Мне так жаль Розу Тэйлор. *(Наступает молчание. Из-под лестницы, крадучись, выходит Фрэда. Она видит только Билла и направляется к нему.)*

Билл *(внезапно)*. Что ж! В деревне такие случаи неизбежны. *(Услышав его голос, Фрэда понимает, что он не один, и останавливается. Билл, увидя ее, вздрагивает.)*

Леди Чешир *(все еще отвернувшись к огню)*. По-моему, ужасно, что его принуждают. Я твердо уверена, что люди должны поступать по собственной воле. *(Увидев Фрэду, которая нерешительно стоит у лестницы.)* Ты ищешь меня, Фрэда?

Фрэда. Я насчет вашего манто, миледи. Мне... Мне приняться за него? *(Из гостиной выходит сэр Уильям.)*

Леди Чешир. Да, да.

Сэр Уильям *(добродушно)*. Ты можешь уделить мне еще пять минут, Билл? *(Указывая на бильярдную.)* Мы сейчас придем, дорогая.

Фрэда, бросив взгляд на Билла, уходит обратно в дверь под лестницей. Леди Чешир неохотно идет в бильярдную.

Сэр Уильям. С Данингом я покончу в два счета. *(Идет к камину, на ходу раздвигая полы фрака.)* Теперь о тебе, Билл. Я не хочу наседать на тебя, ты ведь только приехал, но, знаешь, так продолжаться не может. Я уже дважды платил твои долги. На этот раз не дам ни гроша, если не увижу, что ты намерен изменить образ жизни. *(Пауза.)* Ты унаследовал расточительность от матери. У нее странное отношение... *(Пауза.)* ...Все Винтерли такие, в денежных делах.

Билл. Мама очень щедра, ты хочешь сказать?

Сэр Уильям *(сухо)*. Скажем так. *(Пауза.)* В на-

стоящий момент, насколько я понимаю, ты должен тысячу сто фунтов.

Билл. Примерно.

Сэр Уильям. Пустячок. *(Пауза.)* У меня есть предложение.

Билл. Может, отложим разговор на завтра, сэр?

Сэр Уильям. «Завтра», это, по-видимому, твой девиз в жизни.

Билл. Благодарю.

Сэр Уильям. Мне бы очень хотелось изменить его на «сегодня» *(Билл молча смотрит на отца.)* Пора тебе серьезно подумать о своем положении вместо того, чтобы бездельничать, ездить на скачки, играть в поло и заниматься бог знает чем.

Билл. Ну, продолжайте! *(Услышав угрожающие ноты в голосе Билла, сэр Уильям смягчает тон.)*

Сэр Уильям. Предложение мое очень просто. Я, конечно, не смею надеяться, что тебя может заинтересовать нечто столь разумное и полезное. Однако *(сухо)* я выскажусь. Женись на хорошей девушке, остепенись и выдвинь свою кандидатуру на выборах, а я дам тебе поместье в Дауэре, полторы тысячи фунтов в год и, кроме того, оплачу долги. Пройдешь на выборах — буду давать тебе две тысячи. У нас масса времени, чтобы обработать избирателей и вышвырнуть этих проклятых радикалов. Противник твой — проходимец без роду, без племени. Если возьмешься за это по-настоящему, будет очень странно, если ты не пройдешь на ближайших выборах. Бери себе Рокетера — хороший конь, и того четырехлетку; он как раз подходит для твоего веса. Тебе понадобится только еще одна лошадь... А если мисс... если твоя жена предполагает охотиться...

Билл. Ты, значит, и жену мне уже подобрал?

Сэр Уильям *(бросив быстрый взгляд на сына)*. Я думал, у тебя есть какая-нибудь девушка на примете.

Билл. Ах, так!

Сэр Уильям. В мое время считалось, что для мужчин твоего возраста это естественно. Я женился на твоей матери, когда мне было двадцать восемь. А ты ведь старший сын в семье, и эта семья не из последних. Чем больше я приглядываюсь к существующему положению вещей, тем больше убеждаюсь, что такие люди, как

мы, должны взять дело в свои руки и спасти хотя бы то, что еще осталось. Если мы будем забывать про обязанности, которые налагает на нас принадлежность к классу землевладельцев, нас всех погубит этот проклятый демократический дух, которым сейчас все заражены. Положение достаточно сложное. Угроза надвигается со всех сторон. А если ты собираешься серьезно приняться за дело, то тебе нужна жена. Я просто погиб бы без твоей матери, когда вступил в права наследства.

Билл. Я так и знал, что мы придем к этому.

Сэр Уильям *(довольно мягко)*. Я ведь не подношу тебе дуло к виску, друг мой. До сих пор я не натягивал поводья, дал тебе возможность перебеситься, пока ты не... *(Билл делает резкое движение, но сэр Уильям этого не замечает.)* Пока дело не заходило слишком далеко. Во всяком случае, я никогда не вмешивался в твою жизнь. Я могу судить только по... по твоим денежным делам, о которых ты время от времени любезно ставил меня в известность. Вероятно, ты вел такой же образ жизни, как большинство молодых людей твоего положения; я не виню тебя, но всему свое время.

Билл. Почему ты прямо не скажешь, что хочешь, чтобы я женился на Мейбл Лэнфарн?

Сэр Уильям. Да, это так. Милая девушка, из хорошей семьи; и деньги кое-какие есть. Отлично сидит на лошади. Или она недостаточно красива для тебя, что ли?

Билл. О, вполне! Благодарю.

Сэр Уильям. Из слов твоей матери я понял, что вы в хороших отношениях.

Билл. Пожалуйста, не вмешивай в эти дела маму.

Сэр Уильям *(угрожающе вежливо)*. Быть может, ты будешь так добр и изложишь свои возражения?

Билл. Нам обязательно надо продолжать этот разговор?

Сэр Уильям. Я никогда еще не просил тебя ни о каких одолжениях, поэтому, надеюсь, ты отнесешься к моим словам со всей серьезностью. У меня нет ни малейшего намерения принуждать тебя жениться на мисс Лэнфарн. Если она тебе не нравится, женись на той, которая тебе по душе.

Билл. Я отказываюсь.

Сэр Уильям. В таком случае, пеняй на себя.

(Внезапно разъярившись.) Ты, жалкий молоко... *(Сдерживается и стоит, свирепо глядя на Билла, который отвечает ему таким же взглядом.)* Это должно означать, я полагаю, что ты влип в какую-то историю?

Б и л л. Полагайте, что вам угодно, сэр.

С э р У и л ь я м. Предупреждаю тебя, если ты сделал какую-нибудь пакость...

Б и л л. Вам не удастся применить ко мне насилие, как к Данингу. *(Услышав их возбужденные голоса, леди Чешир возвращается из бильярдной.)*

Л е д и Ч е ш и р *(закрывая за собой дверь)*. В чем дело?

С э р У и л ь я м. Значит, ты упорно отказываешься? Уходи, Дороти.

Л е д и Ч е ш и р *(твердо)*. Я не видела Билла два месяца.

С э р У и л ь я м. Что такое? *(Колеблясь.)* Ну, мы потом вернемся к этому разговору.

Л е д и Ч е ш и р. Пойдемте в бильярдную. Билл, да кончай же свои письма!

Она ловко выпроваживает сэра Уильяма в бильярдную и, прежде чем выйти самой, оглядывается на Билла, но Билл повернулся к письменному столу. Когда дверь за ними закрылась, Билл заглядывает в гостиную, затем открывает дверь под лестницей. Возвращается к письменному столу, садится, берет перо. Фрэда, которая, по-видимому, ждала все это время, входит и останавливается у стола.

Б и л л. Фрэда, ведь это опасно.

Ф р э д а. Да, но я должна поговорить.

Б и л л. Ну тогда... *(Со свойственным ему безрассудством.)* Разве ты не поцелуешь меня? *(Она стоит не двигаясь. Вопросительный взгляд ее выражает страдание.)*

Б и л л. Ты знаешь, что мы не виделись целых восемь недель?

Ф р э д а. Достаточно долго... чтобы вы успели забыть меня.

Б и л л. Забыть? Я не такой забывчивый.

Ф р э д а. Не такой?

Б и л л. Что с тобой, Фрэда?

Ф р э д а *(смотрит на него долгим взглядом)*. Старое не вернется.

Б и л л *(вскочив)*. Что ты хочешь сказать?

Фрэда. Мне надо вам отдать вот это. (*Протягивает ему бриллиантовое кольцо.*) Я не носила его с тех пор, как вернулась из Кромера.

Билл. Но послушай...

Фрэда. Праздники мои прошли, больше у меня их не будет.

Билл. Фрэда!

Фрэда. Вы будете рады освободиться от меня. Вы меня по-настоящему любили только те две недели.

Билл (*беря ее за руки*). Клянусь...

Фрэда (*сквозь зубы*). И мисс Лэнфарн совсем не обязательно знать о том, что было.

Билл. Ах, вот в чем дело! Я говорил тебе двадцать раз: ничего не изменилось. (*Фрэда смотрит на него и улыбается.*) Ну, ладно. Если ты хочешь считать себя несчастной, как знаешь.

Фрэда. Все будут довольны.

Билл. Чем?

Фрэда. Когда вы женитесь на ней.

Билл. Ну, это уж слишком.

Фрэда. Так всегда бывает. И все равно: джентльмен или не джентльмен...

Билл. Довольно!

Фрэда. Но я не как та девушка из деревни. Вам нечего бояться, я не расскажу... когда это случится... (*Пауза.*) Вот что мне надо было сказать.

Билл. Что?

Фрэда. Я-то умею молчать.

Билл. Ты что, серьезно? (*Она наклоняет голову.*) Боже!

Фрэда. Отец научил меня не скулить. Как щенят, когда их держат за хвост вниз головой. (*Голос ее внезапно обрывается.*) О, Билл!

Билл (*опустив голову, хватая ее руки*). Фрэда! (*Тут же отпускает их, резко отворачивается к огню.*) Боже мой!

Она глядит на него, затем тихо проскальзывает в дверь под лестницей. Билл поворачивается, хочет что-то сказать, замечает, что ее нет. Подходит к камину, хватается за каминную полку.

Билл. Бог мой, это...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Следующий день, 10 часов утра. Сцена представляет собой будуар леди Чешир. Это изящная комната: белые панельные стены, в вазах хризантемы и красные лилии. Большое окно-фонарь выходит в парк на юго-западную сторону. Пианино открыто; в комнате горит огонь; на письменном столе разбросаны письма, пришедшие с утренней почтой. Две двери в противоположных сторонах комнаты ведут в гардеробную и в коридор. Леди Чешир стоит посреди комнаты, глядя на манто, которое Фрэда развернула перед ней.

Леди Чешир. Ну, Фрэда, по-видимому, ничего с ним не сделаешь.

Фрэда. Не люблю сдаваться.

Леди Чешир. Не принимай свою работу так близко к сердцу. Между прочим, я обещала твоему отцу заставить тебя есть побольше. (Фрэда улыбается.)

Леди Чешир. Ничего смешного. Тебе необходимо окрепнуть. Ну, не упрямясь. Я дам тебе тонизирующее, а манто это ты отложи.

Фрэда. Я хочу еще раз попытаться, миледи.

Леди Чешир (сядась за письменный стол). Ну, хорошо.

Фрэда уходит в гардеробную; одновременно из коридора входит Джексон.

Джексон. Извините, миледи. Тут девушка из деревни, говорит, что вы хотели ее видеть.

Леди Чешир. Роза Тэйлор? Пусть войдет. Да, Джексон, у меня собрание общества... Машину, пожалуйста, к половине одиннадцатого.

Дж е к с о н кланяется и выходит. Леди Чешир поднимается. Она явно нервничает, однако успевает принять спокойный вид к тому моменту, когда входит Р о з а Т э й л о р — флегматичная крестьянка. Роза Тэйлор останавливается у двери в выжидательной позе.

Л е д и Ч е ш и р. Здравствуй, Роза! Входи же. (Роза делает несколько шагов.) Я подумала, ты, может быть, захочешь посоветоваться со мной. Ведь твоя помолвка с Данингом разорвана.

Р о з а. Да, но я сказала ему, что он должен жениться на мне.

Л е д и Ч е ш и р. Вот как! И ты думаешь, что это наилучший выход?

Р о з а (тупо). Не знаю, миледи. Он должен.

Л е д и Ч е ш и р. Надеюсь, ты еще любишь его хоть немножко?

Р о з а. Ну, уж нет. Не за что его любить.

Л е д и Ч е ш и р. А он... Ты думаешь, он тебя уже совсем не любит?

Р о з а. Наверное, нет, а то бы он так со мной не общался. Он бежит за этой... за этой... Будто меня уж и в живых нет. Разве так годится?

Л е д и Ч е ш и р. Разумеется, нет. Но тебе надо бы все это обдумать хорошенько.

Р о з а. А чего мне думать, я что знаю, то знаю.

Л е д и Ч е ш и р. Но как жениться, когда вы так относитесь друг к другу! Пойми, Роза, ведь это на всю жизнь. (Глядя ей в лицо.) Я всегда готова помочь тебе.

Р о з а (слегка присев). Спасибо, миледи, но он ведь обязан жениться на мне. Я так ему и сказала, что он обязан.

Л е д и Ч е ш и р (вздыхнув). Ну, это все, что я хотела сказать. Тут дело в твоём чувстве собственного достоинства, никто не может тебе советовать. Но помни, если тебе понадобится друг...

Р о з а (с усилием). Вы не думайте, не такая уж я неговорчивая. Я только хочу, чтобы он сделал то, что обязан.

Л е д и Ч е ш и р (слегка подняв брови, мягко). Да-да, конечно.

Р о з а (оглянувшись на дверь). Я не хочу, чтобы слуги меня видели.

Леди Чешир. Пойдем, я выведу тебя через другую дверь. (Когда они подходят к двери, входит Дот.)

Дот (бросив взгляд на Розу). Мама, ты нам позволишь устроить черновую репетицию у тебя?

Леди Чешир. Пожалуйста, дорогая, можете располагаться здесь. (Открывает дверь и пропускает Розу вперед. Дот, держа пьесу «Законы касты» в руке, расставляет все в комнате по плану мизансцены.)

Дот. Стул... Стул... стол... стул... Черт! Стол... пианино... камин... окно. (Вынимает карманную расческу.) Расческа для Эклза. Колыбель? Колыбель... (Она бесцеремонно хватает корзину для бумаг, ставит ее куда нужно и бросает в нее скамеечку для ног.) Ребенок. (Мрачно читает из книги.) «Входит Эклз, запыхавшись. Эстер и Полли встают. Эстер кладет крышку на картонку». Картонка!

В поисках предмета, который мог бы изображать картонку, открывает дверь в гардеробную.

Дот. Фрэда? (Фрэда входит.)

Дот. Послушай, Фрэда, что с тобой? Ты чем-то ужасно расстроена. (Фрэда не отвечает.)

Дот. Последнее время ты совсем не выглядишь как конфетка.

Фрэда. Все в порядке, благодарю вас, мисс Дот.

Дот. Мама дала тебе лекарство?

Фрэда (со слабой улыбкой). Нет еще.

Дот. Ну, значит, это не от лекарства. (Внезапно с теплым порывом.) Что же с тобой, Фрэда?

Фрэда. Ничего.

Дот (переменив тему). Ты сейчас очень занята?

Фрэда. Только вот манто для миледи...

Дот. Это не к спеху. Может быть, ты мне понадобишься, чтобы подсказать, если они не будут знать ролей. (Мрачно.) Они так путают. Ты согласна?

Фрэда (бесстрастно). С удовольствием, мисс Дот.

Дот (глядя на нее с сомнением). Хорошо. Подожди-ка, что мне было нужно? (Входит Джоэн.)

Джоэн. Послушай, Дот, я насчет ребенка в этой сцене,— по-моему, мне надо проявить к нему больше чувства.

Дот. Мой романтический теленочек! (Вытаскивает

скамейку и протягивает ее Джоэн.) Посмотрим, как у тебя получится.

Джоэн (отступая). Но, Дот, а что же у нас действительно будет изображать ребенка? Я не могу репетировать с этим. Может быть, ты что-нибудь посоветуешь, Фрэда?

Фрэда. Займите настоящего, мисс Джоэн. Можно найти сколько угодно никому не нужных.

Джоэн. Фрэда, какие ужасные вещи ты говоришь!

Дот (бросая скамеечку обратно в корзинку). Тебе придется примириться с тем, что дают.

Входят Кристина и Мейбл Лэнфарн. Фрэда внезапно поворачивается и уходит.

Дот. Ну, поживее! Где Билл и Гарольд? (К Джоэн.) Пойди найди их, кошка-мышка. (Но Билл и Гарольд уже в дверях. Следом за ними идет Лэттер. Они входят. Лэттер спотыкается о корзинку и поднимает ее, чтобы поставить на место.)

Дот. Бросьте колыбель, Джон! (Он вынимает скамеечку из корзинки.) Оставьте ребенка! Ну давайте! Билл, тыходишь оттуда. (Указывает на гардеробную. Билл и Мейбл занимают места возле пианино, Гарольд идет к окну.) Джон, уйдите со сцены. Начали: «Эклз входит, запыхавшись, Эстер и Полли встают». Подождите минуточку. Я вспомнила. (Открывает дверь в гардеробную.) Фрэда, мне была нужна картонка.

Гарольд (весело). Терпеть не могу начинать репетиции,— чувствуешь себя таким дураком.

Дот (держа картонку, мрачно). После начала ты почувствуешь себя еще большим дураком. (Биллу, который смотрит в гардеробную.) Закрой дверь! Начали! (Билл закрывает дверь.)

Лэттер (выходя вперед). Послушайте, прежде чем мы начали, мне хотелось бы выяснить один психологический момент.

Дот. О боже!

Лэттер. Когда я приношу молоко, я должен делать это вполне серьезно? Как если бы я обычно... я хочу сказать, я считаю, что если я...

Джоэн. Но, Джон, не может быть, чтобы в пьесе было так задумано, что ты должен...

Дот. Да замолчите вы! Джон, идите на место! К черту молоко! Начинаем! Билл!

Лэттер (поворачивается и возвращается опять). Но мне кажется, что вы вообще недооцениваете мое появление.

Мейбл. Ну что вы, мистер Лэттер!

Лэттер. У меня нет ни малейшего желания нарушить равновесие этой сцены, но мне необходимо уяснить себе ее дух. Каков ее общий дух?

Дот (мрачно). Веселье до упаду.

Лэттер. Ну, не думаю. Мы рискуем провалить пьесу, если изобразим все в таком духе.

Дот. Да? Вы так думаете? Послушайте...

Мейбл (тихо Биллу). Мистер Чешир.

Билл (с отчаянием). Давайте приступим!

Дот (отмахиваясь от Лэттера). Начинаем, начинаем наконец! (Но тут входит Джексон.)

Джексон (Кристине). Стаденхэм спрашивает, мадам, не желают ли молодые люди посмотреть щенят спаньелей, он принес их.

Джоэн (вскочив). О Джон, идем! (Она летит к двери, Лэттер за ней.)

Дот (размахивая пьесой). Стойте, вы! (Кристина и Гарольд тоже пробегают мимо.)

Дот (отчаявшись). Чур первая. (Ерошит волосы на голове.) Свиньи! Черти! (Билл и Мейбл остаются одни.)

Мейбл (насмешливо). А вам не хочется щеночка спанеля?

Билл (он сдержан и мрачен, он все время помнит о двери, ведущей в гардеробную). Мне негде держать собаку в городе. Может, желаете взять себе щенка? Чистокровный.

Мейбл. Шестого, какой останется?

Билл. Сестры отдадут вам одного из своих. Они только воображают, что эти щенки им нужны.

Мейбл (подходит к нему, заложив руки за спину). Знаете, вы ужасно похожи на своего отца, только еще менее вежливы... Я не понимаю вас, англичан, хозяев земли. Как вы обращаетесь с вашими женщинами! (Тон ее внезапно меняется.) Что с вами было вчера вечером? (Мягко.) Расскажите мне.

Билл. Нечего рассказывать.

Мейбл. Ну, это неправда мистер Билл, право же...

Билл (на мгновение поддается обаянию ее голоса, затем так же угрюмо). Так, всякие заботы.

Мейбл (опять насмешливо). И уже все прошло?

Билл. Бросьте поддразнивать меня.

Мейбл. Вы внушаете страх и трепет.

Билл. Благодарю.

Мейбл. Но вы знаете, я люблю риск, например, пробежать по лугу, когда там пасется страшный бык.

Билл. Да? Как интересно!

Мейбл. Он видит только то, что находится перед ним. (Билл наступает на нее, она пятится назад.) И сбивает с ног того, кто попадется ему на дороге.

Билл. Может, вам следует вести себя поосторожнее?

Мейбл. И не видит изгороди до тех пор, пока не врежется в нее. И тогда он бросается обратно и прямо на другую изгородь.

Билл (свирепо). Почему вы выбрали именно сегодняшнее утро, чтобы изводить меня насмешками?

Мейбл. Такое прелестное утро! (Внезапно.) Бедной Фрэде, наверное, очень скучно работать, когда вокруг такое веселье.

Билл (взглянув на дверь). Вы называете это весельем?

Мейбл. Но вернемся к разговору о вас, мистер Чешир...

Билл. Незачем.

Мейбл. С вами я всегда особенно остро чувствую себя ирландкой. Не кажется ли вам, что это оттого, что вы типичный англичанин? А, я вижу, бык двигает ушами. Вот он роет землю копытом — он бросается!

Билл. Мисс Лэнфарн!

Мейбл (продолжая пятиться от него, маня его глазами и улыбкой). Вы не можете не следовать за мной. (Неожиданно меняет тон, становясь серьезной.) Ведь правда? Вы почувствуете это, когда я уеду. (Они стоят неподвижно, глядя в глаза друг другу. Фрэда, открыв дверь из гардеробной, смотрит на них.)

Мейбл (увидя ее). А вот и выход. Адье, мсье бык!

Закидывает руку за спину, открывает дверь и выскальзывает. Билл поворачивается в направлении ее взгляда и видит Фрэду, которая все еще держит манто в руках.

Билл (медленно идет к ней). Я не спал всю ночь. Фрэда. Да?

Билл. Ты ничего не придумала? (Фрэда издает горький смешок.)

Билл. Не надо! Мы должны что-то придумать. Я не допущу, чтобы ты страдала. Я тебя увезу. Клянусь тебе!

Фрэда. Это будет очень разумно.

Билл. Господи, если бы только мои денежные дела не были так запутаны!

Фрэда. Мне... мне ничего не нужно, благодарю вас.

Билл. Ты, наверное, считаешь меня негодяем. (Она отрицательно качает головой). Брани меня, скажи что-нибудь. Не смотри так!

Фрэда. Вы когда-нибудь любили меня по-настоящему?

Билл. Конечно, любил, я и сейчас люблю. Дай мне твои руки. (Она смотрит на него, отнимает руки и закрывает ими лицо: Билл сжимает кулаки.) Послушай, я докажу тебе. (Она внезапно обнимает его за шею, прижимается к нему.) Ну, ну, успокойся! (Слышно, как поворачивается ручка двери. Они отскакивают друг от друга. В дверях стоит леди Чешир и смотрит на них.)

Леди Чешир (без всякой иронии). Прошу прощения. (Почувствовав, что помешала, делает движение, будто хочет уйти, потом вдруг поворачивается и стоит в ожидании, сжав губы.) Ну? (Фрэда закрывает лицо руками. Билл поворачивается и смотрит на мать.)

Билл. Не говори о ней ничего дурного.

Леди Чешир (пытается что-то сказать ему, но не может. Фрэде). Выйди, пожалуйста!

Билл (беря Фрэду за руку). Нет. (Леди Чешир после некоторого колебания, сама направляется к двери.)

Билл. Останься, мама.

Леди Чешир. Не стоит, пожалуй.

Билл (глядя на Фрэду, которая съеживается, словно ожидая удара). Это черт знает что, это позор!

Леди Чешир. Именно.

Билл (приняв внезапное решение). Это не то, что ты думаешь. Мы помолвлены. (Фрэда растерянно взглядывает на него и отворачивается.)

Леди Чешир (переводя взгляд с одного на другого). Мне... кажется... я не совсем... понимаю.

Билл (унижение, которое он испытывает, делает его грубым). Мне кажется, я выразился достаточно ясно.

Леди Чешир. Билл!

Билл. Говорю тебе, я собираюсь на ней жениться.

Леди Чешир (Фрэде). Это правда? (У Фрэды от волнения перехватывает дыхание; она молчит.)

Билл. Если ты хочешь что-нибудь сказать, скажи мне, мама.

Леди Чешир (хватаясь за край столика). Дай мне стул, пожалуйста. (Билл подает ей стул.)

Леди Чешир (Фрэде). Сядь и ты, пожалуйста. (Все еще отворачивая лицо, Фрэда садится на круглый стул у пианино.)

Леди Чешир (глядя на Фрэду). Ну?

Билл. Мы полюбили друг друга.

Леди Чешир. Когда?

Билл. Летом.

Леди Чешир. А-а...

Билл. Ее не за что винить.

Леди Чешир. Да?

Билл (почти угрожающе). Мама!

Леди Чешир. Извини меня, но это как-то не укладывается в моем сознании. Ты говоришь, вы... помолвлены?

Билл. Да.

Леди Чешир. Я полагаю, ты понимаешь, что против такой помолвки могут быть возражения. (Внезапно изменив тон.) Билл, что это значит?

Билл. Если ты думаешь, что она меня завлекала...

Леди Чешир. Нет. И я не думаю, что ты ее завлекал. Я ничего не думаю. Я ничего не понимаю.

Билл (мрачно). Отлично!

Леди Чешир. Сколько времени продолжается эта... помолвка?

Билл (помолчав). Два месяца.

Леди Чешир (внезапно). Это... это совершенно невозможно.

Билл. Ты увидишь, что возможно.

Леди Чешир. Это большое несчастье.

Билл (указывая на гардеробную). Поди подожди там, Фрэда.

Леди Чешир (быстро). И ты все еще любишь ее? (Фрэда, подавляя рыдания, идет к гардеробной.)

Билл. Конечно. (Как только Фрэда вышла, леди Чешир, движимая сильным чувством, которое она сдерживала, быстро поднимается.)

Леди Чешир. Билл! О, Билл! Что все это значит? (Билл избегает ее взгляда и только пожимает плечами.) Ты ведь не любишь ее больше. Можешь говорить, что хочешь, я же вижу.

Билл. Я люблю ее.

Леди Чешир. Если бы ты ее действительно любил, ты говорил бы другим тоном.

Билл. Она меня любит.

Леди Чешир (с горечью). Надо думать.

Билл. Я приму меры, чтобы ее никто не мог обидеть.

Леди Чешир (выговаривая с трудом). Билл, ты считаешь меня черствой и жестокой?

Билл. Мама!

Леди Чешир. Я хочу понять. Я должна понять. Сознаешь ли ты, как ужасно все это будет для нас? Нет, это просто невозможно. Ведь речь идет о всей твоей жизни... и жизни отца... и всех нас.

Билл. Мы постараемся не мозолить отцу глаза. Я и так с ним на ножах.

Леди Чешир. Скажи мне все.

Билл. Я все сказал.

Леди Чешир. Билл, я твоя мать.

Билл. Ну что толку от этих расспросов?

Леди Чешир. Ты не хочешь ее выдавать.

Билл. Я рассказал тебе все, как есть. Мы помолвлены, обвенчаемся без шума и... уедем в Канаду.

Леди Чешир. Если бы все было так, как ты говоришь, ты был бы и сейчас в нее влюблен.

Билл. Я же тебе сказал, что я ее люблю.

Леди Чешир. Нет, не любишь! (Почти с яростью.) Я уверена, тут что-то скрывается, я уверена.

Билл. Ничего... ничего тут не скрывается.

Леди Чешир (несколько сбита с толку, но не

убеждена). Ты хочешь меня убедить, что любил ее так, как если бы она была леди?

Билл (с горечью). Почему бы нет?

Леди Чешир (с горькой иронией). Обычно бывает иначе.

Билл. До сегодняшнего дня я не слышал, чтобы ты или сестры сказали хоть слово против Фрэды. Не начинай теперь, пожалуйста.

Леди Чешир (торжественно). Подобные браки кончаются катастрофой. У вас нет ничего общего, ни в воспитании, ни во вкусах. Ты не понимаешь, что такое брак. Совместная жизнь изо дня в день, из года в год. Тут нет места для сентиментальности — для людей нашего круга человек чуждого воспитания хуже, чем человек, чуждый душою. Кроме того, вам грозит нищета. Отец никогда тебя не простит, а у меня, в сущности, нет ничего. Ну чем ты можешь заняться! Профессии у тебя никакой. Как ты все это выдержишь, да еще с женой, которая... Жизнь состоит из мелочей.

Билл. Спасибо, все это я знаю.

Леди Чешир. Никто этого не знает, пока не испытает на себе. Брак достаточно сложен, даже когда люди принадлежат к одному кругу. (Бросается к нему.) Билл, дорогой, подумай, пока не поздно!

Билл (борясь с собой). Все это ни к чему.

Леди Чешир. Это неправильно и по отношению к ней. Такой брак сделает ее только несчастной.

Билл. Предоставь это мне, пожалуйста.

Леди Чешир (с ожесточением, почти неистово). Только самые сильные могут взять на себя подобное бремя. А ты, ты даже не знаешь, что такое забота.

Билл. Ну довольно, мама.

Леди Чешир. Билл, поклянись, что ты поступаешь по собственной воле.

Билл (отворачивается, хочет уйти). Я больше не могу. (Уходит в гардеробную.)

Леди Чешир. Боже, боже, что делать? (Охваченная отчаянием, она стоит неподвижно, затем идет к гардеробной, распахивает дверь.) Фрэда, пойдись сюда, пожалуйста. (Через секунду в дверях появляется бледная, дрожащая Фрэда, за ней — Билл.)

Леди Чешир. Нет, Билл. Я хочу поговорить с ней наедине. (Билл не двигается. Она говорит ледяным тоном.) Я прошу тебя оставить нас вдвоем. (Билл стоит в нерешительности, пожимает плечами, на мгновение касается руки Фрэды и уходит в гардеробную, закрыв за собой дверь. Молчание.)

Леди Чешир. Как это случилось?

Фрэда. Не знаю, миледи.

Леди Чешир. Бога ради, не называй меня так больше никогда, дитя, что бы там ни было. (Уходит к окну.) Я знаю, как приходит любовь, я тебя не виню. Не плачь. Но, видишь ли, Билл — мой старший сын. (Фрэда прижимает руки к груди.) Да, я знаю. В этих делах расплачиваться всегда приходится женщинам. Это в порядке вещей. Но дело ведь не только в тебе, не правда ли? Кто-нибудь уже знает?

Фрэда. Никто.

Леди Чешир. Даже отец? (Фрэда отрицательно качает головой.) Для женщины ничего нет ужаснее, чем висеть камнем на шее мужчины. Как далеко зашли ваши отношения? Говори!

Фрэда. Не могу!

Леди Чешир. Ну говори же!

Фрэда. Я не скажу.

Леди Чешир (со страдальческой улыбкой). Не хочешь выдавать его? Оба вы одинаковы. Какой смысл скрывать от меня? Посмотри мне в глаза. Когда ты летом уезжала, он был с тобой?

Фрэда. Он... он всегда вел себя как джентльмен.

Леди Чешир. Как мужчина, ты хочешь сказать? (Леди Чешир резко поворачивается, начинает ходить по комнате. Останавливается, пристально смотрит на Фрэду.)

Фрэда. Он не виноват. Я так его люблю..

Леди Чешир. Просто не знаю, что тебе сказать. Это какое-то безумие. Нет, так невозможно, это надо прекратить.

Фрэда (угрюмо). Я ему не пара, я знаю, но я все-таки тоже человек.

Леди Чешир (на это первое заявление о правах отвечает голосом, в котором слышатся металлические нотки). Он тебя еще не разлюбил?

Фрэда. Это нехорошо так говорить, нехорошо!

Леди Чешир. Мужчины — это порох, женщины устроены по-другому. Если он тебя разлюбил, это твоя вина.

Фрэда. Но он любит меня, не может быть, чтобы он... Ведь всего только четыре месяца...

Леди Чешир (*опустив глаза, говорит быстро*). Послушай. Я люблю сына, но я знаю его. Я знаю этот тип мужчин. Я с таким прожила 30 лет. Я знаю их. Когда они чего-нибудь хотят, то они добиваются этого во что бы то ни стало, а потом — потом раскаиваются.

Фрэда (*угрюмо*). Он не раскаивается.

Леди Чешир. По-твоему, его любовь выдержит все испытания, все трудности, которые ждут вас обоих впереди? Ты сама знаешь, что это не так.

Фрэда. Если бы я была леди, вы бы со мной так не говорили.

Леди Чешир. Если бы ты была леди, дело не дошло бы до беды. Он тебя возненавидит.

Фрэда. Нет, неправда. Он будет счастлив со мной, там... когда мы уедем.

Леди Чешир. Я не хочу говорить тебе все те гадкие, неприятные вещи, о которых ты сама знаешь. Я только прошу тебя: поставь себя на наше место.

Фрэда. Ну да, конечно!

Леди Чешир. Ты меня достаточно хорошо знаешь; я не такая уж эгоистка, я думаю не только о себе.

Фрэда. А вы не хотите поставить себя на мое место?

Вскидывает голову.

Леди Чешир. Что?

Фрэда. Да. И на место Розы Тэйлор.

Леди Чешир (*голосом, полным ужаса, тихо*). Как? О боже! (*Гробовое молчание. Леди Чешир быстро подходит к Фрэде и смотрит ей прямо в глаза.*)

Фрэда (*отвечая ей таким же взглядом*). Да, это правда. (*Обращаясь к Биллу, который вышел из гардеробной; отрывисто, с трудом.*) Я не хотела говорить.

Леди Чешир (*прерывающимся голосом*). Это ужасно!

Билл. Придется сказать отцу.

Леди Чешир. Нет, нет. Подожди!
Билл. Оттяжка ничего не изменит.

Дверь из коридора распахивается. Вбегают Кристина и Дот, держа в руках тетради с ролями. Замечают, что происходит что-то неладное, останавливаются. Билл, бросив взгляд на мать, резко поворачивается и уходит в гардеробную; леди Чешир отходит к окну.

Джоэн (входя вслед за сестрами). Машина подана.
Что здесь происходит?
Дот. Помолчи!

Из коридора слышится голос сэра Уильяма: «Дороти!» Леди Чешир проводит по лицу носовым платком, поворачивается. Входит сэр Уильям. Он в полном охотничьем костюме — на нем красный камзол, кожаные штаны и высокие сапоги с красными отворотами.

Сэр Уильям. Мы отправляемся, дорогая. (Дочерям, благодушно.) Репетируете, а? (Подходит к Фрэде, протягивает правую руку в перчатке.) Застегни-ка, Фрэда, что-то туговато. (Фрэда застегивает перчатку. Леди Чешир и дочери смотрят на эту сцену в молчании, как зачарованные.)

Сэр Уильям. Спасибо! «Душистый май». Гм... Душиться следует только первоклассными духами. (К леди Чешир.) До свидания, дорогая! Самсонов день — самый лучший день в году. (Похлопывает Джоэн по плечу.) Жаль, что ты не едешь, Джоэн.

Выходит, оставив дверь открытой. Когда звук его шагов и звон шпор замирает вдали, Фрэда поворачивается и убегает в гардеробную.

Кристина. Мама! Что происходит? (Леди Чешир молча проходит мимо дочери и выходит в коридор. Слышится звук отъезжающей машины.)

Джоэн (подбежав к окну). Уехали! Крис, что случилось? Скажи, Дот?

Дот. Билл и Фрэда.

Джоэн. Но что, что?

Дот (мрачно). Бог их знает! Уходи, не твоего это ума дело.

Джоэн (она ошеломлена). Нет, моего.

Дот. А я, думаю, что не твоего.

Джоэн. Крис?

Кристина (жестко). Мама должна была нам сказать.

Джоэн. Ну, что тут могло случиться страшного? Фрэда — такая порядочная девушка.

Дот. И ты считаешь себя влюбленной? Слепой котенок!

Кристина. Ужасно находиться в неведении! Хотя бы Рони был здесь.

Джоэн. Может, позвать Джона?

Дот. Джона?!

Кристина. Может, Гарольд знает, в чем дело?

Джоэн. Он ушел вместе с Стаденхэмом.

Дот. Вечно одна и та же история: женщин держат в шорах. Розовые лепестки, и прочая ерунда, и обман! Этот противный старик...

Джоэн. Дот!

Кристина. Не смей говорить так об отце!

Дот. Да, противный! И Билл будет таким же в пятьдесят. Вполне сочувствую Фрэде, что бы она там ни натворила. Лучше бы мне бычь немецким солдатом, чем женщиной.

Джоэн. Дот, ты неисправима.

Дот. Молчи, ты, пичужка с мышинным сердцем!

Кристина. Что за глупости ты говоришь о женщинах!

Дот. Ты замужем, твое дело теперь сторона. И твой Рони не из этих ужасных джонов буллей. (Джоэн, которая открыла дверь.) Ищешь Джона? В таких делах от него как от козла молока.

Джоэн (в дверях, испуганным шепотом). Мейбл идет.

Дот. О силы неба и ада!

Кристина. Если бы только мы знали! (Входит Мейбл. Сестры молчат, устремив глаза в тетради.)

Мейбл. Какая молчаливая труппа!

Дот (глядя прямо на нее). Репетиция сегодня отменяется.

Мейбл. В чем дело?

Кристина. Так, ничего.

Дот. Кое-что случилось.

Мейбл. Да? Очень жаль. *(Нерешительно.)* Быть может, случилось такое, что мне лучше уехать?

Кристина. Нет, Мейбл, что вы!

Дот *(язвительно)*. Да, весьма возможно. *(Мейбл переводит взгляд с одного лица на другое.)*

Из гардеробной выходит Билл. Он идет через комнату, затем останавливается и смотрит тупо на всех четырех.

Билл. Да. Дело в том, мисс Лэнфарн, что я обручился с горничной моей матери. *(Все замерли. Мейбл Лэнфарн идет к Биллу, протягивая ему руку. Билл руки не берет, отвешивает поклон. Быстро взглянув на сестер, Мейбл выходит в коридор. Они смотрят, не отрываясь, на брата.)*

Билл *(холодно)*. Решил, что надо поставить вас в известность. *(Выходит в коридор.)*

Кристина. Господи боже мой!

Джоэн. Какой ужас!

Кристина. Этого я не ожидала. Это уж слишком.

Джоэн. Крис! Этого нельзя так оставить.

Дот *(внезапно, про себя)*. Ха! А отец велел ей застегнуть ему перчатку. *(Из коридора входит Джексон.)*

Джексон *(к Дот)*. Прошу прощения, мисс, Стаденхэм принес еще двух щенков. Он здесь. Спрашивает, не хотите ли вы взглянуть на них. *(Молчание.)*

Дот *(внезапно)*. Мы сейчас не можем.

Кристина. Попозже, Джексон.

Джексон. Прикажете Стаденхэму подождать со щенками, мадам? *(Дот отчаянно трясет головой. Но Стаденхэм уже стоит на пороге. Из обоих карманов у него высыпают щенки. Он входит. Джексон стоит позади него в ожидании.)*

Стаденхэм. Этот малыш самый лучший, мисс Дот. *(Оттопыривает правый карман.)* Я хотел сохранить его для моей дочки — чистокровный, весь в отца. *(Сестры молча пристально смотрят на старика.)*

Дот *(поспешно)*. Хорошо, Стаденхэм, спасибо.

Стаденхэм. Я не буду их здесь вытаскивать. Они могут еще оскандалиться.

Кристина *(с отчаянием)*. Нет, конечно, не надо.

Стаденхэм. Так он вам нравится, мисс Дот? *(От-*

топыривает левый карман.) А у этого белая грудка; только это не кобелек.

Дот. Да, да! Большое, большое спасибо, Стаденхэм.

Стаденхэм. Уж очень привязчивые, ходят за тобой по пятам, как женщина. Отвязаться от них нельзя. (Оттопыривает правый карман.) Дочке полюбился этот; ничего, обойдется без него.

Дот (будто ее током дернуло). Нет, нет, я не могу отнять его у Фрэды.

Стаденхэм. Господь с вами, да ей все равно! Так, значит, и порешили. (Поворачивается к двери. Щенку.) А, вст ты как? Хочешь вылезть? Ишь ты, непоседа. (Выходит; за ним Джексон.)

Кристина. Чудовищно!

Дот (взгляд ее внезапно падает на тетрадь, которую она держит в руках). «Законы касты». Да, вот они, законы касты!

(Смеется резким, отрывистым смехом.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тот же день. Пять часов вечера. Сцена представляет диванную в доме Чеширов. Стены ее обиты красным и увешаны старыми гравюрами, изображающими скачки с препятствиями и охотничьи сцены. Вокруг камина с высокой решеткой, в котором горит огонь, расставлены полукругом кресла. Шторы на высоких стрельчатых окнах еще не спущены, но уже зажжен электрический свет. В комнате две двери: одна ведет в бильярдную, другая в коридор. По комнате взад и вперед ходит Билл; у камина стоит Гарольд и сочувственно смотрит на брата.

Билл. Который час?

Гарольд. Скоро пять. С охоты они еще не вернулись, если это может послужить тебе утешением. Приятная встреча (*добавляет вполголоса*), как сказал тигр, проглотив путешественника.

Билл. Гарольд, честное слово, ты единственный, кого я еще выношу.

Гарольд. Послушай, Билл, старина, ты серьезно думаешь, что женитьбой сможешь что-нибудь исправить? (*Билл пожимает плечами, продолжая шагать по комнате.*)

Гарольд. Ну, и что же тогда?

Билл. Знаешь, я ведь не из тех, кто любит откровенничать.

Гарольд. Знаю, дружище.

Билл. Но у меня все же есть некоторое чувство порядочности, хотя, может, ты в этом и сомневаешься.

Гарольд. Билл, дорогой! Ты...

Билл. Нет, гаже ничего не придумаешь, — совратить горничную матери! И ведь она выросла в нашем доме.

Теперь я все вижу без прикрас, когда с меня слетела вся эта блажь.

Гарольд. Но, боже мой, Билл! Если ты к ней равнодушен, зачем же тебе... Рассуди здраво! *(Пауза, Билл продолжает шагать.)*

Билл. Если ты воображаешь, что я руководствуюсь принципами высокой морали...

Гарольд. Господи, Билл, мне это и в голову не приходило!

Билл. Просто я сочту себя последним негодяем, если так вот оставляю ее на мели,— особенно теперь, когда всем все известно. Поставь себя на мое место.

Гарольд. Бедняга Билл, не повезло тебе.

Билл. И не то, чтобы она меня пыталась принудить. Она существо кроткое, безобидное. Нет! Как только я мог свалить такого дурака? Просто ума не приложу. Я меньше всего хотел...

Гарольд. Я все отлично понимаю, Билл. Но ты не пори горячку, хладнокровнее, старина!

Билл. По-моему, большой потери не будет, если я уеду из Англии. *(Из бильярдной доносится стук шаров.)* Кто это там?

Гарольд. Джон, должно быть. *(Стук шаров прекращается.)*

Билл. Он идет сюда. Нет, я просто не могу это вынести. *(Билл поспешно выходит, и в ту же минуту в диванную входит Лэттер.)*

Лэттер. Это Билл вышел?

Гарольд. Да.

Лэттер. Ну, как он?

Гарольд *(теперь он начал шагать по комнате)*. Как на горячих углях. О таких вещах только в книгах читаешь. Ну чего стоят ваши с Рональдом теоретические выкладки? Что же, к счастью для вас, вам еще не поздно отступить.

Лэттер. Что вы хотите сказать?

Гарольд. У вас есть еще время,— зачем вам родниться с таким эксцентричным семейством, как наше?

Лэттер. Я джентльмен, Гарольд.

Гарольд. Превосходно!

Лэттер. Для ваших сестер вся эта история просто ужасна.

Гарольд. Хорошо еще, что в доме нет целой оравы гостей! Бедная мама! Вы знаете, Джон, я так влип! Если не примут решительных мер, я попаду в такую кашу...

Лэттер. Что случилось?

Гарольд. Если отец лишит Билла наследства, оно свалится на меня.

Лэттер. Вот как!

Гарольд. Бедняга Билл! Нет, послушайте,— наша пьеса-то, а? Немезида! Какова мораль? Каста, видите ли, значения не имеет. Всем нам не в бровь, а в глаз.

Лэттер. Поведение Билла предосудительно. Да! Позорно.

Гарольд (с горячностью). Ну, знаете! Тысячи на его месте и не подумали бы в этом случае о том, чтобы жениться на девушке, зная, чем это грозит!

Лэттер. Все это просто отвратительно!

Гарольд. А, бросьте вы, Джон! Неужели у вас нет обыкновенного человеческого сочувствия? Или вы не знаете, как происходят такие вещи? Все равно что искра на сеновале.

Лэттер. Только глупец, если не сказать больше, разгуливает с зажженной трубкой по сеновалу.

Гарольд. Гм! (Ухмыляясь.) Да, я забыл, церковь вам запрещает табак. В старые добрые времена такая история была бы в порядке вещей. Вот мой прадед...

Лэттер. Увольте меня от вашего прадеда.

Гарольд. Я могу назвать десяток мужчин, у которых были подобные же истории. Ну и что ж, они вышли сухими из воды. А Билл хочет поступить по чести, и на него обрушивается все на свете.

Лэттер. Почему он раньше не вспомнил о чести?

Гарольд. Джон, я таких вот, как вы, просто не переношу. Когда что-нибудь случается, от вас только и можно услышать: почему он раньше?.. Почему она раньше?.. Что делать теперь, вот о чем надо подумать!

Лэттер. Разумеется, он должен будет...

Гарольд. А, ерунда!

Лэттер. Что вы хотите сказать? Что значит: ерунда?

Гарольд. Послушайте, Джон. Ведь вы же не хуже моего понимаете, что ничего хорошего из такого брака

не выйдет,—зная Билла, и эту девушку, и все обстоятельства дела... Что, не согласны разве?

Лэттер. Все это весьма... весьма... прискорбно.

Гарольд. Господи! Ну, конечно! Кто же возражает?

Из бильярдной показываются Кристина и Кит. Кит еще в забрызганном грязью охотничьем костюме. Держится натынуто, губы у него плотно сжаты. Зажигает папиросу и опускается в кресло. Вслед за Кристиной и Китом бесшумно входят Дот и Джоэн.

Кристина. Я сказала Рони.

Джоэн. Сидеть и ждать, пока папе станет известно,—просто нестерпимо.

Гарольд (обращаясь к Киту). Где вы оставили отца?

Кит. В Клэкенхэме. Через десять минут он будет здесь.

Дот. Мейбл уезжает. (Все вздрогнули, точно им заново напомнили о неприятности.) Она ходила пешком в Гресли, отправила оттуда себе телеграмму.

Гарольд. Фью!

Дот. И мы с ней мило распрощаемся, как ни в чем не бывало.

Гарольд. Рони, слово за тобой, что скажешь? (Кит, глядя на Джоэн, медленно пускает дым. Лэттер берет Джоэн под руку и уводит в бильярдную.)

Кит. Дот?

Дот. Я остаюсь, я не наивный птенчик.

Кит. Кто-нибудь видел ее с тех пор?

Дот. Да.

Гарольд. Ну?

Дот. Она в гардеробной. Просто сидит там.

Кристина (резко). Как и мы все.

Дот. Она такая безответная, вот что ужасно. Если бы у нас было что-нибудь против нее...

Кит. Ей придется расхлебывать кашу, как и всем нам.

Дот. Каша, хлебать! Фу! Как в дешевой закуской. (Все поворачиваются на звук открываемой двери. Входит лакей с подносом, на котором расставлены джин, виски, лимоны и содовая вода. Гробовое молчание. Лакей ставит поднос на стол.)

Гарольд (с усилием). Загнали, Рони? (Кит утвердительно кивает.) Где?

Кит. На восьмой миле.

Лакей. Прикажете подать чай, сэр?

Кит. Нет, спасибо, Чарльз. (Снова все молчат. Лакей выходит. Все глядят ему вслед.)

Гарольд (тихо). Боже! Надо еще прикидываться.

Кит. Ну, какова же наша позиция?

Кристина. Все зависит от отца.

Кит. Сэр Уильям оказался между двух огней.

Кристина. Он, конечно, категорически запретит.

Кит. Гм! Не так-то просто! Добрый христианин, который читает за семейным столом молитвы, и вдруг запрещает сыну...

Кристина. Рони!

Кит. Бог мой! Я не говорю, что Билл должен на ней жениться. Расплачиваться придется ей. Но твоему отцу нелегко будет выйти с честью из этого положения.

Дот. Ужасно забавно!

Кристина. Ну что тут забавного, Дот?

Дот. На одной чаше христианская мораль, на другой — титул.

Кристина. Чепуха!

Гарольд. Вы забываете, что Билл здесь тоже имеет право голоса.

Кит. Да-а. Сэр Уильям может лишить его наследства. Никакие силы не сохранят за Биллом титула и поместья, если ему угодно быть таким... (Он с силой втягивает воздух сквозь зубы.)

Гарольд. Я не возьму то, что принадлежит Биллу по праву, и вы, девочки, конечно, тоже.

Кристина и Дот. Конечно, нет!

Кит (похлопывая жену по руке). Дело не в этом, не правда ли?

Дот. Если бы не мама! Фрэда такая же леди, как любая из наших знакомых девушек. Почему бы Биллу не жениться на ней и не уехать в Канаду? Это, по существу, то, что ему больше всего подходит.

Гарольд. Полегче, Дот!

Дот. Ну, только вообразите себе его в парламенте! Ведь именно это ему предстоит, если он останется здесь. Какое счастье для Англии!

Кристина. Не будь циничной! Мы должны придумать, как удержать Билла.

Дот. Я цинична?

Кристина. Пойдем, попросим его, Рони.

Кит. Бесполезно! Надежда только на нее.

Дот. Да нет, куда ей!

Гарольд. Послушайте! А эта история с Данингом — полный поворот налево кругом! Бедный папочка!

Кристина. Сейчас не время шутить, Гарольд.

Дот (мрачно). Старый Стаденхэм не хуже многих, с которыми приходится иногда родниться.

Кит. Благодарю!

Кристина. Это нелепо, чудовищно. Это неправдоподобно.

Гарольд (поднимая руку). Лошади! Он приехал!

Все прислушиваются, поворачиваются и видят леди Чешир, выходящую из бильярдной. Она очень бледна. Все встают. Дот обнимает мать за плечи. Кит пододвигает ей свое кресло. Джон и Лэттер тихо прокрадываются в комнату.

Леди Чешир. Спасибо, Рони! (Садится.)

Дот. Ты дрожишь, мама. Принести мех?

Леди Чешир. Нет, спасибо, дорогая.

Дот (тихо). Возьми себя в руки, мамочка!

Леди Чешир (выпрямившись). Хорошо шли, Рони?

Кит. Неплохо, мэм. От Бразьера до Кефинской плотины по прямой.

Леди Чешир. Как молодая лошадка?

Кит. Немного робеет, а так ничего. (Кладя руку ей на плечо.) Мужайтесь, мэм-саиб!

Кристина. Мама, обязательно надо рассказывать отцу? Рони думает, что все зависит от нее. Ты не можешь на нее повлиять? (Леди Чешир отрицательно качает головой.)

Кристина. Но, мама, ведь положение безвыходно.

Дот. Замолчи, Крис! Конечно, мама не может. Что ж нам, просить ее о пощаде?!

Кристина. Но должен же быть какой-то выход! Что ты думаешь, по совести, мама?

Дот. Оставь маму в покое.

Кристина. Надо на что-то решиться, и немедленно.

Дот (тихо). У тебя есть хоть немного чувства собственного достоинства?

Кристина. Мы станем всеобщим посмешищем. Мама, ну, пожалуйста, поговори с ней! Ты ведь знаешь, что они оба будут несчастны. (Леди Чешир опускает голову.) Ну, мама! (Леди Чешир отрицательно качает головой.)

Кристина. Даже ради Билла?

Дот. Крис!

Кристина. Бога ради, поговори еще раз с Биллом, мама! Мы все должны умолять его на коленях.

Леди Чешир. Он сейчас говорит с отцом.

Гарольд. Бедняга Билл!

Кристина (страстно). Он не подумал о нас! Эта проклятая девчонка!

Леди Чешир. Крис!

Кристина. Всему есть предел.

Леди Чешир. Только не самообладанию.

Кристина. Но, мама! Я не могу примириться... Я никогда не смогу... Надо действовать. Ты ведь знаешь Билла. Он идет напролом, когда разъярится. Прошу тебя, попытайся. Так и для нее будет лучше и для всех нас.

Леди Чешир (с трудом). Есть вещи, которые не под силу.

Кристина. Но ведь это ради Билла! Я знаю, ты можешь заставить ее отказаться от него, стоит тебе поговорить с ней так, как ты умеешь. И в конце концов она ведь не принадлежит к нашему кругу, и все это не так уж ужасно для нее. Мама, только ты можешь это сделать. Ну, поддержите же вы все меня! Это единственный выход. (Внутренне присоединяясь к требованиям Кристины, все в ожидании устремили глаза на леди Чешир. Она переводит взгляд с одного лица на другое, стискивает руки, как от физической боли.)

Кристина (тихо). Мама!

Леди Чешир внезапно поднимается, смотрит в сторону бильярдной, прислушивается. Все следят за ее взглядом. Она опять садится, проводит рукой по губам. Входит сэр Уильям. Его охотничий костюм забрызган; лицо выражает мрачную непреклонную решимость. Он направляется к камину, не обращая внимания на присутствующих. Останавливается, глядит на огонь. Все, кроме леди Чешир, тихо выскальзывают из комнаты.

Леди Чешир. Что ты сделал?

Сэр Уильям. Ты еще!

Леди Чешир. Я не могу больше оставаться в неизвестности!

Сэр Уильям. Дурак! Боже мой! Не ожидал я, Дороти, что сын мой окажется негодяем, да еще и дураком в придачу.

Леди Чешир (вставая). Будь он негодяем, он не пошел бы на то, за что ты называешь его дураком.

Сэр Уильям (свирепо уставился на нее. Затем делает легкий поклон). Превосходно!

Леди Чешир (тихо). Билл, не будь жестоким. Это все слишком тяжело.

Сэр Уильям. Сядь, прошу тебя. (Она садится; сэр Уильям поворачивается к огню.) За всю свою жизнь я ни разу еще не оказывался в подобном положении. (Сжимает края каминной полки с такой силой, что у него задрожали руки.) Ты просишь, чтобы я был спокоен. Я пытаюсь. Ну, а я прошу тебя не брать его сторону против меня.

Леди Чешир. Билл!

Сэр Уильям. Я хочу все обдумать. Ты, как я понимаю, знала обо всем еще утром. Я же узнал всего десять минут тому назад. Дай мне время подумать. (Помолчав.) Где она?

Леди Чешир. В гардеробной.

Сэр Уильям (поднимает сжатый кулак). Боже милостивый, о чем он только думает, хотел бы я знать!

Леди Чешир. Что ты ему сказал?

Сэр Уильям. Ничего, сдержался каким-то чудом, смолчал. (Резко отходит от камина, шагает взад и вперед по комнате.) Наш род насчитывает семь столетий. В наше время над этим смеются. Мне это не кажется смешным. Теперь над всем смеются, даже над понятием «леди». Я женился на тебе, и я не... Жениться на горничной своей матери! Боже мой, Дороти, за что нас судьба так наказывает! Это смертельный удар! Но я не намерен покорно подставлять шею. Нет, черт возьми! (Внезапно разъярившись.) В наше время много таких, которые будут рады, если это случится, много этих проклятых социалистов и радикалов, которые будут безжалостно издеваться над тем, чего не понимают,— над траге-

дией. Да, это будет трагедией для тебя, для меня, для всех нас. Мы с тобой воспитаны в определенных правилах, у нас определенные потребности, привычки. И так же мы воспитали своих детей. Прошое человека, его традиции — через это нельзя переступить. Они и составляют его сущность. *(Неожиданно.)* Нет, это надо приостановить.

Леди Чешир. Но как?

Сэр Уильям. Я категорически отвергаю это безумие. Я пресеку это.

Леди Чешир. Но как быть с тем, чего уже не пресечешь?

Сэр Уильям. Назначим ей содержание.

Леди Чешир. Но ты сам говорил, что существуют неписанные законы.

Сэр Уильям. Что? *(Вдруг понимает, что она имеет в виду.)* Ты про Данинга? Ты хочешь сказать... *(Резко.)* Не понимаю. Не вижу связи.

Леди Чешир. Ужасно то, что мальчик пытается выйти из положения с честью, а мы, его отец и мать...

Сэр Уильям. Я не допущу, чтобы мой старший сын погубил свою жизнь. Мне надо все обдумать.

Леди Чешир *(еле слышно)*. Я уже думала, — не вижу выхода.

Сэр Уильям. Неблагодарная девчонка, — родилась здесь, вскормлена на деньги, которые отец ее получал от меня, росла, как своя, в этом доме, ничего, кроме добра, от нас не видела. Она нарушила элементарные правила порядочности. Она соблазняла его, я уверен.

Леди Чешир *(про себя)*. Возможно, по-своему...

Сэр Уильям. Да ведь это — крушение всего! Чеширсы живут здесь спокон веку. Что мы такое, черт возьми, вне нашего родового гнезда? А ты думаешь, мы сможем остаться здесь после этой истории? Встречаться с людьми, делать вид, что ничего не произошло? Нет! А тогда прощай все, — общественное положение, политическое, — все! Это уж ничем не загладишь. Я с такими вещами сталкивался. А что касается... Ну, это с ней не с первой... Это забудется. Мой собственный дед однажды...

Леди Чешир. История с твоим дедом здесь не поможет.

Сэр Уильям *(установился в одну точку; помолчав,*

неожиданно). Ты должна поговорить с ней. Она податливая. Она не устоит против тебя.

Леди Чешир. Я уже говорила с ней, когда еще не знала всех обстоятельств. Я высказала ей все, что могла. Я не могу повторить этого теперь. Пойми, Билл!

Сэр Уильям. Что ж, ты собираешься сидеть сложа руки? (Леди Чешир делает жест огчаяния.) Если он на ней женится, он мне не сын. Для меня он перестанет существовать. Ну, и, следовательно, титул... Тогда уж не пеняй. Тебя это устраивает?

Леди Чешир (с неожиданной горячностью). Ты не имеешь права ставить меня перед таким выбором. Я бы десять лет жизни отдала, чтобы предотвратить этот брак. Я пойду к Биллу. Я буду на коленях его умолять.

Сэр Уильям. Тогда почему же ты не можешь пойти к ней? Она не заслуживает шепетильного отношения. Дело не в морали. К черту мораль!

Леди Чешир. А как быть с чувством собственного достоинства?

Сэр Уильям. Что? Но ведь ты его мать!

Леди Чешир. Я с ней говорила, я пыталась. (Подымая руку к горлу.) Больше я не в силах.

Сэр Уильям (пристально смотрит на нее). Ты отказываешься?

Леди Чешир. Я не могу, Билл. Это так низко, так недостойно...

Сэр Уильям. За всю нашу совместную жизнь, Дороти, ты никогда не шла против меня. Я возмущен, да, повторяю, я возмущен. Пошли ее ко мне. (Бросив на него взгляд, леди Чешир выходит в коридор.) Ну, дожил я! (Берет с камина фарфоровую чашечку, раздавил ее в руке и роняет в камин. Тупо смотрит на осколки. В дверь стучат.) Войдите! (Из коридора входит Фрэда.) Я просил тебя зайти, чтобы... (Указывая на стул.) Можешь сесть. (Она делает два-три шага вперед, но не садится.) Весьма печальная история.

Фрэда (еле слышно). Да, сэр Уильям.

Сэр Уильям (начинает понимать, что имеет дело с подлинным чувством). Я... ты... ты очень привязана к моему сыну?

Фрэда (шепотом). Да.

Сэр Уильям. Мне чрезвычайно неприятно, что я

вынужден... (Отворачивается от нее, смотрит в огонь кѣмина.) Я послал за тобой, чтобы спросить... (Быстро.) Сколько тебе лет?

Фрѣда. Двадцать два.

Сэр Уильям (более решительным тоном). Ты ожидаешь, что я поддержу эту бредовую идею, дам согласие на ваш брак?

Фрѣда. Я ничего не ожидаю.

Сэр Уильям. Ты понимаешь, что ты не заслужила права на то, чтобы с тобой считались?

Фрѣда. Да, пока еще нет.

Сэр Уильям. Что? Почему пока? Ну... Это тебе не поможет. Даже наоборот. Вот что, возьми себя в руки и слушай. (Она стоит в ожидании приговора. Сэр Уильям смотрит на нее; его охватывает чувство неловкости.)

Сэр Уильям. Мне нечего сказать в защиту моего сына. Он вел себя как подлец.

Фрѣда. Нет, нет!

Сэр Уильям (жестом приказывает ей молчать). Однако и ты... как ты могла позволить себе? Тебе нет оправдания, ты знаешь.

Фрѣда. Знаю.

Сэр Уильям. Ты заслужила все, что тебе предстоит. Черт возьми! Рассчитывать, что я... Это невыносимо! Где мой сын?

Фрѣда (еле слышно). Наверное, в бильярдной, с миледи.

Сэр Уильям (вновь набравшись решимости). Я хотел объяснить тебе, дать тебе понять... Что? (Видя, что она стоит совершенно неподвижно и глядит на него, резко поворачивается.) Я сначала поговорю с ним. (Открывает дверь в бильярдную.) Войдите, прошу. (Фрѣде.) Пойди в бильярдную и подожди! (Леди Чешир и Билл входят; Фрѣда проходит мимо них в бильярдную.)

Сэр Уильям (делая паузы между предложениями). Мы с матерью поговорили об этом... об этой... беде. Полагаю, что даже ты, хотя бы смутно, представляешь себе, насколько все это чудовищно. Вот что я тебе скажу: если ты совершишь этот безумный поступок, я умываю руки. Дальше можешь сам о себе заботиться. Ты ни гроша от меня не получишь ни теперь, ни впоследствии. Я

считаю, что к этому обязывает нас наше положение в обществе. Твой брат займет твое место. Мы постараемся обойтись без тебя. (*Гробовое молчание. Затем резко.*) Ну?

Билл. Я женюсь на ней.

Леди Чешир. О Билл! Без любви, без всякого чувства...

Билл. Успокойся, мама. (*Сэру Уильяму.*) Вы ошибаетесь во мне, сэр. Если я совершил бесчестный поступок, это не значит, что я дрянь во всех отношениях. Вчера вы грозили пистолетом Данингу, сегодня к моему виску прижимаете дуло. Что ж! (*Поворачивается, чтобы уйти.*) Стреляйте, черт возьми!

Леди Чешир. Билл!

Билл (*повернувшись к ней*). Я не намерен бросать ее в беде.

Сэр Уильям. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что я уговаривал тебя бросить кого-то в беде?

Билл. Нет, вы просто выгнали меня. Вам ничего иного и не оставалось при сложившихся обстоятельствах. Вполне естественно. Но если вы хотели заставить меня бросить ее, вы избрали неправильный путь, ни вы, ни я не умеем предвидеть последствий наших поступков.

Сэр Уильям. Ты осознаешь, в какое положение ты себя поставил?

Билл (*мрачно*). Имею об этом некоторое представление.

Сэр Уильям (*внезапно вспыхнув*). Никакого, ни малейшего! При том воспитании, которое ты получил...

Билл. Не я себя воспитывал.

Сэр Уильям (*уже не сдерживая гнева. Билл также взбешен*). Неблагодарный щенок!

Леди Чешир. Как вы можете — вы оба? (*Они опускают глаза и стоят молча.*)

Сэр Уильям (*мрачно, стараясь сдержаться*). Я говорю так, потому что... я очень страдаю. С этим надо считаться. Такого горя я никогда не ждал. И, конечно, никогда не забуду. Я унесу его с собой в могилу. Все мы будем нести этот крест до могилы. Всю свою жизнь я имел несчастье верить в то, что мы занимаем какое-то положение, что с нами считаются, что мы нужны нашей стране. Я старался выполнять свой долг соответственно

своему положению. И в одно мгновение все исчезло, как дым. Исчезло! Это идет вразрез со всеми моими понятиями. Согласиться на этот брак? Нет, это решительно не укладывается в моем сознании!

Б и л л. Я знаю. Мне очень жаль, что все так вышло. Но она попала в беду по моей вине, и я не вижу иного выхода. Все очень плохо сложилось, отец, и для вас и для меня... *(Умолкает, видя, что вошел Джексон, который стоит в ожидании.)*

Д ж е к с о н. Стаденхэм просит разрешения поговорить с вами, сэр Уильям. Насчет Данинга. *(Минутное молчание; сэр Уильям кивает головой, и дворецкий выходит.)*

Б и л л *(бесстрастно)*. Ему следует все сказать.

С э р У и л ь я м. Ему и будет все сказано. *(Входит Стаденхэм и прикладывает руку ко лбу, приветствуя всех.)*

С т а д е н х э м. Доброго здоровья вам, миледи, и вам, сэр Уильям. Рад доложить, что Данинг образумился. Просил сказать, сэр Уильям, все сделает, как надо. В следующее воскресенье в церкви будет объявлено о помолвке. *(Удивленный всеобщим молчанием, обводит взглядом всех трех и внезапно видит, что леди Чешир дрожит.)* Прошу прощения, миледи, вы дрожите, как лист.

Б и л л *(выпаливает)*. У меня для вас неприятная новость, Стаденхэм: я помолвлен с вашей дочерью. Мы обвенчаемся немедленно.

С т а д е н х э м. Я... не понимаю вас... сэр.

Б и л л. Дело в том, что я поступил с ней нехорошо; но я намерен все загладить.

С т а д е н х э м. Я туговат на ухо. Вы сказали... моя дочь?

С э р У и л ь я м. Будем говорить прямо, без обиняков, Стаденхэм. Вся история, как гром среди ясного неба. Повторение того, что случилось с Данингом,—понимаете?

С т а д е н х э м. Я никак в толк не возьму. Она... Вы... Дочь... Я должен ее увидеть. Прикажите позвать ее, миледи.

Л е д и Ч е ш и р *(направляется к бильярдной и зовет)*. Фрэда, войди, пожалуйста.

Стаденхэм (сэру Уильяму). Вы говорите, моя дочь в таком же положении, что и та девушка? Ваш сын? За такое мало и пулю всадить.

Билл. Если вам придет охота сделать это, Стаденхэм, я не возражаю.

Стаденхэм (отводит глаза от Билла, как бы подчеркивая глупость его реплики). Я ваш слуга двадцать пять лет, сэр Уильям, но такое дело... Здесь все равны. Вот что.

Сэр Уильям. Не отрицаю, Стаденхэм.

Стаденхэм (водит глазами в ярости). Дело не так-то просто. Я правильно его понял, он предлагает жениться?

Сэр Уильям. Да.

Стаденхэм (про себя). Ну, это уже кое-что. (Делает руками такое движение, как будто сворачивает шею птице.) Мне надо разобраться.

Сэр Уильям (с горечью). Мы вам все сказали прямо.

Стаденхэм вновь бессознательно повторяет то же движение руками.

Леди Чешир (отвращиваясь в ужасе). Не надо, Стаденхэм, прошу вас.

Стаденхэм. Это вы о чем, миледи?

Леди Чешир (тихо). Ваши... ваши руки. (Стаденхэм стоит, уставившись на нее; в дверях появляется Фрэда, как мрачнос привидение.)

Стаденхэм. Поди-ка сюда! Ты! (Фрэда делает несколько шагов по направлению к отцу.) Когда это началось?

Фрэда (еле слышно). Летом, отец.

Леди Чешир. Не будьте с ней жестоким.

Стаденхэм. Жестоким? (По глазам старика видно, что гнев и боль ошеломили его. Смотрит искоса на Фрэду. Тон его смягчается.) Когда ты ему сказала о том, что... у тебя будет...?

Фрэда. Вчера вечером.

Стаденхэм. Ох! (С угрозой.) Вы, молодой!.. (Делает судорожное движение рукой; затем в наступившем молчании как будто теряет мысль, подносит руку к голове). У меня совсем в голове помутилось — ничего не

пойму. (*Не глядя на Билла.*) Тут было сказано насчет женитьбы?

Билл. Да, я это сказал и не отказываюсь от своих слов.

Стаденхэм. Да? (*Он рассержен и сбит с толку. Медленно.*) Надо подумать, сразу не сообразишь. Вы ничего не скажете, сэр Уильям?

Сэр Уильям. Вам уже все сказано.

Стаденхэм (*едва шевеля губами*). А вы, миледи? (*Леди Чешир молчит.*)

Стаденхэм (*заикаясь*). Моя дочка была... была бы неплохой парой любому... И ему... ему нечего перед ней заноситься. (*Фрэде.*) Ты слышала, какое завидное предложение тебе делают? Ну? (*Фрэда облизывает пересохшие губы и пытается говорить, но не может.*) Если все будут молчать, мы далеко не уедем. Сказали бы вы, что у вас на уме, сэр Уильям.

Сэр Уильям. Я... если сын на ней женится, ему придется самому себя содержать.

Стаденхэм (*свирепо*). Я не об этом беспокоюсь.

Сэр Уильям. Я этого и не предполагал, Стаденхэм. Слово, по-видимому, за вашей дочерью. (*Внезапно вынимает платок и подносит его ко лбу.*) Ну и натопили здесь — чертова жарница! (*Леди Чешир снова вся дрожит, как от сильного холода, и делает отчаянные попытки сдержать дрожь.*)

Стаденхэм (*вдруг*). За удовольствие приходится расплачиваться. (*Фрэде.*) Ну, говори. (*Фрэда медленно поворачивается и смотрит на сэра Уильяма. Он произвольно подносит руку ко рту. Она переводит глаза на леди Чешир. Леди Чешир смотрит ей прямо в лицо; она смертельно бледна, кажется, что сейчас потеряет сознание. Глаза Фрэды останавливаются на Билле. Он весь подобрался, стиснул зубы.*)

Фрэда. Я хочу... (*Закрывает глаза локтем, отворачивается от него.*) Нет!

Сэр Уильям (*с чувством глубокого облегчения*). А-а!

(*Услышав это, Стаденхэм, неотступно следивший взглядом за дочерью, делает шаг по направлению к сэру Уильяму. Все его чувства слились в одно — гордый гнев.*)

Стаденхэм. Не бойтесь, сэр Уильям. Мы в вас не

нуждаемся. Силой навязываться не будем. Свое доброе имя она, может быть, потеряла, но гордость у нее осталась. Я не допущу в моей семье женитьбы из милости.

Сэр Уильям. Не забывайте, Стаденхэм!

Стаденхэм. Если она надоела молодому джентльмену за три месяца — а это сразу по нему видно, слепой разглядит, — значит, она ему не подходит.

Билл (*выступая вперед*). Я готов загладить свою вину.

Стаденхэм. Назад! (*Обнимает Фрэду за плечи и смотрит вокруг.*) Так! Не с ней первой это случилось, не с ней последней. Пойдем, пойдем! (*Держа Фрэду за плечи, подталкивает ее к двери.*)

Сэр Уильям. Черт возьми, Стаденхэм! Вы все же должны признать, что мы все же...

Стаденхэм (*поворачивается. На его лице улыбка, похожая на оскал*). Да, очень вам признателен, сэр Уильям. Но есть вещи, которые не исправить. (*Выходит вслед за Фредой.*)

Когда дверь за ними закрывается, выдержка оставляет сэра Уильяма. Он идет, пошатываясь, мимо жены и в полном изнеможении тяжело опускается в кресло у огня. Билл двинулся было следом за Фредой и Стаденхэмом, но останавливается перед закрытой дверью. Леди Чешир быстро идет за ним. Дверь бильярдной открывается, появляется Дот. Бросив взгляд вокруг, она направляется к матери.

Дот (*тихо*). Мейбл уезжает, мама. (*Почти шепотом.*) Где Фрэда? Что, она... Неужели у нее действительно хватило мужества?

Леди Чешир в ответ кивает головой и выходит в бильярдную. Дот сжимает руки и стоит посредине комнаты, переводя взгляд с брата на отца, с отца на брата. На губах ее чуть заметная жалостливая и в то же время презрительная усмешка. Она слегка пожимает плечами,

З а н а в е с

1912 г.

БЕГЛАЯ

Пьеса в четырех действиях.

Ату ее, ату!
Под звуки рога мы,
Догоним и затравим мы
Лань быстроногую!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джордж Дедмонд.

Клер, его жена.

Генерал сэр Чарлз Дедмонд, кавалер ордена Бани,
его отец.

Леди Дедмонд, мать Джорджа Дедмонда.

Реджинальд Хантингдон, брат Клер.

Эдуард Фуллартон, морской офицер в отставке.

Дороти Фуллартон, его жена.

Пейнтер, слуга в доме Дедмондов.

Берни, горничная там же.

Туйсден, адвокат.

Хейвуд, хозяин табачной лавочки.

Мейлиз, литератор.

Миссис Майлер, уборщица у Мейлиза.

Привратник.

Мальчик-рассылный.

Арно, официант в ресторане «Гаскония».

Мистер Варли, управляющий рестораном «Гаскония».

Две дамы в большущих шляпах, дама и господин, том-
ный лорд, его спутница, молодой человек, светло-
волосый джентльмен, темноволосый джентль-
мен.

Действие первое.— В доме Джорджа Дедмонда. Вечер.

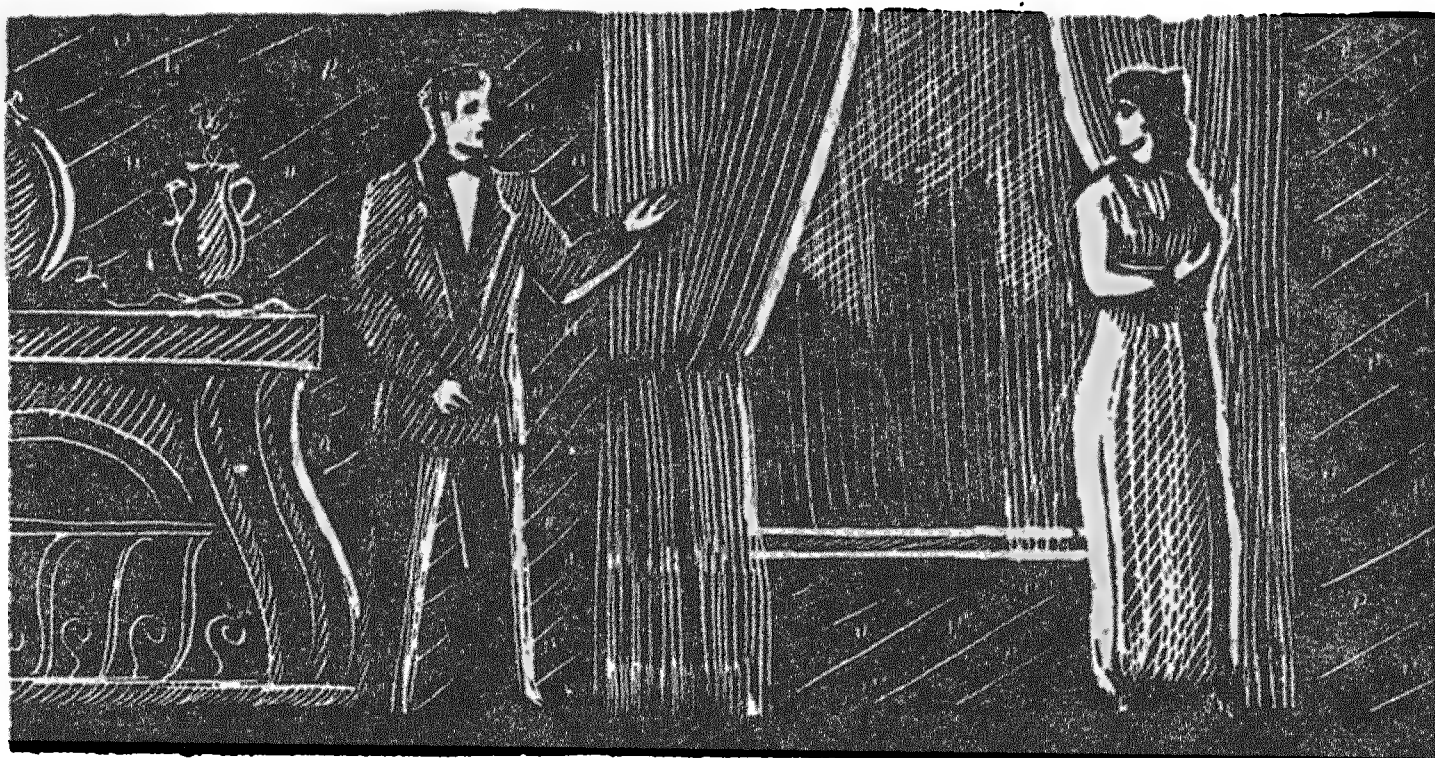
Действие второе.— В квартире Мейлиза. Утро.

Действие третье.— Сцена 1.— В квартире Мейлиза. Под вечер.

Сцена 2.— В квартире Мейлиза. Полдень.

Действие четвертое.— Небольшая зала в ресторане «Гаскония».
Поздно вечером.

Между I и II действиями проходит три дня. Между II действием
и 1-й сценой III действия — три месяца. Между 1-й и 2-й сценами
III действия — еще три месяца. Между 2-й сценой III действия и
IV действием проходит полгода.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Со вкусом убранная гостиная в квартире Джорджа Дедмонда. Две двери. Одна, распахнутая, ведет в переднюю. Другая, занавешенная портьерой, закрыта. Сквозь большое окно в нише (занавеси на нем еще не задернуты) в зареве летнего заката темнеют очертания Вестминстерских башен. В углу гостиной стоит рояль. Слуга Пейнтер, гладко выбритый и серьезный, готовит столы для бриджа. Через занавешенную дверь входит Берни, на редкость миловидная девушка с лицом словно с картины Боттичелли. Пейнтер вопросительно смотрит на нее. Берни в ответ озабоченно качает головой.

Пейнтер. Куда она ушла?

Берни. Должно быть, прогуляться.

Пейнтер. Не ладят они с хозяином. Увидишь, сбежит она от него в один прекрасный день. Что говорить, настоящая леди. А уж эти аристократки, что породистые лошади,—ни хлыста, ни узды не терпят. Нравится им в упряжке, будут идти и идти, а если им что не по норову, сразу на дыбы... Как вы там жили до того, как она за него вышла?

Берни. Жили, конечно. тихо...

Пейнтер. Не в городе, в усадьбе ведь... Ну, а отец ее, ректор, он-то каков?

Берни. Отец-то? Он человек старый, степенный. А мать умерла задолго до того, как я к ним поступила.

Пейнтер. И надо полагать, ни гроша за душой?

Берни. Ни гроша, а ведь их семеро.

Пейнтер (услышав, как хлопнула входная дверь).
Хозяин!

Берни скрывается за занавешенной дверью. Входит Джордж Дедмонд. Он во фраке, в цилиндре и пальто. У него широкое, довольно красивое лицо, чисто выбритое, оставлены только аккуратные усики. Глаза спокойные, маленькие, в них мало мысли. Тщательно причесан.

Джордж (отдает Пейнтеру пальто и цилиндр). Вот что, Пейнтер, впредь, когда я посылаю за вещами из клуба, никогда не забывайте положить черный жилет.

Пейнтер. Я спрашивал миссис Дедмонд, сэр, а она...

Джордж. Так вот, заметьте это себе на будущее.

Пейнтер. Слушаю, сэр. (Показывает на окно.) Занавеси еще не сдвигать, сэр? Закат...

Исчезает за дверью. Джордж идет к двери за портьерой и зовет: «Клер!» Не получив ответа, Пейнтер включает свет. Смотрит в сторону занавешенной двери, на лице его написана тревога. Джордж возвращается.

Джордж. Где миссис Дедмонд?

Пейнтер. Затрудняюсь вам сказать, сэр.

Джордж. Она обедала?

Пейнтер. К столу вышла в семь. Только ничего не ела.

Джордж. А после обеда ушла?

Пейнтер. Да, сэр... Она... Миссис Дедмонд вышла, не переодевшись. Подышать свежим воздухом, я полагаю.

Джордж. В котором часу, мама говорила, они приедут играть в бридж?

Пейнтер. Сэр Чарлз и леди Дедмонд приедут в половине десятого. Капитан Хантингдон тоже. Мистер и миссис Фуллартон приедут попозже, сэр.

Джордж. Миссис Дедмонд вам ничего не говорила?

Пейнтер. Ничего, сэр.

Джордж. Пошлите ко мне Берни.

Пейнтер. Слушаю, сэр.

Джордж стоит, мрачно уставившись на карточные столы. Из передней входит Берни.

Джордж. Хозяйка перед уходом ничего вам не сказала?

Берни. Сказала, сэр.

Джордж. Что она вам сказала?

Берни. Только я думаю, она сказала это невсерьез.

Джордж. Меня не интересует, что вы думаете. Что она говорила?

Берни. Миссис Дедмонд сказала: «Ну, Берни, пожелайте им приятно провести вечер».

Джордж. Ах, вот как... Хорошо.

Берни. Я приготовила платье хозяйке.

Джордж. Можете идти. *(Берни уходит.)* Черт знает что! *(Уходит в дверь за портьерой.)*

Входит Пейнтер.

Пейнтер *(докладывает)*. Генерал сэр Чарлз и леди Дедмонд.

Входят сэр Чарлз и леди Дедмонд. Он подтянутый, холеный человек, лет шестидесяти семи, с седыми усами и багровым лицом. Про этого человека можно сказать, что от него не ускользнет никакая мелочь, но слона он не приметит. У леди Дедмонд худощавое, волевое, энергичное лицо, впрочем, не лишенное мягкости. По лицу ее видно, что на своем веку она сумела выйти из многих трудных положений. Ей пятьдесят пять лет.

Сэр Чарлз. Добрый вечер. Где же они? А? Что?

Входит Джордж.

Леди Дедмонд *(целует сына)*. Здравствуй, Джордж. А где же Клер?

Джордж. Она выйдет попозже.

Леди Дедмонд. Мы что, рано?

Джордж. По правде сказать, ее нет дома.

Леди Дедмонд. Что?

Сэр Чарлз. Вы, случайно, не повздорили? А? Что?

Джордж. Да ничего особенного. *(Впервые с признаком какого-то подлинного чувства.)* Чего я терпеть не могу, это когда меня выставляют дураком перед людьми. С обычной семейной неурядицей еще можно помириться, но это...

Сэр Чарлз. Погоди... Стало быть, она ушла нарочно?

Леди Дедмонд. Да что у вас произошло?

Джордж. Я сказал ей утром, что вы приедете играть в бридж. А она, оказывается, пригласила этого... как его... Мейлиза... помузицировать...

Леди Дедмонд. Не сказав тебе об этом?

Джордж. Нет, она, правда, сказала, но...

Леди Дедмонд. Но раз так...

Джордж. Пожалуйста, бросим об этом. Каждый раз это мелочь, а в целом у нас все идет вкривь и вкось.

Леди Дедмонд. Понимаю. (*Пристально смотрит на сына.*) На твоём месте я... поостереглась бы его...

Сэр Чарлз. Кого?

Леди Дедмонд. Да этого субъекта.

Джордж. Нет, нет, Клер не такая.

Леди Дедмонд. Я знаю. Но она склонна ко всяким идеям... Напрасно вы с ним познакомились.

Сэр Чарлз. Где вы его подцепили?

Джордж. Этой весной в Италии... Очутились вместе в какой-то дыре, где не понимают по-английски.

Сэр Чарлз. Вот скверная сторона путешествий — сталкиваешься бог его знает с кем. А? Что?

Леди Дедмонд. Я считаю, что нужно с ним раззнакомиться. Эти литераторы... (*Раздумчиво.*) Начинается с умных разговоров, а потом...

Сэр Чарлз. Послушайте, усадим его играть в бридж. Таким умникам это полезно.

Леди Дедмонд. Вы ждете сегодня еще кого-нибудь?

Джордж. Регги Хантингдона и Фуллартон.

Леди Дедмонд (*мягко*). Послушай, дорогой, я давно уже собиралась поговорить с тобой. Как же это ты и Клер... Что за причина?

Джордж. Сам не пойму. Кажется, я делаю все и она тоже, чтобы наладить наши отношения...

Сэр Чарлз. Весьма прискорбно, сын мой, весьма прискорбно.

Леди Дедмонд. И главное, это давно уже тянется между вами.

Джордж. Ну, мама, оставь наконец.

Леди Дедмонд. Но, милый мой, я думаю, если дошло до крайностей, то в этом повинен именно он. Это он заразил ее всякими такими идеями.

Джордж. Поверь мне, я люблю его не больше, чем ты. Но под каким предлогом я откажу ему от дома?

Леди Дедмонд. Может, Регги Хантингдон, пока не уехал, воздействует на нее? Иногда брат...

Джордж. Я не желаю, чтобы в мои дела вмешивался посторонний.

Леди Дедмонд. Хорошо, хорошо... А сейчас пусть гости думают, что ты и Клер ушли вместе. Пройди в столовую и подожди ее там.

Сэр Чарлз. Замечательно! Предоставь это дело матери. Она уж что-нибудь сочинит.

Слышится звонок.

Леди Дедмонд. Должно быть, он. Иди, иди.

Джордж быстро уходит. Леди Дедмонд идет за ним и зовет.

Леди Дедмонд. Пейнтер! (Входит Пейнтер.) Никому не говорите, что хозяев нет дома. Я сама все объясню.

Пейнтер. Но ведь хозяин, миледи...

Леди Дедмонд. Знаю, знаю, но говорить об этом не надо. Понятно?

Пейнтер (с корректным возмущением). Слушаю, миледи. (Уходит.)

Сэр Чарлз. Ей-богу, малый что-то подозревает. А? Что?

Леди Дедмонд. Смотри, не проболтайся, Чарлз.

Сэр Чарлз. Можешь быть совершенно спокойна.

Леди Дедмонд. Я просто скажу, что они были приглашены в гости обедать и что мы сядем за карты, не дожидаясь их.

Сэр Чарлз (прислушивается к голосам в передней). Этот Мейлиз толкует о чем-то со слугой Джорджа.

Входит Пейнтер.

Пейнтер (докладывает). Капитан Хантингдон.

Сэр Чарлз и леди Дедмонд облегченно вздыхают. Входит Реджинальд Хантингдон.

Леди Дедмонд. А, это вы, Реджинальд.

Хантингдон (высокий белокурый офицер, лет тридцати). Добрый вечер! Здравствуйте, сэр. Что это, слуга их с ума сошел?

Сэр Чарлз. А что такое?

Хантингдон. Я пошел в столовую, хотел бросить окурок в пепельницу, а он говорит: сюда нельзя, сэр. Там хозяин, но мне велено говорить, что его нет дома.

Сэр Чарлз. Я так и знал, что этот малый...

Леди Дедмонд. Видите ли, Реджинальд, Клер нет дома, и Джордж ждет ее. Неудобно будет, если люди...

Хантингдон. Еще бы!

Все трое придвигаются вплотную друг к другу, как это бывает, когда люди разговаривают о семейных неладах у кого-нибудь из близких родственников.

Леди Дедмонд. Реджинальд, дело становится серьезным. Не представляю, что с ними будет. Хорошо бы вашему отцу поговорить с Клер.

Хантингдон. Хорошо бы, конечно, но отец неважно себя чувствует. Он все так близко принимает к сердцу. А уж если дело коснется Клер...

Сэр Чарлз. Может, ты, голубчик, поговоришь с ней? А? Что?

Хантингдон. Позвольте, я даже не знаю, в чем у них там дело.

Сэр Чарлз. В чем бы оно ни было, во всяком случае, вина не Джорджа. Наш Джордж — человек солидный.

Хантингдон. Джордж? Да, ничего не скажешь.

Леди Дедмонд. Им следовало бы иметь детей.

Хантингдон. Теперь они, вероятно, рады, что не обзавелись детьми. Право, не знаю, что вам сказать, миссис Дедмонд...

Сэр Чарлз. Ты меня извини, голубчик, но я почему-то часто замечаяю, что дочери священников... не совсем того... То ли от проповедей, то ли оттого, что они слишком часто едят рисовый пудинг...

Леди Дедмонд (*смотрит на него своим прозрачным взглядом*). Чарлз, пожалуйста, замолчи.

Сэр Чарлз (*Хантингдону*). Слушай, а в детстве какой у нее был характер?

Хантингдон. Прекрасный. Но, если заденешь ее, она становилась сущим чертенком.

Сэр Чарлз. Женщина она неплохая. Надеюсь, у нее есть все, чего ей хочется?

Хантингдон. Она со мной никогда об этом не говорила.

Сэр Чарлз (*со смутной догадкой*). Может быть, наш Джордж... э... немножко суховат для нее? А? Что?

Короткая пауза.

Леди Дедмонд. Сегодня сюда явится некий мистер Мейлиз. Не знаю, знакомы ли вы с ним?

Хантингдон. Знаком. Чистокровнейший ублюдок.

Леди Дедмонд. Литератор... *(Нерешительно.)* Как вы думаете, он не заражает ее какими-нибудь вредными идеями?

Хантингдон. Я говорил о нем с Грейманом, с романистом. Даже среди этой братии Мейлиза считают отщепенцем, бунтарем. Не думаю, чтобы Клер...

Леди Дедмонд. Нет, нет. Но самое главное сейчас, чтобы она в этом своем настроении ни у кого не нашла поддержки. Тсс! Я слышу их голоса. Клер прошла к себе. Какое счастье, что этот человек еще не пришел. *(Слышится звонок.)* Наверное, он.

Сэр Чарлз. Что же мы ему скажем?

Леди Дедмонд. Скажем, что они обедают в гостях и велели садиться играть без них.

Сэр Чарлз. Замечательно!

Входит Пейнтер, докладывая.

Пейнтер. Мистер Кеннет Мейлиз! *(Уходит.)*

Входит Мейлиз. Он высокого роста, лет тридцати пяти, с очень выразительным, смуглым, ироническим лицом, несколько неправильными чертами. Взгляд его колет, как игла. Густая беспорядочная шевелюра; костюм на нем не блещет новизной.

Леди Дедмонд. Здравствуйте, сэр. Какая досада, сына и невестки нет дома. Мы ждем их с минуты на минуту.

Мейлиз кланяется, насмешливо улыбаясь.

Сэр Чарлз *(протягивает ему руку)*. Здравствуйте, сэр.

Хантингдон. Мы, кажется, знакомы? *(Награждает Мейлиза тем особым взглядом, каким смотрят люди его круга, когда хотят указать собеседнику его место. Глаза Мейлиза искрятся смехом.)*

Леди Дедмонд. Клер будет сильно огорчена. Но вы понимаете... Им спешно пришлось отдать визит...

Мейлиз. Совершенно неотложный?

Сэр Чарлз. Вы в бридж играете, сэр?

Мейлиз. Увы, нет.

Сэр Чарлз. Да неужели? Тогда придется их подождать. А? Что?

Леди Дедмонд. Если не ошибаюсь, вы пишете?

Мейлиз. Водится за мной такой грех.

Леди Дедмонд. Очаровательная профессия!

Сэр Чарлз. Да, превосходное занятие. Ничего для него не требуется.

Мейлиз. Ничего, кроме головы.

Сэр Чарлз. Я вот тоже подумываю писать свои... э... мемуары.

Мейлиз. В самом деле?

Доносится стук захлопнувшейся двери.

Сэр Чарлз (торопливо). Вы курите, мистер Мейлиз?

Мейлиз. Слишком много курю.

Сэр Чарлз. Приходится курить, когда много думаешь.

Мейлиз. И думать, когда много куришь.

Сэр Чарлз (простодушно). Да? Я этого не замечал.

Леди Дедмонд (со своим прозрачным взглядом). Чарлз!

Входит Клер в вечернем платье кремового цвета, за ней Джордж. Она среднего роста, прекрасно сложена, немного бледна. У нее волнистые каштановые волосы, полные улыбающиеся губы, большие серые, притягивающие глаза. Это женщина, полная внутреннего огня под покровом холодной светскости.

Леди Дедмонд. Наконец-то, дорогая.

Сэр Чарлз. Джордж! Хорошо пообедали?

Джордж (протягивает руку Мейлизу). Здравствуйте, сэр. Клер, какой приятный сюрприз! Мистер Мейлиз!

Клер (улыбаясь, своим ясным голосом, чуть заметно пришептывая). Да мы столкнулись у двери! (Пауза.)

Сэр Чарлз. Какого черта! (Неловкая пауза.)

Леди Дедмонд (кисло). Мистер Мейлиз не играет в бридж. Придется нам, видимо, наслаждаться музыкой.

Сэр Чарлз. Что? А карты?

Пейнтер входит с подносом.

Джордж. Пейнтер! Поставьте этот столик в столовую.

Пейнтер (ставит поднос). Слушаю, сэр.

Мейлиз (Пейнтеру). Давайте, я вам помогу.

Пейнтер и Мейлиз уносят столик. Джордж светского такта ради делает вялую попытку помочь гостю.

Сэр Чарлз. Вот так закат!

Клер начинает вдруг тихо смеяться. Родные смотрят на нее сначала удивленно, потом обиженно, наконец, чуть не с ужасом. Джордж хочет к ней подойти, но Хантингдон его останавливает.

Хантингдон. Старина, возьмите-ка поднос. (Джордж берет поднос, но останавливается, глядя на Клер. Хантингдон его уводит.)

Леди Дедмонд (словно не замечая Клер). Сядем мы наконец играть, Чарлз? (Дергает его за рукав.)

Сэр Чарлз. А? Что? (Уходит.)

Леди Дедмонд (сталкивается в дверях с Мейлизом). Теперь можете музицировать. (Уходит вслед за сэром Чарлзом.)

Мейлиз. Это было бесподобно!

Клер (своим ясным, размеренным голосом). Как скандально я себя вела. Ничего не могла с собой поделаться. На меня что-то нашло сегодня, какое-то безумие!

Мейлиз. Никогда не оправдывайтесь в сумасбродстве. Сумасбродство такая редкость.

Клер. Столкнулись у двери! А они, бедняжки, так старались меня обелить. Может, пойти к ним, извиниться?.. (Смотрит на дверь.)

Мейлиз. Ну зачем? Вы все испортите.

Клер. Я три часа ходила взад-вперед по набережной... Иногда кажется: все, больше не могу!

Мейлиз. Хорошо, что хоть иногда.

Клер. Но потом делается только еще хуже. Им это, должно быть, показалось ужасным.

Мейлиз (тихо, с трудом подбирая нужные слова). Блаженны респектабельные! Блаженны светские люди! Да погибнут они от пресыщения хорошим тоном!

Клер. Мне это нравится! Ох, а теперь мне предстоит семейная сцена... (Слегка пожав плечами.) И как всегда, она закончится примирением.

Мейлиз. Миссис Дедмонд, целый мир лежит за этими окнами. Расправьте крылья и летите.

Клер. Но что будет с моим отцом? Он старый, слабый человек, это убьет его. Из сестер одна помолвлена, а для остальных я должна служить примером и образцом. Денег у меня нет, делать я ничего не умею, чтобы заработать на жизнь, разве что пойти в продавщицы. Все равно это не даст мне свободы, а тогда что толку в моем уходе? Кроме того, я сама виновата, зачем выходила замуж, если это не принесло мне счастья? Поймите, я ни на что не могу пожаловаться, ко мне прекрасно относятся, даже балуют. Только я... Я как...

Мейлиз. Как в тюрьме? Вырвитесь из нее.

Клер (*повернувшись к окну*). Взгляните на этот закат, на это белое облачко... Вам не кажется, что оно хочет взлететь? (*Взмахивает обнаженными руками, словно готовая подняться ввысь.*)

Мейлиз (*восхищенно*). А-а-ах! (*Клер роняет руки.*) Сыграйте что-нибудь.

Клер (*садится за рояль*). Мне ужасно хорошо с вами. Возле вас я не чувствую себя только привлекательной женщиной. (*Кладет руки на клавиатуру.*) А все-таки хорошо, что я не безобразна.

Мейлиз. Хвала господу за красоту!

Пейнтер. Мистер и миссис Фуллартон! (*Уходит.*)

Мейлиз. Кто это такие?

Клер (*встает из-за рояля*). Она моя единственная подруга. Муж ее служил во флоте.

Идет навстречу входящим. Миссис Фуллартон довольно высокого роста, темноволосая, с живыми, быстрыми глазами. Муж — один из тех аккуратно выбритых флотских, которые обладают видной внешностью, и хотя распростились с морской карьерой, но полностью сохранили свою слабость к прекрасному полу.

Миссис Фуллартон (*целует Клер, одновременно замечая, что Мейлиз и муж не спускают с Клер глаз.*) Мы только на минутку, Клер.

Клер. Наши в столовой, играют в бридж. Мистер Мейлиз в карты не играет. Знакомьтесь. Мистер Мейлиз, миссис Фуллартон, мистер Фуллартон.

Фуллартон. На вас ужасно шикарное платье, миссис Дедмонд.

Миссис Фуллартон. Действительно, премилое, Клер. (*Мистер Фуллартон отводит глаза от Клер, но они как бы помимо его воли тут же опять устремляются к ней.*) Играть в карты, милочка, мы не останемся. Мы действительно только на минутку, мне хотелось повидать тебя. (*Замечает входящего Хантингдона и говорит вполголоса мужу.*) Эдуард, мне нужно поговорить с Клер... Здравствуй, капитан Хантингдон.

Мейлиз. Разрешите откланяться.

Прощается за руку с Клер, кланяется миссис Фуллартон и уходит. Хантингдон и Фуллартон стоят у двери.

Миссис Фуллартон. Ну, Клер, как у тебя дела? (*Клер молча пожимает плечами.*) Ты сделала, как я тебе советовала. Потребовала отдельную комнату?

Клер. Нет.

Миссис Фуллартон. Почему?

Клер. Я не хочу его мучить. Если уж порву, так до конца. И я чувствую, что порву.

Миссис Фуллартон. Что ты, милочка! Ты всех восстановишь против себя.

Клер. Даже тебя, Долли?

Миссис Фуллартон. Ну что ты... Я, конечно, помогу тебе всем, чем смогу, но выше головы ведь не прыгнешь.

Клер. Может быть, ты разрешишь мне пожить у тебя первое время, пока я не стану на ноги?

Миссис Фуллартон (*смутившись, невольно смотрит в сторону мужа, который, разговаривая с Хантингдоном, не сводит глаз с Клер*). Какой же может быть вопрос?.. Но дело в том...

Клер (*с улыбкой*). Успокойся, Долли, я к тебе не перееду.

Миссис Фуллартон. Постой... Я боюсь, ты выкинешь что-нибудь отчаянное. Ты бываешь иногда просто отчаянной! Тебе нужно по-хорошему с ним договориться, а не уходить...

Клер. Торговаться? Ну о чем мы можем с ним договориться, если то, чего он от меня требует, мне ненавистно?

Миссис Фуллартон. Но, Клер...

Клер. Да, да, ненавистно... Ах, Долли, даже ты это-

го не понимаешь. Изю дня в день... Мы такие чужие друг другу, и все-таки... Весело, не правда ли? Этого нельзя вынести.

Миссис Фуллартон. Действительно, ужасно.

Клер. Многие женщины, вероятно, испытывают то же самое и ничего, живут. А я вот чувствую, что не могу с этим примириться. Терпела, терпела, и больше не могу. *(Сдернув с платья цветок, рвет его на кусочки. Это единственный жест, каким она выдает свое волнение.)*

Миссис Фуллартон. Клер, дорогая, ты просто в ужасном состоянии. Тебе необходимо отдохнуть. Регги не мог бы хоть ненадолго взять тебя с собой?

Клер *(качает головой)*. Регги живет на свое жалованье.

Миссис Фуллартон *(метнув быстрый взгляд)*. Скажи, это и есть мистер Мейлиз?..

Фуллартон. Прошу вас, миссис Дедмонд, напойте мне... Помните, вы пели на этих днях? *(Напевает.)* «Как чистая пчела на утренней заре, хотел бы я прильнуть к тебе...»

Миссис Фуллартон. Прежде всего, Эдуард, не чистая пчела, а чистая роса... И потом нам в самом деле пора идти. До свидания, дорогая. *(Целует Клер.)*

Фуллартон *(встает между женой и Клер)*. А платье на вас в самом деле сногшибательное.

Клер. Всего хорошего.

Хантингдон провожает их. Клер, оставшись одна, стоит, стиснув руки, потом подходит к окну.

Хантингдон *(возвращается.)* Клер!

Клер. Да?

Хантингдон. Поверь мне, сестренка, добром это для тебя не кончится. Ни один муж этого не потерпит. Скажи, Джордж в чем-нибудь виноват перед тобой? Я-то уж во всяком случае буду за тебя. *(Клер качает головой.)* Нет? Тогда в чем же дело? Ну?

Клер. Женись и убедись спустя год, что жена — чужой тебе человек, настолько чужой, что вам не о чем говорить, что кровь в тебе стынет, когда она тебя целует... И тогда ты поймешь.

Хантингдон. Видишь ли, я не хочу быть гру-

бым, но... мне просто не верится... Так бывает только в романах.

К л е р. Тебе не верится потому, что ты не испытал этого.

Х а н т и н г д о н. Но позволь... Ты вышла за него по собственному желанию, тебя никто не принуждал...

К л е р. Словом, это кажется чудовищным, правда?

Х а н т и н г д о н. Так в чем же тут, собственно, причина?

К л е р. Взгляни на них! *(Показывает на темнеющие в вечерних сумерках башни.)* Если бы он впервые увидел их, он бы только сказал: «А, Вестминстер! Башня с часами! Ты не видишь, сколько на них времени?» Как будто дело только в этом, а красота их... Ну что ему до красоты!.. И так во всем, во всем, понимаешь?

Х а н т и н г д о н *(недоуменно уставившись на нее)*. Конечно, Джордж немного прозаичен... Но если дело только в этом...

К л е р. Ах, совсем не в этом... И все же в этом... Я не умею тебе объяснить... разумом это не понять. Но у меня такое ощущение, будто я глубоко под землей, в сырой камере, и никогда не выйду на волю, что мне нечего ждать, понимаешь, нечего, и никогда ничего больше не будет.

Х а н т и н г д о н *(тронутый и озадаченный)*. Дорогая сестренка, не нужно, право. И если это действительно так, не думай об этом.

К л е р. Не думай! Когда каждый день, каждую ночь... Ах, зачем я вышла за него? Я знаю, это моя вина, но мне от этого не легче...

Х а н т и н г д о н. Ну был бы Джордж хоть непорочным человеком, что ли... И потом подумай, ты полностью зависишь от него. Дома тянутся из последних сил, чтобы нужда не бросалась в глаза.

К л е р. Я знаю.

Х а н т и н г д о н. Надо подумать и о сестрах. Любой скандал для них, сама понимаешь... Папа этого не переживет.

К л е р. Я понимаю, иначе давно бы ушла.

Х а н т и н г д о н. Вот... Но что же делать? Если бы хватило моего жалованья, но ведь не хватит же.

К л е р. Спасибо тебе, конечно, не хватит.

Хантингдон. Джорджу-то ведь тоже не сладко. Ты об этом думала?

Клер. Много думала. Пожалуйста, не будем об этом больше говорить.

Хантингдон. Хорошо. Только дай мне слово не впадать в крайность, не делать ничего, что... Есть мужчины, которые только того и ждут...

Клер. «Этот Мейлиз... Будь с ним осторожна!» Так?

Хантингдон. Ну, видишь ли, его я не знаю. Может быть, он ничего человек, но он не нашего круга. Ты только не вздумай изображать из себя современную героиню. Для этого ты слишком хороша собой, и воспитание у тебя другое.

Клер. Воспитание? А, эти ткани английского производства! Незаменимы летом! Хорошо стираются и элегантны! Только непрочны!.. *(Слышатся голоса в передней.)* Они уходят, Регги.

Хантингдон смотрит на нее раздосадованный и растерянный.

Хантингдон. Повторяю, сестренка, не доходи до крайностей. Держи себя в руках. Ну, желаю счастья. Всего тебе хорошего.

Клер целует его и, оставшись одна, долго стоит на месте, мучительно стараясь победить волнение. Внезапно садится к карточному столику. Облокотившись на него и опершись подбородком на

руки, сидит, застывшая.
Входит Джордж, за ним Пейнтер.

Клер. Больше ничего не нужно, Пейнтер. Можете отправляться домой, и пусть девушки ложатся спать.

Пейнтер. Благодарю вас, мэм.

Клер. Мой экипаж раздавил собаку. Из-за этого пришлось задержаться.

Пейнтер. Да, мэм, конечно, если...

Клер. Спокойной ночи.

Пейнтер. Может быть, вы съели бы хоть что-нибудь?

Клер. Нет, нет, спасибо.

Пейнтер. Понимаю, мэм. Спокойной ночи.
(Уходит.)

Джордж. Какого черта ты придумала эту нелепую историю с собакой? Последний дурак и тот ей не поверит.

Глупо! (Подходит к ней.) Ну что, довольна собой сегодня?

Клер качает головой.

В присутствии этого Мейлиза, словно недостаточно того, что ты осрамила меня перед родными.

Клер. Ну зачем терзать меня? Я сознаю, что дурно вела себя, но я действительно ничего не могла с собой поделать.

Джордж. И потому вела себя словно какая-нибудь продавщица? Подумать только, что нас воспитывали в одинаковых правилах!

Клер. Увы!

Джордж. Показать перед посторонними, что мы не ладим... Да это просто отвратительно.

Клер. Может быть.

Джордж. Тогда зачем же ты так делаешь? Я ведь держусь. А ты... Почему ты не ведешь себя как нормальный человек?

Клер. Прости, я виновата.

Джордж (с неподдельным чувством). Тебе просто нравится ставить меня в дурацкое положение.

Клер. Нет, уверяю тебя. Но иной раз я не могу сдержаться.

Джордж. Есть вещи, которых делать нельзя.

Клер. Я же вернулась, когда пришли гости.

Джордж. Чтобы тут же опять выкинуть новый фокус? Тебе, видно, доставляет удовольствие ссориться.

Клер. Как тебе мириться!

Джордж. Ради бога, оставь этот циничный тон!

Клер. А правда? Ее побоку?

Джордж. Ты забываешь, что ты моя жена.

Клер. «И двое да будут единой плотью, единой душой!» Да?

Джордж. Перестань молоть вздор.

Пауза.

Клер (тихо). Когда прислуга не удовлетворяет хозяина, ей дают расчет.

Джордж. Может быть, ты будешь осторожнее выбирать выражения?

Клер. Пять лет, и четыре из них такие. Срок более

чем достаточный. Тебе не кажется, что наши отношения стали бы лучше, если бы мы разъехались?

Джордж. Я тебе не раз уже говорил, что не соглашусь на это без серьезных оснований. У меня есть свое, пусть примитивное, понятие о чести. И я не потерплю, чтобы по всему Лондону трепали твоё имя.

Клер. Ты хочешь сказать, твоё имя?

Джордж. Я знаю, откуда в тебе всё это. Этот тип, Мейлиэ...

Клер. Дело не в Мейлиэ, дело в моем дурном характере.

Джордж. И кой черт столкнул нас с ним? Вот что значит знакомиться со всяким сбродом. Подозрительный субъект — и сам он, и его внешность, и эта его вечная сардоническая усмешка... Человек не умеет даже прилично одеться. Какой дурной тон!

Клер (с каким-то восторгом). А-а!

Джордж. Почему ты его приглашаешь? Что в нем... что в нем интересного?

Клер. Ум.

Джордж. Смешно! Говорить об искусстве и литературе еще не значит быть умным.

Клер. А мы и не говорим.

Джордж. Не говорите? А о чем же вы говорите, интересно знать, о том, какие вы умные?.. Скажи прямо, он влюблен в тебя?

Клер. Спроси у него.

Джордж. Так вот, как светский человек, я тебе скажу: не верю в дружбу этого философа и наставника.

Клер. Благодарю! (Пауза. Смыкает вдруг руки на затылке.) Отпусти меня! Ты будешь гораздо счастливее с другой!

Джордж. Клер!

Клер. Серьезно. Я... я уверена, что смогу зарабатывать на жизнь.

Джордж. Ты что, сошла с ума?

Клер. Другие же...

Джордж. Никогда этого не будет. Понимаешь, не будет!

Клер. Нам пора разойтись. Совсем. И деньги твои не нужны, я не имею на них права, если ничего не даю тебе взамен.

Джордж. Раз и навсегда запрещаю тебе ставить обоих нас в идиотское положение.

Клер. Но разве мы уже не в идиотском положении? Подумай, до чего мы дошли. И с каждым днем делается все хуже и хуже.

Джордж. Мне лично этого не кажется. Другие тоже этого не подумают, если, конечно, ты будешь вести себя разумно.

Клер. То есть вести себя так, как тебе кажется разумным.

Джордж. Клер, ты способна кого угодно вывести из себя.

Клер. Я не намерена тебя оскорблять. Но на этот раз я говорю серьезно.

Джордж. Я тоже.

Клер направляется к двери за портьерой.

Джордж. Клер... извини меня. Видит бог, я не хотел быть грубым. Я знаю, что ты несчастлива.

Клер. А ты счастлив?

Джордж. Я этого не говорю. Но почему бы нам не быть счастливыми?

Клер. Потому что ты — это ты, а я — это я.

Джордж. Может, попытаемся начать заново?

Клер. Мы пытались...

Джордж. А ведь когда-то...

Клер. Не знаю.

Джордж. Ты знаешь, что когда-то у нас все было хорошо.

Клер. Если и было, то слишком давно.

Джордж (*подходит ближе*). Я и сейчас...

Клер (*делает отстраняющий жест рукой*). Не надо... Ты же знаешь, что это не любовь.

Джордж. Надо принимать жизнь такой, как она есть.

Клер. Я так и делала.

Джордж. Что бы там ни было, счастливо или несчастливо, но мы женаты, и этим все определяется. Забывать об этом — самоубийство для тебя и безумие для меня. Все, чего женщина с рассудком может пожелать, у тебя есть. И потом... потом я не хочу никакой перемены. Я понимаю, если бы ты еще могла обвинить меня в чем-

нибудь... Если б я пил, или предавался каким-нибудь излишества, или слишком многого требовал от тебя... Но меня как будто не в чем упрекнуть...

К л е р. Ну, разговоров, кажется, довольно. (*Идет к двери за портьерой.*)

Д ж о р д ж. Ты что, считаешь, что я примирюсь с таким положением? Ни женат, ни холост! Это же просто ад! Должна бы понимать...

К л е р. А я вот не понимаю, да?

Д ж о р д ж. Постой, не уходи. Мы с тобой не единственные муж и жена, у которых жизнь сложилась иначе, чем они думали. Многие приспособляются и живут, как могут.

К л е р. Конечно.

Д ж о р д ж. Но почему же, по-твоему, они это делают?

К л е р. Не знаю.

Д ж о р д ж. Из элементарного чувства приличия.

К л е р. Именно!

Д ж о р д ж. Черт возьми, ты хоть кого угодно доведешь до белого каления! (*Хватает колоду карт и бросает ее. Карты с шелестом разлетаются.*) После твоей сегодняшней выходки ты могла бы быть ко мне немножко добрее, а?

Клер отрицательно качает головой. Он берет ее за руку.

К л е р. Нет... нет и нет!

Д ж о р д ж (*отнимает руку*). Так ты не хочешь помириться?

К л е р. Я настроена не очень-то по-христиански.

Уходит в дверь за портьерой, закрыв ее за собой. Джордж быстро идет за ней, несколько секунд стоит в нерешительности и возвращается в гостиную. Подходит к окну, некоторое время глядит в него, с шумом его закрывает и опять долго смотрит на дверь, за которой исчезла Клер. Выходит на середину комнаты, стоит, поблевшими пальцами сжимая край карточного столика, и что-то бормочет. Идет в переднюю, тушит свет и, в нерешительности остановившись на пороге, стоит в темноте, вздыхая. Внезапно у него вырывается: «Нет!» Набравшись решимости, идет к двери за портьерой и открывает ее. На миг в полосе света видна К л е р, которая стоит у трельяжа, снимая ожерелье. Он входит к ней и со стуком захлопывает дверь.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большая, беленая, неприбранная комната. Дверь напротив ведет в коридор, оттуда — на лестницу. Боковые двери ведут во внутренние комнаты. На стенах — репродукции хороших картин без рам, прикрепленные кнопками. Старинное, винного цвета кресло, удобное, низкое, стоит посреди комнаты. Кругом него сплошной хаос из рукописей, книг, газет, ручек, чернил; видно, что здесь давно уже кипит работа, хотя на дедовских часах всего одиннадцать. На небольшом столе у кресла — листы бумаги, папиросные окурки и две бутылки кларета. Полки завалены множеством книг, и на полу их тоже целая груда. Небрежно брошена на них мягкая мужская шляпа и черная суковатая палка. Мейлиз сидит в кресле; на нем халат и комнатные туфли. Он небрит, ворот сорочки отстегнут; пишет. Останавливается, улыбается, закуривает папиросу и, держа перед собой лист, проверяет на слух ритм последней фразы.

Мейлиз. Ни громким словом, ни легким шепотом не обмолвятся они о Свободе, эти господа, облаченные во фраки. Пальцем не двинут, бровью не поведут, чтобы напомнить о ней. Ничего! Они безмолвствуют, застыв раболепными изваяниями перед Тиранией!

Во время этого монолога из коридора входит пожилая, несколько тучная женщина в темном платье и такой же темной соломенной шляпке. Она идет к комоду, достает из него фартук и метелку из перьев для сметания пыли. По ее движениям чувствуется, что она не торопится. У нее широкое, смуглое лицо с раскосыми бровями.

Мейлиз. Вы подождали бы с уборкой, миссис Майлер.

Миссис Майлер. Я и так запаздываю, сэр. (*Подходит и останавливается возле него. Мейлиз продолжает писать.*) Там, внизу, какой-то... (*Мейлиз поднимает на*

нее глаза. Заметив, что привлекла его внимание, она умолкает. Но едва он опять берется за перо, продолжает.) Я вчера еще его заприметила. Выхожу я, пошла за пачкой соды, иду обратно, вижу, он стоит на лестнице в третьем этаже и подозрительно так на меня косится. А я смотрю на него и думаю: знаем мы таких...

Мейлиз. Ну?

Миссис Майлер. Видели мы таких, думаю. Смотрю сквозь перила, а он уставился на какую-то фотографию в руке. Вот ты как, думаю, фотографиями любишься? В такой-то темноте... Смотри, не попортить бы тебе глаза... И шарк ногой. (Показывает, как она это сделала.) Он сразу фотографию в карман и принимается стучаться в третью квартиру. Тогда я спускаюсь и говорю: «Зря стучите, тут никто не проживает». «Никто не проживает? — будто удивился он. — Мне нужен Смизер». «А, — говорю, — это за углом, дом десять». «Премного вам благодарен», — говорит он обходительно. «На здоровье, — говорю, — в это время он всегда дома», а про себя думаю (хитро прищуривает глаза): «Ждут тебя там, как же: углов-то ведь много!»

Мейлиз (занятый своими мыслями). Вы молодец, миссис Майлер.

Миссис Майлер. А сегодня утром гляжу, он стоит опять, теперь во втором этаже, и делает вид, будто стучится во вторую квартиру. «Это опять вы? — спрашиваю я его так, будто мы с ним старые знакомые. — Со вчерашнего дня все еще ищите?» «Что ж это вы мне, — говорит он, — неправильный адрес дали? Мне, оказывается, вот которая квартира нужна». «Эта? — спрашиваю я. — Не везет вам, ведь и здесь никто не проживает. Мое вам, — говорю, — почтение», а сама скок наверх... Можете сходить полюбоваться на него, мистер Мейлиз. Он, наверное, и сейчас еще стоит там да стучится в квартиру номер один. Видали мы таких хитрецов.

Мейлиз. Каков он из себя?

Миссис Майлер. В точности, как эти господа на первой странице журнала. Чистенький, прилизанный такой, противный и в котелке.

Мейлиз. Не кредиторы ли его подослали?

Миссис Майлер. Тоже скажете, сэр. Те совсем по-другому себя ведут. Вам бы уж следовало знать. Этот

гад, говорю вам, не с добром сюда явился. *(После короткой паузы.)* Может, заставить его убраться? Могу, будь то нечаянно, окатить его ведром воды.

Мейлиз, улыбаясь, качает головой.

Мейлиз. Принимайтесь за уборку. Я пойду бриться.

Взглянув на часы, уходит в смежную комнату. Миссис Майлер оглядывается; не спеша закалывает булавкой фартук, снимает шляпку, кладет ее на стол и медленно закатывает рукава. Потом, положив руки на колени, застывает в блаженной, отдыхающей позе. Тихий стук в дверь. Она лениво поднимается и бредет к дверям. Входит Клер.

Клер. Мистер Мейлиз дома?

Миссис Майлер. Дома. Одевается.

Клер. Я...

Миссис Майлер. Он недолго. Как о вас доложить?

Клер. Просто скажите ему, что его хочет видеть дама.

Миссис Майлер. Конечно, не полагается без имени. Но я постараюсь это устроить. Вы посидите пока. *(Подвигает ей стул, вытерев его фартуком; идет к двери спальни и кричит через дверь.)* Дама вас хочет видеть. *(Возвращается, подбирает окурки.)* Я в это время убираюсь. Ничего, я вас не очень запылю. *(Видит, что Клер удивлена беспорядком.)* Он не любит, когда трогают его вещи и книги. Вот я и не трогаю.

Клер. Я понимаю.

Миссис Майлер. Любит, когда все лежит на месте. *(Без особого усердия орудует метелкой, идет к комоду, потом опять к столу, разглядывает на свет бутылку. Убедившись, что она пустая, бросает в корзинку для ненужных бумаг. Поднимает вторую бутылку, еще не пустую, закупоривает ее и кладет в карман юбки.)* Кларет! Он все равно его пить не будет. Подавай ему теперь свежую, непочатую.

Клер *(поднимается)*. Пожалуй... я зайду позднее.

Миссис Майлер. Как хотите. Я не знаю, что мистер Мейлиз собирается нынче делать. Мы не вмешиваемся в личную жизнь друг друга. Каждый живет сам по себе. Может, читаете газету? Он каждое утро получает свежую.

Берет со стола газету и протягивает ее Клер, которая снова садится, грустно задумавшись. Миссис Майлер раз-другой прошлась по вещам очень грязной метелкой и вдруг застывает на месте. Клер, привлеченная внезапно наступившей тишиной, поднимает голову.

Миссис Майлер. Я не стала бы вас беспокоить своей уборкой, но он любит чистоту. (*Прислушивается к звуку, донесшемуся из спальни Мейлиза.*) Порезался! Надо пойти дать ему папиросную бумагу. (*Берет папиросную бумагу и стучится.*) Вот, наклейте. Вас дама ждет.

Клер остановилась перед титанической «Любовью Небесной и Любовью Земной». Миссис Майлер смотрит на Клер, загадочно улыбаясь. Входит Мейлиз.

Мейлиз (*берет со стола шляпку миссис Майлер и подает ей, указывая на смежную комнату*). Принимайтесь за ту комнату.

Миссис Майлер с загадочным выражением на лице уходит.

Мейлиз. Как славно, что вы пришли. Я вам нужен? Я так рад вам.

Клер. Мне нужен ваш совет... очень, очень нужен.

Мейлиз. Расправили крылья?

Клер. Да.

Мейлиз. Это хорошо. Горжусь, что дал вам такой совет. Когда?

Клер. Утром, на другой же день, как вы мне его подали.

Мейлиз. И вы?..

Клер. Поехала домой к нашим. Я знала, что отец будет очень огорчен, но мне почему-то казалось, что он поймет. Он был добр ко мне, но понять не смог.

Мейлиз (*мягко*). Мы, англичане, ценим стремление к свободе, но только не в наших близких. Да.

Клер. Домашние пришли просто в ужас. Сестры... и моя старая няня... Нет, жить дома было бы невозможно. Я решила уже вернуться к нему... к моему законному владельцу... И вдруг он приехал сам, чтобы потащить меня обратно и чтобы все началось сызнова. И я подумала: только не это. Выбрала удобную минуту, побежала на станцию и приехала сюда. Сняла номер в гостинице.

Мейлиз. Браво!

Клер. Но сегодня я вдруг упала духом. Денег у меня нет, надо найти работу, чтобы жить. У меня имеется несколько мелких вещей, я могу их продать. Вчера я весь день ходила по улицам, смотрела на женщин и думала: как эта зарабатывает себе на жизнь? А эта?

Мейлиз. Но супруг не допустит, чтобы вы унизили его достоинство, работая. Он немедленно назначит вам известную сумму на содержание.

Клер. Раз я решила не возвращаться к нему, не могу брать у него деньги.

Мейлиз. Это хорошо.

Клер. Может, мне пойти в сиделки? Но этому нужно долго учиться, и я не в силах смотреть на чужие страдания. Надо правду сказать, я ничего не умею делать — ни рукодельничать, ни рисовать. Может, попробовать в театр?

Мейлиз. Вы когда-нибудь играли? (Клер качает головой.) Тогда ничего не выйдет. Я слышал, существует предрассудок, что этому тоже надо учиться. Может быть, поступить в хористки? Вы ведь поете? Впрочем, нет, не советую... Ваш брат не мог бы вам помочь?

Клер. Брат живет на жалованье. Притом он собирается жениться. В сентябре он возвращается в Индию. Остается миссис Фуллартон... Но ее муж...

Мейлиз. Да, да, его я помню.

Клер. К тому же меня там день и ночь станут уговаривать вернуться. Мне надо найти такое место, где можно притаиться и переждать.

Мейлиз. Когда я подумаю о женщинах в вашем положении, без прав, без поддержки, у меня от бешенства кровь закипает в жилах.

Клер. Ничего не поделаешь, придется вернуться...

Мейлиз. Нет, нет, только не это. Мы что-нибудь придумаем. Что бы ни было, только не падайте духом. Чтоб он высосал вас, выпил всю, пока от вас ничего не останется, кроме пустоты и боли, пока вы не потеряете даже способности чувствовать эту боль? Сидеть в гостиной, ездить с визитами, играть в бридж, бывать на званых обедах и возвращаться к своему долгу... Все меньше и меньше чувствовать, все меньше ощущать жизнь, состариться и умереть... (Слышится звонок. Мейлиз удив-

ленно смотрит на дверь.) Кстати, он не мог вас как-нибудь выследить? (Клер качает головой. Снова звонок.) Когда вы поднимались сюда, не заметили на лестнице мужчину?

К л е р. Заметила. А что?

М е й л и з. Говорят, он там торчит круглые сутки.

К л е р. Боже мой... Значит, он думает, что я... что вы...

М е й л и з. Мне не очень-то доверяют.

К л е р. Они шпионят!

М е й л и з. Может, вы пройдете в ту комнату? Или не открывать им, пусть себе звонят?.. А с другой стороны, может быть, это не они...

К л е р. Я не собираюсь прятаться.

Снова звонок.

М е й л и з (открывает дверь в спальню). Миссис Майлер, узнайте, кто это, затем можете уходить.

Миссис Майлер в своей шляпке, с загадочным лицом, идет к входной двери и открывает ее. Слышится мужской голос: «Здесь живет мистер Мейлиз? Будьте любезны, передайте ему наши карточки».

М и с с и с М а й л е р (возвращается). Вот их карточки.

М е й л и з (читает). Мистер Роберт Туисден. Сэр Чарлз и леди Дедмонд. (Смотрит на Клер.)

К л е р (со спокойным презрением). Пусть войдут.

М е й л и з (миссис Майлер). Просите.

Входит Т у и с д е н, гладко выбритый мужчина с сильной квадратной челюстью боксера и пронизательным взглядом. За ним — сэр Чарлз и леди Дедмонд. Никто не раскланивается. Миссис Майлер уходит.

Т у и с д е н. Мистер Мейлиз? Здравствуйте, миссис Дедмонд. Я имел честь познакомиться с вами на вашей свадьбе. (Клер наклоняет голову. К Мейлизу.) Сэр, я поверенный мистера Джорджа Дедмонда. Не будете ли вы любезны оставить нас с миссис Дедмонд наедине. Наш разговор займет всего несколько минут.

По знаку Клер М е й л и з уходит в смежную комнату, закрыв за собой дверь. Пауза.

Сэр Чарлз (неожиданно). А? Что?

Леди Дедмонд. Не угодно ли вам, мистер Туисден...

Туисден (несколько стесненно). Простите, миссис Дедмонд, за наше вторжение, но вы сами не оставили нам иного выбора... (Клер молчит.) Супруг ваш был крайне озабочен вашим исчезновением. Право, вы должны нам простить эту попытку увидеться с вами...

Клер. Почему вы шпионили здесь?

Сэр Чарлз. Полно, полно, никто за вами не шпионил...

Туисден. Как видите, мы не ошиблись. (Заметив выражение лица Клер, поспешно добавляет.) Поймите, миссис Дедмонд, я юрист и знаю, что не следует поддаваться чисто внешним впечатлениям. Верьте мне, я желаю вам только добра ... я друг вам...

Клер поднимает глаза, и он, тронутый ее взглядом, в котором можно прочесть: «У меня нет друзей!», — торопливо продолжает.

Скажу в нескольких словах. Мой совет вам—забыть об этой размолвке с супругом. Иначе будет поздно, и вам придется горько раскаяться в этом. Откройте нам, в чем причина вашего недовольства; я уверен, что дело вполне поправимо.

Клер. Я не могу предъявить мужу никаких обвинений. С точки зрения рассудка, мне не следовало его оставлять.

Туисден. Вот видите... Я и говорю...

Клер. Но рассудок еще не все.

Туисден. Не понимаю, миссис Дедмонд.

Клер. Не понимаете?

Туисден (сбившись с тона). Мне кажется, вам не следовало решаться на такой шаг, не посоветовавшись...

Клер. А если я уже советовалась?

Туисден (подходит ближе). Словом... миссис Дедмонд, не чувствуете ли вы, что могли бы сказать нам нечто такое... что дало бы нам возможность исправить создавшееся положение?

Клер. Простите, но мне нечего вам сказать.

Леди Дедмонд. Клер, вы должны понять, что...

Туисден. Миссис Дедмонд, вы молоды, красивы и лишены всяких средств. Скажу без обиняков: жизнь

бывает жестока. Жаль будет, если с вами случится что-либо нехорошее.

К л е р. А если я вернусь, будет лучше?

Т у и с д е н. Из двух зол, как говорится...

К л е р. Мне двадцать шесть. Ему тридцать два. Мы можем так протянуть еще целых пятьдесят лет.

Л е д и Д е д м о н д. У вас просто болезненное направление мыслей, Клер.

Т у и с д е н. Подумайте, что вас ждет, если вы не вернетесь. Каково будет ваше положение? Ни вдова, ни девушка, ни мужняя жена. Законная добыча для каждого мужчины. Верьте мне, миссис Дедмонд, что хорошенькой женщине бросить мужа только потому, что любовный порыв первых лет замужества угас,— это безумие. Вы должны знать, что люди считаются только с фактами, с голыми фактами... Если бы у вас, простите меня, был любовник... *(Обводит глазами комнату и останавливает их опять на Клер.)* У вас была бы какая-то почва под ногами... Но *(сделав паузу)* у вас его нет, значит, нет и почвы под ногами...

К л е р. Если не считать той, которую я могу сама себе создать...

С э р Ч а р л з. Боже великий!

Т у и с д е н. В том-то и заключается вся трудность вашего положения. Вы бедны, и ваша красота, если вы решитесь восстать против света, послужит вам только помехой, ибо он не пощадит вас. Мы, адвокаты, хорошо это знаем, мы видим много таких фактов. Такова жестокая правда. Говорю вам, как человек, знающий жизнь.

К л е р. Я благодарна вам за это. Но представляете ли вы себе, что значит для меня предлагаемый вами второй выход?

Т у и с д е н *(пораженный)*. Однако, вступая в брак, вы заключили договор. А договор — это двустороннее обязательство. Супруг ваш его выполнил, а вы...

К л е р. Я до последнего времени тоже его выполняла. Теперь мы оба свободны от обязательств. Мне ничего от него не нужно.

Л е д и Д е д м о н д. Но, дорогая, вам же надо как-то существовать.

Т у и с д е н. Вы работали когда-нибудь?

К л е р. Нет.

Т у и с д е н. Представляете ли вы себе, как трудно найти работу?

К л е р. Я все же попытаюсь.

Туисден с сомнением пожимает плечами.

К л е р (несколько теряет уверенность под его взглядом). Но поймите... Поймите, что у меня нет другого выхода.

С э р Ч а р л з. Дорогая девочка, а что же будет с нашим Джорджем?

К л е р. Пусть делает, что хочет. Меня его судьба не интересует.

Т у и с д е н. Миссис Дедмонд, говорю с абсолютной уверенностью, что вы не имеете никакого представления о том, что ждет вас: по воспитанию, по привычкам вы неспособны к самостоятельной жизни. Вы на распутье, и одна из дорог ведет к гибели.

К л е р. Которая?

Т у и с д е н (бросает взгляд на дверь, в которую вышел Мейлиз). Разумеется, если вам хочется погубить себя... найдутся люди, которые помогут вам в этом.

С э р Ч а р л з. Вот именно.

К л е р. Поймите, я только ищу возможности свободно дышать.

Т у и с д е н. Миссис Дедмонд, вернитесь к мужу, вернитесь, пока не поздно. Нето стервятники... (Снова бросает взгляд на дверь.)

К л е р (уловив его взгляд). Стервятники не там, где вы их видите. Вы говорите, что мне следовало с кем-нибудь посоветоваться. Я и пришла сюда за советом.

Т у и с д е н (красноречиво передернув плечами). В таком случае, я больше не вижу необходимости в моем пребывании здесь. (Направляется к выходу.)

К л е р. Одна просьба к вам. Я очень... очень прошу... не преследуйте меня больше...

Л е д и Д е д м о н д. Джордж ждет на улице. Он...

К л е р. Я не хочу его видеть... И какое право вы имели прийти сюда? (Идет к двери, в которую ушел Мейлиз, и зовет его.) Мистер Мейлиз, пожалуйста, войдите.

Входит Мейлиз.

Т у и с д е н. Весьма сожалею... (*Смотрит на Мейлиза.*) Весьма сожалею! До свидания. (*Уходит.*)

Л е д и Д е д м о н д. Мистер Мейлиз, как тактичный человек, безусловно, поймет, что...

К л е р. Мистер Мейлиз у себя и никуда не уйдет.

С э р Ч а р л з. Ну, знаете, дорогая, я совершенно перестаю вас понимать.

К л е р. А вы меня понимали?

Л е д и Д е д м о н д. Джордж согласен считать, что между вами ничего не произошло.

К л е р. Вот как?

Л е д и Д е д м о н д. Ответьте откровенно: чего вы хотите?

К л е р. Одного только. Чтобы меня оставили в покое. И если дело пошло на откровенность, то с его стороны было большой ошибкой шпионить за мной.

Л е д и Д е д м о н д. Но, милая моя, вы тоже совершили ошибку, не оставив адреса, как сделал бы всякий нормальный человек. А то мы не знали, где вы, как вы. Бог знает, что могло с вами случиться. (*Смотрит на Мейлиза.*)

М е й л и з (*тихо*). Бесподобно!

С э р Ч а р л з. Повторите-ка погромче, что вы сказали, сэр!

Л е д и Д е д м о н д. Чарлз!.. Ах, Клер, на вас просто напала хандра. Ваш долг... Ваши интересы... Брак, моя милая,— святое дело.

К л е р. Святое дело! Просто живут бок о бок два животных, из них одно — против воли. Вот что такое мой брак, давно уже. И вот все, что было в нем святого.

С э р Ч а р л з. А? Что?

Л е д и Д е д м о н д. И не стыдно вам так говорить?

К л е р. Мне стыдно, что в моей жизни это было.

Л е д и Д е д м о н д (*бросает быстрый взгляд на Мейлиза*). Если уж говорить об этом, то не лучше ли с глазу на глаз?..

М е й л и з (*Клер*). Мне уйти?

К л е р. Нет.

Л е д и Д е д м о н д (*Мейлизу*). Из простого чувства приличия, сэр... (*К Клер.*) Боже мой... Неужели вы не понимаете, что вами играют...

К л е р. Если это выпад по адресу мистера Мейлиза, то это злостная ложь.

Л е д и Д е д м о н д. Вы пришли к мужчине одна...

К л е р. Я пришла к мистеру Мейлизу потому, что он единственный человек, который мог бы мне помочь разобраться в моем положении. Пришла каких-нибудь пятнадцать минут назад за советом, а вы сразу же заподозрили... Это пошло!

Л е д и Д е д м о н д (ледяным тоном). Вы находите естественным, что я застаю здесь жену моего сына?

К л е р. Скажите лучше, сожительницу вашего сына!

Л е д и Д е д м о н д. Может быть, вы не откажетесь поговорить с вашим братом?

К л е р. Мы достаточно с ним говорили.

Л е д и Д е д м о н д. Да есть ли в вас хоть крупица религиозного чувства?

К л е р. Если религия оправдывает такую жизнь, как наша, то во мне его нет.

Л е д и Д е д м о н д. Но ведь это ужасно, то, что вы говорите. Понимаете, ужасно!

Клер начинает тихо смеяться, как смеялась в вечер разрыва с Джорджем. Сэра Чарлза смех этот, как электрическим током, выводит из состояния растерянной инертности, в какой он пребывал во время разговора Клер с леди Дедмонд.

С э р Ч а р л з. Ради бога, Клер, перестаньте так смеяться!

Клер умолкает.

Л е д и Д е д м о н д (с неподдельным чувством). Простой справедливости ради, Клер!

К л е р. Справедливости? Может быть, справедливость где-то и существует, только не в нашей жизни! (Кладет руку на сердце.) Клянусь, я сделала все, что могла. Клянусь, если б я верила, что мы можем полюбить друг друга хоть немного, хоть чуть-чуть, я бы вернулась. Клянусь перед богом, что я никому не хочу причинять страданий.

Л е д и Д е д м о н д. И всем их причиняете. Будьте же благоразумны!

К л е р (теряет власть над собой). Неужели вы не понимаете, что дело идет о моей жизни?.. Что я борюсь за

право свободно дышать? Ведь я человек... Живой человек из плоти и крови... А вы хотите заживо похоронить меня, навсегда запереть в тюрьму душой и телом...

Все смотрят на нее.

Сэр Чарлз (внезапно). Боже великий! Как же так... А? Что?

Леди Дедмонд (Мейлизу). Если в вас есть хоть капля порядочности, сэр, то дайте возможность жене поговорить с мужем. (Делает знак сэру Чарлзу.) Мы подождем внизу.

Сэр Чарлз (Клер). Я хочу сказать, дорогая, если таковы ваши чувства... то, как порядочный человек, могу вам сказать...

Леди Дедмонд. Чарлз!

Сэр Чарлз. Оставь меня!.. То, как порядочный человек, я должен сказать, что... черт меня побери, если я знаю, что я должен сказать...

Совершенно расстроенный, смотрит на Клер и, тяжело ступая, уходит. За ним уходит и леди Дедмонд. За сценой слышится ее голос, потом его: «А? Что?»

В дверях появляется Джордж.

Джордж (подходит к Клер, уже овладевшей собой). Ты не выйдешь поговорить со мной?

Клер. Нет.

Джордж (кидает взгляд на Мейлиза, который стоит, прислонившись к стене и скрестив руки).

Джордж (вполголоса). Клер!

Клер. Я слушаю.

Джордж. Тебе не кажется, что ты подвергла меня достаточному испытанию, заставив прийти и говорить с тобой в присутствии этого человека... Другой муж, застав тебя здесь, подумал бы о тебе дурно...

Клер. Тебе незачем было приходить и незачем что бы то ни было думать обо мне.

Джордж. Но неужели ты допускала мысль, что я дам тебе исчезнуть и не сделаю всего, что в моих силах, чтобы...

Клер. Спасти меня?

Джордж. Ради бога, будь справедливой и дай мне

возможность сказать тебе несколько слов. Ты вынуждаешь меня говорить при этом... Пусть этот грех падет на твою голову!.. Скажи, где я могу объясниться с тобой наедине?

К л е р. Это лишнее.

Д ж о р д ж. Почему лишнее?

К л е р. Потому что я заранее знаю, о чем ты будешь говорить. «Ты должна вернуться... Это твой долг... Не жди помощи от друзей... Ты не сможешь зарабатывать на жизнь... Ты явишься предметом разговоров и сплетен». Может быть, под влиянием минуты ты даже добавишь: «Обещаю, что никогда не войду к тебе в комнату без твоего разрешения...»

Д ж о р д ж. Ну что ж, все это правильно, и тебе нечего на это возразить.

К л е р (*резко*). О боже! Наша жизнь с тобой — сплошная ложь, глупость и пошлость! Довольно! Оставь меня в покое!

Д ж о р д ж. Прости, но ты, кажется, не понимаешь главного. Я пришел сюда для того, чтобы говорить тебе не о том, что ты сама прекрасно знаешь, а о том, что твой друг ведет нехитрую игру, даже малый ребенок мог бы ее разгадать. Если ты думаешь, что подобный субъект — джентльменом я никак его не назову — способен бескорыстно помочь красивой женщине, не имея на нее видов, то ты жестоко ошибаешься.

К л е р. Будь осторожен в своих выражениях. Мейлиз, сжавший было кулаки, принимает опять неподвижную позу.

Д ж о р д ж. Я не строю из себя умника, но у меня есть то, что зовется обычным здравым смыслом. Я не пытаюсь стать выше простых фактов.

К л е р (*словно про себя*). Опять факты...

Д ж о р д ж. Бога ради, брось этот высокопарный тон, он совсем тебе не к лицу. Выслушай мое предложение. Если ты уедешь за границу и пробудешь там до осени с одной из твоих сестер, то я на это время съеду с квартиры и переселюсь в клуб.

К л е р. Потушишь пожар ведром воды? (*Раздельно, словно подводит последнюю черту.*) Я не вернусь к тебе, Джордж. Комедия кончена.

Д ж о р д ж (*на мгновение теряется от ее тона, потом*

поворачивается к Мейлизу). Значит, между тобой и этим...

Мейлиз (не меняя позы, с угрозой). Прошу вас...

Клер. Я сказала тебе, что ты ошибаешься...

Джордж (переводит глаза с него на нее). Что бы ни случилось, я не стану спокойно смотреть, как женщина, которая была моей женой... (Клер делает движение, которым словно зачеркивает прошлое.) ...не стану смотреть, как она идет к гибели, я сделаю, что смогу, для ее спасения.

Клер. Очень благородно.

Джордж. Не знаю, заслуживаешь ли ты этого. Но клянусь честью, я пришел сюда ради тебя, пришел открыть тебе глаза на то, что ты делаешь... (Резко поворачивается к Мейлизу.) И твоему драгоценному другу я выскажу все, что о нем думаю. Я не собираюсь играть ему на руку.

Мейлиз, все в той же позе, смотрит на Клер, губы у него дергаются.

Клер (качает головой в ответ на взгляд Мейлиза, потом Джорджу). Не угодно ли вам уйти?

Джордж. Я уйду только вместе с тобой.

Мейлиз. Светский человек мог бы быть тактичнее.

Джордж. Идешь?

Мейлиз. Это невероятно.

Джордж. Я разговариваю не с вами, сэр.

Мейлиз. Конечно. У нас с вами не найдется общего языка.

Джордж. Так ты идешь?

Клер отрицательно качает головой.

Джордж (с бешенством). Значит, ты остаешься здесь, в хлеву, слушать идиотские бредни этого скота?

Мейлиз (сразу выходит из неподвижности). Если вы сейчас же не уйдете, я убью вас.

Джордж (с неожиданным спокойствием). Это мы еще посмотрим.

Мейлиз (зловещим шепотом). Нет, я убью его!

(Крадется вдоль стены, хватая свою суковатую палку и, так же крадучись, с искаженным от ярости лицом подходит вплотную к Джорджу.)

К л е р (быстро хватается за палку). Дайте сюда.

Мейлиз покорно отдает палку. Двое мужчин стоят лицом к лицу, не шевелясь, и глядят друг на друга горящими глазами. Клер бросает палку на пол и встает на нее ногой. Потом, сняв шляпку, кладет ее на стол.

К л е р. Теперь не угодно ли вам уйти?

Пауза.

Д ж о р д ж (установившись на шляпку). Пойми, глупая, безумная женщина, если до трех часов ты не вернешься домой, я разведусь с тобой, и можешь барахтаться в этой грязной яме со своим возвышенным другом. А вас, сэр, я не пощажу. Я подам на вас иск, я с вами разделаюсь. Вы оплатите своим карманом. Таких, как вы, иначе не проймешь!

Хлопнув дверью, уходит. Клер и Мейлиз глядят друг на друга.

Губы у нее начинают дрожать.

К л е р. Ужасно!

Опускается на край стула и закрывает глаза рукой. Мейлиз, взяв палку, тихо ее поглаживает, потом откладывает в сторону и подходит к Клер, чтобы видеть ее лицо. Она сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

М е й л и з. Лучше быть не могло!

К л е р. Что мне делать? Что мне делать?

М е й л и з. Прежде всего воздать хвалу небу за удачу.

К л е р. Он выместит на вас все, он вас разорит, предъявит денежный иск. И все это из-за меня.

М е й л и з. Ну что ж, пускай его. И пускай разводится. Избавьтесь от него. Любой ценой.

К л е р (поднимается со стула и стоит, отвернувшись, потом быстро поворачивается к нему). Я принесла вам разорение. И должна чем-то возместить вам... Иначе мне невыносимо об этом думать... Потребуйте от меня, чего хотите.

М е й л и з. Что вы!

Клер, закрыв глаза, подставляет ему лицо для поцелуя.

Мейлиз. Бедная вы моя... (*Целует ее, но, увидев выражение ее лица, отшатывается. Глаза у нее закрыты, губы плотно сжаты, руки нервно дрожат.*) Ну нет! Здесь не дом «джентльмена»!

Клер (*почти шепотом*). Простите...

Мейлиз. Я понимаю.

Клер. Я не чувствую к вам... А без чувств я не могу... Не могу...

Мейлиз (*с горечью*). Вы правы. Такой любви с вас достаточно.

Долгая пауза. Не глядя на него, она берет шляпку и надевает.

Мейлиз. Уходите?

Клер кивает.

Не доверяете мне?

Клер. Доверяю, но не могу брать, ничего не давая взамен.

Мейлиз. Умоляю, умоляю вас. Какое это имеет значение? Располагайте, воспользуйтесь мною, лишь бы освободиться.

Клер. Мистер Мейлиз, я знаю, чем я должна стать для вас, если я это допущу. Я знаю, чего вы ждете от меня не сейчас, так потом. И в самом деле, почему бы вам этого не ждать?

Мейлиз. Клянусь вам всем святым, что есть для меня...

Клер. Нет, если наши отношения не могут сложиться таким образом, то это невозможно, так в жизни не бывает. И я на это не пойду. Чувства не создаются по заказу, правда?

Мейлиз. Да.

Клер. А иначе я не могу! Не могу! (*Идет к двери.*)

Мейлиз. Куда же вы пойдете?

Клер молчит и только тяжело дышит. В ней какая-то перемена, какое-то возбуждение, скрытое под внешним спокойствием.

Мейлиз. Не к нему. (*Клер качает головой.*) Слава богу! Но куда же? Опять к отцу?

Клер. Нет.

Мейлиз. Вы ничего не задумали такого...

Клер. Да что вы!

Мейлиз. Но что же вы собираетесь делать? Ну... говорите...

Клер. Устраиваются же как-то другие женщины.

Мейлиз. Но вы... такая хрупкая, изнеженная...

Клер. Ничего. Только не расстраивайтесь. Не будете?

Мейлиз (берет ее за локоть). Ну, доверьтесь мне, доверьтесь. Вы должны мне довериться!

Клер (протягивает ему руку). Прощайте.

Мейлиз (не принимает руки). Неужели вы думаете, что вас, такую красивую, там, в этом мире, оставят в покое? В этом огромном, жестоком мире! Прислушайтесь к нему! (Распахивает окно, в которое врывается уличный шум.) И вы одна в нем, беспомощная, без денег! На этих улицах сытые мужчины с бычьими шеями будут пялить на вас глаза, или сластолюбивые старики, или «рыцари» вроде меня, которые не захотят вам зла, но не смогут не почувствовать вашей красоты. Вы поступите работать, и они, мужчины, будут повсюду вокруг вас. И если вы не станете скрываться, вступите в открытую борьбу... Общество! Эти респектабельные! Благочестивцы! Даже те, что любят вас! Разве они оставят вас в покое? С гиканьем, с улюлюканьем бросятся они за вами в погоню и будут преследовать, пока вы не упадете в изнеможении, пока не станете их добычей, и тогда да сжалится над вами бог!

Клер. Ну что ж, буду бежать, пока не упаду.

Мейлиз. Дайте мне укрыть вас от этого жестокого мира!

Клер (с улыбкой качает головой). Я отправлюсь искать свое счастье. Пожелайте мне удачи.

Мейлиз. Я не отпущу вас.

Клер. Вы должны.

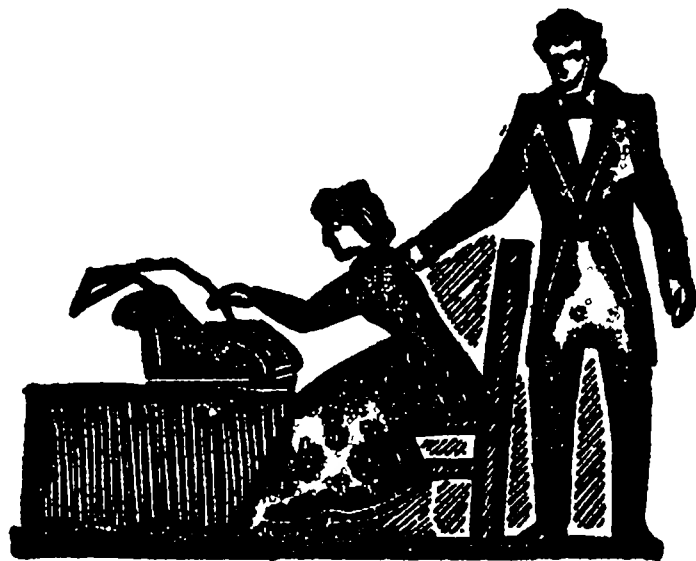
Мейлиз смотрит ей в глаза и, убедившись, что ему не сломить ее решимости, внезапно склоняется к ее руке и прижимается к ней губами.

Мейлиз. Желаю вам счастья.

Она высвобождает руку и, коснувшись другой его склоненной головы, уходит. Мейлиз так и остается, склонив голову и прислушиваясь к ее удаляющимся шагам. Постепенно они стихают.

Мейлиз выпрямляется и, сжав кулаки, грозит кому-то.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Три месяца спустя. Скоро вечер. Комната Мейлиза. На столе бутылка кларета, шляпа Мейлиза, чайная чашка, сахарница. На зажженной спиртовке греется чайник. У двери стоит Хейвуд, маленький, краснолицый мужчина с прокуренными усами. Мейлиз у окна просматривает счет.

Хейвуд. Неприятно беспокоить старого клиента, сэр, но ждать долга полтора года... и без процентов...

Мейлиз. Слишком уж хорош ваш табак, Хейвуд. Нелегко мне будет привыкнуть к другому сорту.

Хейвуд. Шутками, сэр, делу не поможешь.

В полуоткрытую дверь стучат.

Мейлиз. Да! Кто там?

На пороге вырастает мальчик-рассыльный.

Мальчик-рассыльный. Я из редакции, сэр. Пришел за вашей статьей.

Мейлиз (делает ему знак выйти за дверь). Хорошо. Подожди там.

Рассыльный выходит. Мейлиз, перебрав стопку книг, вынимает несколько томов.

Мейлиз. Это очень хорошее, полное издание «Декамерона» Боккаччо, мистер Хейвуд, иллюстрированное.

Я полагаю, вы выручите за него куда больше, чем я за-
должал вам.

Хейвуд (качает головой). Красная цена этим кни-
гам три фунта семь шиллингов.

Мейлиз. Что вы! Книга очень редкая и в высшей
степени непристойная. Берете?

Хейвуд (раздираемый противоречивыми страстя-
ми). Э... не знаю, что и сказать... Нет, сэр, пожалуй, не
возьму.

Мейлиз. Подумайте, сначала вы ее прочтете...

Хейвуд. У меня жена, сэр...

Мейлиз. Вместе и прочитаете.

Хейвуд (сразу отрезвев). Нет, сэр, не возьму.

Мейлиз. Ладно, не хотите, не берите. Я сам ее про-
дам, а деньги пойдут вам.

Хейвуд. Спасибо, сэр. Простите за беспокойство.

Мейлиз. Пустое! Это я должен перед вами изви-
ниться.

Хейвуд. Мы всегда рады идти навстречу нашим
клиентам.

Мейлиз (открывает дверь). Да, да. Всего доб-
рого.

Хейвуд. До свидания, сэр. Надеюсь, вы на меня
не в обиде?

Мейлиз. Напротив. Одно удовольствие!

Хейвуд нерешительно уходит. Мейлиз стоит, почесывая за-
тылок, потом, вложив счет в один из томиков, кладет его поверх
стопки. В дверях опять мальчик-рассылный.

Мейлиз. Ну, теперь с тобой.

Идет к столу, достает из старого портфеля рукопись. Кто-то роб-
ко толкает дверь. Входит опять Хейвуд.

Вы что, мистер Хейвуд?

Хейвуд. Я насчет этого дельца... Если... вы не воз-
ражаете, то я вспомнил, есть одно местечко, где я
мог бы...

Мейлиз. Прочесть книгу? Получите большое удо-
вольствие.

Хейвуд. Что вы, что вы, сэр... Где я мог бы ее
продать.

Мейлиз (протягивает ему книги). Еще лучше.

Хейвуд берет их, словно боится обжечься.

Мейлиз. Поздравляю вас с таким ценным приобретением.

Хейвуд. Спасибо, сэр. В случае... если... э...

Мейлиз. Вы выручите больше? Остаток запишите за мной в счет будущего долга. (Протягивает счет.) Пришлите расписку. Всего хорошего.

Хейвуд (неловко завернув книги в газету, бормочет). Всего хорошего, сэр. (Уходит.)

Мейлиз берет рукопись и, уставившись невидящими глазами на невозмутимого мальчика-рассыльного, читает.

Мейлиз. Светский человек, хороший тон — твое божество! Убогий, застегнутый на все пуговицы философ (мальчик-рассыльный переминается с ноги на ногу), чистокровный до идиотизма и превыше всего на свете боящийся показаться смешным (мальчик-рассыльный тяжело вздыхает), ты раб цифр и фактов!

В дверь стучат.

Мейлиз. Кто там?

Входит Хантингдон.

Хантингдон. Простите, сэр, можно мне войти на минуту?

Мейлиз кивает с иронической враждебностью.

Не знаю, помните ли вы меня? Я брат Клер Дедмонд.

Мейлиз. Вспоминаю (делает знак рассыльному выйти).

Хантингдон. Я пришел к вам, сэр, как к джентльмену...

Мейлиз. Вы ошиблись адресом... У нас тут имеется один... во втором этаже.

Хантингдон. Я по поводу сестры.

Мейлиз. Вы что, черт возьми, не знаете, что вот уже три месяца, как за мной следят? Обратитесь к детективам, они дадут вам интересующие вас сведения.

Хантингдон. Нам известно, что вы ее не видели и даже не знаете, где она.

Мейлиз. Ах, вам это известно? Блестяще!

Хантингдон. Мы знаем это от нее самой.

Мейлиз. Значит, вы ее выследили?

Хантингдон. Нет, сэр. Миссис Фуллартон случайно столкнулась с ней в одном из крупных магазинов. Сестра продавала там перчатки.

Мейлиз. А, миссис Фуллартон, та самая дама с мужем? Что ж, она опять в ваших руках? Заприте ее снова в свою тюрьму!

Хантингдон. Нет, мы ее не нашли. Она тут же уволилась и скрылась неизвестно куда.

Мейлиз. Ура!

Хантингдон (сдерживаясь). Мистер Мейлиз, я, конечно, в некотором роде разделяю ваши чувства. Но я люблю сестру, и мне чертовски трудно вернуться в Индию, зная, что она теперь, как пережата-поле, одинока и терпит лишения. Миссис Фуллартон рассказывала, что Клер так бледна, так исхудала... Ей, видно, живется очень несладко.

Мейлиз (возмущение в нем борется с сочувствием к Хантингдону). Но почему вы пришли именно ко мне?

Хантингдон. Мы думали...

Мейлиз. Кто мы?

Хантингдон. Мой отец и я.

Мейлиз. Ну?

Хантингдон. Мы думали, что, может быть, теперь, когда сестра лишилась работы, она придет к вам за советом, что ей делать дальше. Если она придет, будьте великодушны, посоветуйте ей повидаться с отцом. Отец стар, его это так волнует. (Протягивает визитную карточку.) Вот адрес.

Мейлиз (вертит в руках карточку). Но одно имейте в виду: я пальцем не шевельну, чтобы помочь вам вернуть ее к супругу. Она ушла, чтобы спасти в себе живую душу. И я не побегу вместе с этой сворой, которая ее травит. Наоборот... Была бы моя воля... моя сила... Другое дело, если бы ваш отец хотел ее приютить. Но у нее на этот счет свои соображения.

Хантингдон. Мне кажется, вы не понимаете, до чего моя сестра не приспособлена к жизненным трудностям. Она непохожа на этот новый тип женщин. Ее всегда берегли, не давали ветерку дохнуть на нее. Мужество в ней есть, но это все. Она погибнет.

Мейлиз. Может быть. Первые ласточки всегда погибают. Но лучше погибнуть на лету, на крыльях своей души, чем никогда не подняться ввысь и зачахнуть в неволе. Для женщины, как и для мужчины, мистер Хантингдон, есть не один род бесчестья, и как военный вы знаете, что умереть — еще не самое страшное в жизни.

Хантингдон. Допустим, но...

Мейлиз. У каждого из нас свое представление о самом страшном. Но это во всех случаях смерть души в угоду жизненному благополучию... Итак, чем еще могу вам быть полезным?

Хантингдон. Мой отпуск кончился. Завтра я отплываю в Индию. Если увидите сестру, передайте ей мой горячий привет и скажите, что я умоляю ее повидаться с отцом.

Мейлиз. Если увижу, передам.

Кланяется. Хантингдон отвечает на поклон, повбравивается и уходит. Мейлиз стоит у окна. Вечерний луч прорезывает комнату полосой дымного золота.

Мейлиз. Бедная ласточка, где-то ты теперь носишься?

Входит опять невозмутимый мальчик-рассыльный. Мейлиз смотрит на него отсутствующими глазами, идет к столу, берет рукопись и, обратившись к нему, читает:

«Светский человек! Продукт материалистического века, неспособный понять действительность в категориях духа, презирающий «сентиментальные бредни», привыкший считать себя костью страны, ты неуязвим! Ты останешься кумиром ее закона, жрецом во фраке, любимцем драматургов и поэтов — да благословит тебя бог, пока этот остров омывается водами моря!» *(Положив рукопись в конверт, отдает ее рассыльному.)* Отсюда прямо в редакцию?

М а л ь ч и к - р а с с ы л ь н ы й (невозмутимо). Да, сэр.

М е й л и з (уставившись на него, словно впервые увидел). Ты... Да ты просто маленький шедевр! Ты это знаешь?

М а л ь ч и к - р а с с ы л ь н ы й. Нет, сэр.

М е й л и з. Тогда исчезни!

Взяв портфель, М е й л и з уходит в спальню. Р а с с ы л ь н ы й неторопливо идет к двери, где сталкивается с К л е р, и, шарахнувшись в сторону, пробегает мимо нее. Клер в темном платье стоит в лучах солнца, бледная, взволнованная. Оглядывается вокруг, улыбается, вздыхает. Быстро идет к двери, закрывает ее за собой и подходит к столу. Перебирает бумаги на нем и нежно, задумчиво поглаживает шляпу Мейлиза. Входит М е й л и з.

М е й л и з. Вы!

К л е р (с бледной улыбкой). Не бог весть какое победное возвращение, правда?

М е й л и з (стремительно идет к ней, потом останавливается и подвигает ей кресло). Да полно вам! Садитесь, садитесь сюда. (Клер, тяжело вздохнув, опускается в кресло.) Сейчас мы с вами чаю напьемся.

Устраивает ее поудобнее и готовит чай. Клер с нежностью следит за ним, но как только он поворачивается к ней, лицо ее принимает прежнее выражение.

К л е р. Вы, должно быть, считаете меня ужасной трусихой, раз я пришла? (Вынимает дешевенький портсигар.) Ничего, если я закурю?

Мейлиз кивает, затем отходит от нее, словно боится быть слишком близко к ней. И опять она украдкой смотрит на него.

М е й л и з. Так вы потеряли работу?

К л е р. Откуда вы об этом...

М е й л и з. Ваш брат был здесь. Только что ушел. (Клер вздрагивает.) Они рассчитывали, что вы придете сюда. Брат завтра отплывает и просит, чтобы вы повидались с отцом.

К л е р. Папа болен?

М е й л и з. Нет, но он тревожится за вас.

К л е р. Я писала ему каждую неделю... (порывисто) меня все еще не оставляют в покое.

Мейлиз (мягко касается ее плеча). Ну, не надо, не волнуйтесь.

Клер погружается еще глубже в кресло, и опять он отходит от нее, и снова она окидывает его теплым взглядом и отворачивается, как только ловит на себе его взгляд.

Клер. Странное что-то творится последнее время с моими нервами. Может быть, оттого, что я была все время без воздуха в магазине. Я живу в ужасном напряжении. Мне постоянно кажется, что люди смотрят на меня. Осуждают...

Мейлиз. Да, это требует мужества.

Клер. Но как бы то ни было, в одном я уверена,— что никогда не вернусь к Джорджу. Чем неприятнее мне моя теперешняя жизнь, тем больше я в этом убеждаюсь. Будь что будет, только не это.

Мейлиз. Тяжело оказалось?

Клер. Я избалована. Какое несчастье это «благородное воспитание», когда ты оказываешься вынуждена работой добывать себе кусок хлеба. В сущности, мне приходилось не так уж трудно. У меня были кое-какие вещи, я их продавала и, вероятно, жила гораздо лучше многих моих подруг.

Мейлиз. Хорошо они относились к вам?

Клер. Среди них столько славных. Но настоящей близости между нами не возникло. Им, должно быть, казалось, что я из себя что-то строю. И в глубине души я чувствовала, что я чужая им.

Мейлиз. Я понимаю.

Клер. Мне вспоминается, как мы с миссис Фуллартон состояли членами благотворительного общества вспомоществования бедным дворянкам. Мы помогали им найти работу. А им хотелось одного: иметь немного средств, чтобы жить, не работая. (Внезапно вскидывает на него глаза.) Только не думайте, что я такая плохая. Не работа мне тяжела, а сознание, что я не принадлежу себе, что я несвободна. Я старалась изо всех сил. Мне нельзя ведь отказать в некотором мужестве, правда? Но каждый день то же: «Всего хорошего, мисс Клер!» и «Всего хорошего, мисс Симпсон!», тот же путь домой, тот же автобус, те же мужчины, на которых не смеешь

поднять глаз, чтобы они не пристали к тебе... (*Поднимается с кресла.*) И ничего впереди — ни жизни, ни надежды, ни солнца... ничего. Кажется, что ты больна и лежишь в постели, а тебе хочется кататься верхом, танцевать или уехать за город. (*Возбуждение ее падает.*) Боюсь, вы плохо обо мне подумаете...

Мейлиз (*немного сердито*). Гм!.. Почему вы пошли работать в магазин?

Клер. Туда легче попасть. Они много не расспрашивают. Женщина, восставшая против мужа, не смеет сказать всю правду... Печатать на машинке или стенографировать я не умею... А в хористки я не пошла... потому что... вам бы это не понравилось...

Мейлиз. Мне? Какое право я... (*Останавливается.*) А как мужчины? Вели себя по-свински?

Клер (*украдкой опять взглянув на него*). Один долго меня преследовал... Как-то вечером схватил даже за руку... Я вынула это (*вытаскивает из шляпы длинную булавку и замахивается, как кинжалом, злобно закусив губу*) и сказала: «Не будете ли вы добры оставить меня в покое?» И он оставил меня в покое. Весьма любезно с его стороны. А другой... у нас в магазине был один... такой тихий, скромный... Мне даже жаль его стало...

Мейлиз. Действительно, жаль человека, когда он мечтает достать луну с неба.

Что-то в его голосе заставляет Клер взглянуть на него, и Мейлиз отворачивается.

Клер (*мягко*). Ну, а вы как? Много работаете?

Мейлиз. Работаю, насколько, как говорится, хватает моих слабых сил...

Клер. У вас не найдется работы? Печатать на машинке? Я могла бы научиться. У меня есть брошь, я продала бы ее... Какой фирмы машинку лучше купить?

Мейлиз. У меня был где-то каталог.

Идет в спальню. Едва он выходит, Клер поднимается, прижимает ладони к щекам, словно хочет охладить их жар. Потом, стиснув руки, стоит, дожидаясь. Мейлиз возвращается, держа старый портфель.

Мейлиз. Там, где вы живете, можно печатать?

Клер. Мне все равно надо перебираться на новую квартиру... безопасности ради. *(Вынимает из перчатки багажную квитанцию.)* Вот квитанция... я сдала вещи в камеру хранения на вокзале... чемодан и саквояж.

На лице ее появляется странное выражение — такое бывает у человека, на которого нашел приступ отчаянной решимости.

Наверное, вы больше меня не любите?

Мейлиз. Что?

Клер *(чуть слышно)*. Потому что... если вы меня любите, я теперь тоже... вас...

Мейлиз *(глядит в упор на ее лицо, улыбающееся, взволнованное)*. Вы... Это правда?

Клер. Я столько о вас думала. Только бы знать, что вы действительно меня любите...

Он обнимает ее и целует в закрытые глаза. Слышно, как в замке поворачивается ключ; они отходят друг от друга.

Мейлиз. Это миссис Майлер. Дайте квитанцию. Я пошлю за вещами.

Клер послушно отдает квитанцию и, улыбаясь, медленно идет в смежную комнату. Входит миссис Майлер. Лицо ее загадочнее обычного и ничем не выдает, что она все слышала.

Эта дама остается здесь, миссис Майлер. Будьте добры, съездите на вокзал за багажом. Деньги есть?

Миссис Майлер. Есть полкроны. *(Берет квитанцию, потом невозмутимо.)* А на лестнице их сейчас уже двое стоят.

Уходит, и Мейлиз дает волю своей ярости. Подкрадывается к входной двери, бесшумно поворачивает дверную ручку и резко открывает дверь. Ярко освещенные солнцем стоят вплотную друг к другу, о чем-то совещаюсь, две фигуры. Увидев его, они шарахаются от двери.

Мейлиз *(с тихим бешенством)*. Выследили дичь, ищейки? Теперь убирайтесь в свою конуру!

С силой захлопывает дверь.

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Еще три месяца спустя. Зимний полдень. Та же комната, в которой появилась некоторая изысканность. На окнах и на дверях висят портьеры, стоит кушетка, книги расставлены по полкам. На камине в маленьких вазах — фиалки, хризантемы. Мейлиз сидит, съезжившись в кресле, подвинутом к огню, с листом бумаги на коленях, с пером в руке. У него какой-то серый, усталый вид. Вокруг его кресла прежний хаос. За столом, который стоит теперь ближе к окну, Клер печатает на машинке. Кончив, складывает листы, что-то отмечает на карточке и подсчитывает.

Клер. Кеннет, с тем, что мне сегодня заплатят, я за три месяца заработала два фунта семнадцать шиллингов да тебе еще сэкономила три фунта. Если считать, что я печатаю тысячу четыреста слов в час, то выйдет, что я работаю всего час в день. Неужели ты не можешь достать мне еще работы?

Мейлиз поднимает руку с пером и опять опускает ее. Клер надевает чехол на машинку, перетягивает ее ремнем.

Клер. Ну, я уложилась. Уложить и твои вещи? (Мейлиз кивает.) У нас не хватит денег, чтобы побыть на море больше трех дней?

Мейлиз качает головой.

Клер (подходит к нему). Ты не спал эту ночь?

Мейлиз. Спал.

Клер. Голова болит? (Мейлиз кивает.) Послезавтра в это время суд кончится и все будет позади... Ты за меня беспокоишься? А я, если бы не бедный мой отец, несколько бы не беспокоилась.

Мейлиз поднимается с кресла и начинает ходить взад-вперед.

Клер. Кеннет, как ты думаешь, почему он не предъявил к тебе иска о возмещении ущерба? Он же говорил тогда... (Бросает на него быстрый взгляд.) А он действительно не подавал на тебя в суд?

Мейлиз. Подавал.

Клер. Но ты же говорил...

Мейлиз. Я сказал тебе неправду.

Клер. Зачем?

Мейлиз (пожав плечами). Теперь-то уж, во всяком случае, незачем больше лгать. Завтра ты бы все равно узнала.

Клер. Во сколько ж он оценил меня?

Мейлиз. Иск предъявлен на две тысячи фунтов. (Злобно.) Он положит их в банк на твое имя. (Смеется.) Ловко! Одним ударом уничтожит противника, отомстит за свою попорченную «честь» и завоюет славу великодушного человека.

Клер. У тебя нет возможности заплатить?

Мейлиз. Все равно, что пытаться выжать воду из камня.

Клер. Может, занять у кого-нибудь?

Мейлиз. Мне не раздобыть даже сумму, нужную на покрытие судебных издержек.

Клер. Они объявят тебя банкротом? (Мейлиз кивает.) Но твои доходы ведь не перестанут поступать? (Мейлиз усмехается.) Сколько тебе платят, Кеннет? В газете тебе должны 150 фунтов. А еще?

Мейлиз. Спустил пять книг за сорок фунтов.

Клер. Ну, а еще? Скажи мне.

Мейлиз. Ну, еще фунтов пятьдесят — сто наберется в год. Предоставь мне, дитя, самому выпутаться.

Клер горестно смотрит на него и быстро идет в смежную комнату. Мейлиз садится опять в кресло, берет перо. Лист бумаги перед ним совершенно чист.

Мейлиз (стиснув голову руками). Какой-то чад в голове. (Бросает перо и уходит в комнату налево.)

Клер возвращается с кожаным футляром в руке, кладет его на стол, где стоит машинка. Входит Мейлиз в сопровождении миссис Майлер. На ней ее соломенная шляпка и в руках его пальто.

Миссис Майлер. Пальто наденьте. Ужасный ветер.

Мейлиз надевает пальто.

Клер. Куда ты?

Мейлиз. В редакцию.

Едва за ним закрывается дверь, миссис Майлер подходит к Клер, держа в руках початую склянку с красной этикеткой.

Миссис Майлер. Вот что он принимает (делает движение, будто пьет), чтобы заснуть.

Клер (читает этикетку). Где это стояло?

Миссис Майлер. В ванной комнате, в шкафчике. У него там всякий хлам. Я искала его подвязки.

К л е р. Дайте сюда.

М и с с и с М а й л е р. Склянка неполная: видно, он уже принимал эти капли. Спать-то ведь надо.

К л е р. Дайте сюда.

Миссис Майлер отдает склянку. Клер вынимает пробку, нюхает, потом пробует с пальца на вкус. Миссис Майлер крутит жгутом уголок фартука.

М и с с и с М а й л е р. Я все собиралась поговорить с вами по душам. Ваш переезд не принес ему добра.

К л е р. Не надо об этом.

М и с с и с М а й л е р. Мне и самой бы не хотелось говорить. Но тут этот ваш развод в суде, и то, что он бережет вас, потому не курит больше, не пьет свой кларет, только он совсем перестал спать и глотает это снадобье... А теперь еще и эта новая напасть. Иногда смотрю на него, как он держится за голову, словно она у него сейчас лопнет. *(Замечает, что Клер вздрогнула от боли, и продолжает с подобием сострадания на своем неподвижном лице.)* Я знаю, вы его любите, и я ничего против вас не имею, вы ничем мне не мешаете... Но я пробыла с ним восемь лет, мы привыкли друг к другу, и не могу я смотреть на то, что с ним делается, ну просто не могу... *(Неожиданно всхлипывает, и тут же опять лицо ее принимает каменное выражение.)*

К л е р. О какой новой напасти вы говорили?

М и с с и с М а й л е р. Если он вам не говорил, то не знаю, имею ли я право...

К л е р. Ну, пожалуйста...

М и с с и с М а й л е р *(судорожно тербит уголок фартука)*. Это насчет редакции. Один из тех, что управляет там, старый друг мистера Мейлиза, приходил нынче утром, когда вас не было. Я убирала в соседней комнате — дверь была открыта, и я все слышала. Теперь на ней занавески висят, так уж хочешь, не хочешь...

К л е р. Ну?

М и с с и с М а й л е р. Они говорили насчет вашего дела с разводом. Хозяева ихней газеты не желают, чтобы об их сотрудниках писали в газетах. Друг мистера Мейлиза и говорит: «Если, говорит, дело дойдет до суда, тебе, Мейлиз, придется уйти из газеты. Эти, говорит, негодяи, собаки, болваны вышвырнут тебя». Слы-

хоть было, он не шутит, голос у него был совсем расстроенный. Вот какие дела.

К л е р. Но это бесчеловечно!

М и с с и с М а й л е р. Мне тоже так думается, но этим делу не поможешь, правда? Вся суть тут, говорил друг мистера Мейлиза, не в тираже, а в принципе, да как начал ругаться, ужас! А мистер Мейлиз ему ответил: «Ну, теперь мне крышка!»

К л е р. Спасибо, что вы мне сказали.

М и с с и с М а й л е р. Может, и не следовало говорить (с ужасным смущением). Вы не думайте, я не слежу за мистером Мейлизом, но я его знаю. Добрый он, удивительный человек, все сделает, чтобы помочь другим, если даже себе во вред, все равно будет помогать. Упрямый он. Когда вы три месяца назад только поселились здесь, я подумала сначала: это будет ему в радость, но только она для него слишком избалованная дама, привыкла к хорошей жизни. Иной раз кажется, ему нужна такая, которая бы думала и говорила о том же, о чем и он. А иной раз кажется, не нужна ему никакая женщина, ему нужно быть одному.

К л е р. Не нужна!

М и с с и с М а й л е р. (Неожиданно опять всхлипывает.) Помилуй бог, не хотела я вас расстраивать. И без того вам тяжело приходится. А женщине не годится обижать женщину.

К л е р. Миссис Майлер, у меня к вам просьба. (Пишет записку, берет пачку счетов и из кожаного футляра изумрудный кулон.) Эту вещь с запиской отнесите по указанному адресу, это совсем близко. Вам дадут за нее тридцать фунтов. Заплатите по этим счетам, а что останется, принесете мне.

М и с с и с М а й л е р. Красивая вещица.

К л е р. Да. Это мамина.

М и с с и с М а й л е р. Жалко ее продавать. Больше у вас ничего нет?

К л е р. Ничего, даже обручального кольца не осталось.

М и с с и с М а й л е р (с совершенно неподвижным лицом). Иной раз, глядя на вас, у меня душа разрывается. (Заворачивает кулон и записку в носовой платок

и идет к двери. В дверях.) Здесь двое к вам пришли. Миссис Фуллер... Говорит, что хочет видеть вас, не мистера Мейлиза.

Клер. Миссис Фуллартон? (Миссис Майлер кивает.) Просите...

Миссис Майлер (широко распахивает дверь и кричит). Входите. (Уходит.)

Входит миссис Фуллартон в сопровождении адвоката, мистера Туисдена.

Миссис Фуллартон. Клер! Дорогая! Как ты жила все это время?

Клер (устрепив глаза на Туисдена). Я вас слушаю.

Миссис Фуллартон (огорченная странным приемом). Я привела мистера Туисдена. Он хочет тебе кое-что сказать. Мне остаться?

Клер. Да. (Жестом приглашает ее сесть. К Туисдену.) Я вас слушаю.

Туисден. Ввиду того, что у вас нет адвоката, я вынужден обратиться непосредственно к вам.

Клер. Скажите прямо, зачем вы пришли?

Туисден (с легким поклоном). Мистер Дедмонд поручил мне сказать вам, что если вы оставите вашего теперешнего знакомого и дадите слово никогда больше с ним не встречаться, он прекратит судебный процесс и назначит вам содержание триста фунтов в год. (Заметив жест отвращения, вырвавшийся у Клер.) Не поймите меня превратно. Это не является просьбой вернуться, да и странно было бы ждать такой просьбы. Мистер Дедмонд не собирается принять вас обратно. Его предложение, простите меня, до странности благородное, делается им лишь для того, чтобы уберечь его и ваше имя от позора. Единственным условием, которое он ставит, является разрыв с вашим теперешним другом и обязательство того же рода и на будущее. Другими словами, он обеспечивает вам известное материальное положение до тех пор, пока вы живете одна.

Клер. Все понятно. Не будете ли вы так добры поблагодарить мистера Дедмонда и передать ему, что я отказываюсь.

Миссис Фуллартон. Боже мой, Клер, ведь это же безумие!

Клер, предельно спокойная, отвечает ей только взглядом.

Т у и с д е н. Миссис Дедмонд, я обязан обрисовать вам ваше положение с беспощадной ясностью. Вы знаете, что мистером Дедмондом предъявлен иск о возмещении ущерба?

К л е р. Да, я только что узнала об этом.

Т у и с д е н. Вы понимаете, что результат этого процесса может быть один: вы окажетесь зависимой от безденежного банкрота. Другими словами, вы станете камнем на шее утопающего.

К л е р. Какие же вы трусы!

М и с с и с Ф у л л а р т о н. Клер! (Туисдену.) Извините ее. Она не это хотела сказать.

К л е р. Нет, именно это. Вы... вы губите его, чтобы мне отомстить. Вы его душите, чтобы запугать меня.

М и с с и с Ф у л л а р т о н. Что ты, милочка, мистер Туисден лично здесь ни при чем. Как ты можешь так...

К л е р. Я не приняла бы от мужа ни гроша, даже если б умирала и другого спасения не было.

Т у и с д е н. Более жестоких слов нельзя было сказать. Это окончательный ответ моему доверителю?

К л е р. Да. (Отворачивается к огню.)

М и с с и с Ф у л л а р т о н (Туисдену). Пожалуйста, оставьте нас одних и ничего пока не говорите мистеру Дедмонду.

Т у и с д е н. Миссис Дедмонд, я вам как-то уже говорил, что желаю вам только добра. Хотя вы и называли меня трусом, я повторяю свои слова. Ради бога, хорошенько подумайте... пока еще не поздно.

К л е р (будто во сне протягивает ему руку). Простите меня за то, что я назвала вас трусом. Я имела в виду не лично вас, а всех их вообще.

Т у и с д е н. Ничего, ничего. Главное, прошу вас, подумайте.

Сделав странное движение, словно внезапно увидел то, чего не хочет видеть, Т у и с д е н уходит.

Клер стоит, прижавшись лбом к доске камина, как бы не сознавая, что она не одна. Миссис Фуллартон подходит к ней и заглядывает ей в лицо.

М и с с и с Ф у л л а р т о н. Дорогая, милая, на меня-то ты не сердишься?

Клер отворачивается от нее, словно ей хочется уйти от людей с их разговорами, чтобы прислушаться к своему внутреннему голосу.

Но я не могу тебя оставить, мне так хочется спасти тебя от всего этого ужаса.

Клер. Перестань, Долли. Оставь меня.

Миссис Фуллартон. Ты несправедлива к Джорджу. Он очень великодушен, предлагая тебе прекратить процесс, если принять во внимание... Ты обязана сделать над собой усилие, пожалеть отца, сестер, всех нас, близких тебе.

Клер (поворачивается к ней). Ты говоришь, Джордж великодушен? Если бы он был великодушен, он не предъявил бы этого иска. Джордж хочет отомстить, он сам об этом говорил. Не знаю, что будет со мной дальше, но я не паду так низко, чтобы взять у него деньги. В этом уж я уверена.

Миссис Фуллартон. Знаешь, Клер, в тебе есть что-то ужасное. Ты слишком возвышенна, чтобы мириться с положением вещей, и в то же время не настолько возвышенна, чтобы стать выше этого. Ты слишком щепетильна, чтобы принять от него помощь, и недостаточно сильна, чтоб обойтись без нее. Ты знаешь, это просто трагедия. Ты не могла бы вернуться к своим?

Клер. После всего!

Миссис Фуллартон. Тогда, может быть, к нам?

Клер. «Как чистая пчела на утренней заре, хотел бы я прильнуть к тебе...» Нет, Долли.

Миссис Фуллартон, смущенная и пристыженная, отворачивается от нее. Ее быстрые глазки наскоро озирают комнату, прежде чем начать новую атаку.

Миссис Фуллартон. Ты несчастлива... Ты не можешь быть счастлива здесь, Клер...

Клер. Несчастлива?

Миссис Фуллартон. Ах, Клер, Клер, спаси себя и всех нас!

Клер (очень спокойно). Видишь ли, я люблю его.

Миссис Фуллартон. А помнишь, ты говорила, что не можешь любить, что никогда не полюбишь?

Клер. Я это говорила? Как странно.

Миссис Фуллартон. Ой, дорогая, не гляди так, а то я заплачу.

К л е р. Никогда ни в чем нельзя давать зарок. (Бурно.) Я люблю! Я люблю его!

Миссис Фуллартон (вдруг). Если ты его любишь, каково тебе будет сознавать, что ты погубила его?

К л е р. Уходи... Уходи...

Миссис Фуллартон. А еще говоришь, что любишь.

К л е р (вздрагивая, как от удара). Я не могу... Я не хочу его потерять.

Миссис Фуллартон. А это в твоей власти — не потерять его?

К л е р. Уйди.

Миссис Фуллартон. Я уйду. Только помни, что мужчину трудно удержать, даже если ты не принесла ему гибели. Тебе лучше знать, любит он тебя по-настоящему или нет. Если нет, не завидую тебе. (Уже у двери поворачивается к Клер и с жалостью говорит.) Ну, храни тебя бог, дитя мое! Будь счастлива, если можешь... (Уходит.)

К л е р (повторяет почти шепотом). «А еще говоришь, что любишь!»

Слышит поворот ключа в двери, быстро направляется к спальне, словно боится встречи, но, передумав, останавливается у занавешенной двери. Входит Мейлиз. Сперва не замечает ее, так как цвет ее платья сливается с цветом занавеси. Лицо его, движения говорят о бессильной ярости. Увидев Клер, он сразу овладевает собой, подходит к креслу и, не снимая шляпы и пальто, садится.

К л е р. Ну? Редакция, конечно... Теперь можешь рассказать мне обо всем.

Мейлиз. Мне нечего тебе рассказывать, дитя.

Почувствовав нежность в его голосе, она подходит и опускается на колени возле его кресла. Мейлиз машинально снимает шляпу.

К л е р. Теперь ты и этого лишишься?

Мейлиз удивленно смотрит на нее.

Я знаю все, не спрашивай откуда.

Мейлиз. Лицемерные псы!

К л е р. У тебя нет возможности устроиться в другом месте?

Мейлиз. Конечно, ведь я буду теперь нарасхват! Стоит мне только выйти и закричать: «Я Мейлиз, не-

удачливый писатель, слишком честный и свободомыслящий журналист, соответчик по бракоразводному делу, безнадежный банкрот!» — и от работы отбоя не будет. Нет, все они заодно. Это сплошная стена!

К л е р. Кеннет, ты любишь меня?

Мейлиз недоуменно на нее смотрит.

Я для тебя не только красивая женщина?

Мейлиз. Ну, ну, дитя! Сейчас не время плакаться. Надо бороться.

К л е р. Да, надо.

Мейлиз. Мы не дадим себя свалить, а?

Клер трется щекой о его руку, которая все еще лежит на ее плече.

Сдаться на милость врага? Жить и дышать с его соизволения? Ждать, когда он от полноты своих щедрот подарит нам право есть, пить и свободно дышать? (*Делает движение, которым словно подытоживает свою злобу.*) Ну нет! (*Надевает шляпу и встает.*) Это последний стон, который они от меня слышали.

К л е р. Опять уходишь? Куда?

Мейлиз. Прошибать стену! Наш поезд отходит в шесть: у нас еще есть время.

Уходит в спальню. Клер поднимается и стоит, оглядываясь во круг, как во сне. Протянув руку, машинально собирает в пучок фиалки в маленькой вазе. Садится с этим букетиком в кресло, мимо которого должен пройти Мейлиз. Он выходит и направляется к двери. Клер протягивает ему фиалки. Он непонимающе на них смотрит и, пожав плечами, проходит мимо. Несколько мгновений Клер неподвижно сидит в кресле.

К л е р. Поцелуй меня!

Мейлиз возвращается и целует ее. Но у губ его какая-то горькая складка, какая бывает у человека, когда он сделал что-то, к чему не лежит у него сердце. Он уходит. Клер неподвижно сидит в кресле, борясь с рыданиями. Потом вскакивает, торопливо идет к столу, берет листок бумаги и пишет. Поднимает глаза и видит, что вошла миссис Майлер.

Миссис Майлер. Со всеми расплатилась. Вот вам сдача, бумажка в пять фунтов и еще четыре соверена и два шиллинга.

К л е р (*положив записку в конверт, прячет в карман пятифунтовую кредитку и показывает миссис Майлер на*

деньги, лежащие на столе). Возьмите ваше жалованье. А это письмо отдадите ему, когда он вернется. Я уйду.

Миссис Майлер. Без него? Когда вы придете?

Клер. Я не приду. (Смотрит, как миссис Майлер тербит обшлаг рукава.) Я уйду от мистера Мейлиза навсегда. Дело о разводе будет прекращено, и к мистеру Мейлизу не будет предъявлено иска. Понимаете?

Миссис Майлер. (Ее обычно неподвижное лицо искажено от волнения.) Ведь я не хотела вас...

Клер. Вы тут ни при чем. Я сама понимаю... Помогите мне. Мне и так тяжело. Пошлите за кэбом.

Миссис Майлер (вконец расстроенная). Там на лестнице привратник моет окно.

Клер. Кликните его. Пусть снесет мой чемодан. Все уложено. (Уходит в спальню.)

Миссис Майлер (открывает дверь, в полном отчаянии). Эй, поди сюда!

Входит привратник без пиджака, в одной жилетке.

Миссис Майлер. Хозяйке нужен кэб. Сейчас чемодан ей понесешь.

Клер выходит из спальни в пальто и шляпке.

Миссис Майлер (привратнику). Пошли!

Уходят за чемоданом. Клер поднимает с полу букетик фиалок и вертит его в руках, словно не знает, что с ним делать. Тихо стоит у кресла даже после того, как привратник с чемоданом на плече исчез за дверью, а миссис Майлер вернулась.

Миссис Майлер (показывает на пишущую машинку). Машинку-то возьмете?

Клер. Да.

Миссис Майлер выносит машинку и возвращается. Стоит на пороге и, глядя, как Клер окидывает комнату прощальным взглядом, плачет. Клер поднимает голову.

Клер. Не плачьте. Не надо плакать. Ну, прощайте.

Уходит, не оглядываясь. Миссис Майлер рыдает, зажав рот краем своей черной старой жакетки.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Время ужина в ресторане «Гаскония» в день скачек Дерби. Небольшая зала. Сквозь окно широкого коридора, куда выходит ее дверь, виднеется темная синева летней ночи. Стены залы золотисто-абрикосового оттенка. Ковры, портьеры, абажуры и обивка золоченых стульев — все красное. Белые занавески на окнах. Пальмы в золоченых кадках. В смежный маленький кабинет ведет арка. На авансцене два столика: каждый накрыт на два прибора. Один из столиков стоит в углу за ширмой. На третьем — служебном — столике, над которым висит переговорная трубка, стоят несколько блюд с закусками, корзинка с персиками, две бутылки шампанского в ведерках со льдом и бочонок с устрицами. Официант Арно — худощавый, смуглый, подвижной, с лицом, тронутым мягкой, спокойной иронией, — прислушивается к отдаленному шумному веселью ужинающей компании. Открывает устрицы. Издалека слышатся наигрываемые на рожке последние такты песни: «Знаком ли вам Джон Пиль?» Арно, открывая очередную устрицу, бормочет: «Très joli»¹. Две дамы с оголенными плечами, в огромных шляпах проходят по коридору. Доносятся отдельные фразы их разговора: «Не люблю бывать здесь вечером после скачек... Мужчины так нахальны... Какая вульгарность, этот рожок!» Арно приподнимает брови и смешливо кривит губы. По коридору проходит дама с голыми плечами, с красной розой в волосах и останавливается у окна, дожидаясь своего спутника. Они входят в залу. Арно подбегает к ним, но она со словами: «Мы пройдем туда» — уходит в смежный кабинет. Входит управляющий, человек с изящными усиками, в застегнутом на все пуговицы фраке, с бесшумными, быстрыми движениями. Ничто не ускользает от его взгляда. Он рассматривает персики.

Управляющий. Сегодня персики пойдут по четыре шиллинга за штуку. Понятно?

¹ Прелестно! (франц.)

Арно. Да, сэр.

Из смежной залы входит молодой человек со спутницей. Она смугла, похожа на испанку. Он томен, бледен, чисто выбрит, белёс. У него расплывчатая улыбка и полуопущенные глаза. Это один из тех молодых людей, которые в силу воспитания и рассеянного образа жизни утратили в себе все, кроме способности скрывать свои чувства. У этого молодого лорда и голос томен.

Томный лорд. Что это за шум они там поднимают, мистер Варли? Этот, со своим рожком?

Управляющий (бесстрастно). Эта компания, милорд, всегда ужинает у нас после Дерби. За этим столиком вам будет спокойно, милорд. Арно!

Арно уже около столика, стоящего между ширмой и пальмой. Убедившись, что пара удобно устроена, управляющий своей бесшумной, эластичной походкой удаляется. В коридоре появляется женщина в черном платье и широко распахнутой накидке.

Подходит к двери, не решаясь войти. Это Клер.

Арно (пробегает с подносом и указывает ей на столик). Удобный столик, мадам.

Клер несмело садится. Мастер по части наблюдений за своими клиентами, Арно сразу улавливает в ней все: бледное лицо, волнистые, просто зачесанные волосы, тени под глазами, отсутствие пудры на лице, помады на губах и всяких украшений, кроме трех гардений на груди. Отмечает элегантный покрой ее платья, безукоризненные по форме и белизне плечи и шею. Арно подходит к ней, она поднимает глаза. В них чувствуется что-то потерянное, молящее о помощи.

Арно. Мадам ждет кого-нибудь? Нет? Тогда мадам будет здесь очень удобно, очень удобно. Мадам разрешит взять накидку? (Бережно снимает с нее накидку и вешает на спинку стула рядом.)

Томный лорд (из угла за ширмой). Послушайте!

Арно. Милорд?

Томный лорд. Шампанского!

Арно. Сию минуту, милорд!

Клер сидит, чертя пальцем узоры на скатерти, опустив глаза. Время от времени она их поднимает, следя за темной, быстрой фигурой Арно.

Арно (возвращается). Мадам здесь не жарко? (Смотрит на нее со все возрастающим любопытством.) Мадам угодно что-нибудь заказать?

Клер. Я непременно должна что-нибудь заказать?

Арно. Non, madame¹, это как вам будет угодно. Разрешите стакан воды? (Наливает.) Я не имел чести видеть у нас мадам.

Клер (слабо улыбается.) Вполне понятно.

Арно. Мадам будет здесь очень уютно, очень спокойно.

Томный лорд. Послушайте!

Арно. Pardon². (Отходит.)

По коридору опять проходят две дамы с голыми плечами в огромных шляпах, и опять доносятся отдельные фразы их разговора. «Тотти? Ну, нет!.. Такая горячка... Бобби не выдержит характера... Послушай, дорогая...» От этих слов Клер, как под действием электрического тока, хватается за накидку, готовая бежать, но разговор стихает, и Клер снова опускается на стул.

Арно (возвращается к ее столику и чуть насмешливо поводит плечом в сторону коридора). Обычно, мадам, у нас тихо, не то что в других местах. Сегодня немного беспокойно... Мадам любит цветы? (Исчезает и тут же возвращается с гвоздиками в вазе.) Они хорошо пахнут.

Клер. Вы очень любезны.

Арно. Нисколько, мадам. Для меня удовольствие.

Входит молодой человек. Он высокого роста, тощ, жилист. У него коротко стриженные волосы и усики песочного цвета, до красноты загорелое лицо, маленькая, длинная, узкая голова, какие произрастают только в Англии. Одет в темное, легкое пальто нараспашку, цилиндр сдвинут на затылок, на тощем животе белый жилет. Оглядывается кругом, замечает Клер, проходит мимо ее столика в смежную залу, останавливается в пролете арки и смотрит опять на Клер. Она подняла глаза, но тут же снова их опустила. Молодой человек в нерешительности медлит. Но, уловив взгляд Арно, кивком головы подзывает его и проходит в смежную залу. Арно, взяв не нужную здесь пустую вазу, идет следом за ним. Клер сидит одна, в молчании, прерываемом только бормотаниями томного лорда и его спутницы за ширмой. Подняв глаза, Клер видит, что высокий молодой человек, уже без пальто и цилиндра, стоит у ее столика и с застенчивой наглостью протягивает ей руку.

¹ Нет, мадам (франц.).

² Простите (франц.).

Молодой человек. Здравствуйте. Не узнал вас сначала. Очень, конечно, невежливо с моей стороны. Взгляд Клер выражает испуг, мольбу, покорность — все вместе. Рука его опускается.

Клер (едва слышно). Здравствуйте.

Молодой человек (запинается). Вы сегодня были?..

Клер. Где?

Молодой человек. На скачках, конечно. Как? Вы не бываете на скачках? (Берется за второй стул у столика.) Разрешите?

Клер (почти шепотом). Пожалуйста.

Он садится. Подходит Арно.

Арно. Куличьи яйца очень хороши сегодня, сэр. Очень хороши, мадам. Потом можно персики. Отличные персики. Прикажете шампанского, сэр? Мадам любит его слегка *frappé*¹, но не слишком, да? (Отходит к служебному столику.)

Молодой человек (уткнув нос в гвоздики). Чудные гвоздики. Здесь хорошо обслуживают.

Клер. Да?

Молодой человек. Вы разве здесь не бывали раньше? (Клер качает головой.) Вот почему ваше лицо мне незнакомо. (Клер смотрит на него в упор, и молодой человек, опять оробев, запинается.) То есть я хотел сказать...

Клер. Это неважно.

Молодой человек (привстает, готовый уйти). То есть, если вы ждете кого-нибудь, то я, конечно...

Клер. Ничего, ничего, сидите.

Молодой человек опять садится, он смущен. Их молчание прерывается только бормотаниями томного лорда за ширмой и отдаленным шумом веселья ужинающей компании. Арно приносит заказанное блюдо.

Молодой человек. Вина, скорее!

Арно. Сию минуту, сэр.

Молодой человек (неуклюже к Клер). Значит, вы никогда не бываете на скачках?

¹ Замороженным (франц.).

Клер. Нет. (*Арно разливает шампанское.*)

Молодой человек. А я вот хорошо помню мой первый день на скачках. Что это было! Все продул, до последнего шиллинга... А на обратном пути играл в три листика, так даже часы с цепочкой спустил...

Клер. Трудно только начать, правда? (*Пьет шампанское.*)

Молодой человек недоуменно на нее смотрит — он чувствует, что увяз в слишком глубоком для него разговоре.

Молодой человек. То есть вы что-то имеете в виду или просто так? (*Клер кивает.*) Значит, вы впервые... (*Клер снова кивает: вино придает ей смелости.*)

Молодой человек. Вот это да! (*Откидывается назад.*) Я часто думал, как это бывает...

Арно (*наливает опять бокалы*). Мсье разрешит...

Молодой человек (*резко*). Ничего не надо... (*Залпом осушает бокал и сидит, весь выпрямившись. В нем заговорили рыцарские чувства.*) Я... я ведь вижу, что вы не... словом, что вы настоящая леди. (*Клер улыбается.*) Я понимаю... вам туго пришлось... и только последний негодяй... мог бы... Разрешите мне... одолжить вам...

Клер (*поднимает бокал*). Le vin est tiré, il faut le boire! ¹

Пьет. Произнесенная Клер французская фраза, которой он почти не понял, окончательно убедила его, что перед ним порядочная женщина, и он сидит молчаливый, нахмурившийся.

В ту минуту, как Клер поднимает бокал, в комнату входят двое мужчин. Один — высокий, элегантно-наглый, слегка седеющий блондин. В глазу у него монокль, который он наводит на всех женщин. У него широкое лицо, покрасневшее от вина и воздуха. Спутник его высок ростом, худощав, типичный завсегдатай ночных увеселительных заведений. У него хитрые, ищущие глаза, впалые щеки. Оба стоят, всех разглядывая, затем идут в смежную залу и, проходя мимо Клер, окидывают ее бесцеремонным взглядом.

Молодой человек (*заметив, как она вздрогнула*). Вы, наверное, считаете меня порядочным мерзавцем?

Клер. Нет, нет.

Молодой человек. Так вы совсем на мели?

¹ Вино налито, надо его пить! (*франц.*)

(Клер кивает.) Но вы так шикарно одеты... (Смотрит на ее вечернее платье, накидку.)

Клер. У меня хватило ума не продавать этих вещей.

Молодой человек (которому все больше и больше не по себе). Знаете что, возьмите у меня денег. Мне сегодня здорово везло...

Клер (чертит пальцем узоры на скатерти, потом смотрит ему прямо в глаза). Нет, не возьму... Денег даром не берут...

Молодой человек. Право... я не... Я чувствую себя просто подлецом... Ведь я вижу, вы порядочная женщина...

Клер (улыбается). Но ведь вы ни в чем не виноваты. Видите ли, я потерпела полный крах, и теперь мне все равно, что со мной будет. На одно я не соглашусь: принять милостыню. Мне повезло, что я натолкнулась на вас, а не на какого-нибудь...

Веселье ужинающей компании становится все более бурным. Слышатся охотничьи возгласы под рев рожка.

Молодой человек. Но ведь родные-то у вас есть? Должны же быть у вас какие-нибудь родные?

Он глядит на нее как зачарованный. Щеки у нее разрумянились, глаза блестят.

Клер. Есть, есть. И муж, и родные, все как полагается. А я сижу здесь. Странно, не правда ли? (Касается бокала.) Вино ударило мне в голову. Ничего, не бойтесь, я не стану ни петь, ни танцевать, ни плакать...

Молодой человек (борется между искушением и рыцарским чувством). Подумать только!.. Даже не верится, что такое может случиться...

Клер. А у вас есть сестры? (Смеется своим тихим смехом.) У меня есть брат. Он в Индии. Только я его больше не увижу.

Молодой человек. Неужели вы совершенно отрезаны от своих? С вами, должно быть, случилось что-то очень страшное...

Клер улыбается. Светловолосый джентльмен и темноволосый джентльмен возвращаются. Светловолосый джентльмен глядит на Клер в упор. Вспыхнув, она на этот раз не отводит взгляда, и он, усмехнувшись, проходит в коридор вместе со своим спутником,

К л е р. Кто эти двое?

Молодой человек. Не знаю. Я только недавно вернулся из Индии. Вы говорите, у вас там брат? В каком полку?

К л е р. Не старайтесь узнать мое имя. У меня его нет... У меня ничего нет! *(Кладет обнаженные локти на стол и опирается подбородком на руки.)* Сегодня первое июня. В этот день ровно год тому назад я ушла из дому, и с тех пор...

Молодой человек. Ничего не понимаю... Но у вас, наверное, есть кто-нибудь...

Лицо ее так меняется, во всей позе чувствуется такая мука, что он разом умолкает и отворачивается. Клер пьет и, поставив бокал, слегка усмехается.

Молодой человек *(почти с благоговейным ужасом)*. Прийти сюда значило для вас взять такой барьер...

К л е р. И что же оказалось по ту сторону барьера?

Молодой человек касается ее руки. Это движение сочувствия, а она принимает его как попытку интимности.

К л е р. Подождите еще. Сейчас так хорошо. Дайте мне сигарету. *(Он протягивает ей портсигар.)*

К л е р *(медленно пускает дым)*. Сейчас так хорошо! Последнее время мне приходилось очень туго. Я много голодала.

Молодой человек. Да? Черт! В таком случае не заказать ли нам что-нибудь посущественнее?

Клер судорожно переводит дыхание, словно вот-вот разразится истерическим смехом, но преодолевает его и отрицательно качает головой.

Молодой человек. Тогда хоть персик?

Арно приносит персики.

К л е р *(с улыбкой)*. Спасибо.

Арно, наполнив бокалы, отходит.

К л е р *(поднимает свой бокал)*. Ешьте, пейте, веселитесь, ибо завтра мы... Слышите?

Доносится хор ужинающей компании: «Ату ее, ату! Под звуки рога мы догоним и затравим мы лань быстрого!..» Песня заканчивается нестройным гиканьем.

К л е р. «Сегодня лань умрет!» Веселая, старая песня. Молодой человек. Разорались, черти! (*Внезапно.*) Слушайте... Вы молодец!

К л е р (*качает головой*). Нет. У меня не хватило мужества. Многие женщины умеют бороться в жизни, а я... Видите ли, я слишком возвышенна и недостаточно возвышенна, так мне сказала моя лучшая подруга. Понимаете, слишком возвышенна и недостаточно возвышенна... (*Сместся.*) Я не сумела стать мученицей и не захотела быть бездушной куклой. Я ни то ни се. В этом вся моя трагедия.

Молодой человек. Вам, вероятно, ужасно не повезло?

К л е р. Я боролась. (*Яростно.*) Но что в этом толку, когда у тебя впереди ничего нет? Я выгляжу больной?

Молодой человек. Нет, просто ужасно красивой.

К л е р (*смеется*). Когда-то один человек сказал мне: если у вас нет денег, красота послужит вам только помехой... И все-таки хорошо, что я красива. А то бы я не рискнула прийти сюда. (*Касается гардений на груди.*) Эти гардении я купила на последний шиллинг, который остался у меня после того, как я заплатила за кэб. Здорово?

Молодой человек (*с восхищением*). Правда? Действительно здорово!

К л е р. Никогда ничего не надо делать наполовину. Прыгать, так уж очертя голову. Пожелайте мне удачи... (*Пьет.*) Прыгнуть и ко дну! Вода сомкнется над тобой, и все будет кончено... Вы не жалеете, что подошли ко мне?

Молодой человек. Жалею? Может быть, это подло с моей стороны, но я нисколько не жалею.

К л е р. Хвала господу за красоту! Я надеюсь, что умру красивая. Как вы думаете, пойдет у меня дело?

Молодой человек. Не надо... Не говорите таких вещей.

К л е р. Нет, вы мне ответьте, пойдет?

Молодой человек. Ладно, отвечу. Конечно, пойдет.

К л е р. Ну, и прекрасно. Эти бедняжки, уличные,

мне позавидуют... Им все приходится ходить, ходить... Так вы думаете, что я...

Молодой человек (слегка касается ее плеча). Я думаю, что вы слишком возбуждены. У вас очень... съешьте персик. (Она качает головой.) Ну, съешьте. Или еще что-нибудь... Винограду?

Клер (вдруг совершенно спокойно). Не надо.

Молодой человек. Здесь жарко. Может, нам лучше прокатиться? Двинем, а?

Клер. Можно.

Молодой человек (лихорадочно). Черт бы побрал этого официанта! Подождите минуту, я сам пойду заплачу.

Выходит в коридор. Входят светловолосый и темноволосый джентльмены. Клер сидит, не двигаясь, глядит перед собой.

Темноволосый джентльмен. Ставлю пятерку, что она не согласится.

Светловолосый джентльмен. Идет!

С неподражаемым нахальством подходит к столику Клер, вынимает изо рта сигару.

Вы совершенно не изменились. Все так же прелестны. Не откажите мне в удовольствии поужинать со мной завтра вечером.

Клер, выведенная из своей задумчивости, вздрагивает и глядит на него. Она видит его глаза и хитрые, недоброжелательные, глумящиеся глаза темноволосого джентльмена, которые следят за ней. Не шевелясь, не произнося ни слова, она только смотрит на них. Но ее ясный взгляд не смущает светловолосого джентльмена.

Светловолосый джентльмен. Значит, уговорились. Завтра в половине одиннадцатого. Весьма польщен. До свидания. (Опять сует в рот сигару, идет к своему спутнику и тихо говорит.) Что, проиграл? (Из-за ширмы доносится томное «Здорово, Чарли!»)

Светловолосый и темноволосый проходят за ширму. Клер не шевельнулась, не отвела глаз. С неожиданной быстротой достает из кармана накидки маленькую синюю склянку, взятую у Мейлиза. Вытаскивает пробку, выливает содержимое в свой бокал с шампанским. Поднимает его, улыбаясь, держит перед собой, словно мысленно произносит тост, и пьет. Все еще улыбаясь, ставит пустой бокал и прижимает гарденин к лицу. Мед-

ленно оседает на стуле, гардении падают, руки повисают, голова опускается на грудь. А за ширмой звучат еще голоса, и доносится издалика веселый шум бражничающей компании. С корзиной, увитой лентами, входит Арно. Поставив ее, направляется к столу за ширмой и вдруг замечает происшедшее. Бросается к Клер.

Арно. Мадам! Мадам! (*Прислушивается к ее дыханию, замечает пустую склянку, нюхает ее.*) Bon Dieu! ¹

При этом странном возгласе из-за ширмы выходят все четверо.

Темноволосый джентльмен. Вот так так! Обморок!

Арно протягивает им склянку.

Томный лорд. Великий боже!

Женщина наклоняется над Клер, приподнимает ее руки, они безжизненно падают. Арно бежит к переговорной трубке.

Арно. Хозяина! Скорее! (*Видит возвращающегося молодого человека.*) Monsieur, elle a fui. Elle est mortel! ²

Томный лорд (*молодому человеку*). Что ж это такое? Это ваша подруга?

Молодой человек. Боже мой! Боже мой! Ничего о ней не знаю. Знаю только, что она была настоящая леди.

Светловолосый и темноволосый джентльмены ускользнули из залы. В отдаленный хохот ужинающей компании врывается чье-то протяжное, пронзительное «Умерла!» и заключительный такт старинной песни: «Сегодня лань умрет!» Последняя нота берется октавой выше, звучит печально и тонко и тонет в громком, пьяном гоготе.

Молодой человек стоит, закрыв лицо руками. Арно набожно крестится. Томный лорд уставился в одну точку, зажав в пальцах одну из упавших гардений. Женщина, склонившись над Клер, целует ее в лоб.

Занавес

1913 г.

¹ Боже милосердный! (*франц.*)

² Мсье, она спаслась, Умерла! (*франц.*)

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ

Серебряная коробка. Перевод <i>Г. Островской</i>	5
Джой. Перевод <i>Л. Хвостенко</i>	67
Схватка. Перевод <i>Г. Злобина</i>	137
Правосудие. Перевод <i>Н. Семевской и Д. Горфинкеля</i>	211
Старший сын. Перевод <i>Н. Дехтеревой</i>	291
Беглая. Перевод <i>Н. Аверьяновой и Л. Наврозова</i>	343

Джон Голсуорси
Собрание сочинений в 16 томах.
Том XIV.

Иллюстрации художника
Е. Ракузина.

Оформление художника
А. Васина.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 14/VII 1962 г. Тираж 375 000 экз. Изд. № 1055. Зак. 1501.
Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Бум. л. 6,38. Печ. л. 20,91+4 вкл. (0,41 печ. л.).
Уч-изд. л. 21,45. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, улица «Правды», 24.